

ISSN 2075-1613

Том 36

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2022

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2022 • Том 36

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 05.10.2022.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец,
А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, И.В. Николаева,
С.В. Николаенко, О.М. Ростовская, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

П.А. Водопьянов (Беларусь), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
Е.Ю. Муратова (Беларусь), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

В54 **Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»** : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т ; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.] . – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2022. – Т. 36. – 194 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

История

Некрашевич Ф.А. Комплектование войск внутренней стражи Российской империи на примере витебского внутреннего гарнизонного батальона (1811–1864 гг.)	5
Пивовар Н.В. Поисковое движение в Витебском районе в 1960-е – начале 1980-х гг.	10
Саватеева Д.В. Частное пенсионное страхование в ФРГ в XXI в.	16
Сліж Н.У. Род мяшчан Адамовічаў у Гародні ў XVII ст.	20
Тимофеев Р.В. Советская модель управления транспортом Белорусской ССР в 1951–1959 гг.	27
Черкасов Д.Н. Война в Лотарингии 1476 г. и битва при Нанси	31
Саджиди Д. Американско-саудовские отношения в контексте сирийского кризиса в период президентства Б. Обамы	36
Бубенько Т.С. Формирование поселенческих структур в округе Витебска в I тыс. н.э.	44
Елизаров С.А. Местные Советы БССР периода «развитого социализма» (1965–1985 гг.): кадровая мобильность или кадровый застой?	57
Бездель В.Е. Детские дома в БССР в 50-е гг. XX в.	62
Величко Н.В., Лузгина И.О. Влияние армянского вопроса на развитие курдской проблемы в Турции во второй половине XIX – первой половине XX в.	66

Философия

Баньковская Ю.Л. Регулирование сетевых конфликтов: сущность и специфика	73
Рудковская Е.Э., Рудковский Э.И. Трансформация демократии в условиях современного общества	78

ФИЛОЛОГИЯ

Мезенка Г.М., Слесарава Т.П. Этнічнае ва ўрбананімнай прасторы г. Добруша: пасылы, асаблівасці рэпрэзентацыі	83
Бартош Ю.В. Микропоземія каранавіруснай тэматыкі	89
Богданенков А.С., Оксенчук А.Е. Специфика развэртывання канцэптуальнай метаметафоры «воскрешение» в рассказе В. Шаламова «Воскрешение лиственницы»	95
Динькевич А.В. Семантические группы глаголов в форме длительного вида в англоязычной прозе: диахронический аспект	102
Дубинкина А.О. Разряды имени числительного по структуре в белорусском, английском и туркменском языках (сопоставительный аспект)	106
Зіманскі В.Э. Функцыянальная роля звароткаў у беларускай абрадавай паэзіі (семантыка-стылістычны і структурны аспекты)	111
Коврыга В.М. Роль метафоры в англоязычной прессе	123
Ма Лун. Национально-культурная специфика структуры тематического поля «Пицца» в русской и китайской фразеологии	127
Мужейко И.А. Внешность человека в отражении пищевой метафоры	140
Муратова Е.Ю. Портреты А.А. Ахматовой в живописи и поэзии	144
Мунир А.С. Сравнительное исследование определений рекламы на английском и арабском языках	148
Пименова М.В. Образование в зеркале родного края: астионим Санкт-Петербург	153
Чарота У.І. Дантэ Аліг'еры і Тарквата Таса ў творчасці Т. Лады-Заблоцкага	159
Дорофеенко М.Л. Номенклатурные термины внутрипоселенческой топонимии (на материале ономастических единиц Беларуси и Франции)	165
Алексеевич Е.В. Трансформация образа «маленького человека» в рассказах М. Веллера из цикла «Легенды Невского проспекта»	171
Вардомацкий Л.М. Современная ассоциативная лингвистика и ее приложение к решению практических задач	176
Толкачёва К.Ю. Речевое поведение персонажей-«оппонентов» в драматургическом дискурсе (на материале пьесы М. Bartlett "Snowflake")	182

Конференции

Культура и информационное общество (аналитический обзор материалов международной научно-практической конференции «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества»)	187
---	------------

CONTENTS

History

Nekrashevich Ph.A. Recruitment of troops of the internal guard of the Russian Empire on the example of Vitebsk Internal Garrison Battalion (1811–1864)	5
Pivovarov N.V. War memorial search movement in Vitebsk Region in the 1960s–early 1980s	10
Savateyeva D.V. Private pension insurance in Federal Republic of Germany in the XXI century	16
Slizh N.U. The burger kin of the Adamoviches in Grodno in the 17th century	20
Timofeyev R.V. The Soviet model of transport management of the Belarusian SSR in 1951–1959	27
Cherkasov D.N. The 1476 War in Lothringia and the Battle of Nancy	31
Sajadi D. American-Saudi relations in the context of Syrian crisis during B. Obama presidency	36
Bubenko T.S. Shaping settlement structures in Vitebsk area in the I st millennium A.D	44
Elizarov S.A. Local Soviets of the BSSR of the developed socialism period (1965–1985): Personnel mobility or personnel stagnation?	57
Bezdel V.E. Orphanages in the BSSR in the 1950s	62
Velichko N.V., Luzgina I.O. Influence of the Armenian issue on the development of the Kurdish problem in Turkey in the late 19th – early 20th centuries	66

Philosophy

Bankovskaya Yu.L. Managing network conflicts: essence and specifics	73
Rudkovskaya E.E., Rudkovsky E.I. Transformation of democracy in the conditions of the contemporary society	78

Philology

Mezenka H.M., Slesarava T.P. Ethnic features in the urbanonym space of Dobrush: messages, features of representation	83
Bartosh Ju.V. Coronavirus-related micropoetry	89
Bogdanenkov A.S., Oksenchuk A.E. The specificity of the explication of the conceptual metaphor of resurrection in V. Shalamov's story "The Resurrection of the Larch"	95
Dinkevich A.V. Semantic groups of verbs in continuous forms in the English language prose: a diachronic aspect	102
Dubinkina A.O. Structural groups of numerals in the Belarusian, English and Turkmen languages (a comparative aspect)	106
Zimanski V.E. Functional role of addresses in Belarusian ritual poetry (the semantic and stylistic and the structural aspects)	111
Kovryga V.M. Role of the metaphor in English press	123
Ma Long National and cultural specificity of the structure of the thematic field "Food" in Russian and Chinese phraseology	127
Muzheyko I.A. Human appearance in the reflection of the food metaphor	140
Muratova E.Yu. Portraits of A.A. Akhmatova in painting and poetry	144
Mounir A.S. A comparative study on advertising definitions in English and Arabic	148
Pimenova M.V. Education in the mirror of the native land: the astyonym of St. Petersburg	153
Charota U.I. Dante Alighieri and Torquato Tasso in the works of T. Lada-Zablotsky	159
Dorofeyenko M.L. Generic terms of intrasettlement toponymy (based on the material of onomastic units of Belarus and France)	165
Alekseevich E.V. Transformation of the "small person" character type in the short story cycle "Legends of Nevsky Prospect" by M. Veller	171
Vardomatsky L.M. Modern associative linguistics and its application to solving practical problems	176
Tolkacheva K.Yu. Speech behavior of "opponent"-characters in dramatic discourse (based on the material of M. Bartlett's play "Snowflake")	182

Conferences

CULTURE AND INFORMATION SOCIETY (analytical review of the international scientific and practical conference "Cultural and civilizational crisis in the conditions of the information society")	187
---	------------

ИСТОРИЯ

Комплектование войск внутренней стражи Российской империи на примере витебского внутреннего гарнизонного батальона (1811–1864 гг.)

Некрашевич Ф.А.

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

Войска внутренней стражи являлись важным звеном в обеспечении общественного порядка в городах Российской империи в 1811–1864 гг. Боеспособность данного рода войск во многом зависела от системы комплектования.

Цель статьи – определить источники пополнения войск внутренней стражи на примере витебского внутреннего гарнизонного батальона (1811–1864 гг.).

Материал и методы. *Источники исследования представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами Военного министерства, официальной перепиской). При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).*

Результаты и их обсуждение. *Раскрывается взаимосвязь некомплекта Российской армии и комплектования войск внутренней стражи старослужащими солдатами. Эксплицируются альтернативные механизмы комплектования войск внутренней стражи: рекрутами, военнопленными и преступными элементами. Определяется влияние системы комплектования на боеспособность подразделений данного рода войск.*

Заключение. *Использование разнообразных способов пополнения войск внутренней стражи было вызвано неспособностью рекрутской системы комплектования обеспечить вооруженные силы Российской империи необходимым числом новобранцев.*

Ключевые слова: *внутренняя стража, комплектование вооруженных сил, рекрутская повинность, военнопленные, преступники.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 5–9)

Recruitment of troops of the internal guard of the Russian Empire on the example of Vitebsk Internal Garrison Battalion (1811–1864)

Nekrashevich Ph.A.

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

The troops of the internal guard were an important link in ensuring public order in the cities of the Russian Empire in 1811–1864. The combat capability of this type of troops largely depended on the recruitment system.

The purpose of this article is to determine the sources of replenishment of the troops of the internal guard on the example of Vitebsk internal garrison battalion (1811–1864).

Material and methods. *The research source was documents of jurisdiction and office work (Military Ministry regulations, official correspondence). The article is based on the principles of scientific research (historicism, objectivity and consistency), as well as scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction).*

Findings and their discussion. *The relationship between the shortage of the Russian army and the recruitment of the troops of the internal guard with old age soldiers is revealed. Alternative mechanisms for recruiting internal guard troops are revealed: recruits, prisoners of war and criminal elements. The influence of the manning system on the combat effectiveness of units of those troops is determined.*

Conclusion. *The use of various methods of manning the troops of the internal guard was caused by the inability of the recruiting system to provide the armed forces of the Russian Empire with the necessary number of recruits.*

Key words: *internal guards, recruitment of the armed forces, recruitment duty, prisoners of war, criminals.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 5–9)

История внутренних войск на территории Беларуси насчитывает уже несколько столетий. Все это время данные подразделения играли важную роль в обеспечении правопорядка. Эффективность выполнения поставленных задач любого боевого подразделения во многом определяется качеством комплектования личного состава. Опыт изучения истории комплектования внутренних войск на различных этапах их существования поможет определить те ошибки, которые допускались в прошлом при формировании подразделений этого рода войск и не допустить их повторения в будущем.

В период 1811–1864 г. обязанности охраны правопорядка на территории белорусских губерний Российской империи возлагались на войска внутренней стражи. Они были созданы путем преобразования гарнизонных войск. На их основе в 1811 г. были сформированы батальоны внутренней стражи. Структура войск внутренней стражи была следующей. В каждом губернском городе учреждался внутренний гарнизонный батальон, которому подчинялись также инвалидные команды, действовавшие в уездных городах. Несколько батальонов соседних губерний составляли бригаду, которые в свою очередь объединялись в округа. В 1816 г. все эти соединения были объединены в Отдельный корпус внутренней стражи, просуществовавший до 1864 г.

Историография по теме исследования представлена в основном обобщающими работами по истории вооруженных сил Российской империи вообще и войск внутренней стражи в частности. Так, в работах Н.П. Михневича и В.В. Шепетильникова значительное внимание уделяется вопросу распределения рекрут по крупнейшим подразделениям российской армии в годы правления Александра I и Николая I [1; 2]. Кроме того, в названных исследованиях присутствуют достаточно подробные статистические данные. Работы С.М. Штутмана и О.Е. Фомина дают представление о пополнении войск внутренней стражи старослужащими солдатами и рекрутами [3; 4]. Тем не менее общим недостатком всех вышеперечисленных работ является отсутствие системного описания источников данного рода войск. К тому же, в настоящих исследованиях не рассматривается проблема изменения комплектования войск внутренней стражи на разных этапах их существования.

Цель статьи – раскрыть источники комплектования войск внутренней стражи. В качестве наглядного примера использованы материалы, связанные с историей комплектования витебского внутреннего гарнизонного батальона. Это соединение было расквартировано в Витебской губернии и отвечало за препровождение арестантов, рекрут, поддержание правопорядка и выполнение некоторых других задач. Оно было образовано 17 января 1811 г. в качестве витебского внутреннего губернского полубатальона и 25 января 1812 г. переформировано в батальон. Данная часть – типичный пример подразделения внутренней стражи, в истории которого отразились все основные изменения этого рода войск.

Материал и методы. Материалом исследования является система комплектования войск внутренней стражи Российской империи. Источники исследования представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами Военного министерства, официальной перепиской). При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. Изначально в иерархии вооруженных сил Российской империи войска внутренней стражи воспринимались как второстепенное боевое подразделение. Они несли службу внутри государства, выполняя в основном рутинные задачи по конвоированию и охране. Войска внутренней стражи, как правило, не привлекались к участию в боевых действиях в составе действующей армии. Также задачами выявления и поиска государственных преступников занимались иные специальные службы. В связи с этим в вопросах комплектования войска внутренней стражи никогда не были в приоритете у командования.

Основным способом комплектования российской армии были рекрутские наборы, дававшие молодых, но еще необученных новобранцев. Однако рекрутские наборы редко позволяли полностью закрыть некомплект в армии. По этой причине приходилось жертвовать укомплектованностью некоторых подразделений, которые не играли ключевой роли в обеспечении безопасности государства. Одним из таких подразделений являлись войска внутренней стражи. Для этого соединения военное руководство пыталось найти иные способы пополнения рядовым составом.

Первоначально идеей военного командования было комплектование внутренней стражи исключительно за счет старослужащих солдат. В 1813 г. была выработана система распределения в это соединение военнослужащих, неспособных к продолжению полевой службы. Согласно данной системе такие солдаты направлялись в батальоны внутренней стражи, где разделялись на три разряда. Наиболее крепкие военнослужащие продолжали службу в гарнизонных батальонах. Лица, имеющие проблемы со здоровьем, но годные к продолжению службы, поступали в инвалидные команды. Наконец, неспособные к несению службы переходили в разряд неслужащих инвалидов и покидали вооруженные силы [5, Т. 32. № 25329]. Подавляющее большинство подобных новобранцев составляли старослужащие, а также лица, получившие серьезные травмы во время несения службы.

Порядок распределения рядового состава по батальонам внутренней стражи был следующим. Солдаты направлялись в батальоны тех губерний, откуда они поступили на службу. В связи с этим большинство военнослужащих витебского внутреннего гарнизонного батальона являлись местными уроженцами, имевшими за плечами значительный опыт военной службы.

Данная система комплектования имела как очевидные плюсы, так и минусы. На солдат внутренней стражи возлагался широкий круг обязанностей. Кроме того, от них требовалось постоянное взаимодействие с различными категориями гражданского населения. В результате командирам требовались в первую очередь опытные и выдержанные солдаты. Поэтому для большинства военнослужащих распределение на службу во внутреннюю стражу являлось настоящей привилегией. Солдаты получали возможность после долгих лет разлуки вернуться к своим родным и близким. Служба во внутренней страже не предполагала долгих командировок за пределы губернии, поэтому военнослужащие наконец становились оседлыми людьми. В связи с этим мотивация к службе в частях внутренней стражи у солдат была выше, чем в большинстве прочих подразделений российской армии.

Вышеописанная система комплектования имела свои недостатки. Присутствие в подразделении значительного числа военнослужащих с недостаточной физической подготовкой могло негативно сказаться на выполнении ряда задач (преследование преступников и беглых арестантов, предотвращение массовых беспорядков и т.д.). Вместе с тем комплектование внутренней стражи в основном старослужащими нижними чинами приводило к постоянной ротации кадров. Каждый год в подразделениях наблюдался не только значительный приток солдат из армейских подразделений, но и массовое увольнение в отставку по состоянию здоровья и выслуге лет. Например, в 1839 г. из витебского гарнизонного батальона и инвалидных команд в отставку вышло 315 военнослужащих [6, л. 1–1 об.]. Это создавало серьезные предпосылки для появления некомплекта.

По мнению военного командования, плюсы данной системы комплектования преобладали над минусами. За счет войск внутренней стражи армия получала возможность постоянно омолаживать личный состав. Более того, возвращение на Родину для продолжения службы во внутренней страже для многих солдат было долгожданной наградой за перенесенные тяготы, поэтому командование не могло себе позволить лишать военнослужащих столь важной привилегии.

В 1815–1820 гг. наблюдался стремительный рост численности войск внутренней стражи за счет создания новых соединений на Кавказе, в Сибири и усиления отдельных гарнизонных батальонов. Это привело к появлению значительного некомплекта. Для усиления войск внутренней стражи военное командование вынуждено было направлять туда рекрут. Так, при проведении 87-го рекрутского набора 1818 г. сюда было направлено 5 144 рекрут, 88-го набора 1819 г. – 2 414 рекрут, 89-го набора 1820 г. – 5 829 рекрут [1, с. 92, 121; 124].

Подобные усиления стали возможными благодаря относительно мирному периоду 1815–1825 гг., а также значительному сокращению вооруженных сил. Так, в 1816 г. были расформированные многие подвижные

инвалидные роты, личный состав которых поступил на усиление войск внутренней стражи. Например, в состав витебского гарнизонного батальона поступили военнослужащие 1/3 подвижной инвалидной роты, расквартированной в г. Динабурге [5, Т. 34. № 26937].

Воцарение на российском престоле Николая I, русско-турецкая война 1828–1829 гг., а также восстание 1830–1831 гг. привели к пересмотру политики укомплектования внутренней стражи. Российской армии требовался все больший приток кадров. В связи с этим количество рекрут, поступающих на службу во внутреннюю стражу, уменьшилось. Более того, в течение ряда наборов, например, 91-го набора 1827 г., рекруты вовсе не поступали на службу в данный род войск [2, с. 13]. В последующие годы рекруты направлялись во внутреннюю стражу по остаточному принципу: вначале пополнялись подразделения действующей армии и лишь затем при наличии свободных рекрут комплектовались гарнизонные батальоны и инвалидные команды.

К тому же войска внутренней стражи превратились в источник для комплектования различных военнизированных служб, таких как полиция или пожарные команды. Все это привело к катастрофическому некомплекту. Так, если в 1815 г. войска внутренней стражи насчитывали 46 391 военнослужащих, то уже в 1828 г. – 23 417 [5, с. 130]. В связи с этим военное командование стало искать альтернативные варианты комплектования.

Одним из решений проблемы явилось направление на службу во внутреннюю стражу военнослужащих, совершавших проступки и преступления на службе. 20 декабря 1821 г. императором было утверждено расписание о распределении на службу порочных нижних чинов. Согласно данному документу, учинившие преступления военнослужащие в большинстве случаев направлялись в местные гарнизонные батальоны. Это касалось и витебского гарнизонного батальона, в который направлялись военнослужащие, арестованные в Витебской губернии [5, Т. 37. № 28841].

Далее, в 1831 г. было принято решение нижних чинов плохого поведения военных поселений, прослуживших в армии 20 лет, отправлять в местные гарнизонные батальоны [7, Т. 6. № 4390]. Таким образом в витебский гарнизонный батальон стали поступать совершившие проступки военнослужащие 1-й Пионерной бригады. С течением времени практика направления во внутреннюю стражу подобных солдат постоянно возрастала. Военное командование решило допускать перевод совершивших проступки солдат во внутреннюю стражу независимо от срока действующей выслуги. Апогея подобная система достигла в период Крымской войны (1853–1856 гг.). В связи с формированием народного ополчения из внутренней стражи было откомандировано 5 000 военнослужащих. Им на замену во внутреннюю стражу было переведено 5 000 штрафованных нижних чинов, которые остались здесь на службе на постоянной основе [3, с. 243]. Тем не менее данный

вариант не мог кардинально решить проблему некомплекта внутренней стражи, поэтому командованию приходилось искать и другие варианты.

Частично решить вопрос некомплекта помогли последствия восстания 1830–1831 гг. Польские военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях против российских войск, после окончания восстания принудительно поступили на службу в российскую армию.

Массовый приток польских военнослужащих в ряды вооруженных сил Российской империи был вызван несколькими причинами. Во-первых, привлечение на военную службу являлось мерой наказания за участие в мятеже.

Во-вторых, российские власти были вынуждены пойти на этот шаг с целью компенсации потерь, понесенных вооруженными силами в результате боевых действий и эпидемии холеры.

Основная часть уроженцев Королевства Польского была распределена на службу в армейские подразделения, расквартированные на окраинах империи (Отдельные Кавказский, Оренбургский и Сибирский корпуса). Все же значительная часть поляков поступило на службу и во внутреннюю стражу. Так, в 1832 г. сюда поступило 16 264 уроженцев Королевства Польского [2, с. 353].

При распределении польских солдат среди частей внутренней стражи командование руководствовалось уравнильным принципом. Поляков небольшими группами распределяли между гарнизонными батальонами. Это было сделано из опасения, что значительное скопление поляков в отдельно взятой воинской части может привести к массовому дезертирству или вооруженному сопротивлению с их стороны. Например, в 1839 г. МВД издало секретное предписание командирам воинских частей (в том числе и Витебского гарнизонного батальона) пристально следить за деятельностью католических священников, совершающих обряды среди уроженцев Королевства Польского. Чиновники опасались, что костел может сподвигнуть военнослужащих к выступлению против правительства [8, л. 5]. К 1834 г. подавляющее большинство военнопленных и солдат польской армии уже поступили на службу, поэтому военное командование вновь было вынуждено искать альтернативные источники комплектования внутренней стражи.

Во второй половине 1830-х гг. стали проводиться в жизнь мероприятия по массовому комплектованию войск внутренней стражи лицами, направленными на военную службу в качестве наказания за совершенные преступления. Военная служба как мера наказания использовалась российскими властями и ранее, но она практически не затрагивала войска внутренней стражи. Кроме того, в 1823 г. было принято решение перестать направлять преступные элементы на службу в армию, а высылать на поселение в Сибирь [5, т. 38, № 29328]. Главной причиной подобного решения было массовое дезертирство этой категории новобранцев

и их негативное влияние на дисциплину в войсках. Несмотря на это кадровый голод вынудил вновь вернуться к этому источнику комплектования войск.

Согласно «Положению об арестантских ротах Инженерного ведомства» 1833 г., неспособные к крепостным работам арестанты, принадлежащие к военному ведомству (совершившие преступления солдаты и бродяги), направлялись на службу в войска внутренней стражи [7, т. 8, № 6584]. Затем, в 1837 г. было принято решение отправлять на службу в гарнизонные батальоны военно-срочных арестантов хорошего поведения. Например, в витебский гарнизонный батальон направлялись арестанты из Динабургской крепости [7, т. 12, № 9976].

В 1837 г. при резервных дивизиях 5, 6 и 7 пехотных корпусов были учреждены исправительные батальоны, где новобранцы из преступного мира проходили подготовку перед началом службы в подразделениях российской армии. Уже в 1840 г. данные подразделения были расформированы, а их функцию стали выполнять исправительные отделения, созданные при гарнизонных батальонах внутренней стражи.

В конце каждой трети года командование гарнизонного батальона делало отчет в инспекторский департамент, в котором все состоящие в отделении новобранцы делились на три категории: исправившиеся в поведении, подающие надежду на исправление, а также не подающие надежду на исправление [7, т. 15, № 13267]. Исправление в поведении означало готовность к отправке на службу в армию. Если рекрут подавал надежду на исправление, то это говорило о том, что он останется в отделении еще как минимум на одну треть года. Отсутствие надежды на исправление означало отправку в арестантские роты.

Как отмечают исследователи, главной целью исправительных отделений было не перевоспитание преступников, а как можно более точное выявление степени их «испорченности» и последующее определение на военную службу или в арестантские роты. Годные к несению службы в армии «воспитанники» исправительных отделений распределялись на службу во внутреннюю стражу, Оренбургский и Сибирский отдельные корпуса, Кавказскую армию, а также войска, расположенные в Финляндии и Восточной Сибири [9, с. 281–282]. Начиная с 1853 г. годные к службе новобранцы должны были в течение года отслужить в том же гарнизонном батальоне, где они проходили подготовку в дисциплинарном отделении. После этого наиболее способных направляли на службу в армейские подразделения, остальные должны были продолжать службу в батальоне [7, т. 28, № 27530]. Данная система комплектования просуществовала до 1861 г., когда исправительные отделения при батальонах внутренней стражи были упразднены [7, т. 36, № 37020]. Вслед за этим правительство преступило к кардинальному переустройству войск внутренней стражи. Уже в 1864 г. войска внутренней стражи прекратили свое существование, а их подразделения поступили

на укомплектование местных войск, также выполнявших функции охраны общественного порядка.

Заключение. Изначально основным источником комплектования войск внутренней стражи являлись военнослужащие, которые по выслуге лет либо по состоянию здоровья получали право на перевод в гарнизонные батальоны тех губерний, откуда они поступил на военную службу. Тем не менее из-за целого комплекса причин (большой процент возрастных военнослужащих, рост численности соединений, перевод способных военнослужащих на службу в полицию и пожарные команды) данный способ комплектования не давал возможности полностью укомплектовать части внутренней стражи. В связи с этим военное командование прибегало к целому ряду альтернативных источников комплектования: рекрутские наборы, военнопленные, преступные элементы. Восприятие частей внутренней стражи как второстепенных подразделений приводило к тому, что рекруты направлялись сюда на службу по остаточному принципу. Присутствие в частях внутренней стражи значительного числа военнопленных и преступников неминуемо вело к росту дезертирства, ослаблению дисциплины и, как итог, падению боеспособности соединения.

Литература

1. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Александра I / сост. и ред. Н.П. Михневич. – 1902. – 211 с.
2. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В.В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.
3. Штутман, С.М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.) / С.М. Штутман. – М.: Газоил пресс, 2000. – 357 с.
4. Фомин, О.Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи, 1811–1864 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.Е. Фомин. – М., 1999. – 209 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1 № 8145. Дело об отказе на рапорт командира витебского внутреннего гарнизонного батальона о прекращении действий корпуса, учрежденного для охранения ржи, ссыпанной в помещении училища бывшего базилианского монастыря для продовольствия крестьян. – 02.02.1839 – 29.09.1839. – 7 л.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
8. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1 № 8030. Дело о наблюдении за римско-католическими духовниками по военному ведомству. 19.04.1839 – 26.05.1839. – 8 л.
9. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 12: Военно-тюремные учреждения. Ч. 3 / сост. А.В. Тавастшерн. – 1911. – 608 с.

Поступила в редакцию 07.07.2022

Поисковое движение в Витебском районе в 1960-е – начале 1980-х гг.

Пивовар Н.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебское кадетское училище, Витебск

Военно-мемориальная работа в стране является одним из важных элементов военно-патриотического воспитания, формирования патриотизма, гражданских качеств у молодежи. Его главная составляющая часть – поисковое движение, которое зародилось во второй половине XX в. в СССР.

Цель статьи – рассмотреть причины зарождения, основные формы и методы работы поискового движения в Витебском районе.

Материал и методы. При подготовке статьи использовались материалы Государственного архива Витебской области, издания известных поисковиков Л.Н. Бруевой, А.А. Бурдо, статьи в периодической печати по теме исследования, интервью с активными участниками поискового движения в районе: Л.К. Никитиной, В.И. Мезенцевым, М.Д. Юшкевич и другими.

Результаты и их обсуждение. Раскрывается роль движения «Красные следопыты», деятельность школьных музеев, поисковая работа краеведов, которые занимались военным краеведением в начале 1980-х гг., основные достижения, недостатки, особенности феномена поискового движения на примере Витебского района в 1960–1985 гг.

Заключение. Характерной чертой поискового движения в БССР являлась массовость, осуществление посредством деятельности движения «Красные следопыты» и школьных музеев, ветеранских организаций, краеведов-любителей. Полевых археологических исследований практически не велось.

Ключевые слова: поисковое движение, красные следопыты, увековечение, мемориализация, пропавшие без вести.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 10–15)

War memorial search movement in Vitebsk Region in the 1960s – early 1980s

Pivovar N.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"
Vitebsk Cadet School, Vitebsk

War memorial work in the country is one of the important elements of military-patriotic education, the shaping patriotism, young people's civic qualities. Its most important component is the war memorial search movement, which originated in the second half of the 20th century. in the USSR.

The purpose of the article is to consider the causes of the origin, the main forms and methods of work of the war memorial search movement in Vitebsk Region.

Material and methods. In preparing the article, materials from the State Archive of Vitebsk Region, publications of well-known searchers L.N. Brueva, A.A. Bourdo, articles in periodicals on the topic of the study, interviews with active participants in the search movement in the area: L.K. Nikitina, V.I. Mezentsev, M.D. Yushkevich and others.

Findings and their discussion. The role of the Red Pathfinders movement, the activities of school museums, the search work of local historians who were engaged in military local history in the early 1980s, the main achievements, shortcomings, and features of the phenomenon of the search movement on the example of Vitebsk Region in 1960–1985 are revealed.

Conclusion. A characteristic feature of the war memorial search movement in the BSSR was its mass character, the implementation through the activities of the Red Pathfinders movement and school museums, veteran organizations, and amateur local historians. Field archaeological research was practically not conducted.

Key words: war memorial search movement, red pathfinders, wartime memorialization, the missing in action.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 10–15)

Важнейшее значение в воспитании у подросткового поколения патриотизма, гражданских качеств, трансляции знаний о прошлом принадлежит военно-мемориальной работе. Ее составной частью является поисковая работа, которая ведется как государственными органами (управлением по увековечению при Министерстве обороны, 52-м отдельным специализированным поисковым батальоном, управлениями и отделами идеологии в регионах), так и общественными организациями и отдельными гражданами. Ее роль в формировании базовых, фундаментальных жизненных принципов молодежи сложно переоценить. В наши дни поисковая работа занимает достойное место в системе образования и воспитания. Однако зародилась еще в советское время и носила более массовый характер, во многом легла в основу четко выстроенной системы идеологической работы в БССР. Что из положительного опыта может пригодиться нам на современном этапе? Какие ошибки мешали ее развитию? Представляет интерес рассмотреть историю зарождения и развития поискового движения в стране на примере Витебского района.

В связи с тем, что поисковое движение зародилось достаточно недавно, должного внимания его изучению не оказывалось. Исключение составляет издание В.Д. Шелухо «Поисковая работа. История и традиции» [1]. Некоторую информацию можно почерпнуть из книги В.Э. Шомоди «Маршрутами народной славы» [2]. Ценным источником информации по истории поискового движения на территории Витебщины является книга Л.Н. Бруевой «Пока не похоронен последний солдат» [3]. Здесь можно найти информацию о работе витебских поисковиков на территории области, в том числе и Витебского района. Представляет интерес книга А. Бурдо «Не предай забвению», в которой автор описывает историю работы своего поискового клуба, в том числе и на территории района.

Определенную информацию по истории развития поискового движения на территории Витебского района можно найти, анализируя местную периодическую печать. В первую очередь статьи местных краеведов: Д.Р. Газина, В.Т. Кухаревой, Б.Я. Легонькова, В.И. Мезенцева, Л.К. Никитиной, В.Д. Терещенко, А. Шулмана, М.Д. Юшкевич и др.

Цель статьи – рассмотреть причины зарождения, основные формы и методы работы поискового движения в Витебском районе.

Материал и методы. Для написания истории поискового движения в 1960–1980-е гг. изучались некоторые документы Государственного архива Витебской области – материалы общественных организаций, в первую очередь пионерской и комсомола, движения «Красные следопыты». В фонде 2424 можно найти переписку штаба «Поиск», отчеты, списки, сведения, алфавитные книжки воинов за 1972–1985 гг., программу областного слета красных следопытов и другие [4–8]. Документы общественных организаций (ассоциации «ПОШУК») утрачены или не доступны исследователям).

Во время работы над изданием использовались документы личных архивов поисковиков, проводились интервью с его активными участниками: Л.Н. Бруевой, А.А. Бурдо, Л.К. Никитиной, В.Н. Морозовым, А. Павловой, В.И. Мезенцевым, М.Д. Юшкевич и другими.

Результаты и их обсуждение. Зарождение поискового движения в СССР. Поиск без вести пропавших велся сразу после войны родными и близкими погибших. Но говорить о формировании поискового движения как социального феномена можно с началом политики «оттепели». Этому способствовали, во-первых, либерализация культуры и общества, реабилитация жертв политических репрессий, в том числе и бывших военнопленных, что изменило отношение к ним. Сыграло свою роль и объявление если не истинных масштабов потерь, то близких к истине в 20 млн погибших. К родным и близким погибших к процессу поиска и увековечения подключаются ветераны-участники войны. В поиск оказались вовлечены жители мест, где проходили ожесточенные бои. Явление начинает приобретать массовый характер.

Между тем системной работы по поиску и выявлению останков не велось. Роль государственных органов сводилась к учету захоронений, их благоустройству и поддержанию в должном состоянии, ответам на запросы. При выявлении останков павших солдат при строительных работах проводилось их перезахоронение, занимались этим местные органы власти. Впрочем, это были скорее единичные случаи. При наличии вещей, которые позволяли провести идентификацию погибших, работа по их изучению проводилась или работниками военкоматов, учителями и учащимися по месту находки. Специально этим никто не занимался.

Не существовало и общественной организации. Исключением было движение «Красные следопыты», которое имело место в советской школе со второй половины 1960-х гг. Они занимались изучением истории пионерской организации, ЛКСМБ, КПСС, организация экскурсий, празднований Ленинских юбилеев, памятных дат партии. Поисковая работа была лишь небольшим компонентом и включала в себя розыск забытых захоронений, братских могил, а также поиск родственников погибших, людей, которые были удостоены наград, но так их и не получили. Основными формами работы были также походы по местам бывших боев, создание в школах комнат боевой славы, шефство над ветеранами войны и солдатскими вдовами, уход за воинскими мемориалами. Следопыты не занимались непосредственно поиском останков солдат, не проводили раскопок, к тому же существовал негласный запрет на проведение полевых работ школьниками.

Основные тенденции и особенности поискового движения в Витебском районе. В Витебском районе поисковое движение имело те же формы и использовало такие же методы, что и в республике и СССР в целом. Оно осуществлялось в форме

деятельности общественных и школьных клубов, музеев боевой славы.

В поисковом движении в Витебском районе имелось несколько особенностей, которые отличают его от иных регионов. Во-первых, основной упор в исследованиях и мемориализации событий войны делался на изучение партизанского движения – деятельности 1-й Белорусской партизанской бригады, 1-й Витебской партизанской бригады. Это объясняется тем, что бывшие командиры бригад и ее партизаны после войны занимали руководящие посты в районе и области. Они, имея возможности и желание, инициировали проведение мероприятий по увековечению событий войны.

По их инициативе были построены и установлены памятники и памятные знаки, мемориальные доски, связанные с событиями партизанской войной (д. Марковичи, ур. Павловичи, д. Островские, ур. Волконка, д. Гарьково, Тарасенки, Пунище, Пудать, Лужки, Курино, Михалково, р.п. Верховье, ст. Лужесно, г.п. Сураж и др.). Отдельно отметим памятник Витебским (Сурожским) воротам в д. Заполье. Возводились, конечно, и памятники на местах сражений, например, 27-ми витебским панфиловцам у д. Дрюково (1969), на месте неудачного наступления на берегу оз. Лосвидо у д. Герасимово (1971), на месте прорыва вражеской обороны 23.06. 1944 г. у д. Шульцево (1976) и в других местах. Были организованы музеи в д. Верховье (Витебской партизанской бригады), д. Заполье (1-й Белорусской партизанской бригады).

Второй особенностью было то, что в результате того, что фронт стоял у Витебска 9 месяцев, и в боях погибли огромное количество солдат, обращений и просьб от родственников о выяснении судеб было также значительно больше, чем в других районах области. Необходимость в проведении увековечения, а также связанные с этим материальные вопросы – средств на возведение и содержание памятников и захоронений – требовалось в разы больше, чем в других районах области. Близость областного центра в то же время придавали вопросу поиска и увековечения больше внимания со стороны общественности, чем в других районах.

Еще одной особенностью поискового движения в районе стало то, что начало оно с поиска и подъема летчиков и сбитых советских самолетов. С 1983 г. группа энтузиастов из витебского авиаотряда (майор Александр Николаевич Гончаренко), который располагался в Журжево (аэродром «Северный»): командир корабля Ил-76 капитан Александр Алексеевич Бельницкий, бортинженер капитан Олег Васильевич Косов, начальник парашютной службы полка капитан Юрий Петрович Коротченко занимались поиском погибших в годы войны самолетов. На основе находок и материалов они хотели делать музеи. Но после расформирования аэродрома все собранные материалы были утрачены и деятельность группы прекратилась. Лишь Ю.П. Коротченко, выйдя на пенсию, продолжал заниматься поисковой деятельностью в центре внешней работы.

Параллельно поиском пропавших экипажей и увековечением памяти занимались ветераны 953-го Витебского штурмового авиаполка (ШАП). Активно в поиск мест гибели самолетов 953-го Витебского ШАП включились с начала конца 1970-х гг. и клуб «Искатель» ПТУ № 96 под руководством Л.Н. Бруевой. Организацией подъемов самолетов, изготовлением оборудования для их подъема в Витебске занимались поисковики В.В. Бондарев и И.Н. Красовский. Затем активнейшую роль в поиске погибших самолетов сыграет Б.Я. Легоньков.

Таким образом, сочетание перечисленных факторов: близость областного центра и большое внимание общественности к вопросам увековечения; заинтересованность руководства – бывших партизан в изучении истории партизанского движения; наличие людей, которые хотели и занимались поиском и подъемом погибших во время войны самолетов и их экипажей, стали, на наш взгляд, причинами первых организованных, системных поисковых исследований на территории Витебщины.

Движение «Красные следопыты» и основные формы его деятельности. Особая роль в развитии поискового движения в Витебской области принадлежит Витебскому областному Дворцу молодежи и школьников (Витебская областная станция юных туристов). Он располагался по адресу: ул. Ленинградская, 20, там, где сейчас находится общежитие Витебского областного института развития образования. В 1970–1980-е гг. действовал штаб (кружок) «Поиск». Руководила им Рахиль Ароновна Зейфман. Позднее он работал при Музее пионерской славы Витебской области. Отметим лишь ту часть работы кружка, которая касалась поиска и выявления мест захоронения и судеб советских солдат. На адрес штаба «Поиск» приходило множество писем [4]. Писали родные и близкие советских солдат, погибших на Витебщине, – матери, сестры, братья, дети, внуки. Просили отыскать могилу или узнать, где точно находится та, в которой похоронен их близкий. Спрашивали, есть ли на ней памятник, огорожена ли она, есть ли на монументе имя погибшего родственника. Хотели узнать обстоятельства гибели, подробности, просили прислать фото обелиска. Сложнее было, когда близкие просили выяснить судьбу пропавшего без вести бойца. Было известно, например, что последнее письмо пришло из населенного пункта на территории района, однако о дальнейшей судьбе солдата было ничего не известно. Кружковцы по возможности помогали.

Участники кружка вели переписку с родными погибших, делали запросы в военкомат, райисполком, архивы, учреждения и организации. Имелась картотека на воинов, в которой было несколько сотен персоналий [5]. С целью выявления информации проводили походы на места боев, брали интервью у местных жителей, ветеранов, проводили изыскания, выясняли обстоятельства и отвечали родственникам [6]. В случае, если имя павшего не было

нанесено на памятник, ходатайствовали о внесении его на обелиск. Периодически проводились областные слеты красных следопытов [7].

Кроме штаба «Поиск» поисковая работа проводилась и в других формах. Например, здесь был оформлен альбом «Обелиски», в котором были размещены фотографии и короткая информация о памятниках и обелисках, посвященных Великой Отечественной войне всех районов Витебской области. Инициатором его был директор дворца Б.Л. Зарх, а выполнил работу фотограф Николаев. Один экземпляр находится в музее М.Ф. Шмырева, другой – в Госархиве Витебской области [8].

Станция организовывала походы и конкурсы по разной тематике: «Памятники и памятные места Витебщины», «Герои и подвиги в названиях улиц», «По местам Витебского подполья», «В боях отстояли Отчизну свою», операции «Обелиски», «Долг», «Вахта Памяти», «От памятника к памятнику», «Орден в твоём доме» и другие. Такая система работы была и в других районах области и республики. В работе республиканского клуба «Поиск» уже в 1984 году участвовало более 15-ти тысяч юных следопытов Витебщины.

Именно в областном объединении внешкольной работы детей и подростков (так стал называться Дворец), в отделе патриотической работы позже оформился центр поисковой работы области, руководителем которого стала Л.Н. Бруева.

Важным направлением поискового движения в районе являлось *туристическое*. В походах учащиеся знакомились с историей края, встречались с очевидцами событий, ветеранами, уточняли информацию, которая приводила к поиску и выяснению судеб неизвестных героев или судеб просто забытых погибших партизан, так и мирных жителей. Еще в 1960-е гг. в Витебском районе были разработаны несколько маршрутов по местам боевой славы.

Значительную роль в освещении поискового движения играла районная газета «Ленінскі прызыў», на страницах которой публиковались статьи о событиях войны, судьбах ее участников, ветеранов. Одним из штатных корреспондентов газеты, которая значительное внимание уделяла вопросам поиска, являлась Наталья Васильевна Жижневская (1923–2009). Долгое время она вела рубрику “Летапіс народнай славы”, где размещались статьи на различные темы истории района, в том числе и посвященные выяснению судеб советских солдат и партизан, погибших в боях за район. На страницах газеты публиковались и многие внештатные корреспонденты, в первую очередь Д. Газин, В. Ануфриев, Н. Кухарева, А. Гончаров, Д. Газин, В.И. Мезенцев, В.Д. Терещенко.

Школьные музеи как центры краеведческой и поисковой работы в районе во второй половине XX – начале XXI в. Важными центрами поискового движения в Витебском районе в 1960-е – первой половине 1980-х гг. являлись *школьные музеи*. В это время в районе были созданы музеи боевой и трудо-

вой славы в Бабиничской (1964), Вороновской (1968, А.Я. Терентьева), Куринской (1970, Б.Ф. Чернявская), Яновичской (1972, Г.Я. Каминская), Мазоловской (1979, Т.Н. Костенко), Сурожской (1982, В. Кухарева, З.С. Усачева), Старосельской (1982, М.Д. Юшкевич), Октябрьской (1984, А.В. Лелек), Замосточской (1984, М.Т. Денисова), Зароновской (1986, Л.К. Никитина), Должанской (1989) школах. В Ботанической школе действовал Музей партизанской славы (1972, З.В. Кадол), в Верховье – 1-й Витебской партизанской бригады, в Заполье – 1-й Белорусской партизанской бригады [9]. В музее Лужеснянского сельскохозяйственного техникума имелся зал, посвященный Великой Отечественной войне (В.П. Бабичева).

Поисковая деятельность краеведов-любителей района. Как и в других районах Беларуси, установлением имен погибших занимались родственники и ветераны-участники войны. Они искали своих родных, близких, друзей и товарищей, а увлекшись и увидев масштаб потерь советского народа, продолжали заниматься и далее, установив судьбу родственников, близких, друзей. Поиск ставился судьбой. Для многих краеведов Витебского района поиск и описание событий войны стали делом всей жизни. В 1960–1980-е гг. искали родных, а затем и изучали историю партизанского движения, освобождения района Д.Р. Газин, В.А. Ануфриев, А.А. Гончаров (статьи, книги, музей), В.Т. Кухарева, Н.И. Дорофеев и многие другие.

Самой яркой фигурой в краеведении и поиске Витебского района второй половины XX в. являлся, на наш взгляд, Дмитрий Романович *Газин* (1928–2012). В годы войны его семья была расстреляна фашистами в р.п. Верховье, а он чудом остался жив. Работая после войны на разных должностях, в свободное время, а после выхода на пенсию и все свое время отдавал изучению района. Больше всего материалов посвящено его северной части, где родился исследователь. С 1960-х гг. он стал активно писать статьи о ветеранах, событиях войны в газетах «Чыгуначнік Беларусі», «Віцебскі рабочы». С целью подготовки материалов, он проводил опросы местных жителей, записывал их. В Витебском областном архиве, в личном фонде исследователя сохраняются более 50 интервью, которые Д. Газин взял у бывших узников Лужеснянского концентрационного лагеря. Они стали основанием для придания ему статуса «лагерь на линии фронта». Бывшие его узники получили компенсации от Германии.

Дмитрий Газин – автор более 500 статей на краеведческую тематику в местной периодической печати: газетах «Ленінская праўда», «Віцебскі рабочы», «Віцьбічы», «Жыццё Прыдзвіння» и др. В книгах и брошюрах автора: «Мазалаўская Швейцарыя», «Вярхоўскія парогі-перакаты», «Ціраспольскія шляхі-дарогі», «Лужеснянскія страницы», «Пылаў Прыдзвінскі край», «На огненной черте» и некоторых других он освящал вопросы поиска и увековечения памяти событий войны.

Виктор Антонович *Ануфриев* (1932–2006) исследовал историю партизанского движения в Витебском,

Суражском, Лиозненском районах. Собрал богатый материал: документы, фотоснимки, письма, награды, личные вещи партизан. Лично вел переписку с руководителями движения в годы войны: М.Ф. Шмыревым, Р.В. Шкредо, М.М. Большаковым, М.Ф. Бирюлиным и другими. Итогом работы стал «Музей Первой Белорусской партизанской бригады», открытый в бывшем здании исполкома Запольского сельсовета (1968). При открытии новой школы в д. Заполье экспозиция была переоформлена и продолжила существование в форме школьного музея (1976). Автор ряда статей по истории края во время войны, в которых освящал вопросы поиска и увековечения судеб партизан.

Анатолий Александрович **Гончаров** (1935) всю жизнь провел в р.п. Верховье. Его отец был партизаном 1-й Витебской партизанской бригады и погиб в 1943 г. Сын приложил множество усилий, чтобы собрать информацию о деятельности партизанского отряда (затем бригады). На основе личных встреч с бывшими партизанами, очевидцами он написал ряд статей, а затем рукопись книги, посвященную истории бригады. Издана она была в 2013 г.

Валентину Тимофеевну **Кухареву** связала с Суражем судьба. Родилась она в Белгородской области России, но краеведом стала и посвятила множество сил изучению именно Суражчины. Ее исследования носили комплексный характер, но предпочтение она отдавала истории партизанского движения и освобождения края. Организовала Музей истории школы, в котором были оформлены экспозиции, посвященные партизанской борьбе и освобождению края. В Сураже долго бытовала поговорка: «В Сураже все знают только батюшку и Кухареву». Ряд материалов краевед опубликовала в районной газете.

Уроженка Суражчины, Нина Ивановна **Дорофеевко**, изучала край на очень высоком уровне. Работая в Витебском пединституте, она исследовала деятельность витебского подполья, партизанской борьбы на Витебщине. Ею была проведена огромная работа в архиве, деятельность по сбору источников, воспоминаний, сделаны сотни интервью. Итогом стала защита диссертации (закрытая), за которую ей было присуждена степень кандидата исторических наук (1968). Сама диссертация позднее была издана в виде книги «Витебское подполье» [10]. Позже результаты ее изысканий совместных с другими исследователями были оформлены в виде другой книги – «Юные герои Витебщины» [11], материалы для которой собирались в том числе и на территории Витебского района.

Поисковую работу в Старосельской школе с 1967 г. начала Маргарита Дмитриевна **Юшкевич** (1932). Выявляя имена солдат, которые погибли при освобождении края зимой 1943 – летом 1944 гг., она много времени отдала на переписку с родными погибших, ветеранами, местными жителями. Полученная информация легла в основу статей в периодической печати, а затем и некоторых книг по истории края. На основе собранных материалов был создан школьный Музей боевой славы

(1982). М.Д. Юшкевич стала автором статей в районной периодической печати, а также впоследствии издала несколько книг, посвященных событиям войны на территории микрорегиона: «И снова о войне. Эпизоды боевого пути 2-го гвардейского Ярцевского мотоциклетного полка» (2011), «Через годы и столетия. Летопись Старосельского края» (2012), «Лучи памяти» (2016), «Симфония вечности» (2017) и др.

Уроженка д. Прудины Зароновского с/совета, Тамара Васильевна **Залеская** (1925–2004), в годы войны была подпольщицей, затем служила в разведгруппе Калининского фронта. После войны она проводила значительную работу по выяснению судеб погибших товарищей, поиску мест их захоронения, увековечению памяти о них. По ее инициативе был возведен памятник в д. Новоболецк (Городокский район) на месте расстрелов патриотов-антифашистов. Каждый год она проводила благоустройство могил павших подпольщиков на территории Зароновского сельского совета. Многим вернула честные имена.

Кроме перечисленных краеведов, которые внесли большой вклад в изучение истории района в период войны, а вместе с этим и поисковое движение, практически каждый краевед района в различной мере принимал участие в исследованиях истории этого периода.

Полевые исследовательские работы на территории Витебского района. Полевые исследования и подъем останков, не считая единичных случаев, начнется лишь в 1980-х гг. Насколько нам известно, исключением стали подъем и перезахоронение в д. Ляхи летом 1964 г. останков командира 172-го истребительного полка, подполковника И.А. Самохвалова военнослужащими в/ч 95731 и установка ему памятного знака на станции Замосточье [12]. В 1976 г. в районе дачного кооператива «Звезда» у д. Дыманово-2 были найдены останки 4-х погибших воинов. На могиле студентами стройотряда художественно-графического факультета ВДПИ имени С.М. Кирова был возведен памятник «Звезда».

В 1976 году студенческим строительным отрядом «Горящие сердца» у д. Шапуры (Орлово) был создан памятник 1-й штурмовой комсомольской бригаде.

Воинский мемориал погибшим летчикам 953-го Витебского штурмового авиаполка 311-й штурмовой авиадивизии 1-й Воздушной Армии у кольцевой дороги, на 12-м км шоссе Витебск–Смоленск у д. Вороны был открыт 09.05. 1980 г., в день празднования 35-летия Победы. Установлен он в том месте, где в один день в феврале 1944 г. погибло 7 экипажей. Рядом с памятником на плитах были нанесены 84 фамилии членов летных экипажей полка, не вернувшихся с боевых заданий. Памятник имеет вид двух крыльев, врезавшихся в землю, что символизирует экипаж самолета Ил-2: летчика и воздушного стрелка.

Этими действиями ограничивалась полевая и мемориальная поисковая активность на территории района, связанная с поисковой деятельностью общественности. Основная лежала в плоскости школь-

ного и общественного движения. В этой статье мы не касаемся тех памятников, которые были созданы в соответствии с деятельностью государственных органов. Их множество и эта сфера военно-мемориальной работы заслуживает отдельного исследования.

С 1984 г. на территории района стал действовать ВПК «Искатель» ПТУ-96, который проводил поиск погибших в годы войны самолетов. В мае 1985 г. совместно с поисковой группой 407-го Минского авиаремонтного завода они смогли поднять со дна Бернского (Вороновского) озера самолет Ил-2. Удалось и выяснить имена летчика В.А. Федоровского и стрелка-радиста М.Г. Аншукова. 1 июля 1985 г. захоронены на воинском кладбище в г. Витебске.

Определенная поисковая работа велась и ветеранскими организациями. Некоторые даже готовили и издавали книги. Например, В.С. Кузнецов подготовил книгу о 139-й армейской, пушечной, артиллерийской, витебско-хинганской Краснознаменной ордену Кутузова бригаде, в которой есть сведения о боях на территории района.

Заключение. Таким образом, поисковое движение в 1960 – нач. 1980-х гг. сыграло важную роль в развитии военно-патриотической работы в Витебском районе. Оно имело такие же характерные черты, как и в других районах БССР: массовость, осуществлялось главным образом через систему образования, в первую очередь движение «Красные следопыты» и деятельность школьных музеев, ветеранских организаций, участие краеведов. Полевых археологических исследований практически не велось. Работа по поиску и выявлению имен, погибших и пропавших без вести, проводилась на основе коммуникации с участниками боев, местными жителями, иногда – обращения в архивы. Имели место и особенности: значительное внимание изучению партизанского движения, поиск и выяснение

судеб экипажей самолетов, погибших в окрестностях Витебска, значительный, по сравнению с другими регионами страны масштаб потерь, следовательно, и объем проводимой поисковой работы.

Литература

1. Шелуха, В.Д. Поисковая работа. История и традиции: пособие для учителей, кл. руководителей, работников внешк. учреждений / В.Д. Шелуха. – Минск: НМЦентр, 2000. – 120 с.
2. Шомоди, В.Э. Маршрутами народной славы / В.Э. Шомоди. – Минск: Полымя, 1988. – 350 с.
3. Бруева, Л.Н. Пока не похоронен последний павший солдат... : из ист. поискового движения в Витеб. обл. / Л.Н. Бруева. – Орша: Орш. тип., 2009. – 496 с.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2424. Оп. 1. Д. 62–65. Переписка штаба «Поиск»
5. ГАВт. – Ф. 2424. Оп. 1. Д. 66 Списки, сведения, алфавитная книжка воинов за 1972–1985 гг.
6. ГАВт. – Ф. 2424. Оп. 1. Д. 149 Отчет штаба «Поиск» о работе за 1980/81 г.
7. ГАВт. – Ф. 2424. Оп. 1. Д. 56 Черновик Программы областного слета красных следопытов 19.02. 1972
8. ГАВт. – Ф. 2424. Оп. 2. Д. 97 Альбом «Обелиски».
9. Музеі школ і ПТВ Віцебскай вобласці: даведнік / склад. А.В. Куржалаў. – Віцебск: Друкарня імя Камінтэрна, 1995. – 95 с.
10. Дорофеенко, Н.И. Юные герои Витебщины / Н.И. Дорофеенко [и др.]. – Минск.: Народ. асвета, 1980. – 127 с.
11. Дорофеенко, Н.И. Витебское подполье / Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко, Н.И. Пахомов. – Минск: Беларусь, 1974. – 248 с.
12. Имена из солдатских медальонов: сост.: Коноплев А.Ю., Салахийев Р.Р. – Казань: «Отечество», 2005 // ОБД «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1153504719>. – Дата доступа: 21.05.2022.

Поступила в редакцию 23.11.2022

Частное пенсионное страхование в ФРГ в XXI в.

Саватеева Д.В.

Белорусский государственный университет, Минск

В данной статье рассмотрены основные направления реформирования частного пенсионного страхования в Германии в 2000–2022 гг.

Цель статьи – охарактеризовать систему частного пенсионного страхования населения ФРГ в XXI в., выявить основные направления реализации правительственных реформ в сфере страхования и показать их влияние на изменения в социально-политическом положении населения Германии в середине 2000-х гг.

Материал и методы. *Исследование базируется на научных трудах российских и немецких авторов, которые исследуют систему частного пенсионного страхования ФРГ в комплексе изучения пенсионной системы, не выделяя, в большинстве своём, данный аспект как тему для самостоятельного исследования, что создаёт необходимость заполнения пробела в историографии по поставленному вопросу. В процессе написания работы автором были использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.*

Результаты и их обсуждение. *На основании законодательных актов и статистических материалов выявлены основные формы частного пенсионного страхования: пожизненная рента, банковские договоры, инвестиционные договоры и страхования жизни. В рамках исследования установлены основные проблемы проведения модернизационных мероприятий правительственными коалициями ФРГ в системе частного пенсионного страхования в XXI в.*

Заключение. *Немецкая система пенсионного страхования базируется на фундаментальной идее – обеспечение финансовой безопасности для населения после завершения трудовых отношений. Необходимость проведения реформ, с которой столкнулись коалиционные правительства ФРГ в XXI в., стала свидетельством кризисных явлений в социальной сфере Германии. Сложившаяся ситуация в современной немецкой системе пенсионного обеспечения является одной из наиболее острых социальных проблем и требует принятия дальнейших решительных мер.*

Ключевые слова: *частное пенсионное страхование, реформирование пенсионной системы, ФРГ, социальная политика, глобализация, общество.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 16–19)

Private pension insurance in Federal Republic of Germany in the XXI century

Savateyeva D.V.

Belarusian State University, Minsk

This article discusses the main directions of reforming private pension insurance in Germany in 2000–2022.

The purpose of the article is to characterize the system of private pension insurance of the population of Germany in the 21st century, to identify the main directions for the implementation of government reforms in this area of insurance and to show their impact on changes in the social and political situation of the German population in the mid-2000s.

Material and methods. *The study is based on the scientific works of Russian and German authors who explore the system of private pension insurance in Germany in the complex of studying the pension system, without, for the most part, singling out this aspect as a topic for independent research, which creates the need to fill a gap in historiography. In the process of writing the work, the author used historical-genetic, historical-comparative and historical-systemic methods of research.*

Findings and their discussion. *Based on legislative acts and statistical materials, the author identified the main forms of private pension insurance: life annuity, bank agreements, investment agreements and life insurance. As part of the study, the main problems of carrying out modernization measures by the German government coalitions in the system of private pension insurance in the 21st century are identified.*

Conclusion. *The German pension insurance system is based on a fundamental idea – providing financial security for the population after the end of the employment relationship. The need for reforms faced by the coalition governments of Germany in the XXI century. became evidence of the crisis phenomena in the social sphere of Germany. The current situation in the modern German pension system is one of the most acute social problems and requires further decisive action.*

Key words: *private pension insurance, reforming the pension system, Germany, social policy, globalization, society.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 16–19)

История пенсионного страхования в Германии насчитывает более 130 лет. За это время в результате проведения многочисленных реформ оно неоднократно подвергалась трансформациям как в своих теоретических основах, так и в механизмах функционирования. В конце 1990-х гг. начали проявляться негативные тенденции, связанные с экономической конъюнктурой, демографическими изменениями, «обнищанием» немецких пенсионеров и развитием новейших технологий, что значительно улучшили качество жизни и повлекли за собой рост её продолжительности. Насегодняшний день в Германии проживает около 21 млн человек в возрасте от 65 лет, что составляет более 20% от общей численности населения страны [1]. В связи с постоянным увеличением данного показателя, пенсионное страхование граждан – одна из приоритетных задач правительственных коалиций ФРГ в ходе реализации социальной политики.

Актуальность темы исследования обусловлена в первую очередь общемировой тенденцией реформирования пенсионных систем и их адаптации к современным вызовам. Опыт Германии в сфере реформирования пенсионной системы и введения накопительной части пенсии как формы частного пенсионного страхования граждан, представляет научный и практический интерес для Республики Беларусь. В силу своей актуальности вопрос функционирования частного пенсионного страхования в Германии является объектом изучения учёных всего мирового сообщества.

Данное исследование базируется на научных трудах российских и немецких учёных. Необходимо отметить, что вопрос частного пенсионного страхования и его реформирования в 2000–2020-х гг. рассматривается исследователями разных областей научного знания, в том числе Т.Г. Хришкевич [2], Д.Н. Ермаков [3], Р. Маурер [4], Дж. Шмид [5]. Названные авторы анализируют определённые аспекты частного пенсионного страхования преимущественно в комплексе изучения системы социального обеспечения, системы социального страхования и её реформирования, что привело к появлению пробелов в историографии по поставленной в рамках статьи проблемы, решение которой не будет всесторонним без привлечения статистических данных и законодательных актов, что позволяют заполнить существующие пробелы в изучении вопроса функционирования частного пенсионного страхования и его влияния на изменения в социально-политическом положении ФРГ в XXI в. Для понимания процессов, сопровождавших ход проведения реформ в системе частного пенсионного страхования ФРГ, автор обращалась к материалам изданий *Die Zeit*, *Bundeszentrale für politische Bildung*, *Der Spiegel*.

Цель статьи – охарактеризовать систему частного пенсионного страхования населения ФРГ в XXI в., выявить основные направления реализации правительственных реформ в данной сфере страхования и показать их влияние на изменения в социально-политическом положении Германии на современном этапе.

Материал и методы. В процессе разработки проблемы использовались общенаучные и специальные

методы исследования, представленные историко-генетическим, историко-сравнительным и историко-системным. Данная комбинация методов, по мнению автора, позволяет наиболее полно проследить и показать изменения в сфере реформирования частного пенсионного страхования в начале 2000-х гг.

Результаты и их обсуждения. Пенсионное страхование – одно из важнейших направлений социальной политики правительства Германии, приоритетной задачей которой является обеспечение достойного уровня жизни для своих граждан в старости. Примечательно, что до реформы 1957 г. главной целью пенсионного страхования являлось сокращение бедности.

Современная немецкая система пенсионного страхования состоит из трёх звеньев: обязательное государственное страхование, производственное (корпоративное) страхование и частное страхование. В представленном исследовании речь пойдёт о частном пенсионном страховании и его значении для жизни граждан ФРГ после завершения трудовых отношений.

Для частного пенсионного страхования в Германии характерно наличие большого количества разнообразных договоров. Необходимо отметить, что в первую очередь под частной формой обеспечения гарантий в пожилом возрасте понимается пенсионное страхование, пожизненная рента, банковские договора, инвестиционные договора и страхование жизни, осуществляемое через различные фонды. Также используется практика вложения денежных средств в инвестиционные фонды и в акции предприятия работодателя. Выплаты пенсий кассами взаимопомощи, страховыми компаниями, пенсионными кассами и фондами регулируются Федеральным законом ФРГ «О совершенствовании пенсионных схем компаний» от 19 декабря 1974 г. [6].

Одной из наиболее распространённых форм индивидуального страхования является получение минимальной пенсии с возможностью получения дивидендов, что предусмотрено Федеральным законом ФРГ «О договоре страхования» [7]. В редких случаях из-за низкого уровня процентной ставки в приватном страховании используется банковский договор о долгосрочных сберегающих вкладах, предусматривающий заранее установленные выплаты. На весь срок договора банк устанавливает процент начисления с учётом времени уплаты взносов и периода совершения выплат. Уплата взносов самим страхователем производится через учреждения страхования. Договор ренты представляет собой классическую форму дополнительного обеспечения достойного уровня жизни в старости. Эта форма страхования основывается на приобретении недвижимости и дальнейшей её передачи в пользование публично-правовых организаций с целью получения материальных гарантий по достижению пенсионного возраста.

В основе пенсионного страхования в ФРГ заложен принцип солидарности поколений, который подразумевает, что часть пенсионной выплаты составляют взносы получателя в пенсионную кассу за все годы трудового стажа, остальное – доплачивает государство

из фондов, которые пополняются за счёт актуальных пенсионных взносов. Следует отметить, что к началу 2000-х гг. ситуация на рынке труда, характеризовавшаяся критическими показателями по безработице (более 10,7% от общего количества экономически активного населения [8]), показала, что в скором будущем эта система может рухнуть. Всё вышеуказанное обусловило нахождение пенсионного страхования в стадии перманентного реформирования на протяжении XXI в.

Любая проводимая политика в сфере пенсионного обеспечения представляет собой непрерывный процесс реформ и направлена на долгосрочную перспективу. Как уже отмечалось, на рубеже веков, под влиянием большого количества социальных, экономических и политических преобразований начался процесс трансформации и адаптации существующей модели пенсионного страхования к новым реалиям. Сложилась ситуация, при которой требовалось недопущение увеличения давления на плательщиков взносов, а с другой стороны – дополнительно обеспечить достойные выплаты по достижению старости для населения страны. Так в 2001 г. в ФРГ был принят закон о «Пенсионных активах» [9], который заложил новый этап в развитии немецкой системы пенсионного обеспечения. В соответствии с названным правовым актом была изменена форма расчёта пенсии. В дополнение к этому, с 2002 г. обязательное страхование было дополнено частной пенсионной схемой или «пенсией Ристера», что позволило сформировать так называемую трехкомпонентную модель обеспечения по старости в Германии.

Вышеупомянутый закон стал ключевым звеном в реформировании системы частного пенсионного страхования начала 2000-х гг. Новая схема страхования разрушила ранее существующий принцип равного пенсионного финансирования, где работодатель и работник пропорционально вносили выплаты, и означала дополнительные расходы со стороны наёмных рабочих для обеспечения достойного уровня жизни после выхода на пенсию. Частная форма пенсионного страхования имеет добровольный характер, однако финансово поддерживается государством – освобождение от налогового обложения и так называемое финансирование Ристера за счёт пособий. Последнее состоит из трёх компонентов: базовое пособие, дополнительное пособие супругам, не заключившим собственный договор Ристера и пособие на ребёнка.

По обоим компонентам государственного финансирования с 2002 по 2008 г. ставки взноса были увеличены с 1 до 4%. Таким образом, базовое пособие и пособие на ребёнка в 2002 г. составляли 38 и 46 евро соответственно, а к 2008 г. возросли до 154 и 184 евро. «Пенсия Ристера» не распространялась на категории граждан, способных самостоятельно обеспечить себя после выхода на пенсию без поддержки государства: госслужащие, индивидуальные предприниматели и т.д. Тем более, для того чтобы программа частного пенсионного страхования могла использовать государственный бюджет, требовалось строгое соответствие договоров страхования законодательно установленным 12 критериям надёжности (с изменениями в 2014 г.): в период накопления взносы

должны осуществляться непрерывно, информация о состоянии накоплений предоставляется ежегодно; продажа договора исключена; выплаты накоплений осуществляются не ранее срока, предусмотренного договором; изменение страховой компании возможно только в период накопления денежных средств.

Вторым немаловажным шагом правительственной реформы в области частного пенсионного страхования стало принятие в 2005 г. закона о «Подходящем налоге» («пенсия Рюрупа») [10]. Данная форма базовой пенсии в виде налоговой льготы была принята как одна из форм частного пенсионного страхования и способствовала распространению принципов частного страхования на лиц, не имеющих права претендовать на «пенсию Ристера» (работающих не по найму, лица свободных профессий).

Законодательством предусмотрены определенные условия для возможности получения налоговых льгот по «пенсии Рюрупа». В первую очередь, договор страхования должна заверить Федеральная центральная налоговая служба. В соответствии с законом устанавливался допустимый максимальный размер годового дохода (на 2020 г. для лиц, не имеющих семьи – 25 046 евро, для состоящих в браке – 50 092 евро). Базовая пенсия не может выплачиваться лицам, не достигшим 60 лет, если договор был заключён до 1 января 2012 г., а также не достигшим 62 лет, если заключение договора произошло после 31 декабря 2011 г. Кроме того, базовая пенсия не может быть унаследована, передана или продана. В соответствии с законом, допускается не учитывать премии при общем расчёте суммы доходов, а финансирование осуществляется исключительно за счёт страховых взносов. Накопление сбережений предусмотрено в трёх формах: пенсионное страхование, страхование жизни и сберегательный договор. Возможность единовременной выплаты при данном виде страхования отсутствует, предусматривая два этапа выплат – сбережение и выполнение.

За последние два десятилетия количество человек, охваченных частным пенсионным страхованием, выросло более чем в 11,5 раза – договор страхования с 1,4 млн в 2001 г. до 10,6 млн человек в 2022 г.; банковский договор с 0 в 2001 г. до 0,54 млн человек в 2022 г.; инвестиционный договор с 0 до 3,22 млн человек в 2022 г. и договор ренты с 0 в 2001 г. до 1,69 млн человек в 2022 г. (рис.).

Заключение. Следует отметить, что система пенсионного страхования Германии базируется на фундаментальной идее, в соответствии с которой государство обеспечивает финансовую безопасность для населения, нуждающегося в защите в пожилом возрасте, а также в случае потери трудоспособности или смерти кормильца. В этой ситуации, сложившаяся трёхступенчатая система, включающая государственное, частное и корпоративное страхования, позволяет диверсифицировать формы материального обеспечения и поддержки в старости. Необходимость проведения реформирования системы пенсионного страхования и дополнения её компонентом индивидуального обеспечения старости свидетельствуют о кризисных явлениях в социальной сфере Германии. Несмотря на внушительные цифры по количеству заключённых договоров за период с 2001

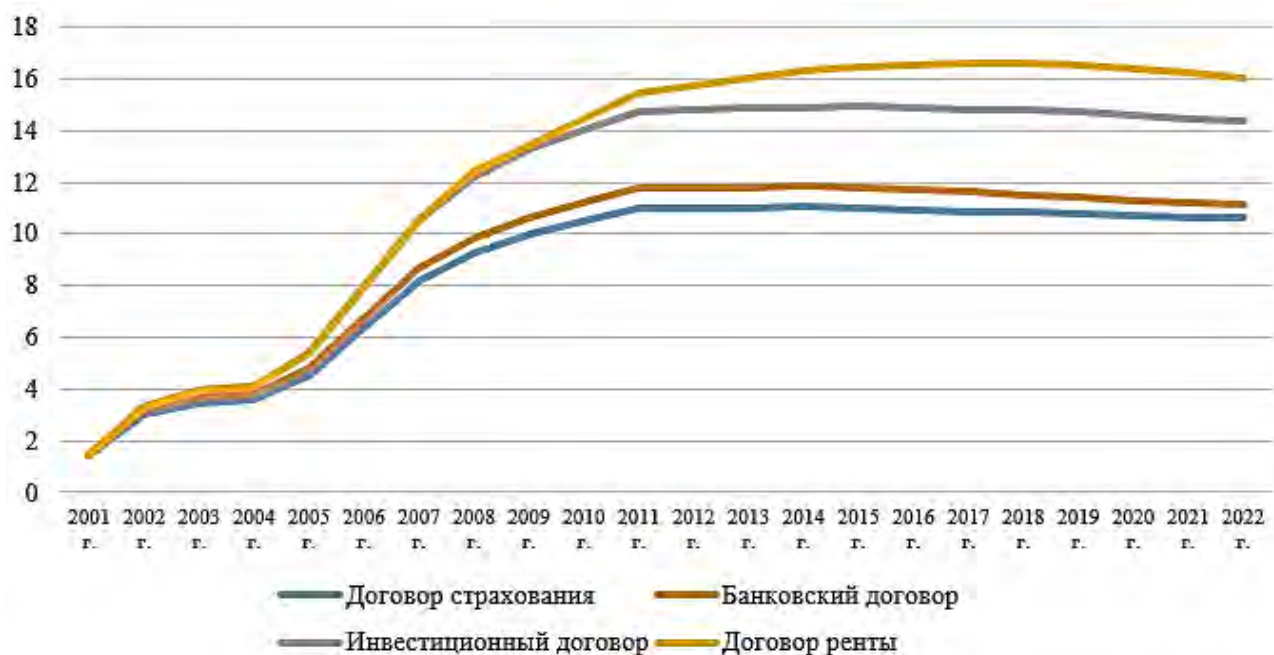

Рис. Количество договоров, заключённых в период с 2001 по 2022 год в системе частного пенсионного страхования (в миллионах) [11]

по 2022 г., следует обратить внимание на то, что сам факт необходимости самостоятельного дополнения своей пенсии для достижения достаточного уровня жизни является признаком кризиса системы страхования и социального государства в целом. Принятые меры не решили проблемы бедности среди людей, завершивших трудовые отношения. Это подтверждают результаты проведённого при поддержке Федерального министерства по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодёжи Германии исследования – 22,4% немецких граждан в возрасте 80 и старше лет живут на грани бедности. К этому следует добавить, что по данным Федерального статистического управления в 2019 г. 8% людей в возрасте 65 лет и старше продолжали трудовую деятельность [12]. Таким образом, существующая ситуация в системе пенсионного обеспечения является одной из наиболее острых социальных проблем в современном немецком обществе и требует решительных мер со стороны приступившего к исполнению обязанностей в 2022 г. правительства ФРГ.

Литература

1. Zahl der Rentner*innen 2021 [Elektronische Ressource] // Sozialpolitik-aktuell.de. – Zugriffsmodus: https://www.sozialpolitik-aktuell.de/files/sozialpolitik-aktuell/_Politikfelder/Alter-Rente/Datensammlung/PDF-Dateien/abbVIII23.pdf. – Datum des Zugangs: 19.11.2022.
2. Хришкевич, Т.Г. Реформы пенсионной системы ФРГ на рубеже XX–XXI вв. как элемент выравнивания «Восток – Запад» [Электронный ресурс] / Т.Г. Хришкевич, Д.С. Васильева // Метаморфозы истории: науч. альм. – 2019. – Вып. 13. – Режим доступа: https://adm.jes.su/images/companies/68/5644_metami_13_2019.pdf?1648214316431. – Дата доступа: 29.11.2022.
3. Ермаков, Д.Н. Частное (приватное) пенсионное страхование в современной Германии / Д.Н. Ермаков // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер: Экономика. – 2011. – № 4. – С. 10–13.

4. Маурер, Р. Накопительная часть пенсии как элемент реформирования пенсионных систем в России и Германии / Р. Маурер, Г.Ф. Фейгин, Р. Роголла // Изв. С.-Петерб. гос. экон. ун-та. – 2011. – № 6. – С. 13–20.
5. Schmid, J. Rentenreform: überlebt der Wohlfahrtsstaat? / J. Schmid // Wege aus der Krise?: die Agenda der zweiten Großen Koalition / Hrsg.: R. Sturm, H. Pehle. – Leverkusen, 2006. – S. 41–58.
6. Gesetz zur Verbesserung der betrieblichen Altersversorgung [Elektronische Ressource] // Bundesanzeiger Verlag. – Zugriffsmodus: <http://surl.li/dqlbd>. – Datum des Zugangs: 29.11.2022.
7. Gesetz über den Versicherungsvertrag [Elektronische Ressource] // Buzer.de. – Zugriffsmodus: <http://surl.li/dqlcn>. – Datum des Zugangs: 17.11.2022.
8. Registrierte Arbeitslose und Arbeitslosenquote nach Gebietsstand [Elektronische Ressource] // Destatis. – Zugriffsmodus: <http://surl.li/dqldt>. – Datum des Zugangs: 20.11.2022.
9. Gesetz zur Reform der gesetzlichen Rentenversicherung und zur Förderung eines kapitalgedeckten Altersvorsorgevermögens [Elektronische Ressource] // Bundesgesetzblatt. – 2001. – Т. 1, № 31. – Zugriffsmodus: <http://surl.li/dqlev>. – Datum des Zugangs: 20.11.2022.
10. Einkommensteuergesetz (EStG) [Elektronische Ressource] // Bundesministerium der Justiz. – Zugriffsmodus: https://www.gesetze-im-internet.de/estg/_10.html. – Datum des Zugangs: 19.11.2022.
11. Statistik zur privaten Altersvorsorge (Riester-Rente) [Elektronische Ressource] // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – Zugriffsmodus: <http://surl.li/dqlfj>. – Datum des Zugangs: 06.09.2022.
12. Fast ein Viertel der über 80-Jährigen in Deutschland leidet unter Altersarmut [Elektronische Ressource] // Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. – Zugriffsmodus: <http://surl.li/dqlfv>. – Datum des Zugangs: 09.11.2022.

Поступила в редакцию 30.11.2022

Род мяшчан Адамовічаў у Гародні ў XVII ст.

Сліж Н.У.

Гродзенская рэгіянальная газета "Перспектыва", Гродна

Гісторыя мяшчанскіх родаў мае важнае значэнне ў вывучэнні гісторыі гарадоў. Гэта робіць гісторыю персаніфікаванай і паказвае, як падзеі адлюстроўваліся на жыцці людзей. Род мяшчан Адамовічаў займаў важныя пазіцыі ў Гародні ў XVII ст., аднак у гістарыяграфіі яму не было нададзенай апаведнай увагі.

Мэта даследавання – прааналізаваць гісторыю гарадзенскага мяшчанскага роду Адамовічаў і паказаць яго ўплыў на сістэму кіравання ў магістраце, а таксама звярнуць увагу на прыватнае жыццё мяшчанства.

Матэрыял і метады. *Асноўнымі крыніцамі сталі прыватна-прававыя дакументы, якія захоўваюцца ў гарадзенскіх магістрацкіх кнігах. Але абмежаванасць магістрацкіх кніг і знічэнне прыватных архіваў не дае ў поўнай меры прадставіць поўную карціну па гісторыі роду. Не заўсёды ёсць магчымасць дакладна ідэнтыфікаваць, з якой сям'і паходзіла асоба. У мяшчанскіх дакументах рэдка згадалася імя па-бацьку. Гэта сітуацыя закранае і гарадзенскі род Адамовічаў, які прадстаўлены ў дадзенай працы. Асноўнымі метадамі даследавання сталі метады аналізу, параўнаўчы метады і храналагічны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Вывучэнне мяшчанскіх родаў мае важнае значэнне для гісторыі любога горада. Гэта дае магчымасць зразумець не толькі сістэму кіравання, але і як у яе ўваходзілі. Акрамя таго, падобныя гістарычныя прыклады ўзбагачаюць гісторыю не толькі канкрэтнага горада, але і даюць матэрыял для параўнання з іншымі мясцовасцямі. Прыклад роду Адамовічаў, як і прыклад іншых родаў, паказвае, як фарміравалася эліта Гародні, як пасады пераходзілі з пакалення ў пакаленне. У беларускай гістарыяграфіі роду Адамовічаў не прысвячалася асобных даследаванняў.*

Заключэнне. *Гісторыя сямей Войцеха і Яна Адамовічаў прадстаўляе цікавы фрагмент з жыцця гарадскіх эліт. Маёмасны стан і сацыяльны статус яго прадстаўнікоў дазвалялі мець шлюбныя адносіны з асобамі з дробнай шляхты і з дзецьмі ўраднаўцаў, займаць пасады ў магістраце. Выпадак бурмістра Яна Адамовіча паказвае, што справаздачу ўраднікі не рабілі сваёчасова і гэта абавязак пераходзіў на сваякоў. Яго дзеці пайшлі па яго слядах. Аднак свае абавязкі як ураднікі выконвалі па-рознаму, нават з парушэннямі. З прыватна-прававых дакументаў атрымліваем інфармацыю аб маёмасным стане сям'і, аперацыі па куплі-продажы і падзеле маёмасці. У выніку дакументы даюць уяўленне пра грамадскае і прыватнае жыццё прадстаўнікоў роду Адамовічаў.*

Ключавыя словы: мяшчане, эліта, Адамовічы, Вялікае Княства Літоўскае, Гародня.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 20–26)

The burger kin of the Adamoviches in Grodno in the 17th century

Slizh N.U.

Grodno Region Newspaper "The Perspective", Grodno

The history of burgher families is important in the study of the history of cities. It makes the stories personalized and shows how events influenced people's lives. The burger kin of the Adamoviches played an important role in Grodno in the seventeenth century but historiography did not pay proper attention to it.

The research purpose is to analyse the history of Grodno burgher kin of the Adamoviches and to show its influence on the system of management at the magistrature as well as to draw attention to the burger private life.

Material and methods. *The main sources were private documents stored in Grodno magistrature books. However, the limited number of magistrature books and the destruction of private archives does not allow to fully present a complete picture of the history of the family. It is not always possible to identify exactly the origin of a person. Middle names were rarely mentioned in burgher documents. This also concerned the burger kin of the Adamoviches, presented in this work. The main research methods were the method of analysis, the comparative and the chronological methods.*

Finding and their discussions. *Studying burgher elites is important for any city. This gives an opportunity to understand not only the management system, but also how it was organized. In addition, similar historical examples enrich the history of not only a certain city, but also provide material for comparison with other localities. The example of the Adamoviches family, as well as the example of other families, shows how the elite of Grodno was formed, how positions were passed from generation to generation. The Adamoviches family has not been studied yet in Belarusian historiography.*

Conclusion. *The story of the Voitsech and Jan Adamovich presents an interesting fragment from the life of the city elites. The wealth and social status of its representatives allowed them to have marital relations with persons from gentry and with the children of government officials, to hold positions in the magistrates' office. The case of Jan Adamovich shows that the government officials did not make reports on time and this duty was transferred to relatives. His children were also officials in Grodno. However,*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: magistra-v@mail.ru – Н.У. Сліж

they performed their duties in different ways, even with violations of the law. Information about the property status of the family, transactions on purchase and sale and division of property follows from private legal documents. As a result, the documents provide insight into the public and private life of the representatives of Adamovich family.

Key words: burghers, elite, the Adamoviches, the Grand Duchy of Lithuania, Grodno.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 20–26)

Гісторыя мяшчанскіх родаў мае важнае значэнне ў вывучэнні гісторыі гарадоў. Гэта робіць гісторыю персаніфікаванай і паказвае, як падзеі адлюстроўваліся на жыцці людзей. У сваіх даследаваннях мы звярталі ўвагу на гісторыю мяшчанскіх родаў, іх паходжанне [1; 2]. Род Адамовічаў займаў важныя пазіцыі ў Гародні ў XVII ст., аднак у гістарыяграфіі яму не было нададзенай адпаведнай увагі.

Мэта даследавання – прааналізаваць гісторыю гарадзенскага мяшчанскага роду Адамовічаў і паказаць яго ўплыў на сістэму кіравання ў магістраце, а таксама звярнуць увагу на прыватнае жыццё мяшчанства.

Матэрыял і метады. Асноўнымі крыніцамі сталі прыватна-прававыя дакументы, якія захоўваюцца ў гарадзенскіх магістрацкіх кнігах. Але абмежаванасць магістрацкіх кніг і знішчэнне прыватных архіваў не дае ў поўнай меры прадставіць поўную карціну па гісторыі роду. Не заўсёды ёсць магчымасць дакладна ідэнтыфікаваць, з якой сям’і паходзіла асоба. У мяшчанскіх дакументах рэдка згадвалася імя па-бацьку. Гэта сітуацыя закранае і гарадзенскі род Адамовічаў, які прадстаўлены ў дадзенай працы. Асноўнымі метадамі даследавання сталі метады аналізу, параўнаўчы метады і храналагічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вывучэнне мяшчанскіх родаў мае важнае значэнне для гісторыі любога горада. Гэта дае магчымасць зразумець не толькі сістэму кіравання, але і як у яе ўваходзілі мяшчане. Акрамя таго, падобныя гістарычныя прыклады ўзбагачаюць гісторыю не толькі канкрэтнага горада, але і даюць матэрыял для параўнання з іншымі мясцовасцямі. Прыклад роду Адамовічаў, як і прыклад іншых родаў, паказвае, як фарміравалася эліта Гародні, як пасады пераходзілі з пакалення ў пакаленне. У беларускай гістарыяграфіі роду Адамовічаў не прысвячалася асобных даследаванняў.

Першыя згадкі пра Адамовічаў. Пра паходжанне роду Адамовічаў дастаткова цяжка казаць, бо большасць дакументаў па гісторыі роду захаваліся з XVII ст. Асноўнае месца пражывання роду была вёска Адамавічы, якая існуе і цяпер недалёка ад Гродна. Даволі вялікая верагоднасць, што назва вёскі была звязана з гэтым мяшчанскім родам. Населены пункт падпарадкоўваўся магдэбургскаму праву, бо вёска, як шэраг іншых, уваходзіла ў склад гарадзенскай магдэбургіі і лічылася гарадской. Паводле валочнай памеры 1561 г. тут налічвалася 30 валок. Мелі там уладанні Станіслаў Адамовіч (7 валок), Міско Адамовіч (8 валок), Павел Нарковіч (5 валок). Ярмач, Міско, Янко Панасовіч (1 валок), Багдан Наўмавіч (3 валокі), Андрэй Квач (6 валок) [3, с. 77–78].

Верагодна, у Станіслава Адамовіча, які згадваецца ў памеры валочнай, былі дзеці Андрэй і Кацярына.

Андрэй быў жанаты з Марынай Заліпшчанкай, валодаў зямлёй у Адамавічах, пасля прадаў Марціну Адамовічу. На 1640 г. яго сястра памерла. Супраць яго падалі скаргу Войцех Хрыбуценята¹ і Рэгіна Хрыбуцянка, прэтэндуючы спадчыну Кацярыны [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 133 – 133адв., 188адв.–190].

З прадстаўнікоў роду Адамовічаў на пасадах згадваюцца наступныя асобы: радца Мікалай Адамовіч (1593) [4, КМФ-18, спр. 77, арк. 508адв., 511адв.], Грыгорый Адамовіч (1599) [3, КМФ-18, спр. 86, арк. 238], бурмістр Стэфан Адамовіч (1609) [5, L. 1]. Сваю кар’еру яны рабілі ў другой палове XVI ст., але калі і як яны яе пачыналі, цяжка сказаць без магістрацкіх кніг. Далей мы прадставім гісторыю дзвюх сямей – Войцеха і Яна Адамовічаў.

Сям’я Войцеха Адамовіча. Войцех Адамовіч быў жанаты тры разы: з Барбарай Талочкаўнай, Агнешкай Тумілоўнай і Ганнай Катовічаўнай. Першая жонка Б. Талочкаўна паходзіла са шляхецкага роду, які пражываў у Гарадзенскім павеце. Пра агульную колькасць дзяцей Войцеха сказаць цяжка. У дакументах згадваюцца: Марцін, Юзаф, Адам, Люцыя (жонка Лукаша Скрабяцкевіча), Альжбета (жонка Тамаша Дмухоўскага). Люцыя была народжаная ў шлюбе з Барбарай Талочкаўнай, а Марцін, Юзаф і Адам былі народжаны з Агнешкай Тумілоўнай. Былі яшчэ дзве дачкі: адна была замужам за Янам Маляром, а другая – за Андрэем Рыбаком.

У 1638 г. Войцех памёр. Была праведзена інвентарызацыя яго маёмасці 31 мая [дадатак 1]. Яе праводзіў лаўнік Ян Адамовіч. Валокі зямлі ў Адамавічах падзялілі пазней. Пры апісанні маёмасці былі Марцін, як старэйшы сын, і ўдава Ганна Катовічаўна, а таксама тры зяці. Як вынікае з дакументаў, іншыя браты на той час былі непаўналетнія. Планіроўка дома складалася з чорнай “ізбы” з сянямі, а перад ёй была малая свяцёлка. Пры двары былі два хлявы, гумно, лазня. Былі пералічаны ежа і рухомыя рэчы: грэчка, сала, каса, сякера, жупан і інш. Удава прызнала пазыку Войцеха. З гэтага апісання нельга казаць пра заможнасць памерлага. Невялікая гаспадарка, са звычайным наборам рэчаў, але прадстаўляе сабой цікавасць як крыніца па штодзённаму жыццю мяшчан.

З сыноў Войцеха фігуруюць у дакументах толькі Марцін і Юзаф. Адам на 1644 г. прапаў без вестак [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 273адв. – 275адв.].

Марцін быў жанаты з Аленай Маркоўнай. Ён быў краўцом. У 1639 г. Марцін абвінавачваўся цэхмістрам Ослінскім у непадпарадкаванні цэху, не аднаразова

¹ У гэтых дакументах сустракаецца яшчэ варыянт прозвішча Хрыбуцэвіч.

выклікаўся ў суд, але не з'яўляўся. Цэхмістр патрабаваў, каб ён вярнуў цэху грошы. Дакладна справа не апісана. Адзначалася, што Марцін рабіў мундзіры для войска караля Уладзіслава Вазы і для пяхоты Меероні, для Конана шыў сукню на капліцу. Верагодна, ён выканаў замовы для кліентаў і не заплаціў у цэх складкі. Яго адвакатам быў лаўнік Даніэль Кішмановіч. 2 мая 1642 г. прысутнічаў ад імя краўцоў, цесляроў і маляроў [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 18, 19адв., 38адв.–39, 75–76адв.].

У 1640 г. Марцін набыў за 100 злотых у брата Юзафа траціну спадчыннай валокі. Яна знаходзілася ў Адамавічах, межавала з аднаго боку з уладаннем удавы Яна Стрэчэня, а з другой – з уладаннем брата Марціна. На тэрыторыі знаходзіліся дворныя пабудовы, гумно, абора, засценак, сады, агароды, лясы і гаі. Юзаф прадаў маёмасць, бо не мог з-за сваіх заняткаў займацца гаспадаркай. У 1641 г. Андрэй Адамовіч і Марына Заліпшчанка прадалі Марціну Адамовічу і Алене Маркоўне за 100 коп літоўскіх грошаў валокі і чвэрць ворнай зямлі з пабудовамі ў Адамавічах. Знаходзілася яна каля ўладанняў Марціна Адамовіча і Войцеха Хрыбуценяці [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 134адв.–136, 188адв.–190].

На 1644 г. у валоданні Марціна знаходзілася спадчына па бацьках, у тым ліку частка брата Адама, які прапаў без вестак. Гэту маёмасць і набытую ў Андрэя Адамовіча ён прадаў Конану Сямёнавічу і яго жонцы Зяновіі Жукевічаўне, з умовай выплаціць 82 злотых малодшаму брату, калі той з'явіцца. У тым жа 1644 г. Марцін разам з жонкай набыў за 50 коп літоўскіх грошаў незасяяны пляц у гарадзенскага лентвойта Андрэя Каспровіча і яго жонкі Альжбеты Маргевічоўны. Каспровіч атрымаў гэту палову валокі па бацьку лаўніку Касперу Шчасновічу. Яна знаходзілася ў вёсцы Манчын, межавала з аднаго боку з уладаннем ксяндза і мансёнара гарадзенскага Фарнага касцёла Тамаша Неапаліты, а з другога – з уладаннем Марціна Хайноўскага [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 273адв.–275адв., 277–278]. У мяшчанскім асяроддзі маёмасць перапрадавалася часта. Нярэдка выпадкі продажу спадчынных уладанняў.

Лёс дачок Войцеха склаўся наступным чынам. Люцыя была замужам за злотнікам Лукашам Скрабяскевічам. Згодна з тэстаментам маці Барбары Талочкаўны яна атрымала сваю частку маёмасці ад брата Марціна. Люцыя разам з мужам гэта прызнала ў магістраце ў 1638 г. У гэтым жа годзе Лукаш Скрабяскевіч падаў скаргу на брата жонкі Марціна аб нанясенні шкодаў на яго палях. У выніку было заключана пагадненне паміж імі [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 97адв., 102].

Альжбета разам з мужам Тамашам Дмухоўскім купіла за 50 коп літоўскіх грошаў у Яна Янавіча Печака зямлю ў Манчыне, якую ён атрымаў па бацьку Яну Печаку. Зямля межавала з уладаннямі паноў Кульбацкіх, сужэнцаў Фёдара Юрэвіча і Ганны Талочкаўны (1638). Тамаш Дмухоўскі фігураваў у скарге. Супраць яго выказваліся цэхмістры і таварышы слесарскага, кавальскага, катлярскага, меч-

нікаўскага і нажаўнічага рамясла (1639) [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 22–23, 105–106].

Магчыма, Ева была яшчэ адной дачкой Войцеха. Яе мужам быў Андрэй Іванішэвіч. У інвентары спісання маёмасці па В. Адамовічу згадваецца Андрэй Рыбак, як і іншыя два зяці без прозвішча. Фёдар Каледзіня і Ганна Занкоўна прадалі Андрэю Іванішэвічу і Еве Адамовічоўне за 12 коп літоўскіх грошаў палову незабудаванага пляца, які перайшоў па спадчыне Ганне ад бацькі Міхала Занкевіча і маці Аксінні Сушчоўны. Пляц межававу з аднаго боку з пляцам мечніка ВКЛ Халецкага, з другога – з вулачкай да Нёмана, насупраць двара Кубалі, чолам – да Нёмана, тылам – да другой паловы пляца (1642) [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 211–212].

Такім чынам, дзякуючы інвентару маёмасці і дакументам куплі-продажу атрымалася аднавіць склад сям'і Войцеха Адамовіча. Але для поўнай рэканструкцыі сям'і і сямейных адносінаў не хапае тэстамента Войцеха і яго жонак.

Лінія Яна Адамовіча. Па дакументах атрымалася прасачыць лінію па бурмістру Яну Адамовічу (?–1666), але не было магчыма выявіць яго сям'ю па паходжанню. Сыходзячы з кар'еры і шлюбу найбольш верагодна, што яго бацька быў ураднікаў. Ян згадваецца на пасадах: лаўніка (1638–1643), радцы (1645–1647, 1654) і бурмістра (1644, 1650, 1652, 1653, 1657–1659) [6; 4, НГАБ, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 3; КМФ-18, спр. 119, арк. 710адв.–712; КМФ-18, спр. 124, арк. 185адв.–186; КМФ-18, спр. 127, арк. 119, 142; 7, с. 114–115; 8; 9, с. 229]. Пачынаў кар'еру яшчэ да вайны 1654–1667 гг. Меў на захаванні кнігі па гарадскіх прыходах і расходах за перыяд яго бурмістраўства, а таксама ўласныя дакументы на фальварак пад мястэчкам Ліпск. На судзе Я. Адамовіч сведчыў, што пры другой маскоўскай інтэрвенцыі войскі забралі ў яго гэтыя дакументы (1659) [4, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 25].

Ян Адамовіч быў жанаты з Агнешкай Весянеўскай, дачкой радцы Войцеха Весянеўскага. У шлюбе нарадзіліся Тамаш, Станіслаў, Стэфан, Агата, Зафея, Ганна, Ядвіга, Клара, Дарота. Вайна падарвала эканамічны стан сям'і. Я. Адамовіч і жонка А. Весянеўская па прычыне ўзросту і недахопу грошаў прадалі пусты пляц злотніку Готфрыду Варлангу і яго жонцы Кацярыне Дорбахавічэ ў 1663 г. Маёмасць знаходзілася на Рынку, межавала з аднаго боку з уладаннем старога бурмістра Яна Явароўскага, з другога – з уладаннем ад паноў Масніцкіх, чолам выходзіла на Рынак, а тылам – да пляца і камяніцы Шафароўчызна гарадзенскага жыда Сломы. На Адамовіча склалі прагэстацыю Ян Руткоўскі і яго жонка Дарота Плонская. Ён забраў піўны кацёл і не хацеў яго аддаваць (1662) [4, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 56адв., 77–78, 125–126].

Свой тэстамент бурмістр склаў практычна перад смерцю – 2 мая 1666 г., актыкаваны быў 14 мая 1666 г. [дадатак 2]. На гэты момант Адамовіч быў хворы. Была выказана просьба пахаваць у Фарным касцёле, у брацкім склепе Св. Тройцы. Усе валокі ў вёсцы

Адамавічы былі падораны жонцы за каханне ў шлюбе. Паміж дзецьмі маёмасць была падзелена наступным чынам: па палове валокі Агаце, Дароце, Стэфану, Станіславу. Старэйшы сын Тамаш яшчэ раней атрымаў палову пустой валокі і валоку з прыналежнасцямі. Зафея была выдадзена замуж за Мікалая Эйсмонта і цалкам усё атрымала. Кацярыне перайшла палова валокі, калі яна ішла замуж за Яна Трахімовіча. Па тэстаменце ёй прызначалася яшчэ палова валокі і свойская жывёла. Набытая ў Шараўскага валока дзялілася паміж Ядвігай і Ганнай. Дачка Клара была ўзята на выхаванне шваграм Бернатам Весянеўскім, і ён абяцаў яе выдаць замуж і даць пасаг. Пляменніку жонкі Вацлаву Самошы прызначалася яго ж 300 злотых, з якіх было аддадзена 150. Ён быў на выхаванні, і яго рэчы забралі маскоўскія войскі падчас акупацыі. Загадвалася выплаціць пазыкі чэлядзі. Уся рухомая маёмасць (пчолы, свойская жывёла і інш.) пераходзіла жонцы з умовай выплаціць пазыкі. Адамовіч адзначаў, што на патрэбы горада браў пазыкі ў Гануса Паўльсена, лаўніка Марціна Шаматулы, лаўніка Ф. Бабрыкевіча, Андрэя Рымучэвіча, а сялянку аўса – у Сымона Шаматулы, каб паехаць у Варшаву для гарадскіх спраў. Адпаведна, была выказана просьба да гарадскіх уладаў кампенсавать выдаткі. Апекунамі прызначаліся Бернарт Весянеўскі, Ганус Паўльсен, бурмістр Канстанты Дзіва [4, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 125–126].

Пасля смерці Адамовіча яго справы завяршалі жонка і нашчадкі. Бурмістр не зрабіў справаздачу за перыяд свайго кіравання ў 1661 г. Спадчыннікі разлічыліся толькі ў 1667 г. Перад магістратам справаздачыліся жонка Агнешка Весянеўская і сын Тамаш, лаўнік. Сваіх грошаў Адамовіч выдаткаваў для горада 439 злотых і 23 грошаў. Дадаткова пазычыў у Паўльсена 641 злотых і 12 грошаў, што было пацверджана тэстаментам і запісам у рэестры. Жонка і сын былі гатовы гэта пацвердзіць прысягай. Супраць гэтага выступілі сендыкі Готфрыд Варланг і Юзаф Адамовіч. Яны адзначылі, што фінансавую рэвізію Адамовіч не правёў пры сваім жыцці, а таксама не склаў адпаведных дакументаў з подпісамі радцаў. Таму прыведзеную інфармацыю не магчыма даказаць. У тэстаменце не была запісана сума выдаткаў на горад 439 злотых і 23 грошаў. Гэта стала прычынай не кампенсавання грошы Адамовічам. Прынята была толькі пазыка Паўльсену, 641 злотых і 12 грошаў яна была запісана ў тэстаменце і на рэестры. Было прынята рашэнне выканаць прысягу жонцы і сыну, што бурмістр выдаткаваў грошы для горада. Пасля гэтага горад абавязваўся ўсё выплаціць [4, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 151адв.–152].

Была яшчэ адна справа, дзе фігураваў Я. Адамовіч. У 1665 г. каралявецкія купцы Крыштаф Фонмелін і Струзборк працягнулі перадваенную справу з гарадзенскім магістратам аб забранні ў іх 51 бочкі солі ў 1653 г. У сваім тэстаменце Адамовіч сцвярджаў, што не браў солі. Але ўказаў на Пятра Ляўковіча, які трымаў соль пад ключом і прадаваў. Перад магістратам сын Тамаш Адамовіч хацеў

аддаць соль, але купцы не з’явіліся на пасяджэнне суда. Ён правёў следства 28 мая 1666 г. Выявілася, што для сябе забралі соль ураднікі: бурмістр 1653 г. Ян Адамовіч 8 бочак, бурмістр 1653 г. Ян Явароўскі – 6, Станіслаў Цвікліч – 6, Мацей Ябланоўскі – 4, Фольтын Шульц – 2, Войцех Пятроўскі – 6, Ян Цвікліч – 2, Павел Кроснеўскі – 1, Тамаш Лагоўскі – 2, Мікалай Кудзеўскі – 2, жонка Пятра Ляўковічава – 3. Рэшту бочак бурмістр і радцы наклалі на горад. Справа скончылася прысудам на карысць купцоў у 1673 г. [4, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 112–112адв., 128–128адв., 268].

У 1674 г. Вацлаў Самоша падаў скаргу на радцу Тамаша Адамовіча і яго братаў Стэфана і Станіслава як нашчадкаў бурмістра Яна Адамовіча і Агнешкі Весянеўскай. Іх бацькі ўзялі яго ў апеку па смерці бурмістра Міхаіла Самошы і Цыцыліі Весянеўскай, а таксама і маёмасць (золата, серабро, хатнія рэчы, аптэка). На момант падачы скаргі Вацлаў быў паўналетнім і патрабаваў вяртанне спадчыны. Нашчадкі Адамовіча не аддавалі рэчы, камянічку і аптэку [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 2, арк. 366]. Рашэнне па справе не выяўлена. Але тут відавочнае парушэнне закона. Такія выпадкі не адзінкавыя ў тых часы. Апекуны карысталіся маёмасцю непаўналетніх і не спышаліся вяртаць. Як правіла, суды прымалі бок скаргніка.

Далейшы лёс дзяцей Яна Адамовіча склаўся наступным чынам. Кацярына сваю палову валокі ў сяле Адамавічы прадала разам з мужам, ліпскім лаўнікам Я. Трахімовічам радзецкаму пісару Казіміру Мікалаевічу і яго жонцы Марыяне Скуліноўскай за 70 злотых. Яна знаходзілася з аднаго боку ад уладання роднай сястры Ядвігі Адамовічаўны, з другога – ад уладання нябожчыка Міхаіла Шэльпука, канцом – да в. Баранавічы, другім канцом – да в. Міткевічы. Прадалі (1669) [4, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 187–188адв., 190].

Старэйшы сын Тамаш займаў пасады радзецкага пісара (1663–1670), лаўніка (1667–1671), радцы (1672–1676). У магістрацкай кнізе ён часта фігураваў пры выкананні сваіх абавязкаў: праз яго падавалі скаргі, прадстаўляліся інтарэсы мяшчан у судзе, як лаўнік і радца прысутнічаў на пасяджэннях магістрата, праводзіў расследаванне справы мяшчанкі Раіны, дачкі гарадзенскага ката Марціна Загурскага, якая здраджвала мужу з жыдам, гарадзенскім рэзнікам Шымкам Хаімовічам [4, ф. 1800, спр. 1, арк. 102адв.–103адв., 117–118, 164адв.–165, 201адв.–202адв., 226адв.–227адв., 246–246адв. і інш.].

Тамаш Адамовіч быў жанаты з Ганнай Рошчыцаўнай. Сужэнцам аддалі ў заставу землі ў Адамавічах гарадзенскаму лаўніку Магэушу Масніцкаму і яго жонцы Кацярыне Эйсмантаўне за 30 злотых (1676), пасля за 40 злотых (1678) [10].

У 1674 г. былі ўзаемныя скаргі, але без прысуду, з аднаго боку, ад паручніка Яго Каралеўскай Міласці Адама Мыцкага і яго жонкі і з другога – ад радцы Тамаша Адамовіча і яго жонкі Ганна. У скарге Мыцкага справа была пададзена так. Калі Мыцкі ажаніўся з бурмістраўнай Магдаленай Цвіклянкай, якая першы раз была

за Юрыем Стрэчаням, другі – за Цібароўскім, ёй шкодзілі: калі яна была ўдавой, Адамовічы абражалі, прыніжалі яе гонар. Калі ён быў з дачкой на палі 2 кастрычніка, Адамовіч казаў рэчы, якія шкодныя для захавання шлюбу. Што быццам бы дачку яна не нарадзіла, а купіла, прывезлі ад татарына. 2 кастрычніка Магдалена нарадзіла сына, а яны сталі казаць, што не сама, а жанчына з вёскі прынесла, а сваё пахавалі, бо памерла. Пазней у Гародні на кірмашы Адамовіч напіўся і казаў публічна свайму брату Стэфану, што сваячка неўчцівага жожа, сама непрыстойная. 12 кастрычніка 1674 г. Т. Адамовіч падаў скаргу з-за збіцця. Мышкі на яго гвалтоўна напалі. Была пададзена адпаведная рэляцыя лаўніка [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 2, арк. 382–382адв., 384].

Сын Стэфан таксама займаў пасады ў гарадзенскім магістраце. Ён быў радцам (1689) і бурмістрам (1691) [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 3, арк. 49адв.]. Яго жонка Кацярына ахвяравала на алтар Анёла Ахоўніка ў Фарным касцёле пярэсцёнак (1688) [11, арк. 24адв.].

С. Адамовіч фігураваў у скаргах. Шляхціц Аляксандр Казімір з Ялава Барановіч падаў скаргу на Стэфана Адамовіча і радцу Сымона Шаматулу. 2 сакавіка 1676 г. яны здзейснілі напад на Шчыгельскага. Барановіч стаў іх супакойваць, прасіў не біць. Збіццё перакінулася на Барановіча. Адамовіч стаў біць яго шабляй. Шляхцічу вырвалі валасы, моцна збілі нагамі. У той жа дзень была пададзена скарга і лентвойт Лявон Эйсмант адправіў урадніка агледзіць збітага Аляксандра Барановіча. Лаўнік Міхаіл Барысовіч сведчыў, што пацярпелы моцна збіты, галава паранена, у дадатак грошы забралі [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 2, арк. 418, 419]. Выраку па справе ў кнізе не выяўлена. У 1691 г. Уладзіслаў Дорбах абвінавачваў лентвойта Яна Шульца і бурмістра і Стэфана Адамовіча ў намове нейкага гультая, каб ён яго збіў [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 3, арк. 97]. Вынік справы не выяўлены.

Далейшы лёс дзяцей Я. Адамовіча прасачыць не атрымалася па прычыне адсутнасці належных дакументаў. Прыведзеныя факты дазваляюць казаць, што Ян атрымаў адпаведную адукацыю, каб працаваць у магістраце. Адпаведна, яго сыны мелі магчымасць зрабіць кар’еру ў гарадзенскім магістраце.

Заклучэнне. Такім чынам, гісторыя сямей Войцеха і Яна Адамовічаў прадстаўляе цікавы фрагмент з жыцця мяшчан. Маёмасны стан і сацыяльны статус яго прадстаўнікоў дазваляў мець шлюбныя адносіны з асобамі з дробнай шляхты і з дзецьмі ўраднікаў, займаць пасады ў магістраце. Выпадак бурмістра Яна Адамовіча паказвае, што справаздачу ўраднікі не рабілі своечасова і гэта абавязак пераходзіў на сваякоў. Яго дзеці пайшлі па яго слядах. Аднак свае абавязкі як ураднікі выконвалі па-рознаму, нават з парушэннямі. З прыватна-прававых дакументаў атрымліваем інфармацыю аб маёмасным стане сям’і, аперацыі па куплі-продажы і падзеле маёмасці. У выніку дакументы даюць уяўленне пра грамадскае і прыватнае жыццё прадстаўнікоў роду Адамовічаў.

Дадаткі

Дакументы друкуюцца на мове арыгіналу. Напісаны на польскай мове XVII ст. Скароты раскрыты. Захоўваюцца дакументы ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі.

Дадатак 1. Інвентар падзелу маёмасці па Войцеху Адамовічу

Друкуецца на падставе: НГАБ, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 102адв.–103.

[102адв.] Inwentarz dobr oyczystych po nieboszczyku P. Woyciechu Adamowiczu pozostałych prosząc aby do księg przyięty u wpisany który po jawnym przeczytaniu od słowa do słowa tak sie w sobie ma. Roku Panskie(g) o 1638 dnia 31 m(ie)s(ią)ca maia Jan Adamowicz ławnik grodz(ienski) oznaimiuję iz ia będąc przydany od szlachetne(g)o P. Stanisława Cwiklicza lantwoita grodz(ienskiego) za żądaniem P. Marcina Adamowicza u uczciwey P. Anny Kotowiczowny Woyciechowey Adamowiczowey pozostałey małzonki do domu we wsi Adamowiczach nieboszczyka P. Woyciecha Adamowicza dla spisowania y zrewidowania rzeczy pozostałych nieboszczykowskich gdzie ia sprawuiąc sie wedla powinności urzędu swego przy bytnosci obudwu stron tak P. Marcina Adamowicza iako y małzonki nieboszczyka P. Woyciecha Adamowicza za żądaniem tak y pozwoleniem obudwu stron y pokazowaniem rzeczy tak in registrz y inwentarz przy bytnosci inszych ludzi spisał y uczynił. Naprzod bydynek izba czarna z sienią przez nią swietelka mała takze gumno ze wszystkim pokrywem, łaznia w ktorey w sieniach iest oznica do ktorey oznicy odzywał sie zięc nieboszczykowski P Jan Malarz mienił iz ią kupił u nieboszczyka. Do tego chlewow 2, podle wrot swirenek z zamkiem wniętrzny, w ktorym swireнку nalazłem zyta z plewami s puł czeczki, słoniny połec tak nie wielki, sadła połowica, gryki trzeciak, przenice czwertka, jaczmienia puł trzeciaka, siekierz 3, barta 1, kosa 1, dłot 4, swider jeden wielki a mnieysze 2, z nowu drugie 2 jeszcze mnieysze, noznicy owcze 2, hebel 1 mały, drugi wiekszy, rozenek 1 niewielki, siekierka mała. Noz ostry jeden, sierzpow 3, siekacz 1, lin 2 jedna wozowa druga do wlow ciągnienia, oszczep 1, ciosła 1, skobel 1, ubranie zielonie stare, zupan biały prosty, kopieniak biały, zasiewka włoka z puł zasiana mienili byc z P. Janczewskim, na ktorey włoce posiał nieboszczyk trzeciakow zyta 3 jakoby zięciowi swemu Łukaszowi złotnikowi przypominał sie zeby mu wolno było poząc zasiewek. Jarzyny, grochu szanek mieniła byc posiany z puł z P. Marcinem Fandebkiem. Pszenice puł szanka z puł ze mną Janem Adamowiczem. Jęczmienia 1 becška własna, jarke trzeciak, owsa szankow 2 to iego własnie, psczoł ulow 9, z ktorych psczołl mienił sobie P. Fiodor Jurewicz s puł z nieboszczykiem, drugi iakoby iego własny, trzeci ul wierzbowy mienił sobie bydz darowany P. Łukasz złotnik zięc iego a drugie ulego własne nieboszczykowskie pustych ulow bez psczoł 8, dziewiąty nowy teraz wyrobiony. Strony długow nieboszczykowskich tam za przypominał sie czeladnik ktory sluzzył [103] u nieboszczyka na imie Andzrey

ktury dług y sama przyznał P. Woyciechowa iz został nieboszczyk winien kop 3 litt tam ze niewiasta co służy myto tak rocznie nie płacone kopa 1 litt Charytonowi z Bohatyrom zyta beczka Kononowi. Co wszytko sama przyznała. Co sie tknie bydła wołow 2, krowa jedna, cielat tegorocznych 2, owiec starych 5, młodych 4, kon 1 szersci myszatey, swini 2. To sie stało przy bytnosci ludu uczciwego P. Fiodora Jurewicza ławnika grodz(ienskiego), P. Jana Malarza, P. Łukasza Złotnika, P. Andrzeja Rybaka zięców nieboszczykowskich, P. Jana Mikołaiewicza y P. Michała Szedpucha, P. Kazimierza Adamowicza. Co tak iest a nie inaczey na co daię tę relatyą z podpisem ręki moiey własney do ktorey moiey relatyey za żądaniem stron którzy pisac umieli ludzie przy mnie będący ręce swe podpisali. Działo sie w Adamowiczach. Roku y dnia wysz pomienego u niego podpisy ręk w te słowa Jan Adamowicz ławnik grodz(ienski), Jan Czechowicz ręką swą, Łukasz Skorbiakiewicz ręką swą iakosmy tego byli wiadomi. Ktory inwentarz z oblatą pisarską oddanych iest temu P. Marcinowi Adamowiczowi. Za czem podług compromissu stałego miedzy P. Marcinem Adamowiczem a P. Łukaszem Skorbiakiewiczem y małżonką iego Łucią Adamowiczową iz braci P. Jozepha y Adama Adamowiczow do działu oyczystych dobr nie masz za żądaniem onych potym to PP. Adamowiczow z sądu list wydany iest a zeby do działu dobr oyczystych przybyli miedzy rokiem y szeszią niedziel gdyz iesliby na ten czas nie przybyli urząd do działu y sądu będzie moc miał przystąpić. Co iest za pamiętnego obłożeniem zapisano y wypisem stron wydano.

Дадатак 2. Тэстамент бурмістра Яна Адамовіча

Друкуецца на падставе: НГАБ, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 125–126.

Działo się w domu sądowym in presentia szł(ache)tnych PP Hanusa Paulsena burms(trza) y lantwoyta, Constantego Dziwa burmistrza, Jana y Adama Cwikliczow, Jakuba Szamatuły, Jana Zielepuhy, Jakuba Szarawskiego radziec, Adama Iwaniszewskiego Symona Szamotuły, Thomasza Adamowicza ławnikow, dnia czternastego may roku 1666.

Testament P. Jana Adamowicza.

Przed kturym urzędem powstawszy z mieysc swoich Sł(ache)tni PP. Adam Iwaniszewski y Symon Szamotyła Sapinski ławnicy testament zesłego Sł(awe)tnego Pana Jana Adamowicza burmistrza starego grodzienskiego na ktury za cedulą z urzędu byli przydani do akt podali tewom takowego roku 1666 dnia 2 msca maia przede mna Adamem Iwaniszewskim y Symonem Szamotułą Sapinskim ławnikami grodzienskimi za przydaniem Sł(awe)tnego Pana Hanusa Paulsena lantwoyta grodzienskiego na żądanie Sł(awe)tnego P. Jana Adamowicza burm(istrza) starego y raycy grodzienskiego na przesłuchaie ostatniey woli iego takowym sposobem przy zupełnym rozumie lubo na ciele chorobą od Pana Naywyszszego nawiedzony wszelakich dobr ruchomych y leżących, ciezarów długow uczynił ostatnią dispositią.

W Imie Oyca y Syna y Duchy Swia(tego). Amen. Ja Jan Adamowicz czynie wiadomo tym moim pismem

ostatniey woli moiey dispositią iz ia acz będąc na ciele chorobą nawiedziony od P. Boga, ale na rozumie zdrowy y widząc to iz na smierc nie ma nic pewniejszego. Naprzod tedy duszę moją Panu Bogu w ręce poruczaiąc. Grzeszne ciało moie małżonki moiey y dziątek moich proszę aby według powinności chrescianskiey w kosciele Farskim grodzienskim w sklepie brackim Troyce Przenaswiętszey pogrzebli. Na ktory pogrzeb co należy podług obrzędow chrescianskich z dobr moich expendowac małżonka moja z dziatkami memi powinna [125адв.] będzie. Dobra moie leżące iako to włoki oyczyste y zakupne we wsi mieyskiey grodzienskiey Adamowiczach z ktorych gruntow wprzede za wszelakie mnie przez wiek moy doznana małżenska zyczliwosc y poszanowanie miley małżonkie moiey Jagnieszce Wiesieniewskiey Adamowiczowey do dospositiy y dobro według uzywania pachania od włoki zakupney Szarawskiey włok oyczystych leguię daruję realna dispositią do tego gruntu komu chcąc dac, darowac, przedac, zapisac. Od tych pułtory włok pułwłok naymniejszey corce moiey Agacie pułwłoki. Za tym pułwłokiem synowi Stephanowi pułwłok. Za tym pułwłokiem znowu przy wiedzy P. Symona Sapinskiego Szamatuły ławnika grodzienskiego pułwłoki synowi memu Stanisławowi. Synowi zas starszemu memu Thomaszowi iakom za zywota mego oddał onemu przed tym pułwłoki w sadzibie gołe niezabudowanie, a we dwuch poletkach włoke cale ze wszystkimi przynależnosciami miedzy gruntem zastawnym PP Massnickich y teraz bez zadnego zatrudnienia ma przy tym zostawac gruncie y onemu ten grunt oddaie y zapisuię. Corce moiey Zophiey kturom wydał w stan S(więty). małżenski za P. Mikołaiia Eysmonta tey się we wszystkie dosic stało nie mam zadną rzecz bracią y siostyr swoich turbowac. Corce moiey Katharzynie kturą takze w stan S(więty). małżenski wydałem za P. Jana Trochymowicza tey jakom dał pułwłoki gruntu oromego obmiedze Jerzego Szelpuka y brata iego Piotra y teraz tez pułwłoki oney leguię wyprawę y bydło podług przemnozenia wzięła. Corce mey Jadwidze pułwłoki gruntu tey włoki com kupił od P. Jakuba Szarawskiego leguię, a drugie pułwłoki tegoz gruntu mego drugiey corce mey Annie. Corke moją Clare ktorą na promisią swoje Jm P. Bernat Wiesieniewski szwagier moy miły wziął y iako dziecie swoje wychowawszy z łaski swey w stan S(więty). małżenski albo iaka wola Boza będzie oddac przyobiecał z wyprawą dosic się stało y posagu nic wydano z dobr oyczystych na ktore wykupuiąc y macierzyste przedani. Dorocie corce moiey pułwłoki gruntu od tey włoki com kupił od P. Szarawskiego leguię strony Waclawa Tamosza². Małżonki mey siostrzanka ktorego w opiece moiey miał ruchomosc wszelaką wszystką nieprzy(acie)ł moskal zabrał. A com odyskał od Jm P. Starosty Grodzienskiego zł trzysta iemu należące wydałem zł pultrzecia sta na mieyskie potrzeby na co są y registra ktore odyslawszy małżonka moja z dziatkami onemu maia oddac. A złotych 50 małżonka moja z dobr tych ktorem oney opisał ma oddac.

² У іншым дакуменце напісана прозвішча Samosz [4, ф. 1761, воп. 1, спр. 2, арк. 366].

Insze summy ktore odyskał po nieboszczyku P. Stanisławie Cwikliczu burm(istrzu) grodzienskim wydałem na prawo dochodząc śmierci oycy iego insze drobiazge wszystkie powstałe Moskwa zabrała. Kamieniczka, plac, apteka, ogrod te wolne strony. Soli którą za burmistrzostwa mego z P. Jaworowskim za wolą radą y wiadomością panow radzice kupcow krolewieckim y wicin zabrani iako wiele pamiętam dałem registr a iakom tey soli z wicin nie brał ale P. Piotrowski brał będą deputowany od panow radzice lepey moze wiedziec wiam się oney nie tykał okrom com w registrze y te z rąk Pana Lewkowicza wziętem który przedawał y za kluczem swoim miał te sol a nie tylko w roku moim sprzedał ale w roku następującym P. Stanisława Cwiklicza y P. Jabłownoskiego komu pieniądze oddał nie wiem a insze onych tykał ani do siebie odbierał y do mnie nie oddawał P. Lewkowicz. Strony P. Kazimierza Cwiklicza raycy grodzienskiego który iakom słyżał od ludzi [126] ze sie iakiey nalezytosci za grunt upomina ktury kupił u nieboszczyka oycy iego P. Stanisława Cwiklicza za co nie winno wypłacone wszystko oycowi iego y dał oyciec iego kwitacją którą Moskwa zabrała a niewinne nieboszczyk P. Stanisław odebrawszy summę zupełną zatrzymał. Strony Sł(awe)tnego Pana Hanusa Paulsena burm(istrza) grodzienskiego u ktorego na pilne mieyskie potrzeby moy oblig własny y osobliwie na registra ręką moją podpisane tak piędzmi iako y legatami nabrał pokornie proszę aby z miasta w się pokaze było wypłacono. Strony Marcina Szamatuły ławnika grodzienskiego u ktorego takoz wziętem na mieyskie potrzeby będąc burm(istrzem), temu takoz pokornie proszę co się pokaze nie wypłacono aby z miasta było oddani. A co dał zł 15 P. Pawłowi Worobieciowi tych ze piędzmi o czym me P. Marcin tegom nie odyskał y oblig zginał wolno odyskac z dobr P. Worobieciowych. Strony P. Theodora Bobrykiewicza ławnika grodzienskiego u ktorego takoz brał na mieyskie potrzeby, ale trzymał arende za to y rachunku nie uczynił. Iesliby tedy co winni pokazało się proszę aby z miasta było wypłacono. Strony Andziecia Rymuczewicza u ktorego takoz na mieyskie potrzeby brałem będąc burm(istrzem) ten darował dobrowolnie. Dług swoy za szafarstwo publice y nie ma więcej upominac. Strony długa Jm P. Grotkowskiemu iako to zyto ktore za moją paręką Oporowskie wziął zem tego zyta zadney a ni najmnieyszey części na siebie nie obrocił a ni uczywał iako się sam Oporowski przed Imscią przyznał y obiecał cale oddac. O co małzonka moja y dziatki turbowani byc nie maia ani tego zyta oddawac tylko O. Oporowski. Strony Rudego u ktorego oblig zostaie nie winne oddano wszystko y nic nie winno darmo oblig za codziennymi turbaciami zatrzymany. Strony Jm P. Studzienskiego urzednika Wielm Jey Msci Pani Wołowiczowey podskarbiney WXL y tam oblig nie winne zatrzymany oddano wszystko y sto dziatki moie y małzonka moja turbowani byc nie maia. Strony Jm P. Stanisława Sopocka y tam oblig zatrzymany tylko

za ktury y za to wszystko oddani u Marcina Kulincza u ktorego plac za Niemniem w zastawie wstaie za oddaniem summy podług listu danego wolno dziatkom okupic. Inne długi iako to P. Iwaniszewskimu za klacz którą żołnierze za całą wies wzięli. Długi winne czeladzi y mne ktore by się pokazały z dobr moich wypłacone byc maia. Ruchomosc wszelaka, pszczoła, bydło, owcy, swinie przy dispositiy małzonki moiey zostawac ma na zniesienia długow. Owsa solanke ktora wsiął y P. Symona Szamatuły na potrzeby mieskiey do Warszawy. Iesliby z miasta nie oddano to z dobr moich ma byc oddana. Takową tedy ostatnią dobrowolną wszelakich dobr moich uczyniwszy przy dobrej pamięci dispositia pokornie upraszam aby chcieli podług zyczliwosci swey którą mi zawsze swiadczały za zywota y po śmierci mey aby małzonki moiey osierosiały y dziatek moich chcieli byc opiekunami y obroncami Jm P. Bernata Wiesieniewskiego iako miełego szwagra mego, Sł(awe)tnych PP. Hanusa Paulsena, Constantego Dziwa burmistrzow tegorocznych o co y powtore upraszam aby poniać na ukrzyzowanego Pana onym radą y pomocą chcieli byc. Do ktorey woli moiey ostatniey y pisma mego przy podpisie panow ławnikow przydanych ręką moją własną podpisałem. U tego testamentu podpis ręk temi słowy. Pan Jan Adamowicz rayca g(ro)dz(ien)ski ręką swą własną, Adam Iwaniszewski ław(nik) g(ro)dz(ien)ski, Symon Szamatuła Sapinski ław(nik) g(ro)dz(ien)ski. Który ten testament iest do księg woytowskich grodzienskich zapisany.

Літаратура

1. Сліж, Н. Купцы Фандэберкі ў Гародні ў XVII ст. / Н. Сліж // *Архіварыус*. – 2016. – Вып. 14. – С. 347–357.
2. Сліж, Н. Мяшчанскі род Кудзеўскіх у сістэме кіравання Гародні / Н. Сліж // *Учэныя запіскі УО «ВГУ ім. П.М. Машэрава»*: сб. науч. тр. – 2020. – Т. 32. – С. 74–80.
3. Писцовая книга Гродненской экономии. – Ч. 2. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1882. – 607 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1761. Воп. 1. Спр. 1, 2, 3; Ф. 1800. Воп. 1. Спр. 1; КМФ-18. Спр. 77, 86, 119, 124, 127.
5. Lietuvos Vaistybes istorijos archyvas. – F. 1282. – Ap. 1. – V. 7021.
6. Брэгер, Г. Дэкрэт, які служыў жыдам гродзенскага кагалу / Г. Брэгер // *Памяць*. – Гродна, 1999. – С. 106–107.
7. Шаланда, А. Пергамяны канца XVI–XVII ст. на лацінскай і польскай мовах ў фондах Гродзенскага гісторыка-археалагічнага музея / А. Шаланда // *Герольд Litherland*. – 2002. – № 3–4 (7–8). – С. 110–120.
8. Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Gabinet rękopisów. – Sygn. 260. – Dok. 72.
9. Metryka Litewska. Księga wpisów nr 131 / Oprac. A. Rachuba. – Warszawa, 2001. – 532 s.
10. Lietuvos mokslų akademijos centrenės bibliotekas Rankraščių skyrius. – F. 43–8170; F. 43–8171.
11. НГАБ у Гродне. – Ф. 259. Воп. 2. Спр. 2.

Паступіў у рэдакцыю 23.11.2022

Советская модель управления транспортом Белорусской ССР в 1951–1959 гг.

Тимофеев Р.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В отмеченной статье показана советская модель управления транспортом Белорусской ССР за период 1951–1959 гг.

Актуальность изучения советской модели управления транспортом Белорусской ССР состоит в том, что оно позволяет определить наиболее удачные подходы в этом направлении и показать пути преодоления сложностей в данном процессе. В целом наличие советской модели управления транспортом Белорусской ССР являлась одним из аспектов послевоенной истории.

Цель работы – дать характеристику советской модели управления транспортом Белорусской ССР за период 1951–1959 гг., определив главные направления ее изменений и сложности в реализации на практике.

Материал и методы. Основу для написания статьи составили материалы фондов мест-ных органов власти Белорусской ССР и транспортных ведомств из белорусских государственных областных архивов, сведения из республиканской и союзной периодической печати. Для достижения поставленной цели нами использовались такие методы научного познания, как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Реализация на практике советской модели управления транспортом было естественным процессом для своего времени. Без него было бы невозможно продвижение вперед всей экономики советских республик.

Советская модель управления транспортом в первой половине 1950-х гг. была неразрывно связана с плановой системой, основными элементами которой по отношению к транспорту являлись: обеспечение увязки с планами развития промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, устранение диспропорций между развитием транспорта и других отраслей хозяйства.

Во второй половине 1950-х гг. советская модель управления транспортом Белорусской ССР преобразовалась в связи с заменой в 1957 г. отраслевого принципа руководства на территориальный в рамках создания Белорусского совнархоза. Перестройка модели управления была проведена в целях преодоления ведомственной разобщенности предприятий, лучшего осуществления грузовых и пассажирских перевозок.

Заключение. Советская модель управления транспортом в первой половине 1950-х гг. и позже была неразрывно связана с плановой системой. Органы власти Белорусской ССР постоянно ожидали большого эффекта от внедрения в практику новой модели управления транспортом. Характерной чертой данной модели, с одной стороны, был постоянный поиск новых рычагов воздействия на состояние транспорта, а с другой – широкое и регулярное применение административных методов воздействия на работу его предприятий.

Ключевые слова: транспорт, модель, характеристика, управление, изменения.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 27–30)

The Soviet model of transport management of the Belarusian SSR in 1951–1959

Timofeyev R.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article reveals the Soviet model of management of transport enterprises of the Belarusian SSR for the period of 1951–1959.

The relevance of studying the Soviet management model of transport of the Belarusian SSR is that it allows us to determine the most successful approaches in this direction and show ways to overcome difficulties in this process. In general, the presence of the Soviet management model of transport of the Belarusian SSR was one of the aspects of the post-war history.

The purpose of the work is to determine the main directions and difficulties in Soviet management model of transport of the Belarusian SSR in the period of 1951–1959.

Material and methods. The basis for the article was materials of the funds of local authorities of the Belarusian SSR and transport departments from the Belarusian state regional archives, information from the Republican and Union periodicals. To achieve this goal, we used such methods of scientific cognition as historical-genetic, historical-systemic, historical-typological.

Findings and their discussion. Implementation in practice of the Soviet management model of transport during the study period was a natural process. Without it the advance of the entire economy of the Soviet republics would have been impossible.

The Soviet model of transport management in the first half of the 1950s was inextricably linked with the planned system, the main elements of which, in relation to transport, were to ensure alignment with plans for the development of industry, agriculture and commodity turnover, the elimination of imbalances between the development of transport and other sectors of the economy.

In the late 1950s, the Soviet model of transport management changed due to the replacement in 1957 of the sectoral principle of management with the territorial one within the framework of the creation of the Belarusian sovnarkhoz. The restructuring of the management model was carried out in order to overcome the department disunity of enterprises, better implementation of freight and passenger transportation.

Conclusion. *The Soviet model of transport management in the first half of the 1950s was inextricably linked with the planned system. The authorities of the Belarusian SSR constantly expected a great effect from the introduction of a new model of transport management into practice. A characteristic feature of this model was the constant search for new levers of influence on the state transport, and on the other hand, the widespread and regular use of administrative methods of influencing the work of its enterprises.*

Key words: *transport, model, characteristic, management, changes.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 27–30)

Актуальность изучения советской модели управления транспортом Белорусской ССР состоит в том, что оно позволяет определить наиболее удачные подходы в этом направлении и показать пути преодоления сложностей в данном процессе. В целом наличие советской модели управления транспортом Белорусской ССР являлась одним из аспектов послевоенной истории.

Вопросы реализации на практике советской модели управления транспортом Белорусской ССР сегодня могут быть отдельным предметом для научного исследования, так как они напрямую влияли на выполнение транспортом его масштабных задач по транспортировке грузов и пассажиров. Однако в настоящее время значимые работы такого плана отсутствуют. Из изданий, где в числе прочих вопросов конкретно разбиралась реализация на практике советской модели управления транспортом, можно отметить лишь работы, которые относятся к деятельности Белорусской железной дороги [1]. Но там вопросы реализации на практике советской модели управления транспортом не являлись основным объектом изучения.

Цель работы – дать характеристику советской модели управления транспортом Белорусской ССР за период 1951–1959 гг., определив главные направления ее изменений и сложности в реализации на практике.

Материал и методы. Основу для написания статьи составили материалы фондов местных органов власти Белорусской ССР и транспортных ведомств из белорусских государственных областных архивов, сведения из республиканской и союзной периодической печати. Для достижения поставленной цели нами использовались такие методы научного познания, как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Реализация на практике советской модели управления транспортом было естественным процессом для своего времени. Без него было бы невозможно продвижение вперед всей экономики советских республик.

Советская модель управления транспортом в первой половине 1950-х гг. и позже была неразрывно связана с плановой системой, основными элементами которой по отношению к транспорту являлись: обеспечение увязки с планами развития промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, устранение диспропорций между развитием транспорта и других отраслей хозяйства, определение объёмов перевозок, введение показателей использования подвижного состава, ремонт, строительство,

снабжение, труд и финансы [2, с. 74–75]. Типичной для советской модели была привязка управления транспортом к директивам съездов КПСС и КПБ [3, лл. 24–26]. Исходя из пятилетних заданий по выполнению планов социально-экономического развития такие директивы в 1950-е гг. задавали генеральное направление деятельности транспортных ведомств по союзным республикам.

Одним из наиболее четко выраженных признаков советской модели управления транспортом в изучаемый период было широкое и постоянное применение административных методов воздействия на работу предприятий. Для этого в числе прочих действий создавались самые разнообразные специализированные комитеты, проводились многочисленные регулярные совещания всех уровней [4, лл. 5–7]. Так, в мае 1954 г. участники республиканского совещания работников промышленности, строительства и транспорта рассмотрели основные итоги работы своих предприятий и дали поручения по всемерному улучшению их работы.

Похожие задачи решали участники совещаний рангом ниже. Среди них можно отметить совещание работников промышленности и транспорта г. Минска и Минской области, прошедшее в апреле 1955 г. Главную роль постановщика актуальных задач для транспорта сыграл секретарь Минского обкома КПБ Ф.В. Глебов, традиционно обративший внимание на итоги выполнения планов за предыдущий год и на принятие новых обязательств. В первую очередь они касались повышения производительности труда и снижения себестоимости перевозок. Этим дело не ограничилось. В августе 1955 г. прошло уже собрание передовиков промышленности и транспорта Минского региона, где вновь главным лицом был Ф.В. Глебов. Более всего отмеченное собрание было посвящено вопросам технического прогресса и улучшения организации производства [5, с. 2–3]. В свою очередь причины срывов прохождения грузовых и пассажирских поездов рассматривались железнодорожниками на собраниях партийных активов железных дорог БССР. Далее об этом они отчитывались перед промышленно-транспортными отделами обкомов КП(б)Б. Здесь мы видим такую значимую черту советской модели управления транспортом, как ведущая роль в ее реализации на практике партийных органов и их руководителей.

Изучаемая нами модель управления транспортом была свойственна всем видам имевшегося в республике транспорта. Например, широкое распространение в 1950-е гг. на железных дорогах БССР получил регулярный, плановый созыв совещаний партийно-хозяйственного актива транспортных подразделе-

лений, где обсуждались самые насущные проблемы железнодорожников, предлагались пути выхода из сложных ситуаций, происходил обмен опытом. На Республиканском совещании партийно-хозяйственного актива работников железнодорожного транспорта в апреле 1952 г., проходившем под контролем секретаря ЦК КП(б)Б П.А. Абрасимова, основное внимание было уделено усилению работы по безопасности движения поездов и мерам по укреплению дисциплины.

Главными причинами отставания в работе железнодорожников страны на этом Республиканском совещании были определены: ослабление трудовой дисциплины и единоначалия, нарушение правил технической эксплуатации дорог, отсутствие «должного усердия» и слаженности в работе служб. Здесь обкомам, горкомам и райкомам КП(б)Б было поручено глубже вникать в работу железнодорожного транспорта, больше оказывать помощи политотделам, партийным, профсоюзным, комсомольским организациям и хозяйственным руководителям железнодорожного транспорта. То есть в процессе реализации на практике советской модели управления транспортом органы власти пытались использовать возможности и всех существовавших на то время общественных организаций.

В свою очередь на совещании актива работников Белорусской железнодорожной магистрали в декабре 1954 г. были рассмотрены возможности по ускорению оборота вагонов, снижению их простоев, совершенствованию организации выгрузки и отправки местных грузов. Свою положительную роль в управлении железнодорожным транспортом сыграли низовые партийные конференции. В г. Минске в 1955 г. они критиковали райкомы КПБ, его работников и секретарей за то, что последние не занимались в достаточной степени глубоко работой транспорта. Для достижения высоких результатов в перевозках ведомственные совещания дополнялись республиканскими и всесоюзными. Например, в 1954 г. на Всесоюзном совещании работников железнодорожного транспорта была отмечена низкая требовательность Министерства путей сообщения СССР к технической и коммерческой скорости поездов и намечены возможные пути решения этого актуального для железнодорожников вопроса. Кроме всего прочего представители Минской железной дороги на этом совещании критиковали Министерство путей сообщения за недостаточную заботу о дальнейшем развитии и оснащении вагонного хозяйства ряда транспортных предприятий.

В первой половине 1950-х гг. основной задачей реализации на практике советской модели управления транспортом оказалась: последовательное сокращение чрезмерно дальних, встречных, повторных и других нерациональных перевозок. Сюда же было включено развитие более совершенных видов транспорта, перевод железной дороги на электрическую и тепловозную тягу, строительство нефтепроводов, эффективное и целесообразное распределение грузопотоков между различными видами транспорта [6, с. 66–67]. Но итоги 1950-х гг. не позволили объявить полностью

успешной реализацию на практике советской модели управления транспортом. Об этом свидетельствует вынужденное использование такого нового подхода к развитию экономики и транспорта, как семилетка.

В изучаемый период советской модели управления транспортом были свойственны перемены. Во второй половине 1950-х гг. она преобразовалась в связи с заменой в 1957 г. отраслевого принципа руководства предприятиями на территориальный в рамках создания Белорусского совнархоза. Перестройка модели управления была проведена в целях преодоления ведомственной разобщённости предприятий, лучшего осуществления грузовых и пассажирских перевозок, более полного использования имевшихся на транспорте резервов и развития ведомственной инициативы.

За органами власти СССР осталась разработка общей стратегии транспортного развития, а республиканским органам на время существования Белорусского совнархоза было передано оперативное руководство осуществлению грузовых и пассажирских перевозок. В компетенцию Совнархоза вошли вопросы распределения перевозок между различными видами транспорта, то есть республиканское руководство могло перебрасывать с одного вида транспорта на другой так необходимые материально-технические ресурсы, создавая кому-то более благоприятные условия. Однако Белорусский совнархоз в целом руководил подчинёнными ему транспортными предприятиями исходя из заданий общесоюзного государственного плана развития, другого в рамках СССР не могло и быть.

Советская модель управления транспортом опиралась на силу приказа. Так, постановлением Совета Министров СССР от 6 сентября 1957 г. был изменён порядок планирования перевозок грузов железнодорожным и речным транспортом [7, с. 380–381]. Для этого председателей Советов Министров союзных республик и председателей соответствующих совнархозов обязали обеспечить комплектование наиболее квалифицированными работниками именно отделов транспорта и связи Госпланов союзных республик, транспортных управлений совнархозов и отделов планирования перевозок железных дорог и речных пароходств.

Во второй половине 1950-х гг. изменение советской модели управления транспортом позволило лучше использовать имевшиеся материальные ресурсы. Более слаженной стало взаимодействие транспорта и промышленных предприятий, были сделаны значительные шаги в рационализации перевозок и снижении транспортных издержек [8, лл. 11–12]. Координацией действий транспортных организаций и улучшением планирования перевозок занималось транспортное управление (отдел) Белорусского совнархоза.

Органы власти Белорусской ССР ожидали большого эффекта от внедрения в практику новой модели управления транспортом. Чтобы оправдать их ожидания, Белорусский совнархоз и его транспортный отдел занимались вопросами изучения и улучшения внутрирайонных транспортных связей, более масштабно организовывали

смешанные железнодорожные, водные и автомобильные перевозки. В задачи совнархоза при планировании перевозок также входило, исходя из местных условий, сопоставление затрат по каждому из видов транспорта в целях поиска наиболее оптимального варианта, которым чаще всего оказывались смешанные железнодорожно-водные перевозки [9, с. 74]. Ко всему прочему Белорусский совнархоз был задействован в разработке и осуществлении планов кооперирования промышленного и сельскохозяйственного производства, поставок сырья как внутри белорусского экономического административного района, так и в другие республики. Важно, что в процессе реализации на практике советской модели управления транспортом транспортный отдел Белорусского совнархоза опирался на анализ и подсчёт себестоимости грузовых и пассажирских перевозок. Это давало больше возможности избегать встречных и чрезмерно дальних перевозок, хотя они и не были искоренены в изучаемый период, в том числе и после нового изменения в 1960-е гг. советской модели управления транспортом.

Характерной чертой советской модели управления транспортом был постоянный поиск новых рычагов воздействия на его состояние. Так, осуществлять политику центральной власти в отношении низовых транспортных звеньев помогали постоянно действующие производственные совещания. Такие совещания были организованы 9 июля 1958 г. согласно постановлению Совета Министров СССР и ВЦСПС на транспортных предприятиях с числом работающих 300 человек и более. Среди многочисленных функций таких совещаний можно выделить: обеспечение выполнения заданий государственного плана, выявление резервов, совершенствование соревнования и повышение производительности труда [10, лл. 151–152]. То есть советская модель управления транспортом априори была связана с решением наиболее актуальных экономических вопросов.

Типичным проявлением советской модели было регулярное одобрение партийными органами самых разных инициатив транспортников. Таким образом, в 1959 г. ЦК КПБ поддержал инициативу оршанских железнодорожников по увеличению полезной работы локомотивов за счёт увеличения их суточного пробега. Одновременно партийные органы стали больше уделять внимания ежедневной работе конкретных транспортных предприятий. Поэтому и руководство Белорусской железной дороги во главе с Г. Котяшем в своей модели руководства начали исходить из того, что выполнение повышенных заданий по перевозкам во многом зависело от активности линейных подразделений. От них требовали налаживания высокой технологической культуры, внедрения передовой техники и повышения производительности труда. Отделения Белорусской железной дороги должны были неукоснительно осуществлять запланированные ими организационно-технические мероприятия, направленные на широкое использование имевшихся резервов и всемерное применение передовых методов эксплуатационной работы при перевозках.

Изучаемой нами модели был свойственен во многих случаях анализ имевшихся недостатков. К примеру, со стороны руководителей транспортных подразделений республики в 1957 г. оказалась довольно сильной критика в адрес Госплана БССР, когда ему в вину поставили не всегда рациональное планирование по перевозкам различного рода грузов. К Министерству финансов БССР от транспортников в этот же период были вопросы о том, с каких источников у предприятий-грузополучателей есть деньги на многочисленные штрафы за простои подвижного состава, подрывавшие транспортные показатели? Но и у железнодорожников главной проблемой остался сверхнормативный простой вагонов под грузовыми операциями, что снижало эффективность их работы. Вопрос с простоями из-за ведомственной разобщённости решался очень медленно и постоянно беспокоил органы власти на протяжении всего изучаемого периода. Решения, принятые по отношению к транспорту в ходе реализации советской модели управления, часто расходились с реальными итогами его работы.

Заключение. Советская модель управления транспортом в первой половине 1950-х гг. и позже была неразрывно связана с плановой системой. Органы власти Белорусской ССР постоянно ожидали большого эффекта от внедрения в практику новой модели управления транспортом. Характерной чертой данной модели, с одной стороны, был постоянный поиск новых рычагов воздействия на состояние транспорта, а с другой – широкое и регулярное применение административных методов воздействия на работу его предприятий.

Литература

1. Железная дорога Беларуси: История и современность / В.Г. Рахманько [и др.]; под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Минск: ОДО «Триолета», 2001. – 488 с.
2. Галицкий, А. Планирование социалистического транспорта / А. Галицкий // Плановое хозяйство. – 1952. – № 3. – С. 74–82.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 4. Д. 2765.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1966. Оп. 23. Д. 68.
5. Собрание передовиков промышленности и транспорта г. Минска и Минской области // Совет. Белоруссия. – 1955. – 23 авг. – С. 2.
6. Колдомасов, Ю. За дальнейшую рационализацию грузооборота железнодорожного транспорта / Ю. Колдомасов // Плановое хозяйство. – 1951. – № 2. – С. 66–77.
7. Постановление Совета Министров СССР «Об изменении порядка планирования перевозок грузов железнодорожным, морским и речным транспортом» от 6 сентября 1957 г. // Собрание постановлений правительства СССР. – 1957. – № 11. – С. 380.
8. ГАВт. – Ф. 2923. Оп. 1. Д. 78.
9. Черненко, В. Полнее использовать возможности речного транспорта Белоруссии / В. Черненко // Коммунист Белоруссии. – 1958. – № 4. – С. 73–77.
10. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 863.

Поступила в редакцию 10.10.2022

Война в Лотарингии 1476 г. и битва при Нанси

Черкасов Д.Н.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье рассматривается противостояние в герцогстве Лотарингском, развернувшееся в 1476 г. между лотарингским герцогом Рене II и, союзной ему, эльзасско-швейцарской коалицией, с одной стороны, и бургундским герцогом Карлом Смелым, войска которого оккупировали Лотарингию осенью 1475 г., с другой. Результат этого противостояния – отвоевание Лотарингского герцогства сторонниками Рене II и битва при Нанси 5 января 1477 г., приведшая к окончательному поражению и гибели Карла Смелого.

Цель статьи – проанализировать основные этапы противостояния 1476 г. в Лотарингии, причины успеха Рене II и обстоятельства поражения Карла Смелого.

Материал и методы. Исследование проведено на основании изучения и анализа ряда бургундских, французских и лотарингских хроник, и работ, раскрывающих аспекты борьбы в Лотарингии в 1476 г. и битвы при Нанси. Используются общенаучные и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. В 1476 г. в Лотарингском герцогстве, оккупированном в 1475 г. войсками бургундского герцога Карла Смелого, началась борьба за его освобождение, возглавленная Рене II Лотарингским. В результате поражений бургундцев от швейцарских войск при Грансоне и Мор, в марте и июне 1476 г. Карл Смелый не смог оказать дополнительную помощь бургундским силам в Лотарингии и поэтому в течение весны – лета 1476 г. большая часть герцогства была отвоевана лотарингцами, а 6 октября Рене II занял его столицу – Нанси. Попытка Карла Смелого вернуть утраченный город в ходе осады октября–декабря 1476 г. привела к истощению и деградации бургундских сил. Подошедшие к Нанси войска Рене II нанесли сокрушительное поражение бургундским войскам, в результате которого погиб сам Карл Смелый.

Заключение. В итоге войны 1476 г. и битвы при Нанси 5 января 1477 г. герцогу Рене II удалось восстановить полный контроль над Лотарингией. Гибель Карла Смелого привела к существенным изменениям в Европе в результате раздела его обширных владений между Францией и Габсбургами.

Ключевые слова: герцогство Лотарингия, Рене II, Карл Смелый, Нанси.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 31–35)

The 1476 War in Lothringia and the Battle of Nancy

Cherkasov D.N.

Belarusian State University, Minsk

The article deals with the confrontation in the Duchy of Lorraine that unfolded in 1476 between the Duke of Lorraine René II and the Alsatian-Swiss coalition allied to him, on the one hand, and the Duke of Burgundy Charles the Bold, whose troops occupied Lorraine in the autumn of 1475. The result of this confrontation was the reconquest of the Duchy of Lorraine by the supporters of René II and the Battle of Nancy on January 5, 1477, which led to the final defeat and death of Charles the Bold.

The purpose of the article is to analyze the main stages of the confrontation in 1476 in Lorraine, the reasons for the success of René II and the circumstances of the defeat of Charles the Bold.

Material and methods. The study was carried out on the basis of the study and analysis of a number of Burgundian, French and Lorraine chronicles, and works that reveal aspects of the struggle in Lorraine in 1476 and the Battle of Nancy. General scientific and special-historical research methods were used.

Findings and their discussion. In 1476, in the Duchy of Lorraine, occupied in 1475 by the troops of the Duke of Burgundy Charles the Bold, a struggle began for its liberation, led by René II of Lorraine. As a result of the defeats of the Burgundians from the Swiss troops at Granson and More, in March and June of 1476, Charles the Bold could not provide additional assistance to the Burgundian forces in Lorraine, as a result of which, during the spring-summer of 1476, most of the Duchy was recaptured by the Lorraine, and on October 6, René II occupied its capital, Nancy. The attempt of Charles the Bold to return the lost city during the siege of October–December 1476 led to the exhaustion and degradation of the Burgundian forces. The troops of René II, who approached Nancy, inflicted a crushing defeat on the Burgundian troops, as a result of which Charles the Bold himself died.

Conclusion. As a result of the war of 1476 and the Battle of Nancy on January 5, 1477, Duke René II succeeded in regaining full control of Lorraine. The death of Charles the Bold led to significant changes in Europe as a result of the division of his vast possessions between France and the Habsburgs.

Key words: Duchy of Lorraine, René II, Charles the Bold, Nancy.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 31–35)

Борьба за Лотарингское герцогство, развернувшаяся в 1475–1476 гг., итогом которой стало сражение при Нанси 5 января 1477 г., являлась частью, так называемых, Бургундских войн 1474–1477 гг., в ходе которых бургундский герцог, Карл Смелый, столкнулся в борьбе с коалицией, финансируемой королем Франции, Людовиком XI. В ее составе были швейцарская Конфедерация, лотарингский герцог, Рене II, австрийский герцог, Сигизмунд Габсбург и ряд городов Эльзаса. В то же время сам французский король 13 сентября 1475 г. в Солёвре заключил 9-летнее перемирие с Карлом Смелым и официально не являлся участником конфликта.

Тема, рассматриваемая в настоящей статье, традиционно освещалась во французской историографии XIX–XXI вв. в рамках исследований, посвященных политике централизации во Франции, осуществлявшейся при Людовике XI (Ж. Мишле, Ш. Пти-Дютайи), либо в работах, посвященных политике герцогов Бургундских (П. де Барант, Р. Воэн, Б. Шнерб, М. Депрете). Также интерес к этим событиям проявлялся в региональной историографии Лотарингии (О. Кальме, Ф. де Лакомб, Х. Пфистер, Ф. Незгода). Вместе с тем представленная статья является оригинальным исследованием, опирающимся на ключевые источники по данной теме. Ее целью является анализ и освещение на основе современных представлений о развитии исторического процесса, борьбы за Лотарингию в 1476 г. и битвы при Нанси 1477 г.

Материал и методы. Исследование проведено на основании изучения и анализа ряда основных по данной теме бургундских, французских и лотарингских хроник: мемуаров Оливье де Ла Марша и Филиппа де Коммина, хроники Жана Молине, дневника Жана д'Обриона, Лотарингской хроники. Использован ряд исследований, раскрывающих аспекты борьбы в Лотарингии в 1476 г. и битвы при Нанси. Применены общенаучные и специально-исторические методы, основным из которых является сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение. После завоевания Лотарингского герцогства, осуществленного в ходе военной кампании в сентябре – ноябре 1475 г., герцог Бургундский в течение декабря 1475 г. – начала января 1476 г. оставался в столице герцогства Нанси, чтобы закрепить свою власть на завоеванных землях. Ему удалось заручиться поддержкой части местного дворянства и Штатов Лотарингии, признавших Карла Смелого своим законным правителем. Поскольку Карлу казалось, что дела в Лотарингии были улажены, 11 января 1476 г. он оставил Нанси, чтобы начать военную кампанию против швейцарской Конфедерации, заявив, что хочет вернуть герцогине Савойской, графу де Ромону, сеньорам де Шалон и другим сеньорам земли, ранее отнятые у них швейцарцами. Через Туль он прибыл в Нёшато, где провел 12–17 января, а оттуда направился во Франш-Конте и 22 января прибыл в Безансон. Сделав необходимые приготовления, 6 февраля Карл Смелый двинулся в Швейцарию, имея около 25 тыс. воинов, $\frac{3}{4}$ из которых составляли наемники – пикардийцы, валлоны, англичане и ломбардцы [1, р. 295–299]. В Швейцарии войска Карла осадили и взяли 28 февраля, занятый ранее швейцарцами, замок

Грансон на озере Нёшатель. Воины гарнизона, состоявшего из бернцев, были по приказу герцога частью повешены, частью утоплены в озере [1, р. 302–303]. Однако внезапный подход войск швейцарской Конфедерацией к Грансону, привел к поражению бургундцев 2 марта 1476 г. [2, р. 34].

Поражение стало причиной сильного психологического надлома Карла Смелого, о чем в своих «Мемуарах» упоминает Филипп де Коммин, который писал о герцоге, что «делом он занимался мало и держался уединенно, кажется, что он делал все не иначе, как из упрямства, как вы поймете, так как горе от поражения при Грансоне было столь велико, что потрясло его душу, из-за чего он сильно заболел» [3, р. 369]. Молине сообщает, что герцог «был очень меланхоличен и легко впадал в гнев после потери Грансона» [4, р. 229].

В связи с поражением бургундцев у Грансона, в течение весны 1476 г. существенно изменилась ситуация в Лотарингии. У Рене II оставалось достаточно сторонников среди знати немецкоязычной части герцогства, ему сохраняли верность горожане Саарбурга. Воспрянувшие духом сторонники Рене II, среди которых были Грасьен д'Агёр, Дидье де Ландр, граф де Дё-Пон-Битш, один за другим, стали отвоевывать у бургундцев города и крепости [5, р. 84]. В графстве Водемон действовал бастард де Водемон и ряд других местных сеньоров, которые на Пасху 1476 г. завладели одноименной столицей графства. Вскоре бургундские гарнизоны оставили также Везелис и еще несколько мест графства [6, р. 191–192]. Сам Рене II с начала года находился при французском дворе в надежде получить от Людовика XI войска для отвоевания Лотарингии, но король был осторожен, ссылаясь на франко-бургундское перемирие, заключенное в Солёвре. Однако после Грансона король Франции выделил Рене II эскорт в 400 всадников, чтобы тот мог проехать через Лотарингию в Эльзас и собрать силы с помощью Нижнего Союза. Это ему удалось сделать. В Лотарингии к герцогу присоединились графы де Битш, де Саарбрюккен, де Сарверден, сеньоры де Фенетранж и де Решикур. 20 мая Рене II прибыл в Страсбург, посетил Кольмар, Базель, Берн и Люцерн, вернувшись к 5 июня в Страсбург, чтобы участвовать в съезде Нижнего Союза [7, р. 415–416].

Тем временем герцог Бургундский, несмотря на поднявшееся сопротивление в Лотарингии, оставался в Швейцарии, где организовал большой лагерь возле Лозанны. Он окончательно уладил конфликт с императором Фридрихом III, 14 апреля ратифицировав мирный договор, а 6 мая помолвку Максимилиана Габсбурга и Марии Бургундской [8, S. 134–135]. В начале июня Карл Смелый осадил Мора/Муртен в земле Во (романоязычная часть Швейцарии), который удерживали бернцы. Но 22 июня 1476 г. подошедшие к Мора швейцарцы и их союзники нанесли бургундцам очередное поражение, более существенное, чем при Грансоне [2, р. 34]. В сражении участвовал и Рене II, который перед битвой был посвящен в рыцари Освальдом фон Тьерштайном. После сражения ему досталась часть добычи, захваченной в бургундском лагере, в том числе шатер Карла Смелого со всем имуществом, которое там находилось [6, р. 206].

Опасаясь, что слабовольная герцогиня Савойская перейдет на сторону швейцарской Конфедерации, герцог Бургундский приказал капитану своей личной охраны, Оливье де Ла Маршу, арестовать ее и ее сына, малолетнего герцога Савойского. Герцогиня была задержана 27 июня возле Женеви и отвезена в Бургундию, но ее сын, герцог Филибер Савойский, избежал ареста, что привело в ярость Карла Смелого [3, р. 364; 9, р. 234–236].

После поражения бургундцев при Мора, Рене II стал собирать армию, чтобы отвоевать свое герцогство. Его сторонники блокировали Нанси. Внезапной атакой капитана Рауля Арншера был взят Брюйер, затем ему сдались Арш, Сен-Дьё, Ремирмон. Жители Эпиналя уже не выказывали уважения бургундцам. Когда наместник Карла Смелого в Лотарингии, Жан де Рюампре приказал 400 воинам из Миркура уйти в Эпиналь для усиления гарнизона, их не впустили в город, ссылаясь на нехватку продовольствия. Им пришлось расположиться в пригороде, под стенами города. В результате, часть этих воинов была рассеяна лотарингцами, часть сумела добраться до Нанси, что вызвало гнев сеньора де Бьевр [6, р. 209–215].

В это же время бастард де Водемон с 1500 воинами взял Байон, принадлежавший сторонникам герцога Бургундского, Перрену и Эвару д'Арокур, которые были пленены. Около 4 тыс. лотарингцев 15 июля подошли к Люневиллю, который оборонял бургундский гарнизон во главе с Жаном де Монфором, сыном графа де Кампо-Бассо. Три штурма, следовавшие один за другим, не принесли успеха, а нападавшие потеряли 200 человек убитыми. Однако когда были захвачены одни из ворот, Жан де Монфор пошел на переговоры и 22 июля сдал город [6, р. 216–220]. В этот же день горожане Эпиналя открыли ворота перед войсками Рене II, после чего сдался бургундский гарнизон городского замка [7, р. 424]. Освободившиеся после взятия Люневилля и Эпиналя, лотарингские силы приступили к осаде Нанси. Между тем один из взятых в плен бургундских солдат сообщил о якобы приближающихся значительных силах герцога Бургундского, после чего, в ночь с 10 на 11 августа 1476 г., осада была снята. Сообщение оказалось ложным и, вероятно, было уловкой со стороны Жана де Рюампре. Бургундца, передавшего дезинформацию, повесили [6, р. 220–223].

Рене II из Базеля, где он участвовал в съезде Нижнего Союза, 14 августа прибыл в Страсбург, который был местом сбора его армии для похода в Лотарингию. Его войска прошли через Саарбург, горожанам которого герцог 20 августа подтвердил их привилегии [7, р. 426–427]. В сентябре началась осада Нанси. Ф. де Коммин полагал, что герцог Бургундский был в силах помочь городу и снять осаду, «но его упрямство нанесло ему большой урон, потому что он не принимал советы ни от кого, кроме себя, и как его ни торопили оказать помощь этому месту (Нанси), он оставался без какой-либо нужды в Ривьер около 6 недель. И если бы он сделал по-другому, он легко помог бы этому месту, так как герцог Лотарингский не имел достаточно людей» [3, р. 372].

Осада длилась до начала октября, когда бургундский гарнизон стал испытывать трудности с продовольствием, а внутри города назревало недовольство жите-

лей и англичан, находившихся на бургундской службе. Английский контингент, насчитывавший 300 воинов под командованием Джона Колпена, был одним из наиболее профессиональных в составе бургундских сил гарнизона. Англичане потребовали сдачи города, убив своего командира, который, «пока он был жив, держал среди англичан такую дисциплину, что никто никогда не сдал бы город» [9, р. 238]. Начавшиеся 5 октября переговоры привели к капитуляции бургундского гарнизона, принятой на почетных условиях. В результате, Жан де Рюампре, который защищал город с контингентом в 1500 воинов, 6 октября сдал Нанси при условии сохранения их жизни [7, р. 431–432]. В тот же день герцог Лотарингский вошел в свою столицу, а 7 октября 1476 г. заключил союз со швейцарской Конфедерацией [1, р. 128].

Карл Смелый, узнав об осаде Нанси, 25 сентября 1476 г. вышел на помощь осажденному гарнизону с 10 тыс. человек из своего лагеря во Франш-Конте, но опоздал. 7 октября, когда Нанси был уже сдан, он был только в Нёшато. Граф де Кампо-Бассо с 10–12 тыс. воинов, набранных во Фландрии, Артуа и Эно, шел ему навстречу. Рене II хотел атаковать герцога Бургундского до того, как тот объединит свои войска с силами де Кампо-Бассо, но его советники решили, что лучше перехватить контингент де Кампо-Бассо. Войска Рене II выдвинулись на север от Нанси, чтобы перекрыть дорогу из Номени, по которой мог двигаться де Кампо-Бассо, но граф перешел на левый берег Мозеля и 11 октября прибыл в Туль, соединившись с герцогом Бургундским, объединенные силы которого составили около 20 тыс. воинов. К этому времени герцог Лотарингский со своими силами находился в Понт-а-Муссоне. Карл Смелый 15 октября подошел к городу, расположившись у горы св. Женеьевы, но Рене II не решился вступить в сражение и отступил на территорию швейцарской Конфедерации. Герцог Бургундский двинулся к Нанси, осадив город 22 октября 1476 г. [5, р. 86–87; 10, р. 58–59].

К концу XV в. в Нанси проживало не более 2 тыс. человек, гарнизон города в 1476 г. составлял 2 тыс. воинов [10, р. 63]. Осада затянулась до зимы и армия Карла Смелого, осаждавшая город, неуклонно сокращалась. К окончанию осады в январе 1477 г., по свидетельству Молине, «некоторые из его людей в лагере сильно упали духом», «капитаны и военачальники его лагеря нашли, что некоторые были мертвы от голода, лишений, холода. Из-за плохой оплаты многие потихоньку вернулись в свои земли из-за чего имелись такие сотни копий, в которых было не более 20 копий» [4, р. 228–229].

Пока длилась осада Нанси, Рене II получил финансирование Людовика XI и нанял на французские деньги 12 тыс. швейцарцев [9, р. 239]. Помощь герцогу Лотарингскому оказал и ряд городов Эльзаса, во главе со Страсбургом. В результате, Рене II смог собрать под свои знамена 20-тысячную армию, с которой в декабре 1476 г. двинулся на помощь своей осажденной столице. 3 января он был в Люневиле, 4-го занял Сен-Николя, который защищали 300 бургундцев [6, р. 280].

Граф де Кампо-Бассо под предлогом того, что ему не выплатили значительную сумму денег, искал возмож-

ность перейти на сторону короля Франции или герцога Лотарингского. 1 января он прибыл из бургундского лагеря в Коммерси со 180 людьми, чтобы предложить свою службу французам. Сеньор де Краон, который имел приказ короля Франции соблюдать франко-бургундское перемирие, заключенное в Солёвре, отказался от предложения де Кампо-Бассо, посоветовав последнему обратиться к герцогу Лотарингскому [6, р. 286].

Тогда де Кампо-Бассо, вместе с двумя сыновьями, прибыл в Сен-Николя к герцогу Лотарингскому, рассказав о плачевном положении в бургундском лагере, о низком боевом духе солдат и недостатке людей [4, р. 228]. Граф был принят на службу, ему было поручено сторожить мост в Буксьер-о-Дам, единственный путь от Нанси, по которому бургундцы могли бы отступить в случае поражения. Первоначально Рене II не собирался атаковать бургундские войска, но узнав о плачевном состоянии, в котором оказался Карл Смелый, принял решение атаковать противника [7, р. 480, 483]. Силы Карла Смелого, по состоянию на 8 декабря 1476 г., состояли из 1136 жандармов, 1788 конных лучников и 2463 пехотинцев. Всего 5387 человек [11, р. 428]. Очевидно, что к началу января 1477 г. их было меньше. Молине говорит только о 3 тыс. солдат [4, р. 230]. Коммин называет цифру в 4 тыс. человек, из которых только 1200 могли сражаться [3, р. 386]. Де ла Марш в своих «Мемуарах» убеждает «поверить на совесть», что у герцога Бургундского было не более 2 тыс. воинов [9, р. 239].

Несмотря на предложение военного Совета снять осаду и отступить в Понт-а-Муссон, который бургундцы еще удерживали, оставив гарнизоны в крепостях вокруг Нанси, и дожидаться ухода «немцев», Карл Смелый принял решение дать сражение [3, р. 386]. В ночь с 4 на 5 января бургундские отряды тайно оставили лагерь под Нанси и выдвинулись на юго-восток, по дороге на Сен-Николя, откуда должен был прийти противник. У Нанси остались небольшие заслоны для продолжения блокады города [7, р. 485]. Карл Смелый, стараясь обезопасить свои фланги и свести к минимуму численное превосходство противника, расположил свою армию на самом узком участке дороги, зажатом между рекой Мёртой и лесом Сорюп. Бургундскую армию прикрывали также ручьи Мадлен (с тыла) и Жарвиль (с фронта), впадавшие в Мёрту. Свою артиллерию, в которой у бургундцев было превосходство, Карл Смелый расположил вдоль ручья Жарвиль: 30 кулеврин и серию небольших орудий. За артиллерией расположился центр бургундской армии – баталия, состоявшая в основном из пехоты и лучников, командование которой Карл взял на себя. При нем находились Жан де Рюампре, сеньор де Бьевр, Оливье де ла Марш, капитан его личной гвардии, Филипп де Круа, граф де Шиме, и граф Энгельберт де Нассау. Слева от баталии, упираясь в реку, расположилась часть кавалерии под началом итальянского кондотьера Джакомо Галеотто. Справа, доходя до леса Сорюп, другая часть кавалерии, под командой Жосса де Лалена, сеньора де Монтины, великого бальи Фландрии [7, р. 486–487]. Таким образом, все три корпуса расположились в линию от р. Мёрты до леса Сорюп, длиной около 1 километра [12, р. 14].

Армия Рене II выдвинулась из Сен-Николя в 8 часов утра в воскресенье 5 января 1477 г. Подойдя к местечку Жарвиль, за которым располагалась армия Карла Смелого, Рене II созвал военный Совет и согласовал план битвы. Было решено предпринять ложную атаку во фронт небольшим количеством воинов, а основные силы провести через лес и ударить в левый (для бургундцев – правый) фланг противника.

Армия Рене II была разделена на 3 части: авангард (2000 конницы под началом Освальда фон Тьерштайна и 7000 пехоты во главе с Вильгельмом Хертером) под общим командованием Вотрена Висса (здесь же был бастард де Водемон и ряд лотарингских сеньоров); баталию (8000 пехоты и 2000 кавалерии) под командованием Рене II, которого сопровождали графы Вакер де Битш, де Сальм, Филипп де Линьянж; арбергард (800 кулевринеров с орудиями). Несколько сот человек остались на дороге, перед бургундским фронтом, создавая видимость готовящейся атаки [7, р. 491–492]. Основные силы Рене II, обойдя небольшой лес Жарвиль, прошли по глухой лесной дороге через лес Сорюп и вышли в промежутке между 13 и 14 часами к правому флангу войск Карла Смелого [7, р. 493]. Первыми во фланг бургундцам ударили 400 французских кавалеристов, давая возможность швейцарцам выйти из леса и построиться. Эта первая атака была отбита жандармами де Ланнуа [12, р. 22, 24]. Но швейцарцы уже пошли в бой. Участник сражения, Оливье де ла Марш, отметил, что «люди герцога не держались совсем, бежали, убежали лучшие из лучших» [9, р. 240]. Правый фланг не выдержал, началась паника. Кавалерия Жосса де Лалена стала убежать, сам он был тяжело ранен и попал в плен. Галеотто, осознав безвыходность ситуации, бросился со своими людьми на лед Мёрты, перешел реку вброд и ушел в сторону Меца, державшего в конфликте нейтралитет [7, р. 494].

Карл Смелый предпринял попытку восстановить свой правый фланг и выдвинуть артиллерию против швейцарцев, но лотарингцы, бывшие на дороге, не дали это сделать. Понимая, что сражение проиграно, Карл поскакал к своему лагерю у Нанси. Его уставший конь испугался прыгать через ручей Сен-Жак, возле которого «герцог встретил смерть на поле битвы и упокоился, как самый бедный человек в мире» [9, р. 241]. Один из ударов алебарды рассек ему череп от уха до зубов [4, р. 234]. Рядом с ним нашли смерть 500 бургундцев, в числе которых был, верный до конца, Жан де Рюампре [6, р. 300].

Гарнизон Нанси вышел из города и спалил бургундский лагерь. Часть бургундцев от Нанси отступала через мост Буксьер, стараясь прорваться по дороге к Мецу. Здесь их ждал со своими людьми де Кампо-Бассо. Мост перегородили повозками и бургундцы оказались зажаты, напиравшими сзади лотарингцами и швейцарцами. В начавшейся бойне швейцарцы не брали пленных, даже если им кричали цену выкупа [7, р. 498–499]. Около 600 бургундцев были убиты на мосту. Погоня длилась до наступления ночи. Лишь немногим удалось спастись и добраться до Меца [4, р. 233; 6, р. 301]. Герцог Лотарингский потребовал от магистрата Меца, чтобы в город не впускали никого из бургундской армии, опасаясь,

что Карл Смелый мог спастись. Однако 7 января его ное тело было найдено на поле битвы, в окружении еще 14 таких же тел, опознано и помещено в церкви Св. Георгия (Сен-Жорж) в Нанси [4, р. 234–235].

Исходя из того, что к началу сражения армия Карла Смелого насчитывала не более 5 тыс. человек, общие потери бургундцев могли составить около 2–3 тыс. человек убитыми. В плен попали Антуан, великий бастард Бургундский, и бастард Бодуэн Бургундский, сыновья Филиппа Доброго, а также графы де Шиме и де Нассау, Жосс де Лален, Оливье де ла Марш, ряд других знатных бургундцев [4, р. 236].

Результатом битвы при Нанси стало полное восстановление контроля Рене II над герцогством Лотарингским. Однако наибольшую выгоду от победы получил король Франции Людовик XI, который после гибели Карла Смелого занял герцогство Бургундское и Пикардию, избавившись от самого опасного из своих врагов.

Заключение. Таким образом, к началу 1476 г. территория герцогства Лотарингского, за исключением некоторых немецкоязычных частей, находилась под контролем Карла Смелого, герцога Бургундского. Для него герцогство имело значение как стратегический коридор, связывающий две части его владений – Нидерланды и Бургундию. Значительная часть лотарингской знати, добровольно или из страха, признала герцога Бургундского своим сеньором. Рене II Лотарингский находился вне пределов герцогства и не мог рассчитывать на открытую поддержку короля Франции, заключившего в 1475 г. 9-летнее перемирие с Карлом Смелым.

Ситуация изменилась после поражения, нанесенного бургундским силам под Грансоном швейцарской Конфедерацией. Оставшиеся в Лотарингии сторонники Рене II объединили свои силы и разгромили ряд бургундских гарнизонов в городах и местечках Лотарингии, было полностью отвоевано графство Водемон, родовое владение Рене II. В мае 1476 г. Рене лично прибыл в Лотарингию, а затем вел переговоры с городами Эльзаса о совместных действиях против герцога Бургундского. В июне он участвовал в битве при Мора, где Карлу Смелому было нанесено очередное поражение швейцарцами и их союзниками. К августу 1476 г. Рене II уже обладал достаточным количеством войск, чтобы войти в Лотарингию и взять под контроль большую ее часть. В сентябре была осаждена столица герцогства – Нанси, сданная бургундским гарнизоном под командой Жана де Рюампре 6 октября. Карл Смелый, выступивший из Франш-Конте для деблокады города, в силу объективных и субъективных причин, не успел предотвратить сдачу Нанси, что было чревато полной потерей контроля над Лотарингией.

Осада Нанси, начатая герцогом Бургундским 22 октября 1476 г., после того как Рене II с основными силами отступил в Швейцарию, была предпринята в преддверии зимы и сопровождалась быстрым сокращением бургундского контингента, который к началу 1477 г. мог составлять не более 5 тыс. воинов. К этому времени Рене II, получивший финансовую поддержку от короля Франции, смог собрать около 20 тыс. воинов из Лотарингии, Швейцарии и Эльзаса. Он выступил

на деблокаду Нанси, поставив Карла Смелого перед трудным выбором – снять осаду или дать сражение.

Соотношение сил, истощение бургундского контингента и его слабый моральный дух побуждали окружение герцога Бургундского рекомендовать ему снять осаду города и отступить, чтобы, собравшись с силами, весной – летом 1477 г. начать новую кампанию в Лотарингии. Однако личные качества Карла Смелого, его характер и темперамент побудили его принять единоличное решение, игнорировавшее реальную ситуацию, вступить в сражение с войсками Рене II. Битва при Нанси, состоявшаяся 5 января 1477 г., привела к ожидаемому поражению бургундской армии и гибели значительной ее части, в том числе и самого Карла Смелого. Многие представители бургундской знати, в том числе сводные братья Карла, бастарды Антуан и Бодуэн, попали в плен. В результате победы Рене II при Нанси он вернул полный контроль над герцогством Лотарингским и существенно укрепил свое положение в регионе франко-имперского пограничья. Гибель же Карла Смелого имела последствия общеевропейского значения, поскольку его обширные владения были разделены между Францией и Габсбургами.

Литература

1. Toutey, E. Charles le Téméraire et la ligue de Constance / E. Toutey. – Paris: Hachette et Cie, 1902. – 481 p.
2. Schneider, J. Metz et la Bourgogne au temps de Charles le Hardi (1467–1477) / J. Schneider // Mémoires de l'Académie nationale de Metz, 1976–77. – Florange, 1976. – 6 sér. – T. 4–5. – P. 305–336.
3. Mémoires de Philippe de Commine: en 2 t. – Paris: Alphonse Picard et fils, 1901. – T. 1. – 619 p.
4. Chroniques de Jean Molinet, publiées, pour la première fois, d'après les manuscrits de la Bibliothèque du Roi; par J.-A. Buchon. – Paris: Verdrière, 1827. – T. 1. – 717 p.
5. Journal de Jehan de Aubrion bourgeois de Metz avec sa continuation par Pierre Aubrion (1465–1512). Publié en entier pour la première fois par L. Larchey. – Metz: F. Blanc, 1857. – 638 p.
6. La chronique de Lorraine // Recueil de documents sur l'histoire de Lorraine. – Nancy: L. Wiener, 1860. – 383 p.
7. Pfeister, Chr. Histoire de Nancy: en 2 t. / Chr. Pfeister. – Paris-Nancy: Berger-Levrault, 1902. – T. 1. – 799 p.
8. Monumenta Habsburgica. Sammlung von Actenstücken und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburg dem Zeitraume von 1473 bis 1576. Erst Abtheilung: Das Zeitalter Maximilian's I. – Wien: Aus der kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1854. – Bd. 1. – 691 s.
9. Mémoires d'Olivier de la Marche maître d'hôtel et capitaine des gardes de Charles le Téméraire: en 4 t. – Paris: Renouard, 1885. – T. 3. – 328 p.
10. Bur, M. Châteaux et places fortes en Lorraine au temps du Téméraire / M. Bur // Le Pays Lorrain, 1977. – № 1. – P. 58–68.
11. Vaughan, R. Charles the Bold: the last Valois duke of Burgundy / R. Vaughan. – Woodbridge: Boydell Press, 2002. – 523 p.
12. Marchal, l'abbé. Mémoire sur la bataille de Nancy, gagnée par René II, duc de Lorraine, le 5 janvier 1477 / l'abbé Marchal. – Nancy: Vagner, 1851. – 34 p.

Поступила в редакцию 07.07.2022

Американо-саудовские отношения в контексте сирийского кризиса в период президентства Б. Обамы

Саджади Д.

Белорусский государственный университет, Минск
Международный университет Тишк, г. Эрбиль (Ирак)

В статье рассматривается противоречивый характер отношений между США и Саудовской Аравией в период сирийского кризиса. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что, сохраняя союзнические отношения, каждая из сторон пыталась извлечь максимальную пользу из кризиса в своих интересах.

Цель статьи – выявить особенности и характер американо-саудовских отношений в контексте сирийского кризиса в период президентства Барака Обамы.

Материал и методы. Публикация основана на официальных документах США и Саудовской Аравии, публичных заявлениях государственных деятелей, работах арабских, англоязычных и российских авторов с использованием общенаучных и специально-исторических методов исследования.

Результаты и их обсуждение. В период сирийского кризиса американо-саудовские отношения, носившие до этого фактически союзнический характер, подверглись серьезному испытанию.

Позиция обеих сторон в отношении Сирии в рассматриваемый период определялась их региональными и глобальными интересами. Соединенные Штаты Америки проводили политику, исходя из так называемой доктрины Обамы, которая включала непосредственное участие американской стороны в военных действиях и была направлена на решение военно-политических задач в ближневосточном регионе, опираясь на своих региональных союзников. США по-прежнему ориентировались на поддержку аравийских монархий во главе с Саудовской Аравией, на укрепление их безопасности в зоне Персидского залива. Однако при этом особый отпечаток на американскую политику в отношении Саудовской Аравии в период сирийского кризиса накладывали переговоры о ядерном соглашении с Ираном, который был и остается серьезным конкурентом Эр-Рияда в регионе. Что касается Саудовской Аравии, то она в отличие от США, пожалуй, занимала более радикальную позицию в отношении Сирии и ее руководства. В период сирийского кризиса она стала своеобразным центром собирантия антисирийских оппозиционных сил, центром координации их деятельности не только в регионе, но и на международной арене. Саудовская дипломатия использовала ООН, Лигу арабских государств (ЛАГ) и другие международные структуры для достижения своей основной цели – устранения от власти президента Башара Асада, ослабления Сирии как основного союзника Ирана на Ближнем Востоке. Поскольку администрация Обамы придерживалась такой же позиции, но не столь настойчиво и последовательно, и при этом была активным участником переговоров об иранской ядерной программе, то на этой почве возникали разногласия между США и Саудовской Аравией. Президенту Обаме не единожды приходилось заверять руководство Саудовской Аравии в готовности США защищать интересы королевства в ближневосточном регионе.

Заключение. В статье сделан вывод о том, что американо-саудовские отношения в рассматриваемый период носили противоречивый характер. Тем не менее возникавшие противоречия не имели стратегического значения. США по-прежнему рассматривали Саудовскую Аравию в качестве своего ближайшего союзника в регионе Персидского залива, а Саудовская Аравия считала США основным гарантом безопасности аравийских монархий.

Ключевые слова: США, Саудовская Аравия, американо-саудовские отношения, сирийский кризис.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 36–43)

American-Saudi relations in the context of Syrian crisis during B. Obama presidency

Sajadi D.

Belarusian State University, Minsk
International University of Tyshk, Erbyl (Iraqe)

The article deals with the controversial nature of relations between the United States and Saudi Arabia during the Syrian crisis. The analyzed material allows us to conclude that, while maintaining allied relations, each of the parties tried to extract maximum benefit from the crisis in their own interests.

The purpose of the article is to identify the features and nature of US-Saudi relations in the context of the Syrian crisis during the presidency of Barack Obama.

Material and methods. The publication is based on official documents of the United States and Saudi Arabia, public statements of statesmen, works of Arabic, English-speaking and Russian authors using general scientific and special historical research methods.

Findings and their discussion. During the Syrian crisis, US-Saudi relations, which until then had been actually allied, were seriously tested.

The position of both the sides regarding Syria during the period under review was determined by their regional and global interests. The United States of America pursued a policy based on the so-called Obama Doctrine, which excluded direct participation of the American side in hostilities and was aimed at solving military-political problems in the Middle East Region, relying on its regional allies. The United States continued to focus on the support of the Arabian monarchies, led by Saudi Arabia, on strengthening their security in the Persian Gulf zone. However, at the same time, negotiations on a nuclear agreement with Iran, which has been and remains a serious rival of Riyadh in the region, left a special imprint on American policy towards Saudi Arabia during the period of the Syrian crisis. As for Saudi Arabia, unlike the United States, it perhaps took a more radical position towards Syria and its leadership. During the Syrian crisis, it became a kind of gathering center for anti-Syrian opposition forces, a center for coordinating their activities not only in the region, but also in the international arena. Saudi diplomacy used the UN, the League of Arab States (LAS) and other international structures to achieve its main goal - removing President Bashar al-Assad from power, weakening Syria as Iran's main ally in the Middle East. Since Obama administration adhered to the same position, but not so persistently and consistently, and at the same time was an active participant in the negotiations on the Iranian nuclear program, disagreements arose between the United States and Saudi Arabia on this basis. President Obama repeatedly had to reassure the leadership of Saudi Arabia of the readiness of the United States to protect the interests of the Kingdom in the Middle East Region.

Conclusion. The article concludes that the US-Saudi relations in the period under review were controversial. Nevertheless, the contradictions that arose were not of strategic importance. The US still viewed Saudi Arabia as its closest ally in the Persian Gulf region, and Saudi Arabia viewed the US as the main guarantor of the security of the Arabian monarchies.

Key words: the USA, Saudi Arabia, US-Saudi relations, Syrian crisis.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 36–43)

Непростой характер отношений между США и Саудовской Аравией проявился во время сирийского кризиса, начало которого фактически совпало с пребыванием у власти администрации Б. Обамы и революционными потрясениями на Ближнем Востоке и в Северной Африке периода так называемой Арабской весны.

Цель статьи – выявить особенности и характер американо-саудовских отношений в контексте сирийского кризиса в период президентства Барака Обамы.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе публикаций арабских, англоязычных и российских авторов, в которых рассматриваются американо-саудовские отношения в контексте сирийского кризиса. Статья широко опирается на документальные материалы, заявления официальных лиц США и Саудовской Аравии, представленные на страницах средств массовой информации.

Методологическую основу исследования составляют научные принципы историзма, объективности и системности. В процессе написания статьи помимо общенаучных использовались также специально-исторические методы исследования, в частности такие, как историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический и другие, что позволило более рельефно выявить характер и особенности американо-саудовских отношений в период президентства Б. Обамы в условиях турбулентных событий на Ближнем Востоке, связанных с сирийским кризисом.

Результаты и их обсуждение. Сирийский кризис, или гражданская война в Сирии, представляет собой самый сложный, многосторонний и многоуровневый вооруженный конфликт. В целом он был результатом множества факторов – политических, социально эко-

номических и этнорелигиозных. Немалое значение имели стратегическое положение Сирии и ее особые отношения с Ираном и исламскими движениями в Палестине и Ливане, что естественно учитывалось во внешней политике западных стран и государств ближневосточного региона.

Начавшийся весной 2011 г. как локальное гражданское противостояние конфликт постепенно перерос в восстание против режима сирийского президента Башара Асада. С течением времени в него были вовлечены не только основные государства региона, Иран и Турция, но и мировые державы – США, Россия и др. Особую окраску конфликту придавало участие в нем различных регулярных вооруженных и военизированных формирований, включая курдских регионалистов, различного рода исламистских и джихадистских террористических группировок типа «Исламского государства», Фронта ан-Нусра и т.д. с участием многочисленных добровольцев из-за рубежа.

Стороны конфликта получали военную помощь от других государств: поддержку правительственным силам оказывали Россия и Иран, тогда как сирийская оппозиция получала помощь от западных держав, Турции и монархий Персидского залива. На стороне правительства также выступали иностранные шиитские военизированные формирования, созданные, обученные и вооруженные Ираном.

Ввиду значительного вовлечения в конфликт иностранных государств и организаций ряд экспертов характеризовали его как опосредованную войну между различными центрами региональных и мировых сил. Сирийский кризис вышел «за рамки проблем отдельного государства и превратился сначала в региональную прокси-войну, а затем в глобальные прокси-

войны мировых держав», соперничество между которыми «было перенесено в Сирию», в результате чего возник «небольшой прототип Третьей мировой войны» [1, с. 109–110]. После длительного периода политики балансирования Китай и Россия приняли решение не допустить развития событий в этой стране по ливийскому варианту и оказать сопротивления интервенционистской политике Запада, поддержав сирийского президента Башара Асада. Другими словами, глобальное соперничество между США, Россией и Китаем было перенесено в Сирию.

Какова же была политика США и Саудовской Аравии в отношении конфликта? Рассмотрим в отдельности позицию каждой из сторон, а затем те аспекты их внешнеполитической деятельности, которые не совпадали на сирийском направлении и являлись источником противоречий.

Современная политика США в сирийском кризисе во многом восходит к историческому опыту американской интервенции в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003 г. Считается общепризнанным, что это была неудачная попытка администрации Дж. Буша-младшего преобразовать Ближний Восток с помощью прямой военной силы. В период администрации Обамы ставка на исключительно военную силу сменилась новым внешнеполитическим подходом, который был назван доктриной Обамы. Новая доктрина исключала непосредственное участие США в военных конфликтах, она предполагала «управление» ими «со стороны», «непрямое вмешательство» [2, р. 280; 3, р. 1].

Обоснование этой внешнеполитической стратегии включало следующие аргументы: необоснованные потери США в Афганистане и Ираке в период президентства Буша, испорченный имидж страны как оккупанта, рост антиамериканских настроений в мире. Кроме того, учитывалось и то, что влияние Ирана в Ираке возросло в гораздо большей степени, чем влияние США, особенно к моменту вывода администрацией Обамы американских войск из страны в 2011 г. [4]. Последнее событие любопытным образом совпало с началом Арабской весны на Ближнем Востоке. В этих условиях администрация Обамы стала на путь реализации новой внешнеполитической стратегии, опираясь на политику «управления со стороны» и непрямого, то есть косвенного вмешательства с использованием региональных союзников.

В целом позиция США по сирийскому кризису, как отмечала госсекретарь Х. Клинтон, характеризовалась колебаниями и известной осторожностью. В начале конфликта подход Америки сводился к заявлениям, призывавшим прекратить насилие и удовлетворить «требования сирийского народа». К примеру, в июле 2011 г. посол США в Сирии посетил город Хама, чтобы выразить сочувствие демонстрантам [5, р. 443]. При этом американское руководство и, в частности, президент Обама осознавали, что Сирия долгое время была врагом Соединенных Штатов Америки и историческим союзником России и Ирана, почти открыто

поддерживала «Хезболлу». Поэтому без экономического, военного и дипломатического влияния, как это было в случае с Египтом, официальное осуждение сирийского режима Америкой было малоэффективным. Как отмечал позднее Б. Обама, сирийский президент всегда мог рассчитывать на то, что «Россия использует право вето на все наши попытки заставить Совет Безопасности наложить на него санкции» [6, р. 652].

Исходя из этого несомненного факта, США обратились за помощью к Турции, которая обладала разнообразными инструментами давления и влияния как на сирийское правительство, так и на оппозицию. С этой целью министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу посетил Дамаск 9 августа 2011 г., чтобы убедить Б. Асада в необходимости остановить применение силы, провести политические реформы и положительным образом реагировать на требования народа для решения кризиса. Однако попытка Давутоглу не принесла успеха [7, с. 247]. В сложившейся ситуации следует учитывать, что у Турции были свои интересы в сирийском кризисе, далеко не совпадающие с американскими. После этой неудачи администрация США пришла к выводу, что лучшей альтернативой был бы уход Асада в отставку под предлогом якобы утраты легитимности. Почти за месяц до визита Давутоглу в Дамаск Обама заявил в телевизионном интервью CBS, что президент Сирии Башар Асад «упускал возможность за возможностью» проводить реформы и «терял легитимность в глазах своего народа» [8]. Президентский тезис был подхвачен Х. Клинтон, которая отметила, что Асад не является незаменимым человеком и Соединенные Штаты не заинтересованы в том, чтобы «его режим оставался у власти» [5, р. 443]. Это были первые официальные заявления подобного рода в США, хотя Клинтон прямо еще не призывала сирийского президента к уходу от власти.

В поисках новых региональных союзников с целью свержения законного сирийского режима американское руководство сделало ставку на Демократическую партию Курдистана (ДПК). США всячески поддерживали курдские вооруженные группировки, снабжали их оружием в борьбе против ИГИЛ и одновременно против сирийского режима, воздерживаясь таким образом от прямого военного вмешательства. Такая политика в конечном счете привела к фактическому разрыву отношений с Турцией, их союзником по НАТО, которая объявила ДПК террористической организацией. Турция не только дистанцировалась от США, но и начала сближаться с Россией, что было несомненным поражением американской политики в Сирии.

Как отмечал турецкий эксперт М. Экши, «провал сирийской политики США начался с ее неэффективности в развитии совместной и согласованной политики с Турцией, что открыло путь, по которому инициатива в Сирии перешла к России. В этом контексте единственным достижением США в Сирии оказалась их военная дислокация в Сирийском Курдистане, опираясь на партию “Демократический союз” [1, р. 113].

По данным турецких источников, американцы отказались от первоначального плана свержения режима Асада не в начальный период правления администрации Трампа, а в 2016 г. в результате достигнутых договоренностей с Россией [1, р. 114].

Ликвидация Сирией химического оружия по настоятельной рекомендации России и Китая в 2013 г. вообще лишила США какого бы то ни было предлога для прямого вмешательства в вооруженный конфликт. После прихода Д. Трампа к власти США окончательно отказались следовать политике устранения Башара Асада от власти, предоставляя решение вопроса о его будущем сирийскому народу.

После 2013 г. администрация Обамы все больше сосредотачивались на укреплении своих позиций в курдском регионе, на разрушении сирийской инфраструктуры под предлогом борьбы с ИГИЛ, на истощении России и Китая, предоставляя им возможность оплачивать счета за войну, на дискредитации этих стран на международной арене. В этом контексте США следовали политике в сирийском кризисе с марта 2011 по март 2017 г., ставя своей целью обеспечить политическую трансформацию Сирии без Башара Асада. При администрации Трампа США стали требовать политических преобразований в Сирии с сохранением Асада у власти, что свидетельствовало о серьезных сдвигах в американской политике в отношении Сирии.

Далее остановимся подробнее на взаимоотношениях между Саудитами и Сирией. Исторически сложилось так, что отношения Саудовской Аравии с Сирией никогда не были особенно теплыми, но и прямой конфронтации стороны избегали. Ситуация резко изменилась в 2005 г., после убийства бывшего премьер-министра Ливана саудовского протезе Рафика Харири, имевшего саудовское гражданство, человека близкого к королевской семье. Саудовская Аравия отреагировала резко негативно в отношении Сирии. Она обвинила Сирию в политическом убийстве и оказала давление на сирийского президента, чтобы тот ушел из Ливана, даже пыталась изолировать его. В 2008 г. Эр-Рияд перевел своего посла из Дамаска в Катар, после чего новый посол на его место не был назначен. Эта стратегия не увенчалась успехом и просуществовала только до мая 2008 г., когда проиранская шиитская организация Хезболла временно захватила Западный Бейрут, после чего в Дохе было подписано соглашение между ливанскими и арабскими политическими лидерами. Оно не устраняло корни кризиса, но его приветствовали и Иран, и Сирия. Поддержала соглашение и Саудовская Аравия. Саудиты не были готовы к обострению отношений в условиях национального подъема как в Сирии, так и в Ливане. Более того, от политики сдерживания Сирии они перешли к политике сближения с ней.

С середины 2008 по 2011 г. отношения между Саудовской Аравией и Сирией заметно улучшились. В начале июля 2009 г. Саудовская Аравия вернула посла в Дамаск. Важным событием на пути прими-

рения стал визит короля Абдаллы в Дамаск 7 октября 2009 г. Арабские СМИ предполагали, что «одной из главных тем переговоров станет обсуждение угрозы арабскому миру, исходящей от шиитского Ирана» [9], с которым сирийцы поддерживали тесные отношения, включая сотрудничество в военно-технической сфере. Обращаясь к Сирии, саудовцы также признавали особую роль Дамаска в регионе, в частности в Ливане. Тем самым они пытались ослабить связи между режимом Асада и Ираном.

В начале Арабской весны Саудовская Аравия выступила против политических преобразований в регионе и смены режимов через народные протесты и революции. Саудовская Аравия также сочла происходящее в Сирии «заговором», направленным на дестабилизацию безопасности и стабильности сирийского государства. Причиной ее солидарности с Асадом, как отмечают отдельные авторы, был страх перед распространением кризиса на страны Персидского залива, особенно после протестов в Бахрейне и поддержки этих протестов Ираном [10, с. 530].

Однако к лету 2011 г. позиция Саудовской Аравии изменилась с поддержки режима на его резкую критику. По мере эскалации антиправительственных протестов в Сирии, осуждения происходящего в этой стране коллективным Западом и поддержки им сирийской оппозиции саудовцы в очередной раз изменили тон и решили сделать ставку на борьбу с режимом Асада. Немаловажную роль в этом развороте саудовской политики сыграли опасения по поводу усиления и расширения шиитского влияния в Персидском заливе, Йемене, а также в Ираке, особенно после вывода американских войск из этой страны.

После неудачных попыток закулисно продвинуть сделку и быстро решить сирийский кризис король Саудовской Аравии Абдалла открыто выступил против Асада и его ближайшего окружения [11]. В августе 2011 г. король заявил, что насилие в Сирии неприемлемо для Саудовской Аравии, потребовав от Асада «остановить машину убийств» [12]. Почти одновременно Соединенные Штаты и Европейский союз обратились к Асаду уйти в отставку. С этого времени сирийский кризис начал приобретать международный характер. Отметим, что ситуация еще больше усугубилась после того, как Иран отправил добровольцев в Сирию для поддержки правительства.

С развитием событий Саудовская Аравия отозвала своего посла из Дамаска в августе 2011 г. Также в Каире в ноябре 2011 г. на экстренном заседании министров иностранных дел Лиги арабских государств было принято решение о приостановлении членства Сирии в ЛАГ до тех пор, пока сирийское правительство не возьмет на себя обязательство выполнить условия межарабской «дорожной карты» по урегулированию кризиса в стране [13]. Инициатива ЛАГ предусматривала несколько пунктов: прекращение насилия, запрещение вооруженных демонстраций, освобождение арестованных и вступление сирийских властей в диа-

лог с оппозицией. Решение было принято с одобрения 18 стран, при этом Ливан и Йемен проголосовали против, а Ирак воздержался [14].

Следует отметить, что сирийское правительство выполнило некоторые требования. В частности, освободило задержанных, объявило амнистию, но насилие не прекращалось. В конце января 2012 г. под давлением саудовской дипломатии ЛАГ выдвинула новый, более жесткий план урегулирования. Президенту Сирии предлагалось уйти в отставку, передать свои властные функции вице-президенту, сформировать правительство национального единства, провести досрочные президентские и парламентские выборы [15].

Именно после этого значительно возрос уровень интернационализации сирийского кризиса. Так, в Тунисе в феврале 2012 г. состоялась первая конференция международного дипломатического коллектива «Друзья Сирии», созданного по инициативе США в начале 2012 г. Министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал выступил с речью перед участниками конференции, отметив, что единственным выходом из кризиса является передача власти Асадом «добровольно или против его воли». При этом режим президента Башара аль-Асада он назвал «оккупационной властью» [16]. Более того, встретившись в кулуарах конференции с госсекретарем США Хиллари Клинтон, аль-Фейсал назвал «отличной» идею вооружить сирийскую оппозицию [5, р. 470].

Весной 2012 г. Кофи Аннан, специальный представитель ООН и ЛАГ в Сирии, представил мирный план урегулирования вооруженного конфликта. В соответствии с ним предусматривалось прекращение вооруженного насилия всеми сторонами под эффективным контролем специального механизма ООН, оказание гуманитарной помощи пострадавшим, запуск инклюзивного межсирийского политического диалога и формирование переходного правительства самими сирийцами [17]. Однако инициатива К. Аннана не увенчалась успехом: ни один из пунктов его плана так и не был реализован, а из Сирии регулярно приходили сообщения о новых вооруженных инцидентах и жертвах.

К этому времени руководство Саудовской Аравии заметно разочаровалось в американской политике, считая ее слишком мягкой в отношении Сирии. На этой почве отношения между Королевством и США достигли почти скандальной остроты, особенно в период так называемого химического кризиса. После того как в августе 2013 г. президента Асада обвинили в применении химического оружия, а США воздержались от прямого вмешательства в сирийские дела под этим предлогом, саудиты не скрывали своего разочарования. Они считали, что США тем самым поставили под сомнение свою способность выступать в качестве гаранта безопасности региона, способность влиять на развитие событий в Сирии. Глава саудовской разведки принц Бандар бин Султан публично предупредил, что Королевство кардинально изменит свои отношения с Вашингтоном в знак протеста против его

бездействия в сирийском кризисе и его инициатив по сближению с Ираном [18]. Принц Турки аль-Фейсал, бывший глава Службы общей разведки и дипломат, назвал политику Обамы в Сирии плачевной. Он также высмеял американо-российское соглашение о ликвидации Сирией химического оружия, заявив, что это была уловка, предпринятая с тем, чтобы США смогли избежать вступления в прямые военные действия на территории Сирии. В октябре 2013 г. Саудовская Аравия демонстративно отказалась от временного членства в Совете Безопасности ООН из-за «двойных стандартов» Совета и его неспособности влиять на ход событий [19]. В целом 2013 год считается наихудшим в истории американо-саудовских отношений по вышеупомянутым причинам.

В 2014 г. в позиции Саудовской Аравии по сирийскому кризису произошли некоторые изменения. Стали заметными большая сосредоточенность на борьбе с экстремизмом и отказ от прямолинейной тактики давления на Сирию. Знаковым событием можно считать смещение с должности генерального секретаря Службы общей разведки принца Бандара бин Султана, бывшего посла Королевства в Вашингтоне. Принц курировал сирийское направление и, будучи сторонником агрессивной политики в отношении Сирии и Ирана, резко враждебно выступал непосредственно против президента Асада. После того как он заявил, что Саудовская Аравия «отойдет» от политики США по Ирану и сирийскому кризису, госсекретарь Дж. Керри стал неофициально называть Бандара «проблемой» [20]. В начале 2014 г. эта «проблема» была решена. Вместо Бандара на пост главы саудовской разведки был назначен министр внутренних дел принц Мухаммад бен Найеф, благожелательно рассматриваемый американцами [21].

Возникшие трения в американо-саудовских отношениях призван был урегулировать визит президента Обамы в Саудовскую Аравию, состоявшийся в марте 2014 г. Во время визита американский президент подчеркнул важность Саудовской Аравии в поддержании региональной безопасности. Во время встречи на высшем уровне были подчеркнут стратегический характер отношений между двумя странами. Б. Обама согласился на просьбу Саудовской Аравии поддержать «умеренную» сирийскую оппозицию оружием. Б. Обама также заверил саудовское руководство, что любое соглашение между Западом и Тегераном по ядерному дозе «не будет осуществляться за счет безопасности Персидского залива или региона». Тем не менее, как отмечают эксперты, далеко не все вопросы между Вашингтоном и Эр-Риядом были решены, в особенности на сирийском и иранском направлениях [22].

Несомненно, отмеченные изменения в политике Саудовской Аравии дали толчок к оживлению хода переговоров между сирийским правительством и оппозицией. Так, с февраля 2014 по 2016 г. в Женеве были проведены три конференции между делегациями сирийского правительства и Национальной коа-

лиции сирийских оппозиционных и революционных сил, но они закончились провалом из-за разногласий между двумя сторонами по вопросу о судьбе и месте президента Асада в будущем Сирии [23]. Делегация сирийского правительства настаивала на том, чтобы во главу угла повестки дня переговоров поставить вопрос о «терроризме», в то время как делегация оппозиции настаивала на том, чтобы отдать приоритет вопросу о формировании переходного руководящего органа с полномочиями в соответствии с заявлением первой Женевской конференции, состоявшейся в июне 2012 г. [24].

Между тем 18 декабря 2015 г. Совет Безопасности ООН единогласно проголосовал за проект резолюции 2254, который предусматривал начало проведения мирных переговоров в Сирии в январе 2016 г. При этом высоко оценивалась роль Международной группы поддержки Сирии (МГПС) «в качестве центральной платформы для содействия усилиям ООН по достижению урегулирования сирийского кризиса» [25], в состав которой входили также США и Россия. Оговаривая необходимость переговоров между сирийцами, резолюция настоятельно призвала осуществить «переход к заслуживающему доверия, инклюзивному правлению на внеконфессиональной основе», разработать проект новой конституции в шестимесячный срок и провести свободные и справедливые выборы в 18-месячный срок под надзором со стороны Организации Объединенных Наций [25].

В это же время новый король Саудовской Аравии Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд потребовал от правительства найти решение сирийского кризиса. С этой целью 10 декабря 2015 г. в Эр-Рияде был сформирован Высший комитет по переговорам сирийской оппозиции для прямого наблюдения за переговорным процессом с сирийским правительством. Формально этот орган сирийской оппозиции создавался в рамках подходов ООН к решению проблемы. В действительности он контролировался Саудитами и был скрытой альтернативой МГПС как основной платформы по урегулированию сирийского кризиса. Высший комитет состоял из 32 членов, включая 9 представителей от Национальной коалиции сирийских оппозиционных и революционных сил, 10 – от вооруженных группировок, 5 – от Национального координационного органа и 8 – от независимых [26]. При этом позиция Саудовской Аравии по отношению к Асаду, по существу, оставалась без изменений. Весьма показательным в этой связи выступление министра иностранных дел Саудовской Аравии Аделя аль-Джубейра в кулуарах заседаний Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 2015 г. Дипломат заявил буквально следующее: «У Асада нет будущего в Сирии». И уточнил, что у него есть только два варианта для выбора, и оба с одинаковым результатом. Либо согласие с политическим процессом, в ходе которого формируется переходный совет, и он уходит в отставку, либо военный вариант, «который также закончится его уходом» [27].

В 2015 г. проявился еще один аспект сирийского кризиса, ставший источником разногласий между Саудовской Аравией и США. Саудиты не только с недоверием, но и с недоумением отнеслись к участию Вооруженных Сил Российской Федерации на стороне сирийских правительственных войск в борьбе против террористических организаций типа «Аль-Каиды» или «Исламского государства». Появление еще одного крупного игрока непосредственно на военно-политической арене в регионе было и неожиданным, и неприятным для саудитов. Любопытную интерпретацию этого феномена дает египетская исследовательница Аmani Ахмед. Она считает, что вмешательство России было направлено на то, чтобы, во-первых, исключить любую возможность активизации роли Саудовской Аравии в Сирии. Во-вторых, оно было связано с процессом сближения Ирана и США после заключения соглашения о ядерной сделке и возможностью достижения взаимопонимания между сторонами по ряду проблемных вопросов в регионе. Все это заставило Саудовскую Аравию почувствовать, что она вроде и не совсем союзник Соединенных Штатов. Саудиты реально пытались довести до американцев мысль о том, что Королевство может найти новых друзей. Они демонстративно подписали военные соглашения с Францией, а президент Франции Ф. Олланд был приглашен на саммит Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в мае 2015 г. Более того, Саудовская Аравия пошла на сближение с Россией с целью углубления с ней отношений в различных областях, в том числе в военной [28, с. 160].

В разгар этих событий в апреле 2016 г. президент США Б. Обама посетил Саудовскую Аравию с целью участия в саммите «США – Персидский залив». Здесь он встретился с новым королем Саудовской Аравии Салманом бен Абдель Азизом и обсудил с ним целый ряд вопросов, включая конфликтную ситуацию в Сирии и Йемене. Немаловажным аспектом визита, как и в предыдущем случае, была попытка американской администрации снять напряженность, существовавшую между двумя традиционными союзниками из-за разногласий во взглядах по некоторым региональным вопросам, в частности по Сирии и Ирану. Напряженность усугублялась критикой, которая усилилась в конгрессе США в адрес Саудовской Аравии накануне предстоящего визита президента в эту страну. Американские политики предлагали «ограничить продажи оружия Эр-Рияду», а также заявляли «о его возможной причастности к терактам 11 сентября» [29]. В ответ саудовские власти стали угрожать распродажей своих многомиллиардных активов в США. Поэтому совсем неудивительным был чрезвычайно холодный прием, который оказали Саудиты американскому президенту во время его визита.

Тем не менее переговоры между двумя лидерами, как отмечал телеканал «Аль-Арабия», ссылаясь на источники в Белом доме, проходили в дружественной обстановке. Король и президент США «больше двух часов с глазу на глаз обсуждали все проблемы

региона в откровенном и дружелюбном тоне, высказывали мнения уважительно и с позиции конструктивной критики» [30]. По сообщению Белого дома, относительно ситуации в Сирии они «обязались поддерживать политический переход от власти президента Сирии Башара Асада» [31]. Кроме того, по итогам саммита Обама заверил страны Персидского залива, что США «используют любые средства для обеспечения безопасности» союзников из Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива [32]. Таким образом, американский президент снял всякие сомнения относительно того, что арабийские монархии, и прежде всего Саудовская Аравия, по-прежнему являются стратегическим союзником США не только в регионе Персидского залива, но и вообще на Ближнем Востоке.

Заключение. Подведя итоги, можно сделать следующие выводы. С началом Арабской весны Саудовская Аравия не была склонна к резким движениям, направленным на смену существовавших в арабском мире режимов. Она не была сторонником революционных потрясений, которые могли бы угрожать стабильности ближневосточного региона, да и самому Королевству. Однако перспектива ослабления Сирии, а это значит и Ирана как основного политического конкурента Саудитов была столь соблазнительной, что она довольно быстро перешла к откровенно враждебной политике по отношению к Сирии, не исключая радикальные меры вплоть до «международной интервенции» [33, с. 172]. И уже начиная с весны 2011 г. такая позиция Саудовской Аравии по сирийскому кризису фактически оставалась неизменной. Это проявилось в постоянном стремлении Саудовской Аравии к консолидации сирийских оппозиционных сил, а также в том, что саудовская дипломатия неизменно исходила из того, что единственный выход из вооруженного конфликта заключается в устранении сирийского президента от власти. Соединенные Штаты в целом придерживались той же позиции в сирийском кризисе, правда, более умеренной в соответствии с доктриной Обамы, что вызывало постоянное раздражение Саудитов. Кроме того, активное участие США в переговорах по иранской ядерной программе было дополнительным источником разногласий между двумя сторонами. Саудовская Аравия рассматривала подписание международного соглашения о ядерной сделке как усилением иранского влияния в регионе за счет интересов Королевства. Другими словами, внешнеполитические приоритеты США и Саудовской Аравии в регионе далеко не всегда совпадали. В этой связи следует подчеркнуть, что американо-саудовские отношения в контексте иранской политики в ближневосточном регионе рассматриваемого периода заслуживают отдельного самостоятельного исследования.

Литература

1. Ekşi, M. The Syrian Crisis as a Proxy War and the Return of the Realist Great Power Politics / M. Ekşi // *Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi*. – 2017. – Vol. 1, № 2. – P. 106–129.
2. Chesterman, S. 'Leading from Behind': The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention after Libya / S. Chesterman // *Ethics and International Affairs*. – 2011. – Vol. 25, № 3. – P. 279–285.
3. Dueck, C. Obama Doctrine: American Grand Strategy Today / C. Dueck. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 336 p.
4. Kam, E. To Iraq and Back: The Withdrawal of the US Forces [Electronic resource] / E. Kam // *Strategic Assessment*. – 2012. – Vol. 14, № 4. – P. 87–101 – Mode of access: [https://www.inss.org.il/wpcontent/uploads/sites/2/systemfiles/\(FILE\)1329721106.pdf](https://www.inss.org.il/wpcontent/uploads/sites/2/systemfiles/(FILE)1329721106.pdf). – Date of access: 17.07.2022.
5. Clinton, H.R. *Hard Choices* / H.R. Clinton. – New York: Simon and Schuster, 2014. – 656 p.
6. Obama, B. *A promised land* / B. Obama. – New York: Penguin Random house, 2020. – 751 p.
7. Кулайб, С. Асад между уходом и системным разрушением / С. Кулайб. – Бейрут: Дар аль-Фараби, 2016. – 677 с. (на араб. яз.).
8. Обама: Асад «теряет легитимность в глазах своего народа» [Электронный ресурс] / BBC News арабий. – 13.07.2011. – Режим доступа: https://www.bbc.com/arabic/middleeast/2011/07/110713_syria_obama. – Дата доступа: 03.12.2021 (на араб. яз.).
9. Король Саудовской Аравии прибывает в Дамаск, впервые за последние пять лет [Электронный ресурс] / Newsru.co.il – Режим доступа: https://www.newsru.co.il/mideast/7oct2009/sa_syria_105.html. – Дата доступа: 03.12.2021.
10. Азми, Б. Сирия: трудный путь к свободе – еще одна попытка в современной истории / Б. Азми. – Бейрут: Арабский центр политических исследований, 2013. – 688 с. (на араб. яз.).
11. Guzansky, Y. Saudi Activism in a Changing Middle East [Electronic resource] / Y. Guzansky // *Strategic Assessment*. – 2011. – Vol. 14, № 3. – P. 58–69. – Mode of access: <https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2017/02/FILE1320324082-1.pdf>. – Date of access: 17.07.2022.
12. Blomfield, A. Syria unrest: Saudi Arabia calls on 'killing machine' to stop [Electronic resource] / A. Blomfield // *The Telegraph*. August 8, 2011. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/8687912/Syria-unrest-Saudi-Arabia-calls-on-killing-machine-to-stop.html>. – Date of access: 17.07.2022.
13. Министры иностранных дел арабских стран приостанавливают членство Сирии в Лиге арабских государств и призывают отозвать послов / Alarabiya.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alarabiya.net/articles/2011/11/12/176659>. – Дата доступа: 22.12.2021 (на араб. яз.).
14. Развитие ситуации в Сирийской Арабской Республике / Leagueofarabstates.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.leagueofarabstates.net/ar/councils/lascouncil/Documents/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%20%D8%AA%D8%B7%D9%88%D8%B1%D8%A7%D8%AA%20%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%88%D8%B6%D8%A7%D8%B9%20%D9%81%D9%8A%20%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%85%D9%87%D9%88%D8%B1%D9%8A%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%88%D8%B1%D9%8A%D8%A9.pdf>. Дата доступа: 24.12.2021 (на араб. яз.).
15. Развитие ситуации в Сирии. Элементы арабского плана по разрешению сирийского кризиса / Leagueofarabstates.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.leagueofarabstates.net>

- leagueofarabstates.net/ar/issue_challeng/Documents/%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1%20%D8%B1%D9%82%D9%85%207444.pdf. – Дата доступа: 26.12.2021 (на араб. яз.).
16. Конференция «Друзья Сирии» призывает к ужесточению санкций против режима Башара Асада / France24.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.france24.com/ar/20120224-syria-tunisia-friends-assad-clinton-humanitarian-aid-un>. – Дата доступа: 26.12.2021.
17. Kofi Annan's six-point plan for Syria / ALJAZEERA [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.aljazeera.com/news/2012/3/27/kofi-annans-six-point-plan-for-syria>. – Date of access: 03.01.2022.
18. Принц Бандар говорит, что Эр-Рияд будет держаться подальше от Америки / Reuters.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/oegtp-us-saudi-ah4-idARACAE9B28KQ20131022>. – Дата доступа: 12.01.2022 (на араб. яз.).
19. Заявления Турки аль-Файсала и Бандара нервнируют Вашингтон / Alayam.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alayam.com/alayam/first/75898/News.html>. – Дата доступа: 13.01.2022 (на араб. яз.).
20. Knickmeyer, E. Saudi Arabia Replaces Key Official in Effort to Arm Syria Rebels [Electronic resource] / E. Knickmeyer, A. Entous // The Wall Street Journal. – 2014. – Feb. 19. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303775504579392942097203608>
21. Эр-Рияд отозвал сирийское досье у принца Бандара бин Султана после критики со стороны Америки / France24.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.france24.com/ar/20140220-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%B9%D9%88%D8%AF%D9%8A%D8%A9-%D8%B3%D9%88%D8%B1%D9%8A%D8%A7-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%85%D9%8A%D8%B1-%D8%A8%D9%86%D8%AF%D8%B1-%D8%A8%D9%86-%D8%B3%D9%84%D8%B7%D8%A7%D9%86>. – Дата доступа: 10.01.2022 (на араб. яз.).
22. Obama goes to Riyadh to reassure the Saudis on security [Electronic resource] // Time. – 2014. – March 28. – Mode of access: <https://time.com/41267/obama-saudi-arabia-visit-security/>. – Date of access: 13.01.2022.
23. Из Женевы с 1 по 8... Что было достигнуто? / Aljazeera.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/events/2017/3/4/%D9%85%D9%86-%D8%A5%D9%84%D9%89-4-%D9%85%D8%A7%D8%B0%D8%A7-%D8%AA%D8%AD%D9%82%D9%82>. – Дата доступа: 12.01.2022 (на араб. яз.).
24. Final communiqué of the Action Group for Syria. 30 June 2012 / United Nations Peacemaker [Electronic resource]. – Mode of access: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SY_120630_Final%20Communique%20of%20the%20Action%20Group%20for%20Syria.pdf. – Date of access: 10.01.2022.
25. Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7588-м заседании 18 декабря 2015 года / United Nations. Security Council [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2254\(2015\)](https://undocs.org/S/RES/2254(2015)). – Дата доступа: 09.01.2022.
26. Высший комитет по сирийским переговорам / Aljazeera.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/organizationsandstructures/2017/11/21/%D9%85%D8%A7%D8%B0%D8%A7-%D8%AA%D8%B9%D8%B1%D9%81-%D8%B9%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%87%D9%8A%D8%A6%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%84%D9%8A%D8%A7-%D9%84%D9%84%D9%85%D9%81%D8%A7%D9%88%D8%B6%D8%A7%D8%AA>. – Дата доступа: 08.01.2022 (на араб. яз.).
27. Аль-Джубейр: «Асад должен либо уйти, либо столкнуться с силовым выбором». Хаменеи «предупреждает» Саудовскую Аравию / bbc.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/arabic/blogs/2015/09/150930_social_media_review_sep_30. – Дата доступа: 10.01.2022 (на араб. яз.).
28. Ахмад, Амани. Американско-саудовские отношения в период президентства Обамы (2008–2016 гг.) / Амани Ахмад. – Берлин: Араб. демократ. центр стратег. полит. и экон. исследований, 2020. – 244 с. (на араб. яз.).
29. СМИ: власти Саудовской Аравии показали Обаме, как он их разозлил [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Москва. – 2016. – 20 апр. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160420/1415930773.html>. – Дата доступа: 10.11.2022.
30. Король Саудовской Аравии и президент США беседовали более двух часов [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Дубай. – 2016 – 21 апр. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160421/1416270210.html>. – Дата доступа: 10.11.2022.
31. Обама и король Саудовской Аравии обсудили укрепление перемирия в Сирии [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Вашингтон. – 2016. – 20 апр. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160420/1415968635.html>. – Дата доступа: 10.11.2022.
32. Обама пообещал защищать союзников в Персидском заливе всеми способами [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Дубай. – 2016. – 21 апр. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160421/1416536517.html>. – Дата доступа: 10.11.2022.
33. Кузьмин, В.А. Политическое противоборство Саудовской Аравии и Ирана / В.А. Кузьмин, Н.В. Соколов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3.: Общ. науки. – 2018. – Т. 13, № 4(182). – С. 171–181.

Поступила в редакцию 14.12.2022

Формирование поселенческих структур в округе Витебска в I тыс. н.э.

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Несмотря на планомерное изучение раннесредневекового Витебска, поселенческие структуры в близлежащей округе исследованы недостаточно. В радиусе 20–25 км от исторического ядра будущего административного центра локализовано 12 городищ и 15 селищ, содержащих материалы I тыс. н.э. Имеющаяся источниковая база позволяет в общих чертах проследить процессы заселения микрорегиона племенными группировками I тыс. н.э. и эволюцию их поселенческих структур.

Цель статьи – на примере исследованных археологических комплексов проследить генезис поселенческих структур в микрорегионе Витебска на протяжении I тыс. н.э. с момента их возникновения до формирования административного центра округи.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы авторских археологических раскопок в Витебском Подвине. При ее написании использовались методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях.

Результаты и их обсуждение. В статье дана характеристика археологических комплексов в микрорегионе Витебска с момента их возникновения до X века. Установлено, что основным типом поселений с середины тысячелетия становятся селища, городища выполняют лишь функцию убежищ. Новый тип поселений получает распространение с инфильтрацией в регион раннеславянского населения с юга. Большинство поселенческих структур просуществовали непродолжительное время и исчезли к последней четверти тысячелетия. Лишь поселения, расположенные на транспортных магистралях, функционировали практически до конца тысячелетия и в последствие трансформировались в сельскую округу с административным центром в Витебске.

Заключение. В начале I тыс. н.э. в окрестностях Витебска возникает группа укрепленных поселений, которые судя по топографической привязке, осуществляли контроль за транспортными узлами по Западной Двине и ее притокам. Это благоприятно сказывалось на функционировании городищ и на возникновении новых поселенческих структур проникшего в регион с юга населения. В микрорегионе Витебска фиксируются выявленные селища середины – третьей четверти I тыс. н.э., содержащие керамику типа Банцеровщины – Тушемли и ранних длинных курганов. Эти памятники составили единую территориальную основу, на которой в конце I тыс. н.э. в результате расселения славянских племен сформировалось локальное племенное образование с административным центром в Витебске.

Ключевые слова: поселенческая структура, городище, селище, культурный слой, днепро-двинские племена, тушемлинско-банцеровская общность, кривичи.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 44–56)

Shaping settlement structures in Vitebsk area in the I st millennium A.D.

Bubenko T.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Despite the planned study of the early Middle Ages Vitebsk settlement structures in the surrounding area are not sufficiently studied. Twelve cities and fifteen villages, which contain the 1st millennium A.D. materials, have been localized within 20-25 km radius from the historical nucleus of the would-be administrative center. The available source base makes it possible to trace processes of inhabiting the micro-region by tribal groups of the 1st millennium A.D. as well as the evolution of their settlement structures.

The purpose of the study is to trace the genesis of settlement structures in the micro-region of Vitebsk within the 1st millennium A.D. from their emergence to shaping the administrative area center on the example of the studied archeological complexes.

Material and methods. Materials of the author's archeological excavations in Vitebsk Dvina River basin became the base for the article. Methods of historical and archeological research were used.

Findings and their discussion. The article presents a characteristic of archeological complexes of Vitebsk micro-region from its emergence to the 10th century. The main settlement type since the mid-millennium was found out to be villages while cities were meant to perform the function of refuge. The new settlement type spread alongside with the infiltration into the region of early Slav population from the South. Most settlement structures did not last long and disappeared in the last quarter of the millennium.

Only some of them, those located on transport routes, functioned up to the end of the millennium and later transformed into the rural area with the administrative center of Vitebsk.

Conclusion. In the early 1st millennium on the outskirts of Vitebsk a group of strengthened settlements emerged which, according to the topographic location, controlled transport centers along the Western Dvina River and its tributaries. It facilitated the existence of cities and the emergence of new settlement structures of the population which moved into the region from the South. Villages of the mid – third quarter of the 1st millennium which contained ceramics of Bantserovshchina-Tushemlia type as well as of early long mounds were found in Vitebsk micro-region. These monuments made up a single territorial base on which a local tribal formation was shaped as a result of Slav tribe settlement with the administrative center in Vitebsk.

Key words: settlement structure, city, village, cultural layer, Dnieper-Dvina tribes, Tushemlin-Bantserovshchina community, krivichi.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 44–56)

Несмотря на планомерное изучение ранне-средневекового Витебска, поселенческие структуры в близлежащей округе изучены недостаточно. В радиусе 20–25 км от исторического ядра локализовано 12 городищ и 15 селищ, содержащих материалы I тыс. н.э. (рис. 1). В настоящее время значительные по объему исследования осуществлены на средневековых селищах: в историческом центре Витебска, Зароново и Лужесно, разведочные раскопки проведены на селищах Старое Село, Кузьменцы, Мяклово-1. На остальных поселениях этого периода проводилась шурфовка и сбор подъемного материала (Мяклово-2, Крыжи, Жолнерово). Созданная источниковая база позволяет в общих чертах проследить процессы заселения микрорегиона племенными группировками I тыс. н.э. и эволюцию их поселенческих структур.

Цель статьи – на примере исследованных археологических комплексов проследить генезис поселенческих структур в микрорегионе Витебска на протяжении I тыс. н.э. с момента их возникновения до формирования административного центра округи.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы авторских археологических раскопок в Витебском Подвинье в 1981–1997 и 2018–2021 гг. При ее написании использовались методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: методы поиска и раскопок поселений, сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический методы и др.

Результаты и их обсуждение. Благоприятные условия, сложившиеся на территории Белорусского Подвинья в последней четверти I тысячелетия до н.э. во время малого климатического оптимума и начавшейся регрессии 7 Балтийского моря способствовали интенсивному освоению племенами днепро-двинской культуры освобожденных от воды территорий. Большинство поселений этого времени возникает по берегам небольших рек, которые выполняли функцию миграционных и торговых путей I тыс., соединявших бассейны Днепра и Западной Двины.

Достоверно известно, что до рубежа эр в окрестностях Витебска существовало, по крайней мере, два поселения: Бороники на Лучесе и Зароново на Утвянке. Нижняя дата существования древнейших поселений – середина – вторая пол. I тыс. до н.э. подтверждена результатами радиоуглеродного анализа (Бороники)

и находкой гривны позднелучицкого типа (V–II вв. до н.э.) на городище Зароново.

Городище **Бороники** расположено на правом берегу р. Лучесы, между двумя ручьями, впадающими в реку. Площадка в плане овальной формы размерами 74 x 42 м возвышается над окружающей местностью от 8–10 м (западная сторона) до 20 м – восточная. Древнейшие отложения на городище зафиксированы в заполнении рва, вырытого по краю площадки. От первоначального поселения сохранились сгоревшие деревянные конструкции и столбовые ямы, от стоящего по краю площадки частокола. Столбы диаметром 40–60 см вбивались по краю площадки на глубину 0,7–0,8 м, расстояние между ними не превышало 0,5–0,7 м [1, с. 19]. Ширина рва на исследованных нами участках не превышала 1,3–1,4 м, глубина также различна: от 0,4 до 0,6 м. Подобные поселения Е.А. Шмидт относит к полуукрепленным [2, с. 27].

В зольно-угольном слое в заполнении рва и на краю площадки, наряду с гладкостенной керамикой днепро-двинского облика, найдена штрихованная и текстильная. Судя по радиоуглеродной дате, поселение возникло во второй четверти–середине I тыс. до н.э., однако проследить непрерывность жизни на памятнике нам не удалось. Отдельные артефакты из предметного слоя можно отнести к последней четверти I тыс. до н.э.: топор скифского типа, бронзовая умбоновидная привеска [3, с. 13] (рис. 2:1,3). Все вещи найдены в закрытом комплексе – столбовой постройке небольших размеров (2 x 2,2 м). Топоры «скифского типа» в Смоленском Поднепровье Е.А. Шмидт датирует IV в. до н.э. [2, табл. 19, 1,3; 4, с. 169]. Подобный топор из Горошковского клада, С.Е. Рассадин относит ко II в. до н.э. [5, с. 58, рис. 21: 6; 6, с. 37]. В.И. Шадыро считает, что на территории Подвинья данный тип топоров получил распространение не ранее первого века до н.э. [7, с. 52, рис. 31: 1–3].

Городище **Зароново** занимало южную оконечность высокой и довольно узкой моренной гряды. От основного плато поселение было отделено яром, по дну которого протекал ручей, впадающий в р. Горожанку, и валом, возведенным у подножья городища. Насыпь нижнего вала содержала внутривальные деревянные конструкции, которые, как и первоначальный поселок, погибли в огне. [8, с. 22]. Небольшие спасательные работы на городище в 1964 г. проведены К.П. Шутом (24 кв. м). [9, с. 9–13, 23–24].

Однако материалы его исследований в полном объеме не доступны для изучения. В 1964 году городище было полностью разрушено. Из отчета и публикации исследователя мы можем лишь в общих чертах представить облик поселения.

Раннему периоду жизни на памятнике соответствуют напластования черной окраски, насыщенные золяно-угольными включениями. Керамический комплекс древнего слоя наряду с керамикой днепродвинского облика содержит штрихованную (11,0%) и текстильную керамику (4,5%), что свидетельствует о культурном взаимодействии разноэтничных групп населения, проникших в Витебское Подвинье в I тыс. до н.э.

В качестве хронологического индикатора раннего периода может служить гривна из перевитого дрота (рис. 2:4), ближайшие аналогии которой известны

на памятниках тарнобжеской группы лужицкой культуры, где тордированные бронзовые и железные гривны датированы V–II вв. до н.э. (фаза III (HaD)) [10, S. 66–70, tabl. XL, 2]. Первоначальное поселение погибло в огне, однако следов длительного прерывания жизни на городище не зафиксировано. Одновременно с восстановлением поселка была заселена и возвышенная терраса с южной стороны городища. Тогда же склоны городища были дополнительно укреплены двумя линиями валов, которые местами плавно переходили в террасу. В мощном культурном пласте было найдено большое количество керамики, костей животных, шлаков. Собранные на площадке городища шлаки указывают на существование здесь производственных комплексов по добыче железа из болотной руды и его переработке [9, с. 12–13].

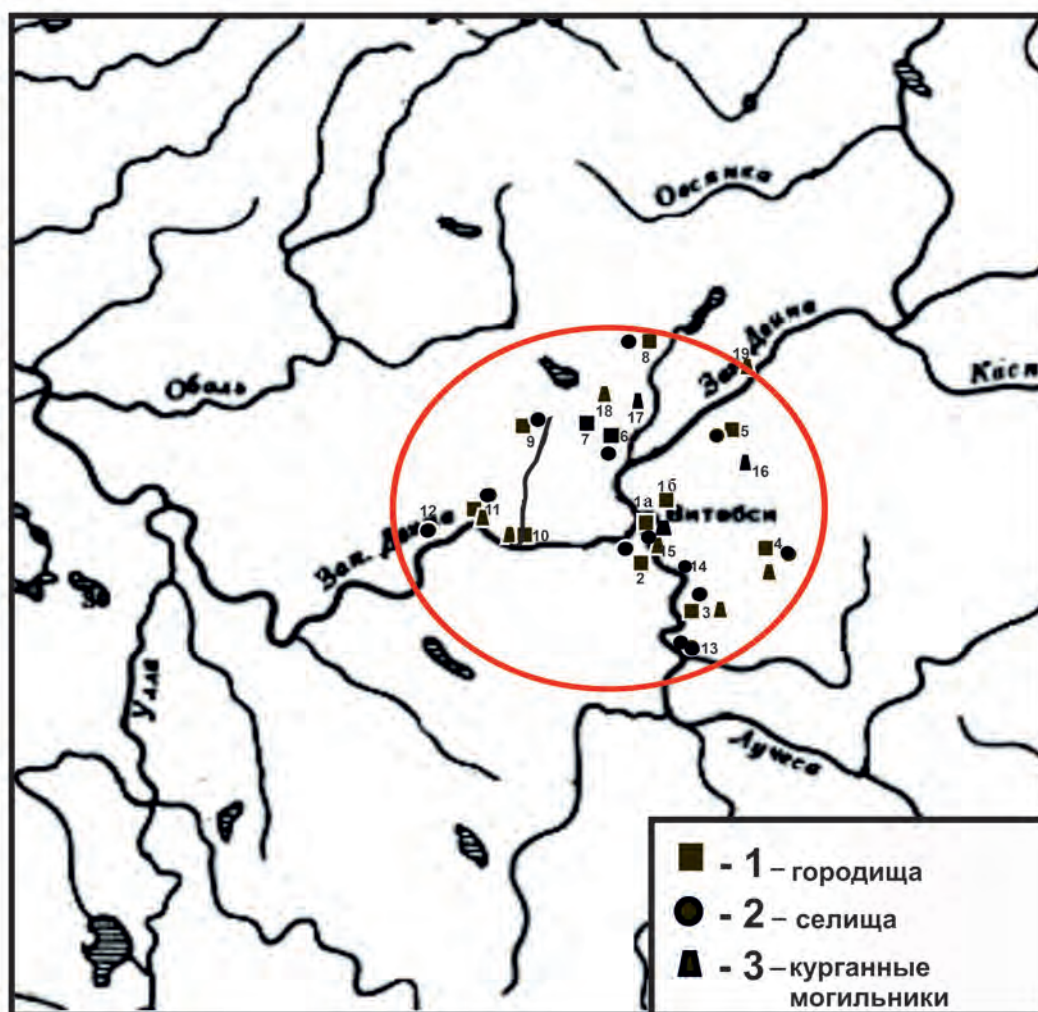

Рис. 1. Локализация памятников I тыс. н.э. в округе Витебска:

- 1а – археологический комплекс на р. Витьбе (городище, два селища, два курганных могильника);
- 1б – городище в черте Витебска; 2 – городище Бороники; 3 – Мяклово (городище, два селища, курганный могильник);
- 4 – Жолнерово (городище, селище, курганы и сопка); 5 – Бельновичи (городище, селище);
- 6 – Лужесно (городище, селище); 7 – Дреколье (городище); 8 – Прудники (городище, курганный могильник);
- 9 – Зароново (городище, селище); 10 – Летцы (городище, курганный могильник);
- 11 – Старое Село (городище, два селища, три курганных могильника); 12 – Крыжи (селище);
- 13 – Кузьменцы (три селища); 14 – Шапуры (селище); 15 – Лятохи (курганный могильник);
- 16 – Лебартово (курганный могильник); 17 – Сокольники – им. Каховка (курганный могильник);
- 18 – Боровляны (курганный могильник); 19 – Хотоли-Курино (курганный могильник)

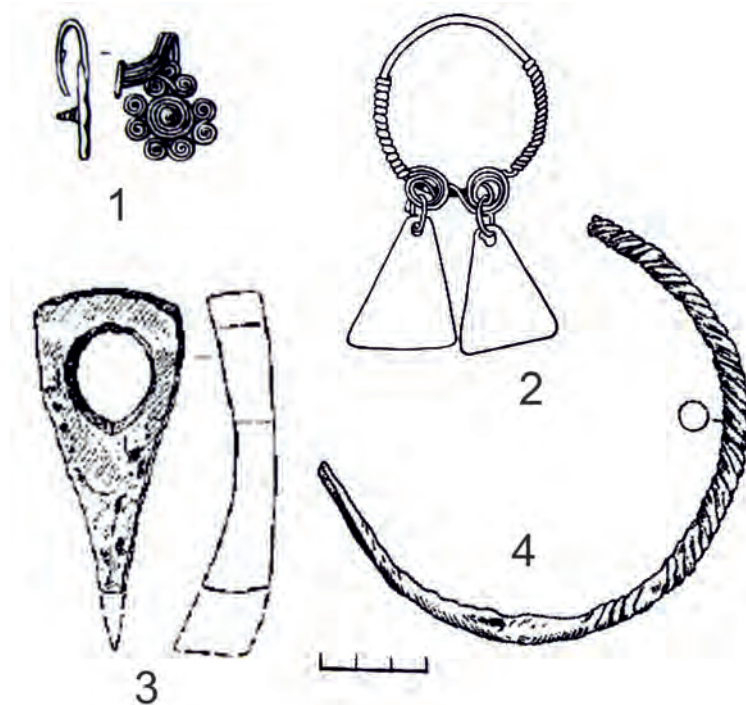

Рис. 2. Артефакты из древнейшего слоя городищ Бороники (1–3) и Зароново (4):

1 – подвеска умбонovidная; 2 – височное кольцо из бронзы;
3 – железный топор «скифского типа»; 4 – гривна железная

К рубежу эры в районе Витебска формируется гнездо укрепленных поселений, насчитывающее не менее семи городищ¹. На левобережье это городища Мяклово и Бороники на Лучесе, Витебск и Бельновичи на Витьбе. Причем в черте современного города существовало два городища: одно на Витьбе, второе в 3-х км вверх по течению на берегу ручья, впадающего в Западную Двину [1, с. 55]. На правобережье недалеко от Зароново появляются городище мысового типа Старое Село на берегу Западной Двины и городище Лужесно среди болот вблизи Лужеснянки.

Археологические раскопки проводились практически на всех упомянутых выше городищах, однако, материалы исследований не были введены должным образом в научный оборот, коллекции разбросаны по различным музеям и частично утрачены (Бороники, Витебск–2, Мяклово, Лужесно – раскопки Г.В. Штыхова) Все это затрудняет изучение поселенческих структур в границах витебской округи на позднем этапе раннего железного века и раннем средневековье. Потребовалось проведение дополнительных исследований на памятниках. На сегодняшний день источниковую базу вопроса составляют материалы из пяти археологических комплексов в микрорегионе Витебска.

Городище на Витьбе. А.Н. Лявданским в 1928 г. исследовался небольшой участок на краю площадки уничтоженный в конце XIX в. городища, сохраняющий культурный слой мощностью до 1 м [11, с. 94].

В этом слое были выявлены наиболее архаичные формы округлобокой керамики, орнаментированные защипами и насечками по краю отогнутого наружу венчика и ямками по линии перехода от шейки к тулову. Поверхность сосуда покрыта штриховкой (рис. 3: 1,4).

Подобной профилировки горшки известны по раскопкам среднего слоя городища Тушемля. Помимо керамики на Замковой горе были найдены грузики дьякова типа, орнаментированные насечками (рис. 3: 2–3), также характерные для среднего слоя тушемлинских памятников, датируемого первой половиной I тыс. н.э. [4, с. 55–56, рис. 4]. На территории, прилегающей к Замковой горе, были выявлены фрагменты груболопной толстостенной керамики, орнаментированной защипами по краю венчика, которая продатирована исследователями III–V вв. н.э. Выявленная керамика может быть связана с материалами более южных территорий, где имеет прямые аналогии на памятниках «чечерской» группы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры [12, с. 81–87, рис. 1, 2]. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что на городище Замковая гора и прилегающей к нему территории селища со стороны р. Западная Двина существовали поселения в первых веках I тыс. н.э. Наличие вблизи витебского городища селищ с керамикой, декорированной расчесами, позволило О.Н. Левко предположить, что дальнейшее свое развитие (типа Городок) [13, с. 76].

На городище **Бороники** общая изученная площадь составила 268 м² [1, с. 53]. Культурный слой – супесь серого цвета, в нижней части содержащая зольные включения, зафиксирована на всей площадке городища

¹ По сведениям непроверенных письменных источников городищ в округе Витебска было больше, однако, локализовать на местности их не удалось.

(мощность 0,4–0,6 м). Данный слой содержит материалы, временные рамки бытования которых не выходят за пределы первой половины I тыс. н.э.: нож с горбатой спинкой, жатвенные ножи, серп, звено двусоставных удил, вток, посоховидные булавки, битрапецеидные пряслица (рис. 4; рис. 5: 13–16). Вероятнее всего, этим же временем следует датировать и клад из трех височных колец (рис. 2:3). С этим периодом жизни поселения связано возведение оборонительных укреплений по краю площадки. Со стороны плато был насыпан вал из культурного слоя шириною 12 метров [14]. В насыпи содержались фрагменты лепных сосудов днепродвинского облика и толстостенных горшков третьей четверти I тыс. н.э. Г.В. Штыхов считает, что в раннем средневековье городище использовалось в качестве убежища, хотя в раскопах артефакты второй половины I тыс. не встречались [1, с. 53]. Небольшой вал (высотой 1 м) имелся и с противоположной стороны, следы его были зафиксированы Г.В. Штыховым в раскопе 1972 г. [15]. В юго-восточной части поселения в западине локализованы остатки двух наземных построек срубной конструкции, на что указывает отсутствие столбовых ям и куски глиняной обмазки стен. В керамическом комплексе доминирует гладкостенная керамика (рис. 5), сосуды со штрихованной поверхностью составляют 7,8%, изредка встречается текстильная керамика и фрагменты стенок с расчесами.

Старое Село. В первой четверти I тысячелетия н.э. днепродвинцы заселяют мысовую часть озовой гряды при впадении безымянного ручья в Западную Двину. Площадка городища треугольной формы размерами 65 × 32 м со стороны основного плато была ограничена рвом и валом высотой более 1 м, плавно переходящим в невысокий вал по восточному склону городища. Вторая линия укреплений, вероятно, более поздняя, шла по краю площадки с напольной стороны. [16, с. 239]. А.Н. Лявданский допускал, что по периметру городище дополнительно могло быть укреплено частоколом [11, с. 102]. Постройки как жилого, так и производственного назначения возводятся на краю площадки. Судя по вскрытому жилищу, дома имели незначительно углубленный в землю пол и кольево-столбовую конструкцию стен. Очаг, сложенный из валунных камней без связующего раствора, занимал центральную часть постройки.

В мысовой части площадки в пятне локализации постройки № 5 найдено довольно много шлаков и железный предмет, напоминающий наковаленку, что может свидетельствовать о производственном назначении объекта. Вполне вероятно, что мысовая часть городища являлась производственной зоной.

Материальная культура населения представлена керамическими комплексами, характерными для позднего этапа днепродвинской культуры (рис. 6: 11–22).

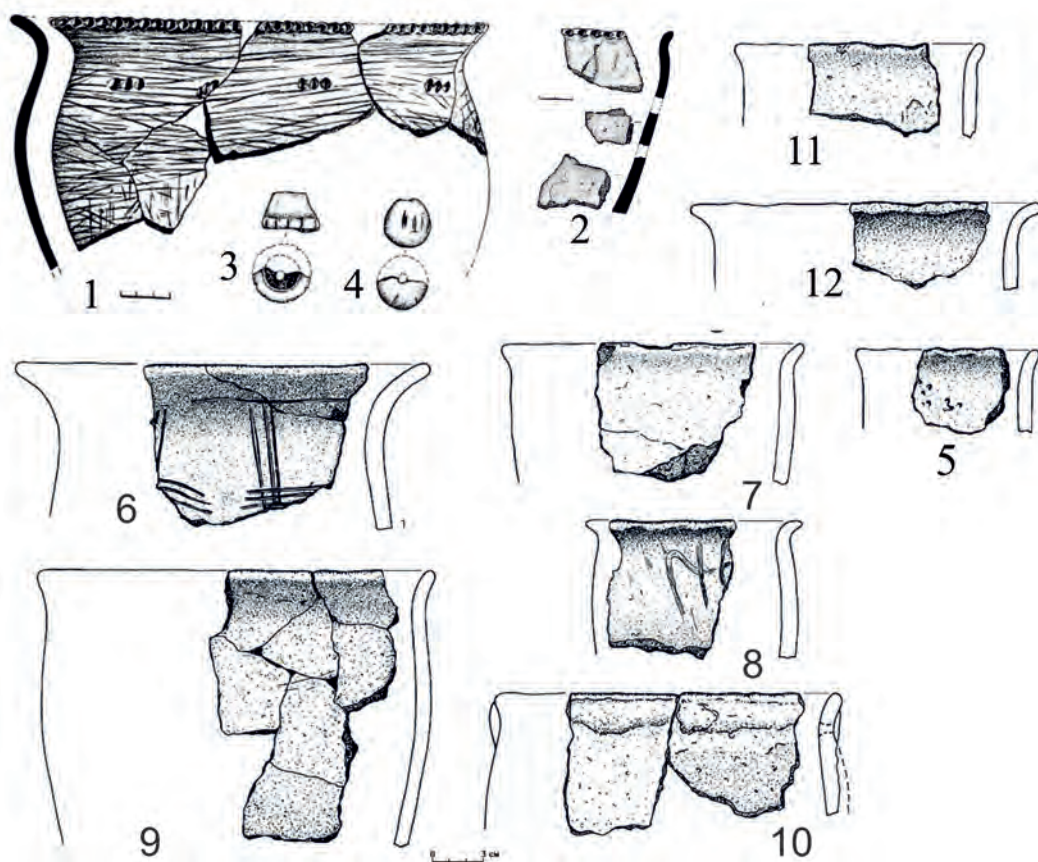

Рис. 3. Керамика второй четверти – середины I тыс. н.э. из раскопок Витебска: 1–4 – городище на Витьбе (Замковая гора); 5–12 – селище на Двинской возвышенности

Часть венчиков несет на себе отпечаток перевитой веревочки. Среди артефактов древнейшего слоя преобладают металлические предметы (железо, бронза), которые получают распространение в лесной полосе Восточной Европы не ранее II–IV вв. н.э. [17, с. 301–303] (рис. 6: 1–2, 4–5, 6–10, 24, 26–28).

После гибели поселка в огне свидетельством трагедии являются значительные зольные включения в напластованиях раннего периода, пожарище перекрывает слоем глины и замащивают некрупными камнями. Данная отмостка разграничивала два культурно-хронологических этапа: ранний железный век и раннее средневековье.

Городище *Лужесно* было обустроено на краю мочальной гряды, окруженной болотом, на высоте 15–20 м. Площадка овальной формы размерами 50 x 45 м укреплена двумя валами: у подножья городища и по краю площадки. Вал по краю площадки был возведен в раннем средневековье, когда городище использовалось в качестве убежища [18, с. 259]. Третий вал – естественное дугообразное возвышение высотой 3–4 м и шириной 10 м, огибал городище с запада, перекрывая подъезд к поселку со стороны соседней гряды. На гребне вала зафиксирован слой черного цвета мощностью около 1 м.

Мощность культурного слоя на городище неравномерная – от 0,6 м в центре площадки до 2,5 м по склону.

Материалы раннего периода существования поселения крайне невыразительны. В предматериковом слое городища найдена немногочисленная керамика позднего этапа днепро-двинской культуры: серп-косарь, нож с прямой спинкой (рис. 7, I : 5–9).

Мяклово. Городище расположено на одиночном холме, у подножья которого протекает безымянный ручей, впадающий в р. Лучесу. Площадка овальной формы размерами 50 x 59 м возвышается на 10 м над уровнем заболоченного берега. По склону городище укреплено оплывшим валом высотой 1 м.

Древнейший слой, соотносимый с последним периодом раннего железного века, сохранился лишь в западинах. Он содержал зольно-угольные включения и мелкие пережженные камни, что указывает на гибель городища в огне. Керамика представлена многочисленной гладкостенной лепной посудой, несколько фрагментов имели штрихи. В слое сконцентрировано довольно много шлаков, найден фрагмент тигля [19]. В незначительном по мощности верхнем слое, кроме немногочисленной керамики, найдены железный ножной браслет, терочник, несколько фрагментов костей со следами обработки. Посуда представлена слабопрофилированными формами, характерными для V–VII вв. н. э. П.Н. Подгурский полагает, что в этот период городище использовалось местными племенами как убежище [20, с. 286].

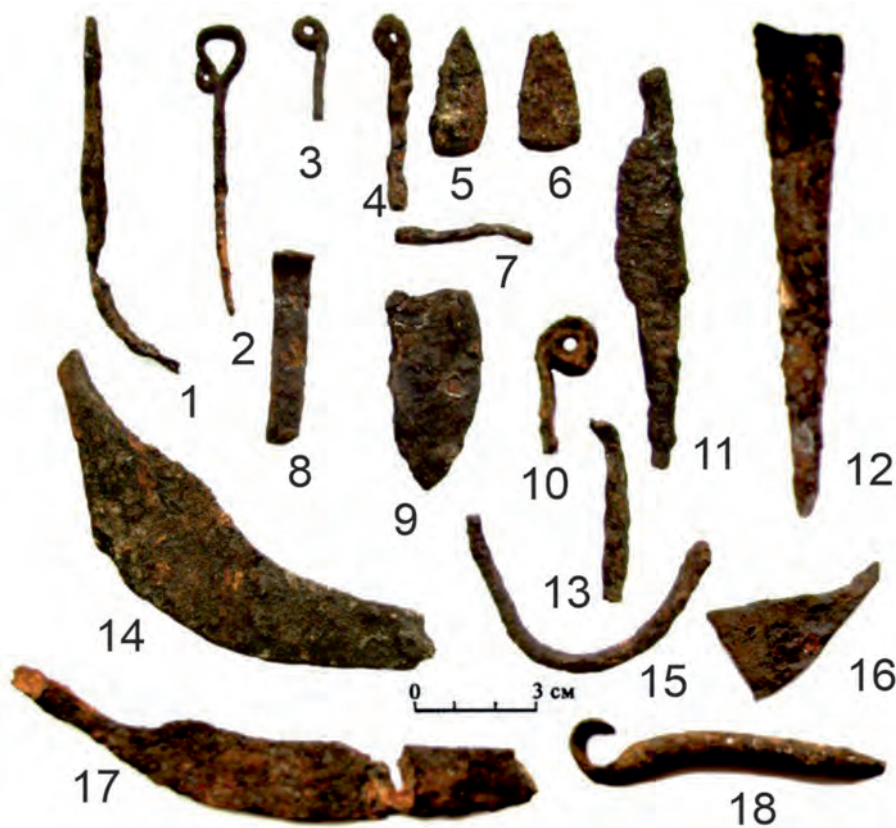

Рис. 4. Железные изделия из культурного слоя городища Бороники: 1 – шило; 2–4, 10 – булавки посоховидные и их фрагменты; 5, 6, 9 – топоры (фрагменты); 7, 15 – браслеты круглодротовые; 8 – пробойник; 11 – нож; 12 – вток копья; 13 – железного изделия фрагмент; 14, 16 – жатвенные ножи; 17 – серп; 18 – звено двусоставных удил

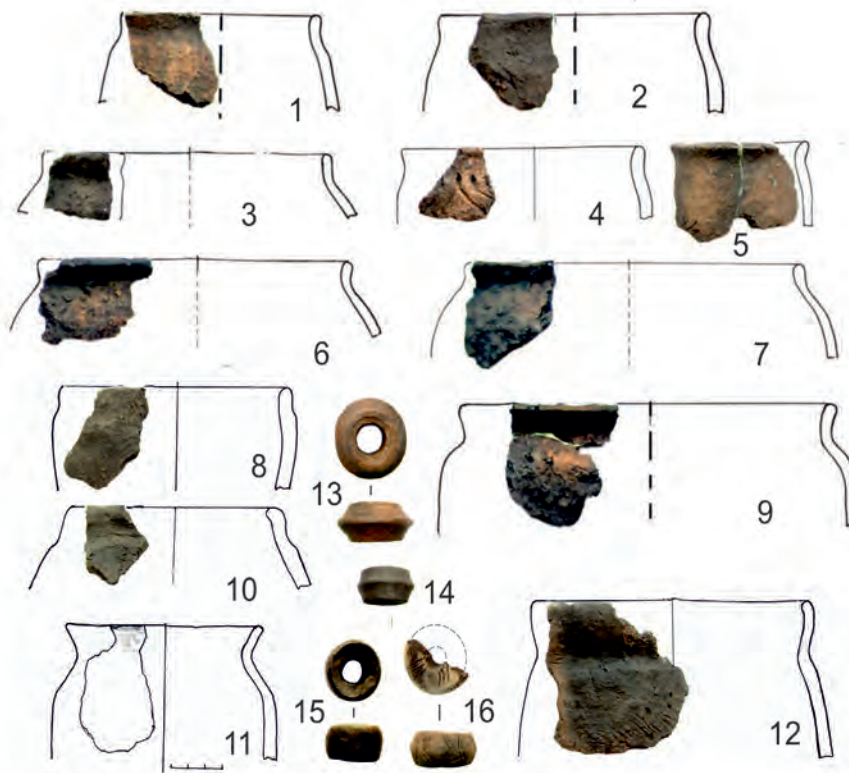

Рис. 5. Керамика первой половины I тыс. н.э. из культурного слоя городища Бороники: 1-12 – фрагменты лепных горшков; 13-16 – глиняные пряслица

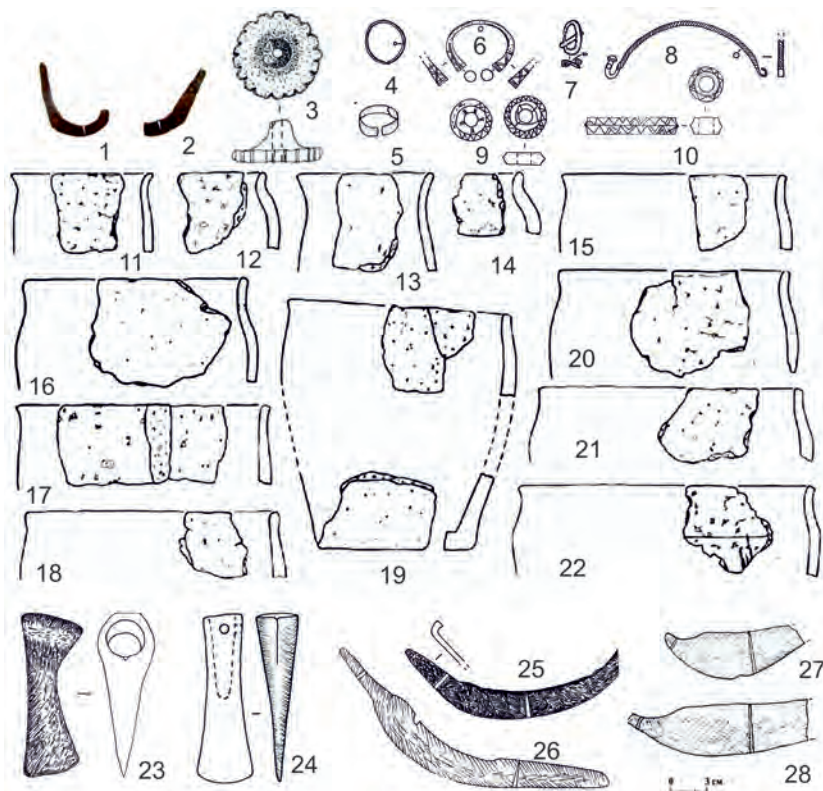

Рис. 6. Вещевой комплекс из нижнего (1, 2; 4, 5; 6-22; 24; 26-28)

и верхнего (3, 5, 23, 25) хронологического слоя городища возле д. Старое Село:

- 1, 2 – бритвы железные; 3 – грузик «дыякова» типа; 4 – височное кольцо; 5 – пластинчатый перстень; 6 – браслет бронзовый; 7 – пряжка железная; 8 – шейная гривна (фрагмент); 9, 10 – пряслица глиняные; 11-21 – керамика верхнего и нижнего слоя; 22 – проушной боевой топор; 23 – топор-кельт; 24 – серп; 25 – серп с «пяткой»; 26, 27 – ножи с горбатой спинкой

Не позднее IV в. н.э. отмечается инфильтрация в регион Витебска отдельных групп праславянского населения верхнеднепровского варианта киевской культуры, визитной карточкой которого является керамика с расчесами. Небольшое количество подобной керамики найдено на городище Бороники, селищах Витебска и Старого Села. На селище Зароново сосуды с расчесами не встречены, однако керамический комплекс селища полностью соответствует позднему этапу верхнеднепровского варианта киевской культуры. Данный вывод подтверждается присутствием в культурном слое вещей центрально-европейского происхождения и их дериватов, которые могли попасть в регион из Поднепровья.

Возможной причиной миграции в Витебское Подвинье племен киевской культуры послужили благоприятные климатические условия. Увеличение среднегодовых температур на фоне уменьшения количества осадков способствовало освобождению от воды значительной территории, пригодной для сельскохозяйственной деятельности и животноводства.

Судя по мощному зольно-угольному слою, зафиксированному практически на всех городищах в округе Витебска, процесс расселения вторгшихся в Подвинье группировок мирным назвать нельзя. Пришлое население обустроивает селища у подножья городищ, используя последние в качестве убежищ. Существующие городища (Лужесно, Старое Село) дополнительно укрепляются валами по краю площадки. Система обороны городища Зароново состояла из трех типов укреплений: две линии валов у подножья площадки со стороны гряды, вал по склону и короткие валы с торцевых сторон площадки.

На сегодняшний день в округе Витебска единственным изученным неукрепленным поселением этого периода является селище у подножья вышеупомянутого городища, исследованное автором статьи в 2018–2019 и 2022 гг. (260 кв. м). Оно полукольцом опоясывало городище с востока, юга и юго-запада, его площадь была не менее 1,2 га.

С ранним этапом существования *зароновского селища* органично связывается небольшой по мощности нижний слой, который, судя по немногочисленным находкам (нож с горбатой спинкой, круглые пряжки с утолщенной рамкой, посоховидная булава, пельто-видная лунница, керамика), образовался здесь не ранее второй половины – конца IV–V вв. (рис. 8: 5–9, 13). Полное отсутствие в керамическом комплексе посуды днепро-двинского облика позволяет предположить, что днепро-двинцы покинули поселок под давлением населения, проникшего в регион с юга (рис. 9). Судя по исследованным жилищам, население проживало в небольших домах срубной конструкции с углубленным в землю полом. В качестве отопительных устройств использовались открытые очаги размерами 0,8–1,0×0,8 м с подочажной ямой либо без нее. Перекрытие крыши поддерживал центральный столб. Жилище, по-видимому, покрыто дражкой, поверх которой насыпали слой

песка толщиной до 0,2 м. Судя по небольшой мощности слоя, селище функционировало непродолжительное время и погибло во время пожара [21, с. 70–71].

Во время раскопок на селищах Витебска и Старого Села также в небольшом количестве встречаются материалы второй четверти – середины I тыс. н.э., однако ранние слои на этих памятниках стратиграфически почти не прослеживаются (рис. 3: 5–13). В керамическом комплексе этих поселений также встречены единичные экземпляры керамики с расчесами и подлощенной.

К середине I тысячелетия жизнь на городищах практически затухает. Одни укрепленные пункты полностью были оставлены населением (Бороники), другие использовались в качестве убежищ населением, обосновавшимся у их подножья (Зароново, Лужесно, Мякलोво).

Лишь городище возле д. Старое Село продолжало полноценно функционировать до конца VII века. Сохраняется прежняя планировка поселка, постройки продолжают возводить на краю площадки и на ее восточном склоне. Исследованные жилища из верхнего слоя имеют срубно-столбовую конструкцию и частично углублены в материк. Одно жилище наземное срубной конструкции. В качестве отопительных устройств в наземных жилищах использовали не открытые очаги, а печи-каменки. Материальная культура городища продолжала линию развития днепро-двинской культуры, на смену которой пришли классические банцеровско-тушемлинские древности [17, с. 308–314] (рис. 6: 3, 5, 23, 25).

В поселенческой системе середины – третьей четверти I тыс. н.э. происходят существенные изменения, вызванные расселением в округе Витебска земледельческого населения. Характерной чертой для этого периода является переход к жизни на селищах, которые становятся основным типом поселений. Оставленные городища используются в качестве убежищ, вместе с тем в этот период возникают городища-убежища (Дреколье, Жолнерово, Прудники). Отметим лишь, что на данном этапе количество линий обороны и высота земляных укреплений имели тенденцию к увеличению (до 3–5 м).

В историческом центре Витебска отложения третьей четверти зафиксированы на селище в центральной части Двинской возвышенности и на обращенном к реке склоне [22, с. 35; 23, с. 72]. Среди находок древнейшего слоя обломки тиглей для плавки цветных металлов, каменная форма для отливки пельто-видных лунниц, молот для проковки криц, шлаки [22, с. 35–36] (рис. 10: 1). В материковых ямах и в предматериковом слое в центральной части возвышенности обнаружены бронзовая булава с подвижным кольцом, датированная VI–VIII вв. [23, с. 72], шпора с коническим шипом, датированная в лесной полосе Восточной Европы второй–третьей четвертью I тысячелетия н.э. [24, с. 122], ранние типы стеклянных бус VIII–X вв. [25, с. 154] (рис. 10: 3, 16). В данном слое присутствовала и груболепная керамика середины – третьей четверти

I тыс. н.э., характерная для банцеровско-тушемлинской культурной общности, встречены фрагменты «сосудов с плечиком», относимые исследователями к культуре длинных курганов рубежа VIII–X вв. (рис. 10: 19–22).

Напластования данного этапа существования селища Зароново свидетельствуют о возросшей хозяйственной активности его обитателей. О плотности застройки можно судить по количеству очагов, вскрытых в верхнем стратиграфическом слое (7 очагов). Отсутствие следов столбовых ям позволяет предположить, что население проживало в наземных жилищах срубной конструкции. Материальная культура продолжает линию развития предыдущего периода. Среди артефактов, относящихся к последнему периоду жизни поселения, выделяется группа древностей, которые следует связывать с колочинским населением и ранними длинными курганами.

Хронологические индикаторы слоя (В-образные пряжки, полиэдрические синие бусы, серп «с пяткой», шпоры с загнутыми наружу расплюснутыми крючками, узколезвийный боевой топор, браслеты с расширяющимися концами и т.д.) в большинстве случаев перекрывающие друг друга, позволяют предварительно датировать его V–VI вв. [21, с. 72–73] (рис. 8: 1–4, 10–12, 14).

Селище Лужесно площадью около 4 га примыкает к городищу-убежищу с северо-восточной стороны и отделено от последнего рвом. Это однослойное поселение, мощность культурного слоя на котором не

превышает 0,3–0,5 м, лишь в ямах она увеличивается до 1 м [18, с. 260]. В раскопе исследованы остатки углубленного в материк жилища размерами 4 x 5 м. Пол располагается ниже уровня земли на глубине от полуметра до одного метра. Стены возвышались над поверхностью земли и крыша, по наблюдениям автора, опиралась на стены. У дальней от входа стены недалеко от угла размещена печь-каменка. Ее развал размерами 1,5 x 1,5 м сохранился на высоту 0,6 м. Несмотря на разрушенный свод, устье печи не пострадало, размеры внутреннего пространства невелики – 0,2 x 0,2 м. Печь стояла непосредственно на земляном полу жилища, Г.В. Штыхов предполагает, что основной ее функцией был обогрев жилища [18, с. 260].

В жилище возле печи найдено много лепной посуды, глиняное пряслице линзовидной формы. Вне комплекса найден фрагмент глиняного тигля для плавки цветных металлов, внутри которого был залит расплавленный металл; бронзовый пинцет со слегка расширенными концами и фиксирующим кольцом. Подобные изделия представлены во многих культурах на протяжении всего римского периода. К артефактам, имеющим относительно узкую дату, отнесены два пластинчатых кресала, временные рамки бытования которых укладываются во вторую–третью четверть I тыс. (рис. 7, II: 8–9). Найденные на селище биконические пряслища и ножи с прямой спинкой и плоскими прямыми черенками также служат маркерами третьей четверти I тыс. н.э. (рис. 7, II: 1, 4–5).

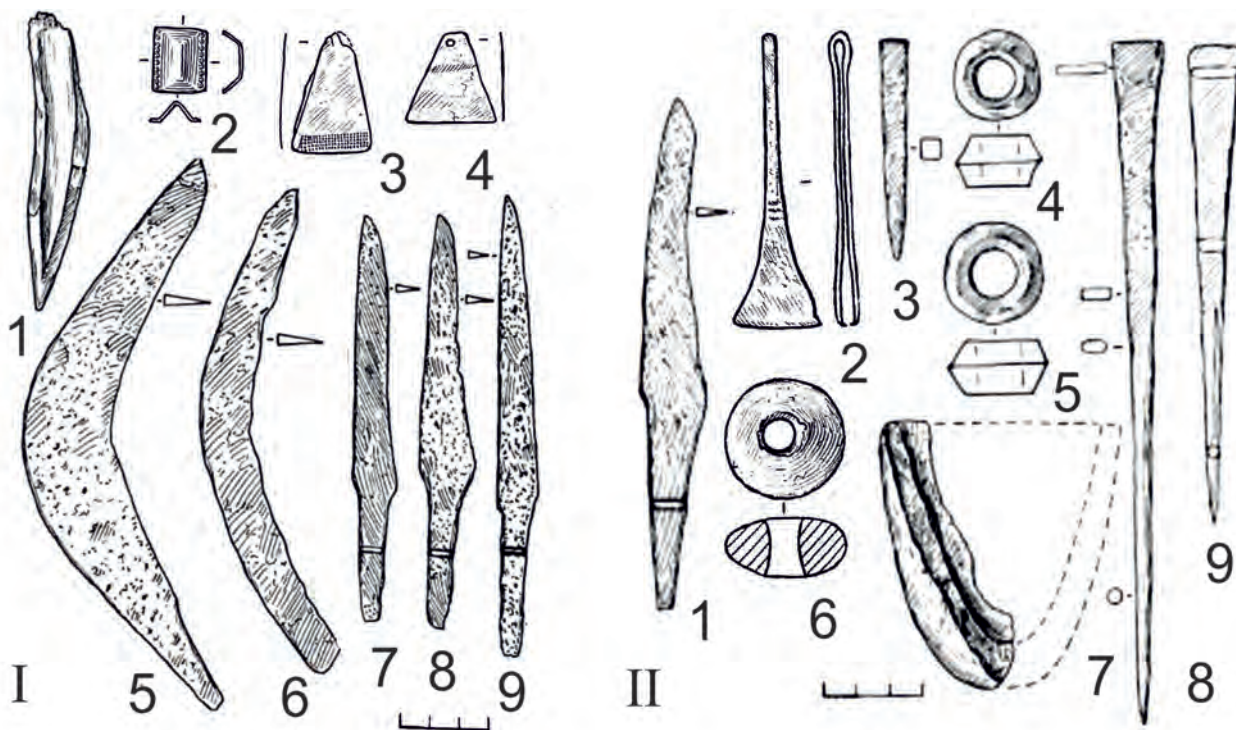

Рис. 7. Археологический комплекс Лужесно.
Артефакты из культурного слоя городища (I: 1–9) и селища (II: 1–9).

I: 1 – костяная проколка; 2 – бронзовая нашивная бляшка;
3–4 – трапециевидные привески из бронзы; 5–6 – железные серпы; 7–9 – ножи.
II: 1 – нож; 2 – ювелирный пинцет; 3 – пробойник; 4–6 – пряслища глиняные; 7 – льячка; 8–9 – долотовидные кресала

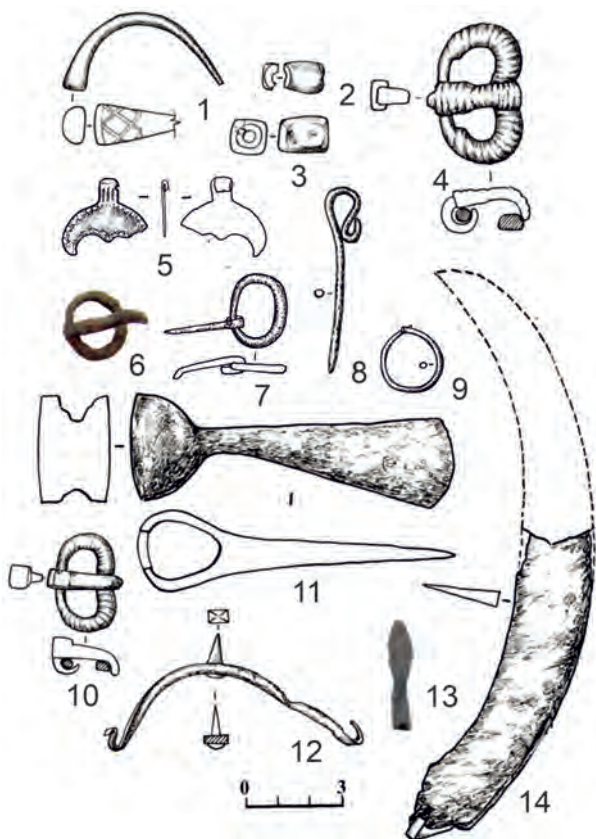

Рис. 8. Хронологические индикаторы культурного слоя селища Зароново:

- 1 – бронзовый браслет (фрагмент);
 2, 3 – бусы полиэдрические из синего стекла;
 4, 10 – В-образные пряжки; 5 – бронзовая пельтовидная лунница; 6, 7 – железные пряжки; 8 – посоховидная булава; 9 – височное кольцо из бронзы; 11 – боевой топор; 12 – шпора; 13 – втульчатый наконечник стрелы; 14 – серп (фрагмент)

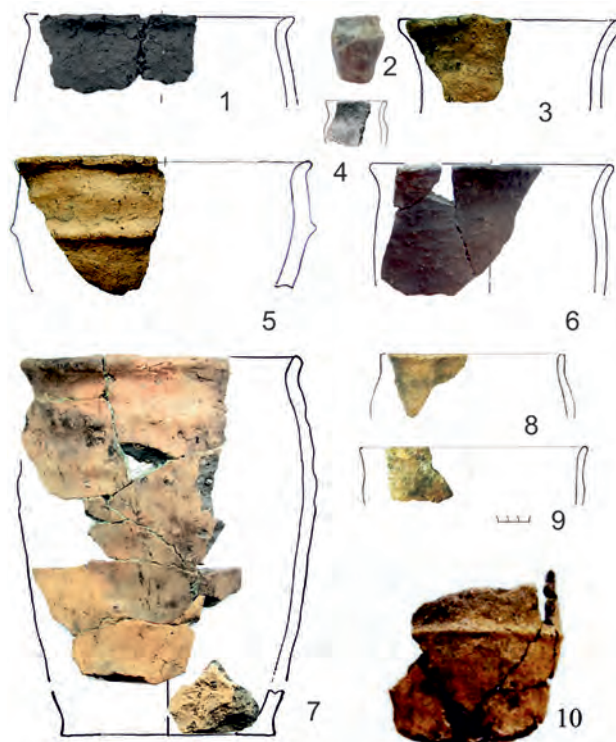

Рис. 9. Керамический комплекс селища Зароново (IV–VI вв.)

Керамический комплекс селища представлен фрагментами лепной посуды середины – третьей четверти и VIII–X вв. Преобладает баночная и слабопрофилированная керамика, характерная для памятников банцеровско-тушамлинской общности. Сосуды с короткими, слегка изогнутыми венчиками с утолщенным или, наоборот, утонченным краем. Единичные фрагменты имели небольшой валик под венчиком, ребро по тулову. Один фрагмент ребристого горшка Г.В. Штыхов отнес к керамике т.н. «ладожского типа» и датировал VIII веком [18, с. 262].

Исследованные в округе Витебска жилые постройки середины – третьей четверти I тыс. н.э. отражают две традиции в домостроительстве Витебского Подвинья: местную, представленную наземными постройками срубной конструкции, и южную, визитной карточкой которой были полуземлянки.

Полуземляночные жилища (Зароново, Лужесно, Старое Село) врезались в материк на глубину до 0,5–1,0 м. Это были квадратные или близкие к квадрату постройки размерами 3–4 × 5 м. Отсутствие следов от столбовых ям позволяет предположить срубную

конструкцию стен жилищ. Судя по значительному количеству фрагментов глиняной обмазки, стены рубились из относительно тонких бревен и для лучшего сохранения тепловых качеств промазывались глиной. От наземных жилищ сохранились развалы очагов и куски глиняной обмазки стен в местах их локализации.

Конструктивные изменения повлекли за собой изменения в планировочной структуре жилищ и совершенствование отопительных устройств. Отопительные устройства в жилищах располагались возле одной из стен: ближней или дальней от входа. В большинстве случаев это открытые очаги, изредка печи-каменки (Лужесно, Зароново, Старое Село). Судя по размерам подочажных ям, очаги имели небольшие размеры, в ряде случаев они устанавливались непосредственно на земляной пол. Печи-каменки, судя по камням основания, имели форму круга диаметром 1,0–1,5 м, размеры устья не превышали 0,2 × 0,2 м [18, мал. 7]. Под их основание могла быть подведена подушка из глины и культурного слоя (Зароново), однако, чаще всего, поды в печах-каменках отсутствуют.

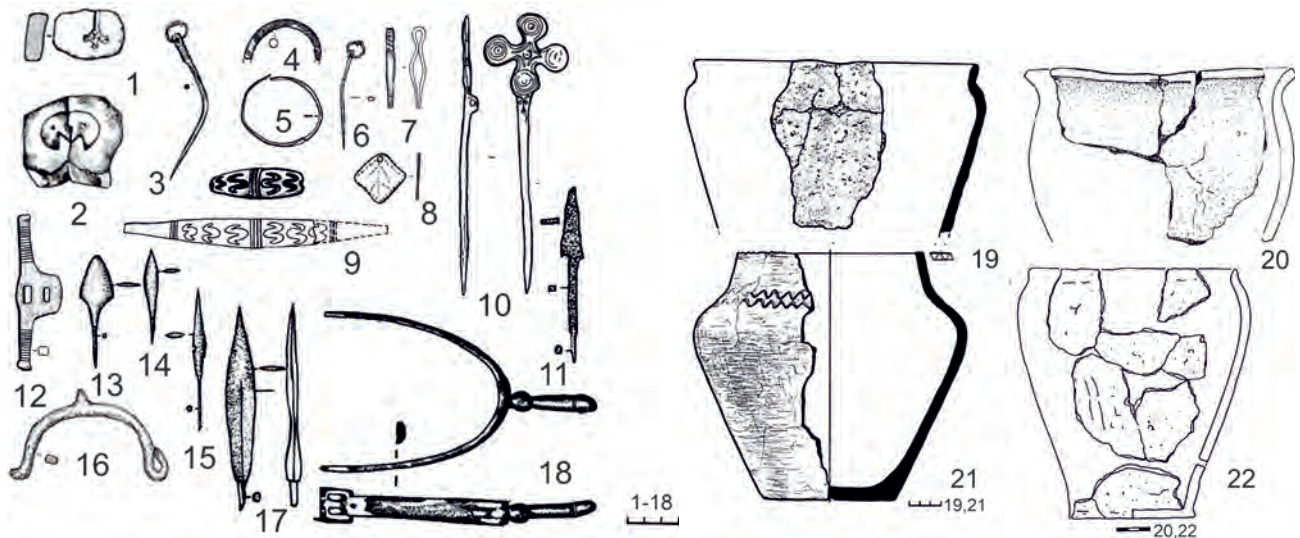

Рис. 10. Вещевой комплекс сторой половины I тыс. н.э. из раскопок на селище Витебска (Двинская возвышенность):

- 1, 2 – литейные формочки для отливки украшений; 3, 6, 10 – бронзовые булавки; 4, 5, 9 бронзовые браслеты и их фрагменты; 7 – ювелирный пинцет; 8 – бронзовая подвеска; 11, 13–15, 17 – железные наконечники стрел; 12 – железный псалий; 16 – шпора; 18 – шпора с сигаровидным шипом (лужение, бронза); 19–22 – лепные горшки последней четверти I тыс. н.э.

В материальной культуре исследованных поселений тесно переплетаются черты, характерные для тушемлинско-банцеровской общности и культуры ранних длинных курганов. Наличие в округе Витебска курганных могильников VI–VIII вв. (Лятохи, Старое Село) позволяет включить регион в зону распространения ранних длинных курганов, которые интерпретируются как погребения балто-славянского населения [26, с. 95]. Отдельные формы ранней керамики на селищах Зароново и Витебск близки к древностям колочинской культуры.

В последней четверти окончательно сформировались водно-волоковые маршруты, по которым осуществлялись миграции населения и торговые связи. Это привело к изменениям в топографической привязке неукрепленных поселений, которые все чаще размещаются по берегам небольших рек вне связи с городищами-убежищами.

Известные в округе Витебска селища последней четверти расположены по берегам судоходных рек, являющихся участками торговых путей раннего средневековья. На Лучесе это парные селища возле деревень Кузьменцы и Мяклово, на Вымнянке – Жолнерово. На Западной Двине продолжают функционировать открытые поселения предшествующей эпохи: в черте Витебска локализовано три поселка, селища возле деревень Старое Село и Крыжи (ныне не существует), на Лужеснянке – селище Лужесно. Концентрация довольно крупных курганных могильников в округе Витебска редполагает существование в непосредственной близости от них древнерусских селищ (Боровляны, Прудники, Лебартово). К сожалению, поселения последней четверти I тыс. – начала II тыс. н.э. локализо-

ванные в округе города, специально не изучались. На сегодняшний день изучены лишь догородские поселения в черте Витебска, которые исследователи связывают с летописными кривичами.

Из-за небольшой мощности слоя и нарушения его целостности позднейшими перекопами уточнить размеры кривичских поселков в историческом центре Витебска и реконструировать их застройку невозможно. Судя по немногочисленным развалам очагов и печей – каменок, постройки могли быть наземными срубной конструкции. Материальная культура представлена в основном керамикой типа длинных курганов (IX – начала X вв.) и т.н. «переходного типа» – лепной, но «слегка подправленной на гончарном круге» [22, с. 36] (рис. 10: 19). Хронологические индикаторы слоя: два обломка арабских дирхемов конца VIII–IX вв. [27 с. 27], ладьевидный браслет с зигзагообразным орнаментом (последняя четверть VIII–X вв.) [28, с. 496], булавка с крестообразной головкой IX–XI вв., наконечники стрел: двушипный плоский, характерный для запада Древней Руси VIII–IX вв., ранний вариант гнездовского типа (VIII – середина XI в.), ромбовидный с расширением в верхней трети пера и ланцетовидный наконечник (IX–XI вв.) [29, с. 163–166] (рис. 10: 6–15, 17–18). Из описываемого слоя происходят сердоликовые и хрустальные бусы, большинство из которых датируется IX–XI вв., более десятка глиняных дисков для вертикального ткацкого станка, известных по материалам в северо-восточной Руси в IX–X вв. [30, с. 116].

Анализ всей совокупности вещевого материала, содержащегося в напластованиях VIII–X вв., показывает, что на данном этапе существования ремесленный облик поселков еще не прослеживается. Слаборазвитая ремесленная деятельность (при отсутствии

в древнейших напластованиях сельскохозяйственного инвентаря) позволяет предположить, что главным занятием населения была дальняя торговля. Подтверждением этому может служить функционирование в VIII веке двинского отрезка пути «из варяг в греки», высокий удельный вес импорта среди артефактов IX–X вв. [31, с. 133–136].

К X веку селища возле Старого Села и Лужесна прекращают свое существование. Аграрные поселения, расположенные вокруг Замковой горы Витебска – ядра будущего города, постепенно трансформируются в городские посады.

Заключение. В начале I тыс. н.э. в окрестностях Витебска возникает группа укрепленных поселений, которые судя по топографической привязке, осуществляли контроль за транспортными узлами по Западной Двине и ее притокам: Лучесе, Лужеснянке и Зароновке – Утьянке. Среди путей из Днепровского бассейна на север наиболее тортым оказался участок Лучеса – Лужеснянка с дальнейшим выходом на Овсянку и Усвячу, что благоприятно сказывалось на функционировании расположенных на них городищ. В конце второй четверти в регион проникают отдельные группы праславянского населения с юга, которые принесли новую поселенческую структуру – селища. Расселению нового населения благоприятствовали климатические условия и освобождение от воды значительной территории, пригодной для занятий сельскохозяйственной деятельностью и животноводством. Меняется функция городищ, которые постепенно превращаются в убежища. В микрорегионе Витебска такие городища фиксируются близ деревень Старое Село, Лужесно, Зароново, Мяклово. Возле них, как и в Витебске, выявлены селища середины – третьей четверти I тысячелетия н.э., содержащие керамику типа Банцеровщины – Тушемли и ранних длинных курганов. Эти памятники составили единую территориальную основу, на которой в конце I тысячелетия н.э. в результате расселения славянских племен образовалось локальное племенное образование, т.н. малое племя (по О.Н. Левко) с административным центром в Витебске [32, с. 180].

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.01.5 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе».

Литература

1. Штыхов, Г.В. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Витебского отряда в 1972 г. / Г.В. Штыхов // Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1973. – Д. № 413. – 86 с.: ил.
2. Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства: Днепр-двинские племена (VII в. до н.э. – III в. н.э.) / Е.А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 207 с.
3. Бубенько, Т.С. Об одном типе височных подвесок в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье / Т.С. Бубенько // МАБ. – 2020. – Вып. 31: Даследаванне беларускіх старажытнасцей (да 80-годдзя з дня нараджэння Алены Генадзьеўны Калечыц). – С. 10–16.
4. Третьков, П.Н. Древние городища Смоленщины / П.Н. Третьков, Е.А. Шмидт. – М.–Л., 1963. – 191 с.
5. Мельниковская, О.Н. Племена Южной Беларуси в раннем железном веке / О.Н. Мельниковская. – М.: Наука, 1967. – 195 с.
6. Рассадин, С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос / С.Е. Рассадин. – Минск, 2006. – 106 с.
7. Шадыро, В.И. Ранний железный век Северной Белоруссии / В.И. Шадыро. – Минск: Наука и техника, 1985. – 126 с.: ил.
8. Штыхов, Г.В. Отчет об исследованиях в Витебской области в 1973 году / Г.В. Штыхов // Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1974. – Д. № 454. – 113 с.
9. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. / К.П. Шут // Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1965. – Д. № 237. – 64 с.
10. Czopek, S. Grupa tarnobrzaska nad środkowym Sanem i Dolnym Wisłokiem: studium osadniczo-kulturowe / S. Czopek – Rzeszowie: Muzeum Okręgowe, 1996. – 207 s.
11. Ляўданскі, А.М. Археалёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе / А.М. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы археалёгічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. II. – С. 94–104.
12. Дробушевский, А.И. Памятники Нижнего Посожья на рубеже н.э. / А.И. Дробушевский // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый: матэрыялы канф. – Магілёў, 1994. – С. 80–89.
13. Левко, О.Н. Исследования в Городке Витебской области / О.Н. Левко // Археология и история Пскова и Псковской земли: тезисы докл. науч.-практ. конф. – Псков, 1988. – С. 75–77.
14. Штыхаў, Г. Археалагічнае вывучэнне помнікаў V–VIII стст. у наваколлі Витебска / Г. Штыхаў // Гіст.-археал. зб. – 2005. – Вып. 20. – С. 233.
15. Штыхаў, Г. Вынікі даследавання гарадзішча Баронікі пад Віцебскам / Г. Штыхаў // Гіст.-археал. зб. – 2007. – Вып. 23 – С. 271.
16. Подгурский, П.Н. Раскопки городища Старое Село / П.Н. Подгурский // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближайшего и дальнего зарубежья. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2007. – Ч. 2. – С. 239–241.
17. Бубенько, Т.С. Археологический комплекс в деревне Старое Село Витебского района Витебской области: предварительные итоги и перспективы изучения / Т.С. Бубенько, П.Н. Подгурский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр., перераб.

- и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – (Славянские древности Беларуси). – С. 298–319.
18. Штыхаў, Г.В. Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска / Г.В. Штыхаў // МАБ. – 2003. – Вып. 8: Ранніе славяне Беларускага Поднепрэв'я і Подвін'я (к 80-лецію Л.Д. Поболя). – С. 258–277.
 19. Бубенько, Т.С. Результаты разведочных работ на археологическом комплексе у д. Мяклово Витебского района / Т.С. Бубенько, П.Н. Подгурский // МАБ. – 2018. – Вып. 29: Даследаванні пахавальных і пасяленчых помнікаў эпохі сярэднявекі і Новага часу на тэрыторыі Беларусі і суседніх краін. – С. 236–241.
 20. Подгурский, П.Н. Раскопки городищ в Витебском районе / П.Н. Подгурский // Археологические открытия 2000 года. – М.: Наука, 2001. – С. 286–287.
 21. Бубенько, Т.С. Зароново – селище эпохи Великого переселения народов в окрестностях Витебска / Т.С. Бубенько // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Т. 29. – С. 69–75.
 22. Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск.: Наука и техника, 1978. – 160 с.
 23. Бубенько, Т.С. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска / Т.С. Бубенько, О.Н. Левко // Материалы по археологии Беларуси. – Минск., 2003. – Вып. 8: Ранние славяне Беларускага Поднепрэв'я і Подвін'я. – С. 71–95.
 24. Перхавко, В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В.Б. Перхавко // Советская археология. – М., 1978. – № 3. – С. 113–126.
 25. Бубенько, Т.С. Стекланные украшения средневекового Витебска / Т.С. Бубенько // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2001 – № 3. – С. 154–164.
 26. Штыхаў, Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
 27. Бубенько, Т.С. Отчет об археологических исследованиях возле Благовещенской церкви на Нижнем замке Витебска в 1997 г. / Т.С. Бубенько // Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1998. – Д. № 1770. – 192 с.
 28. Еремеев, И.И. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / И.И. Еремеев, О.Ф. Дзюба. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 667 с.
 29. Медведев, А.Ф. Оружие Новгорода Великого / А.Ф. Медведев // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М.: Наука, 1959. – № 65: Тр. Новгород. археол. экспедиции. – С. 121–191.
 30. Дубов, И.В. К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков / И.В. Дубов, В.Н. Седых // Археологические исследования Новгородской земли. – Л., 1984. – С. 111–118.
 31. Бубенько, Т.С. Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.) / Т.С. Бубенько. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004. – 276 с.: ил.
 32. Левко, О.Н. Средневековые административно-территориальные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие / О.Н. Левко. – Минск: Беларус. навука, 2004. – 280 с.

Поступила в редакцию 06.12.2022

Местные Советы БССР периода «развитого социализма» (1965–1985 гг.): кадровая мобильность или кадровый застой?

Елизаров С.А.

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого», Гомель

Степень мобильности руководящих кадров отражала политическую стратегию партийно-советского руководства СССР и менялась в зависимости от актуальности властных приоритетов.

Цель исследования – выявить степень мобильности руководящих кадров в системе местных Советов депутатов трудящихся/народных депутатов БССР в 1965–1985 гг.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе анализа опубликованных документов и материалов Национального архива Республики Беларусь. Используются научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы.*

Результаты и их обсуждение. *Кадровая политика в Советах БССР в 1965–1985 гг. была направлена на стабилизацию кадрового состава руководителей разного уровня, что вполне удовлетворяло местную советскую номенклатуру, давала как ясные карьерные перспективы постепенного должностного роста, так и гарантии от резких падений.*

Заключение. *В результате функционирования такой системы руководитель имел реальные знания объекта своего управления, обладал опытом и навыками низовой практической работы, отвечавшими требованиям сложившейся политико-экономической системы, ориентированными на воспроизводство, но не на ее кардинальную реорганизацию.*

Ключевые слова: *БССР, государственный аппарат, кадровая мобильность, местные Советы депутатов трудящихся/народных депутатов, исполкомы Советов.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 57–61)

Local Soviets of the BSSR of the developed socialism period (1965–1985): Personnel mobility or personnel stagnation?

Elizarov S.A.

Education Establishment "Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel", Gomel

The degree of mobility of senior personnel reflected the political strategy of the Party-Soviet leadership of the USSR and changed depending on the change of power priorities.

The purpose of the study is to identify the degree of mobility of senior personnel in the system of local Soviets of Workers'/People's Deputies of the BSSR in 1965–1985.

Material and methods. *The article is based on the analysis of published documents and materials of the National Archive of the Republic of Belarus. The scientific principles of historicism and consistency, general scientific and concrete historical methods are used.*

Findings and their discussion. *The personnel policy in the Soviets of the BSSR in 1965–1985 was aimed at stabilizing the personnel composition of managers of various levels, which fully satisfied the local Soviet nomenclature, gave both clear career prospects for gradual official growth and guarantees against sharp falls.*

Conclusion. *As a result of the functioning of such a system, the head had real knowledge of the object of his management, had experience and skills of grassroots practical work that met the requirements of the current political and economic system, focused on reproduction, but not on its cardinal reorganization.*

Key words: *BSSR, state apparatus, personnel mobility, local Soviets of Workers'/People's Deputies, executive committees of Soviets.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 57–61)

В перестроечной и постсоветской публицистике и историографии довольно прочно закрепился тезис о кадровом застое в период руководства СССР и КПСС Л.И. Брежнева. Довольно типичным является мнение известного российского исследователя советской истории А.В. Шубина: «Ориентация бюрократии на покой и равновесие... привела к тому, что поводом к замещению поста становились, как правило лишь смерть или впадение в маразм чиновника, занимавшего этот пост ранее... Без карьерного стимула чиновники и директора не только теряли желание развивать порученное им дело, но и все больше раздражались отсутствием перемен. Накопление недовольства против стариков, занимавших вышестоящие посты и не дававшие дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия» [1, с. 89]. Такая же оценка содержится и в изданном в 2013 г. коллективном научном труде «История Коммунистической партии Советского Союза» [2, с. 331–332].

«В советской политической системе... лучшим способом обеспечить себе хорошие некрологи в советских СМИ была смерть на занимаемом посту... Молодых чиновников раздражали препятствия для продвижения по службе... Власть приходила с возрастом...», – утверждает А. Браун [3, с. 243]. «Станови́шча наменклатуры... стала больш стабільным, а магчымаць уваходжаньня ў яе склад – больш абмежаванай... Сістэма станавілася ўсё больш замкнёнай. У канчатковым выніку партыйна-дзяржаўная наменклатура ператварылася па сутнасці ў своеасаблівую карпарацыю...», – такую оценку кадровой политике периода Л.И. Брежнева дают белорусские историки В. Мазец и В. Нестерович [4, с. 315].

Проблема мобильности руководящих кадров периода «развитого социализма» на примере БССР стала предметом исследования американского исследователя М. Урбана [5]. Однако автор сосредоточил основное внимание на концепте «мобильность» как способности занятия более высокой позиции в иерархии должностей в советской управленческой элите, одновременно определяя саму управленческую иерархию «через вероятность определенной совокупности чиновников достигнуть должности в более высокой страте» [5, с. 36]. В результате М. Урбаном создается искусственный конструкт стратификации политической элиты БССР, практически не связанный с советскими номенклатурными практиками и оценкой характера и степени ротации управленческих кадров.

Большинство указанных оценок не связаны с конкретикой, в лучшем случае они основываются на представлениях о кадровом составе высшего союзного партийно-советского руководства, главным образом Политбюро ЦК КПСС, которые автоматически переносятся на всю управленческую вертикаль власти и управления. Цель статьи – выявить ситуацию с кадровой мобильностью на нижестоящих ступенях власти, в частности, в местных органах государственного управления – исполкомах Советов депутатов трудящихся/народных депутатов БССР

(областных, районных, городских, сельских, поселковых), ее соответствие вышеприведенным оценкам кадровой политики «эпохи застоя».

Временные рамки: март 1965 г. – первые выборы в местные Советы БССР после смены в высшем руководстве СССР, февраль 1985 г. – последние «доперестроечные» выборы в местные Советы.

Цель исследования – выявить степень мобильности руководящих кадров в системе местных Советов депутатов трудящихся/народных депутатов БССР в 1965–1985 гг.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе анализа опубликованных документов и материалов Национального архива Республики Беларусь, большинство которых впервые вводится в научный оборот. Для анализа проблемы использованы научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. Проведенный автором анализ кадровой статистики показывает, что руководство местных советских органов государственной власти и управления представлял собой открытую систему с постоянной ротацией кадров (табл.).

В 1965–1985 гг. состав исполкомов местных Советов при очередных пере выборах менялся в среднем на одну треть, его руководящее ядро (председатели исполкомов, их заместители и секретари) – в пределах 15–25% (в 1965 г. из 5563 председателей, заместителей председателей и секретарей исполкомов сменилось 1429 – 25,7%; в 1971 г. – из 5901 – 1387 – 23,5%, в 1977 г. – из 5857 – 916 – 15,6%, в 1980 г. – 5870 – 843 – 14,3%; в 1982 г. – из 6065 – 839 – 13,8%, в 1985 г. – из 6068 – 895 – 14,7%) [6, с. 63–64; 7, с. 28; 8, с. 52; 9, с. 128; 10, л. 8].

Однако эта статистика выборов фиксирует только минимальные показатели ротации кадров (лица, ранее не входившие в состав данного Совета). Реальные ее цифры были гораздо более высокие. Важно учитывать, что кадровые изменения, во-первых, проходили с периодичностью в два (с 1978 г. – два с половиной года) (срок функционирования местных Советов). Во-вторых, изменения управленческого звена местных Советов продолжались и в короткие промежутки времени между выборами, что значительно повышало уровень сменяемости руководства на местах. В-третьих, статистические данные по сменяемости в результате пере выборов касаются только лиц, впервые избираемых в состав конкретного Совета, в то время как должности руководителей их исполкомов замещались и работниками данного исполкома. В связи с этим более реалистичны относительно состава руководителей исполкомов являются сведения о годовой смене руководителей исполкомов. Так среди председателей сельских райисполкомов по итогам выборов марта 1971 г. сменилось (т.е. было замещено лицами, вновь избранными в состав данного Совета) 22,4%, а в целом за период с лета 1970 по лето 1971 г. – 31,6%; по итогам выборов 1982 г. – 2,6%, а с июля 1981 по июль 1982 г. – 27,3%, по итогам выборов 1985 г. – 6,8%, а за 1985 г. – 18,0%.

Сменяемость состава исполкомов местных Советов БССР (1965–1985 гг.)
 (% лиц, ранее не избравшихся в состав данного Совета) (составлена автором по:
 [6, с. 59–63; 7, с. 21, 28; 8, с. 49, 52; 9, с. 115, 129; 10, л. 8, 12, 16, 20, 36, 40]).

	годы	1965	1971	1977	1980	1985
исполкомы	все	37,0	34,6	26,8	29,7	33,9
	областные	нет сведений	14,1	16,3	11,7	24,7
	районные		27,5	18,5	19,1	35,2
	городские		39,1	30,5	31,8	39,3
	сельские		35,3	27,3	31,1	32,8
	поселковые		34,9	30,4	31,1	32,9
председатели	все	20	21,2	10,9	8,6	11,4
	областные	0	0	0	0	50
	районные	15,0	5,0	8,5	6,8	6,8
	городские	31,0	22,0	7,3	11,5	7,1
	сельские	19,6	22,4	11,5	8,6	12,3
	поселковые	22,4	24,3	11,9	10,0	9,9
заместители председателей	все	37,8	32,0	23,0	16,3	21,3
	областные	4,2	4,3	8,3	4,1	6,7
	районные	30,0	27,3	8,3	5,2	7,9
	городские	38,7	40,0	25,2	17,9	7,7
	сельские	38,7	33,9	26,4	30,5	2,2
	поселковые	39,5	25,2	25,7	23,4	17,3
секретари	все	19,7	16,3	11,8	7,9	9,9
	областные	0	0	16,7	0	0
	районные	23,0	12,0	4,3	3,4	8,5
	городские	16,2	18,6	25,2	12,5	11,2
	сельские	19,5	33,8	12,9	8,1	10,0
	поселковые	22,4	13,4	7,3	4,5	9,0

Наиболее высокие темпы ротации характерны для второй половины 1960-х гг. Своего максимального значения они достигают в 1965 г., что, вероятнее всего, было связано с последствиями прихода к власти в СССР Л.И. Брежнева и его окружения: выборы 1965 г. привели к замене 37,0% членов исполкомов, минимум 20% председателей исполкомов, 37,8% их заместителей, 19,7% секретарей исполкомов. В дальнейшем заметна довольно устойчивая тенденция к снижению степени сменяемости как результата реализации линии брежневского руководства на стабильность в развитии советского общества (в том числе и в кадровом вопросе) после многочисленных реформ предшествовавшего десятилетия. Если в 1971 г. в составе исполкомов всех местных Советов появилось 34,6% новых членов исполкомов, минимум 21,2% председателей, 32,0% их заместителей и 16,3% секретарей исполкомов, то в 1977 г. – соответственно 26,8%, 10,9%, 23,0%, 11,8%. Примерно такая ситуация сохранялась и в 1985 г.: в результате выборов смени-

лось 33,9% членов исполкомов, 11,4% председателей исполкомов, 21,3% их заместителей, 9,9% секретарей [6, с. 5–62; 7, с. 23, 28; 8, с. 45, 49–51; 10, л. 8].

Менее всего был подвержен изменениям руководящий состав областного звена, более всего – районного (сельского). За 1965–1985 гг. в шести облисполкомах (ОИК) БССР сменилось 17 председателей. Самым «долгожителем» на этой должности был К.В. Мацюшевский, занимавший должность председателя Брестского облисполкома с 1964 по 1983 г. От 10 до 13 лет находились на должностях 5 председателей облисполкомов, остальные в среднем – пять лет. Пикового значения сменяемость председателей облисполкомов пришла на лето 1983 – лето 1985 г., когда обновлен был состав председателей всех облисполкомов.

В еще большей мере представления о степени ротации председателей исполкомов дают сведения о стаже их работы на занимаемой должности. На 1 апреля 1971 г. из шести председателей облисполкомов пять

занимали свои должности от 5 до 10 лет, один – менее года; на 1 апреля 1976 г. один – до года, двое – от 1 до 3 лет, один – от 5 до 10 лет, еще двое – свыше 10 лет; на 1 июля 1982 г. более 10 лет – один, от 5 до 10 лет – двое, от 3 до 5 лет – двое, один – до года, на 1 июля 1984 г. – трое – до года, один – от года до трех, двое – от 5 до 10 лет, на 1 июля 1985 г. – трое – до года, трое – от года до трех лет [11, л. 9–10].

Таким образом, можно условно определить среднюю продолжительность нахождения на должности председателя облисполкома в БССР в 1965–1985 гг. от 5 до 10 лет, что для такой должности никак не может служить показателем кадрового «застоя».

Постепенно стабилизировался (при сохранении средней степени сменяемости в 20–25%) состав председателей сельских райисполкомов (РИК): из 117 председателей райисполкомов в 1971 г. сменилось 37 человек, в 1976 г. – 27, в 1982 г. – 32, в 1984 г. – 26, в 1985 г. – 21. В среднем в 1965–1985 гг. более половины председателей РИК (сельских) занимали свои должности до 3 лет, три четверти – до 5 лет. В абсолютном большинстве это были люди в возрасте от 36 до 45 лет: в 1971 г. – 63,3%, в 1976 г. – 69,8%, в 1982 г. – 72,7%, в 1984 г. – 63,4%. Возраст свыше 51 года был редким исключением: в 1971 г. – 5,1%, в 1982 г. – 3,4%, в 1984 г. – 5,1%. [11, л. 57–58]. В итоге, основная часть руководителей сельских районов относилась к категории работников, находящихся в возрасте, позволявшем решать задачи районного уровня и оставлявшем хорошие перспективы для дальнейшего карьерного роста в партийных, советских или хозяйственных органах.

В большей степени кадровая стабилизация характерна для председателей исполкомов городских Советов (ГИК) областного подчинения: в 1971 г. сменилось 6 из 33 председателей (18,2%), в 1976 г. – 4 из 33 (12,1%), в 1982 г. – 5 из 34 (14,7%), в 1984 г. – 4 из 36 (11,9%). Основную их группу составляли лица от 41 до 50 лет, занимавшие свои должности от 3 до 5 лет (в 1971 г. – 45,5%, в 1984 – 47,2%) при высокой доле работников со стажем от 5 до 10 лет (в 1971 г. – 36,4%, в 1984 г. – 25,0%) [11, л. 60–61].

В пределах средних показателей сменяемости по всем председателям исполкомов находились председатели сельсоветов, что вполне объяснимо их доминированием в количественном отношении (в 1965 г. из 1844 всех председателей 1526 работали в сельсоветах, в 1985 г. – из 1863 – 1506). В 1965 г. по итогам выборов вновь заняли должности председателей сельсоветов 299 человек из 1526 (19,6%), в 1971 г. – 346 из 1547 (22,4%), 1980 г. – 130 из 1506 (8,6%), в 1985 г. – 185 из 1506 (11,3%) [6, с. 60]; [7, с. 28]; [8, с. 122]; [10, л. 40].

Среди основных причин смены руководящего ядра исполкомов местных Советов партийная статистика выделяла следующие: переход на более высокую должность, на аналогичную работу в другие исполкомы, направление на укрепление отстающих участков советской работы, на учебу, освобождение от должности как не справившихся с работой или как скомпрометировав-

ших себя, по семейным обстоятельствам, в связи с болезнью или уходом на пенсию, другие (без расшифровки). Примечательно, что причина «не избран в результате выборов» до 1990 г. даже не указывалась, настолько она выглядела в советских реалиях невозможной.

Председатели облисполкомов оставляли свои должности либо по причине смерти или ухода на пенсию (девять человек), либо перехода на более высокие и престижные должности (восемь человек, в том числе пять – первыми секретарями обкомов (ОК) КПБ, один – в аппарат ЦК КПСС, один – в аппарат ЦК КПБ, один – министром торговли БССР).

Председатели ГИК областного подчинения и РИК уходили со своих должностей главным образом в связи с переходом на более высокие должности (в среднем 50–60% причин смены своих должностей) – либо в партийные органы (секретарями горкомов и райкомов партии, в том числе первыми, в аппараты ЦК или обкомов КПБ), либо в вышестоящие советские органы.

Анализ архивного материала и результаты обобщения многолетнего опыта ротации руководящих кадров местного уровня, проведенного сотрудниками аппарата ЦК КПБ в 1986 г., позволяют выделить основные для периода 1964–1984 гг. кадровые источники обновления состава местных руководителей. На должности председателей облисполкомов – это прежде всего вторые секретари ОК КПБ, первые заместители председателей ОИК, заведующие отделами ЦК КПБ; заместителей председателей облисполкомов – заведующие отделами ОК КПБ, заведующие отделами и начальники управлений облисполкомов, первые секретари горкомов (ГК) и райкомов (РК) КПБ, председатели районных и городских исполкомов; председателей городских и районных исполкомов – вторые секретари и секретари ГК и РК КПБ, руководители областных организаций, заместители председателей РИК и ГИК, руководители предприятий, колхозов и совхозов; заместители председателей ГИК и РИК – заведующие отделами ГК и РК, заведующие отделами ГИК и РИК, руководители предприятий, организаций и учреждений.

В свою очередь председатели ОИК представляли кадровый резерв для замещения должностей первых секретарей обкомов КПБ, руководителей республиканских министерств и ведомств; заместители председателей облисполкомов – для должностей секретарей ОК КПБ и председателей облисполкомов. Председатели районных и городских исполкомов зачастую переходили на должности первых секретарей районных и городских комитетов КПБ, заместителей председателей облисполкомов, заведующих отделами облисполкомов; заведующие отделами и управлениями облисполкомов – на заместителей председателей облисполкомов, председателей районных и городских исполкомов [12, л. 67].

Заметно резкое падение в сравнении с «хрущевским» периодом негативных оснований для снятия с должности (по имеющимся у автора данным за 1970–1971, 1975–1976, 1980–1984 гг. по причине «не справился с работой» освобождены лишь один

председатель горисполкома и один – райисполкома, по причине «скомпрометировал себя» – шесть председателей райисполкомов). В наибольшей мере по негативным основаниям освобождались от своих должностей заместители председателей районных и городских исполкомов: за указанный период их было 35 (19 – как не справившиеся с работой, 16 – как скомпрометировавшие себя) [12, л. 6–61, 84, 152–153].

В то же время высокий процент был потерявших свою должность по графе «другие причины»: среди председателей сельских райисполкомов в 1971 г. – 32,4%, в 1976 г. – 37,0%, в 1984 г. – 19,2% [11, л. 84–85]. Анализ статотчетов и различных справок по составу руководящих советских кадров показывает, что преимущественно в таких случаях люди уходили на менее значительные, чем они занимали, должности в управленческой вертикали, при этом нередко с понижением номенклатурного статуса (либо с его утратой) в аппараты своих же или иных исполкомов (экономисты, заведующие отделами, инспектора и специалисты), в профсоюзные и хозяйственные органы, органы народного контроля и т.п.

Что стоит за этими «другими причинами» – понять трудно. Вполне возможно, что за ними, среди прочих, скрывались реально существовавшие для этого мотивы, но при отсутствии желания их официальной огласки. Эти мотивы могли быть разные – от реальных служебных преступлений до нарушения принятых в номенклатурной среде правил поведения. Соблюдение этих правил номенклатурного поведения было обязательным условием карьерного успеха. М.С. Горбачев, сам занимавший пост заведующего отделом партийных органов Ставропольского крайкома КПСС, отмечал: «Если ты попадал в номенклатуру... каждому отводилась определенное место в этой системе, он должен был следовать определенным правилам игры» [13, с. 121].

Заключение. Таким образом, кадровая политика в годы «развитого социализма» была направлена на стабилизацию кадрового состава руководителей разного уровня, что, во-первых, значительно отличалась от предыдущих импульсивных и постоянных кадровых перестановок «хрущевского периода», во-вторых, вполне удовлетворяло партийно-советскую номенклатуру, обеспечивая стабильность ее положения и укрепляя уверенность в собственном значимости.

Сложившаяся система кадровой работы давала ясные карьерные перспективы – хоть и постепенного, без резких рывков должностного роста, но зато и без столь же резких падений. Кадровый номенклатурный механизм в целом обеспечивал отбор на руководящие должности людей, чаще всего прошедших путь к руководящим номенклатурным должностям от низовых должностей в партийном, советском или хозяйственном аппаратах власти и управления. Быстрый рост через должности был скорее редким исключением, чем правилом. В 1960–1980-е гг. при сохранении идеологической составляющей в выдвижении на руководящую должность («преданность делу партии

и коммунистического строительства»), которая все больше превращается в формальность и ритуальную фразеологию, основное внимание обращается уже на уровень образования, стаж практической работы на низовых руководящих должностях, умения и навыки управления в сложившейся системе политических и экономических реалий и практик, соблюдение писанных и неписанных правил и традиций номенклатурных взаимоотношений.

Это вовсе не отрицало наличия «семейственности» и клиентелизма в кадровой работе, реальный вес которого в ней выявить и зафиксировать не представляется возможным. Тем не менее в результате функционирования такой системы в кадровой работе руководитель имел реальные знания объекта своего управления, обладал опытом и навыками низовой практической работы как в сфере своей компетенции, так и в смежных отраслях. Однако все это: знания, опыт, навыки – отвечало только требованиям сложившейся политико-экономической системы, было ориентировано на ее воспроизводство, но не на ее кардинальную реорганизацию.

Литература

1. Шубин, А.В. Истоки перестройки (1978–1984) / А.В. Шубин – М. [б.и.], 1997. – 360 с.
2. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов; науч. ред. Н.В. Елисеев. – М.: Полит. энцикл., 2013. – 671 с.
3. Браун, А. Взлет и падение коммунизма / А. Браун. – М.: Полит. энцикл., 2014. – 863 с.
4. Гісторыя беларуская дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / М.У. Смяховіч [і інш.]; Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.
5. Урбан, М. Беларуская савецкая эліта (1966–1986): алгебра ўлады / М. Урбан. – Вільня: Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт, 2010. – 195 с.
6. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР 1965 г. / Отдел по работе Советов Президиума Верховного Совета БССР. – Минск: Беларусь, 1965. – 82 с.
7. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР, 1971 г. / Отдел по работе Советов Президиума Верховного Совета БССР. – Минск: [б.и.], 1971. – 47 с.
8. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР, 1977 г. / Отдел по работе Советов Президиума Верховного Совета БССР. – Минск: Беларусь, 1978. – 94 с.
9. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР, 1980 г. / Отдел по работе Советов Президиума Верховного Совета БССР. – Минск: Польша, 1980. – 208 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. Оп. 2. Д. 2487.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 156. Д. 969.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 160. Д. 506.
13. Горбачев, М.С. Жизнь и реформы. в 2 кн. / М.С. Горбачев. – М.: Новости, 1995. – Кн. 1. – 600 с.

Поступила в редакцию 06.12.2022

Детские дома в БССР в 50-е гг. XX в.

Бездель В.Е.

Международный университет «МИТСО», Витебск

В статье проведен сравнительный анализ причин детской беспризорности и безнадзорности в БССР в 40–50-е гг. XX в., рассмотрены вопросы материального снабжения детских домов, их кадровый состав.

Цель статьи – анализ причин детской беспризорности и безнадзорности, материального и кадрового обеспечения детских домов в БССР в 50-е гг. XX в.

Материал и методы. *Источниковедческую базу статьи составили архивные документы, публикации по обозначенной теме. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный.*

Результаты и их обсуждение. *Проанализированы статистические данные Витебского детского приемника-распределителя, Министерства просвещения БССР в контексте причин ухода детской беспризорности и безнадзорности, акты обследований детских домов, материалы проверок органов прокуратуры, дающих представление о материальном обеспечении детских учреждений и воспитании детей в них.*

Заключение. *Автор приходит к выводу, что основной причиной беспризорности и безнадзорности во второй половине 40-х гг. были последствия Великой Отечественной войны. Количество беспризорных было выше, чем безнадзорных. В 50-е гг. количественное соотношение меняется: наблюдается рост безнадзорных детей, а основными причинами этого явления становится занятость родителей на работе и невозможность контролировать детей, инвалидность, болезнь родителей, их аморальное поведение. В 50-е гг. XX в. улучшилось материальное обеспечение детских домов, хотя имелись сложности с поставками ряда продуктов питания и одежды, что объяснялось централизованной системой снабжения. Остро стояла проблема обеспечения детских домов квалифицированными педагогами, которые бы не только могли воспитать образцового советского гражданина, но элементарно не нарушали бы права ребенка.*

Ключевые слова: БССР, детские дома, детская беспризорность и безнадзорность.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 62–65)

Orphanages in the BSSR in the 1950s

Bezdel V.E.

International University "MITSO", Vitebsk

The article presents a comparative analysis of the causes of child homelessness and neglect in the BSSR in the 40s and 50s of the twentieth century; the issues of material supply of orphanages, their personnel are considered.

The purpose of the article is to analyze the causes of child homelessness and neglect, material and personnel support of orphanages in the BSSR in the 50s of the twentieth century.

Material and methods. *The source base of the article was made up by archival documents, publications on the topic. To achieve this goal, general scientific, special historical methods were used: the historical-genetic, the historical-systemic.*

Findings and their discussion. *The statistical data of Vitebsk Children's Receiver-Distributor, the Ministry of Education of the BSSR in the context of the reasons for the care of children's homelessness and neglect, acts of surveys of orphanages, materials of inspections of the prosecutor's office, which giving an idea of the material provision of children's institutions and the upbringing of children in them, are analyzed.*

Conclusion. *The author comes to the conclusion that the main cause of homelessness and neglect in the second half of the 40s were the consequences of the Great Patriotic War. The number of street children was higher than the number of neglected ones. In the 50s, the quantitative ratio changed: there is an increase in neglected children, and the main reasons for this phenomenon are the employment of parents at work and the inability to control children, disability, illness of parents, their immoral behavior. In the 50s of the twentieth century, the material provision of orphanages improved, although there were difficulties with the supply of food and clothing, which was explained by the centralized supply system. There was an acute problem of providing orphanages with qualified teachers who would not only be able to raise an exemplary Soviet citizen, but would not just violate the rights of the child.*

Key words: the BSSR, orphanages, child neglect and homelessness.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 62–65)

Великая Отечественная война, потери взрослого населения, тяжелые материальные условия жизни стали главными причинами детской беспризорности в БССР в первое послевоенное десятилетие. Согласно статистическим данным, сиротами в БССР в результате войны 1941–1945 гг. стали более 138 тыс. детей [1, с. 73], для устройства которых СНК БССР и ЦК КП(б)Б 12 октября 1943 г. приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Целью государственной политики в отношении беспризорных детей был учет и выявление таких детей, определение их в соответствующие учреждения, усыновление, с течением времени полная ликвидация этого явления в советском обществе.

Несмотря на значительное уменьшение числа беспризорных в первое послевоенное десятилетие, в 50-е гг. детские дома продолжали функционировать, но менялся социальный состав воспитанников и причины детской беспризорности и безнадзорности.

Цель статьи – анализ причин детской беспризорности и безнадзорности, материального и кадрового обеспечения детских домов в БССР в 50-е гг. XX в.

Материал и методы. В белорусской советской историографии вопрос функционирования детских домов рассматривался в контексте развития и достижений советской системы образования. В современной белорусской, а также российской историографии основное внимание исследователей уделено детским учреждениям в первое послевоенное десятилетие и их роли в борьбе с беспризорностью, посвященные вопросам развития детских домов в БССР в 1954–1964 гг. [2].

Источниковедческую базу статьи составили архивные документы, публикации по обозначенной теме. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Война нарушила повседневные практики воспитания, обучения, социализации детей, стала для них травмирующим фактором, фомировала определенные барьеры, например, для тех, кто оказался вывезенным на принудительные работы и в концлагеря за пределы БССР. Политика государства была направлена на возвращение несовершеннолетних к привычным условиям жизни, в идеале в родную семью, либо устройство в приемную, на патронат, социализацию детей в детских учреждениях, обучение детей-переростков и их трудоустройства. Беспризорные дети представляли потенциальную угрозу роста преступности, инфекционных заболеваний, рассматривались как рабочий ресурс в будущем, после получения рабочей профессии.

Проблема беспризорности решалась постепенно. На освобожденных территориях создавали приемники-распределители, детские дома, детей устраивали в семьи граждан. Функции по выявлению и устройству беспризорных детей выполняли органы милиции и НКВД, в систему которых были включены трудовые

исправительные колонии для несовершеннолетних правонарушителей.

Комплекс мер, принятый государством, способствовал восстановлению системы профилактики беспризорности с учетом последствий Великой Отечественной войны. Государственная политика достигла поставленной цели: в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. происходит снижение числа беспризорных «детей войны». Это хорошо прослеживается на примере количества детей, поступавших в детские приемники-распределители (далее – ДПР), в частности, Витебский ДПР, функционировавший в 1943–1955 гг. Если во второй половине 40-х гг. XX в. ежегодно через него проходило примерно от 800 до 1000 детей в год, то в начале 50-х гг. (до момента закрытия по причине резкого снижения численности беспризорных) поток сократился в два раза [3, с. 6]. Уменьшается соответственно количество детских домов: в БССР в 1950 г. насчитывался 301 детдом, в которых воспитывались 36,1 тыс. детей, в 1956 г. – 239 домов с численностью воспитанников в 23,6 тыс., в 1959 г. – 189 домов с численностью воспитанников 19,119 тыс. [4, с. 339].

Такая тенденция – это результат не только восстановления государственной системы по борьбе с беспризорными, но и влияния ряда объективных факторов: в БССР постепенно преодолеваются экономические последствия оккупации (медленный рост заработной платы, отмена карточной системы снабжения), происходит соединение семей (возвращение из эвакуации, демобилизация из Красной Армии); дети-беспризорники военных лет к середине – концу 50-х гг. XX в. достигают возраста трудоустройства.

В результате, детская беспризорность, главной причиной которой являлись последствия Великой Отечественной войны, была по сути решена к середине 50-х гг. XX в.

Несмотря на положительную и устойчивую тенденцию к сокращению численности беспризорников и, как следствие этого, детских домов, в 50-е гг. XX в. советское общество сталкивается с проблемой детской безнадзорности и социального сиротства.

Анализ количественных данных журналов учета передвижения детей через Витебский ДПР за 1951–1954 гг. позволяет утверждать, что основной контингент несовершеннолетних – это дети, у которых был один или оба родителя, или «родительские» дети, как их называли в отчетных документах ДПР. Например, в 1951 г. в приемник-распределитель поступило 214 беспризорных ребенка, 293 безнадзорных; в 1952 г. – 151 беспризорный, 372 безнадзорных; в 1953 г. – 135 сирот, 360 безнадзорных; в 1954 г. – 72 беспризорных, 337 безнадзорных [5].

Численный рост безнадзорных можно наблюдать и в составе поступавших несовершеннолетних в детские дома Витебской области в 50-е гг.: в 1954 г. принят 321 ребенок, из них – 91 «родительский»; в 1955 г. поступило 529 детей, из которых 402 – из многодетных семей и от матерей-одиночек, в 1959 г. – 490 детей,

из которых 356 – от матерей-одинок и осужденных родителей [6].

Докладные записки, отчеты о передвижении детей в Витебском ДПР, подаваемые в МВД БССР и Министерство юстиции БССР, дают представление о перечне причин детской безнадзорности: «дети, ушедшие из семей, впавших в нужду», «дети, ушедшие из-за плохого к ним отношения» (родители ругали за неуспеваемость в школе, второгодничество), «дети, ушедшие по причине плохого надзора» (родители вели аморальный образ жизни, были заняты на работе и не в достаточной мере контролировали детей), «из желаний путешествовать» (эта категория детей, как правило, из материально обеспеченных семей).

Таким образом, начиная в 50-е гг. XX в. происходят изменения в причинах безнадзорности. Основным фактором становится невозможность родителей (матерей, в первую очередь) финансово обеспечить своего ребенка, контролировать его досуг во внешкольное время. Согласно статистическим данным, в 1952–1954 гг. 71,4% детей, поступивших в Витебский ДПР, имели хотя бы одного из родителей. Дети уходили из дома из-за плохого отношения со стороны родителей (48,7% поступивших в Витебский ДПР), материальной необеспеченности (20,8%), увидеть мир и почувствовать себя взрослым (11,2%). Примерно 11% детей в Витебском ДПР составляли беглецы из детских домов БССР и РСФСР [5].

В феврале 1959 г. в отчете Министерства просвещения БССР отмечалось, что «в последние годы в детские дома направляются в основном дети одиноких матерей, из многодетных семей, и незначительное количество сирот. В начале 1959 г. детей-сирот было 10106 чел., детей матерей-одинок – 8206 чел., детей одиноких матерей и многодетных – 2106 чел. В последующие годы в детские дома главным образом будут направлять детей матерей-одинок, которых в БССР насчитывается 92464 чел., они воспитывают 112365 детей, из которых свыше 60 тыс. – дети школьного возраста» [7, л. 163].

Устройством беспризорных детей в детские дома занимались комиссии по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, действовавшие на основании Постановления Совета СНК СССР от 23 января 1942 г. № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В 1957 г. переименованы в комиссии по устройству детей и подростков, целью работы которых являлось оказание помощи детям и подросткам, оказавшимся без надзора либо в сложных жизненных ситуациях.

Однако работа этих комиссий оценивается в архивных документах как неэффективная. Прокуратура Витебской области, проведя в 1955 г. проверку их деятельности, пришла к выводу, что во многих районах комиссии не созданы, при 10 исполнительных комитетах работают «на бумаге», основных функций по устройству детей и контролю за обеспечением условий для их развития в приемной семье не выполняют, заседания не проводят [8, л. 13–15].

Основная нагрузка по выявлению и устройству беспризорных и безнадзорных детей ложилась на при-

емники-распределители, граждан, которые приводили беспризорных в детские дома или милицию.

Детский дом рассматривался не только как место создания для ребенка условий полноценного существования и удовлетворения базовых потребностей в еде, одежде, общении, уходе, социализации, но и реализовывал идеологические функции: коммунистическое воспитание гражданина, преданного Родине, делу партии, ставящего коллективные интересы выше личных, труженика, «понимающего великие цели построения коммунизма».

Акты обследований, справки по результатам проверок детских домов различных областей республики, постановления местных исполнительных органов, Министерства просвещения БССР 50-х годов, направленных на улучшение работы детдомов, рисуют картину не простой повседневной жизни воспитанников, бытовые и психологические условия их взросления.

Вопрос о неудовлетворительном материальном снабжении детских домов был одним из важнейших во второй половине 40-х гг. В марте 1945 г. в Постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детских домов БССР» отмечалось, что в некоторых детских домах БССР «дети крайне истощены. Органы торговли безответственно относятся к бесперебойному и полному снабжению детских домов продуктами питания, а Наркомторг БССР и отделы народного образования не принимают должных мер по улучшению снабжения продуктами питания» [9, л. 206].

Материальное снабжение детских домов БССР в 50-х гг. постепенно улучшалось. Несмотря на то, что в результате проверок выявлялись нарушения в обеспечении продуктами, это не становилось причиной голода воспитанников, как отмечалось выше. Сложности возникали с поставками в детские дома сливочного масла, свежей рыбы, яиц, разнообразных круп, молочных продуктов [10, л. 117]. Получить их централизованно было сложно, заключать договора на поставки молочной продукции колхозы отказывались. Таким образом, продуктовый вопрос находился в непосредственной зависимости от возможностей централизованной системы распределения советской экономики.

Подспорьем для детских домов были участки земли для обработки и выращивании на них овощей и фруктов. К 1960 г. все школьные детские дома республики имели подсобные хозяйства, были обеспечены пахотной площадью, пастбищами, скотом. Работали на них педагоги и дети. Способствуя решению продовольственной проблемы, у детей воспитывались трудовые навыки, что соответствовало концепции трудового воспитания в СССР.

Кроме сложностей с поставками продуктов питания, еще одним важным вопросом был вопрос обеспечения одеждой. В ежегодных актах обследований в рассматриваемый период отмечался ее постоянный дефицит: в документах 1952 г. зафиксирован недостаток зимних пальто, сезонных пальто, варежек,

шерстяных платьев, костюмов; в 1955–1956 гг. – недостаток зимних пальто, валенок, шапок-ушанок, рукавиц; в ряде детских домов (Меховском, Александровском, Луначарском, Сенненском № 22, Ветринском и Бигосовском) нет трех смен нательного и постельного белья, недостает летней одежды; в 1958–1959 гг. омечалось, что одежда, поступающая в детские дома, низкого качества, дети относятся к одежде небрежно, из-за чего она быстро приходит в негодность; в целом по Витебской области, например, необходимо было приобрести 230 пар валенок, 170 зимних пальто, 90 демисезонных пальто, 120 пар кожанной обуви (при общей численности детей в 2442 ч. по состоянию на 01.08.1959) [11, л. 231].

Недостаток одежды приводил к трагическим последствиям. Зимой 1955 г. воспитанники Бочейковского и Городокского детдомов получили обморожения рук и ног II степени [10, л. 54].

Недостаток финансирования, централизованное распределение товаров и продуктов стали причинами, по сути, хронических проблем детских домов, что приводило к их закрытию и объединению. Так, в апреле 1955 г. по решению исполкома Витебской областной совета депутатов трудящихся были упразднены Россонский, Смольянский, Берестеновский, Луначарский детские дома из-за «неблагоприятных в них условий для обучения и воспитания детей по ходатайству ОблОНО» [8, л. 65].

Непростая ситуация с материальным обеспечением воспитанников дополнялась нехваткой квалифицированных педагогов, что неоднократно подчеркивалось в отчетах отделов народного образования, Министерства просвещения БССР. Сложно представить, но в 50-е гг. редко кто из воспитателей этих учреждений имел не просто высшее педагогическое, но и среднее специальное педагогическое образование. В 1959 г. из 308 педагогических работников детских домов Гомельской области высшее образование было у 53 человек, т.е. 17% [12, л. 19].

Именно этим, с нашей точки зрения, объясняются факты грубого обращения с воспитанниками, которые скрывались, не всегда становясь предметом проверок органов прокуратуры и привлечения виновных к ответственности. В целом по БССР в 1957 г. по результатам проверок заменены 7 директоров, 8 завучей детдомов в Гомельской области, 9 директоров в Могилевской области, 5 – в Брестской, 3 – в Молодеченской [13, л. 50].

Заключение. Таким образом, в 50-е гг. XX в. можно говорить об изменении в причинах детской беспризорности и безнадзорности. Последствия Великой Отечественной войны, определившие огромное количество беспризорников, к середине 50-х гг. были постепенно преодолены. В результате восстановления государственной системы борьбы с беспризорностью и безнадзорностью происходит сокращение численности таких детей и, соответственно, детских домов.

Основными в причинном комплексе беспризорности и безнадзорности становятся аморальное поведение родителей, их занятость на работе и невозможность контролировать детей, инвалидность и болезни.

В рассматриваемый период детские дома находились полностью на государственном обеспечении, которое улучшилось в сравнении с 40-ми гг. XX в., но сложившаяся централизованная система распределения влияла на постоянный недостаток в детских учреждениях ряда продуктов питания и одежды.

Проблемой детских домов была нехватка квалифицированных педагогических кадров, которые бы не только могли воспитать образцового советского гражданина, но элементарно не нарушали бы права ребенка.

Литература

1. Бездзель, В.Я. Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944): манаграфія / В.Я. Бездзель. – Віцебск: УА “ВДТУ”, 2013. – 157 с.
2. Ильющин, И.М. Народное образование в Белорусской ССР / И.М. Ильющин, С.А. Умрейко. – Минск: Учпедгиз БССР, 1961. – 439 с.; Занько, Е.Ю. Решение детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области (1944 – первая половина 1950-х годов) / Е.Ю. Занько // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. – 2015. – № 9. – С. 50–57; Славко, А.А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период / А.А. Славко // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 33–43; Николаева, И.В. Дети Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / И.В. Николаева // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 341–342; Любавина, Т.Г. Материальное обеспечение детских домов в БССР (1954–1964) / Т.Г. Любавина // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. – Мінск: БДУ, 2012. – № 3. – С. 19–22.
3. Бездзель, В.Е. История Витебского детского приемника-распределителя в контексте борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в БССР (1944–1955) / В.Е. Бездзель, В.М. Хаданенак // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – 2021. – № 1. – С. 5–9.
4. Ильющин, И.М. Народное образование в Белорусской ССР / И.М. Ильющин, С.А. Умрейко. – Минск: Учпедгиз БССР, 1961. – 439 с.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2425. Оп. 5. Д. 10; Д. 13; Д. 20; Д. 21; Д. 28;
6. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 113; Д. 47; Оп. 3. Д. 999.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 42. Оп. 5. Д. 258.
8. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 130.
9. ГАВт. – Ф. 1966. Оп. 5. Д. 15.
10. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 113.
11. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 2. Д. 78.
12. ГАВт. – Ф. 2797. Оп. 3. Д. 11.
13. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 5. Д. 189.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Влияние армянского вопроса на развитие курдской проблемы в Турции во второй половине XIX – первой половине XX в.

Величко Н.В., Лузгина И.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Развитие армянского национализма повлияло на развитие национализма курдов. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. курды и армяне враждовали между собой, а с образованием Турецкой Республики объединили усилия против турецкого господства в регионе.

Цель – определить степень влияния армянского вопроса в Османской империи и Турции на развитие курдской проблемы в стране во второй половине XIX – первой половине XX в.

***Материал и методы.** Исследование проведено на основе научных публикаций российских и зарубежных ученых, изучавших генезис армянского и курдского вопросов в турецком государстве. Помимо этого, проводился анализ документальных источников, прежде всего «Меморандума о требованиях курдского народа» 1919 г. При написании работы были использованы метод сравнительного анализа, описательный, историко-генетический, а также историко-системный методы.*

***Результаты и их обсуждение.** После череды военных поражений Османской империи в первой половине – середине XIX в. во второй половине этого столетия стал набирать силу армянский национализм. Его конечной целью было создание армянского государства на территориях, в тот момент принадлежавших османам. Свообразным ответом на рост сепаратистских настроений армян стало зарождение курдского национализма, который в качестве одной из главных целей видел недопущение создания армянского образования на землях с преобладающим курдским населением. Вплоть до образования Турецкой Республики курды и армяне враждовали между собой, однако потерпев поражение в борьбе с кемалистами, в 1920–1940-е гг. они объединили усилия для борьбы с турками.*

***Заключение.** Со времени восстания шейха Обейдуллы в 1880 г. зарождавшийся тогда курдский национализм строился как на антиосманской, так и на антиармянской основе. Усилилось курдо-армянское противостояние в 1910-х гг. Апогеем этого противостояния стали прения на Парижской мирной конференции. Кардинальным образом ситуация изменилась после образования Турецкой Республики. Для нее курдские, равно как и армянские, националисты являлись сепаратистами, что побудило курдов и армян объединять усилия в борьбе против турок в 1920–1940-е гг.*

***Ключевые слова:** Османская империя, Турция, кемализм, Армения, Курдистан, армяне, курды, армянский вопрос, геноцид армян, курдский вопрос, национализм.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 66–71)

Influence of the Armenian issue on the development of the Kurdish problem in Turkey in the late 19th – early 20th centuries

Velichko N.V., Luzgina I.O.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The development of Armenian nationalism influenced the development of Kurdish nationalism. During the second half of the 19th – early 20th centuries Kurds and Armenians were at enmity with each other, and with the formation of the Republic of Turkey, they joined forces against Turkish domination in the region.

The goal is to determine the degree of influence of the Armenian issue in the Ottoman Empire and Turkey on the development of the Kurdish problem in the country in the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries.

***Material and methods.** The study was carried out on the basis of scientific publications of Russian and foreign researchers who studied the genesis of the Armenian and Kurdish issues in the Turkish state. In addition, an analysis of documentary sources was carried out, primarily the «Memorandum on the demands of the Kurdish people» of 1919. When writing the work, the method of comparative analysis, the descriptive method, the historical-genetic method, and the historical-systemic method were used.*

***Findings and their discussion.** After a series of military defeats of the Ottoman Empire in the first half – the middle of the 19th century. in the second half of this century, Armenian nationalism began to gain strength. Its ultimate goal was the creation of an*

Armenian state in the territories that at that time belonged to the Ottomans. A kind of response to the growth of separatist sentiments of the Armenians was the emergence of Kurdish nationalism, which saw as one of its main goals the prevention of the creation of an Armenian entity on lands with a predominantly Kurdish population. Until the formation of the Republic of Turkey, the Kurds and Armenians were at enmity with each other, however, having been defeated in the fight against the Kemalists, in the 1920s–1940s. they joined forces to fight the Turks.

Conclusion. *Since the uprising of Sheikh Obeidullah in 1880, the then emerging Kurdish nationalism was built on both an anti-Ottoman and an anti-Armenian basis. The Kurdish-Armenian confrontation intensified in the 1910s. The apogee of the confrontation was the debate at the Paris Peace Conference. The situation changed radically after the formation of the Republic of Turkey. For it, Kurdish, as well as Armenian, nationalists were separatists, which prompted the Kurds and Armenians to join forces in the fight against the Turks in the 1920s–1940s.*

Key words: *Ottoman Empire, Turkey, Kemalism, Armenia, Kurdistan, Armenians, Kurds, Armenian issue, Armenian genocide, Kurdish issue, nationalism.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 66–71)

Армянский фактор помогает определить причины и вектор развития курдского вопроса на турецких землях во второй половине XIX – первой половине XX в. Кроме того, вопрос курдо-армянского взаимодействия не теряет актуальность и в наши дни, что доказали недавние события в Нагорном Карабахе, где в составе армянских подразделений в боевых действиях принимали участие и выходцы из турецкого Курдистана.

Среди исследователей курдской проблемы в Турции, прежде всего, необходимо выделить К.В. Вертяева, автора труда «Курдский национализм: История и современность», а также соавтора издания «Курды. Легенда Востока». В перечисленных трудах исследователь рассматривает ретроспективу курдской проблемы в Турции и в регионе Ближнего Востока в целом, а также затрагивает тему влияния армянского вопроса на развитие курдского национализма. Советскими и российскими исследователями рассматривались различные аспекты курдского и армянского вопросов. Так, немаловажным является рассмотрение международного влияния и участия в делах турецкого Курдистана (Н.А. Халфин, А.А. Бреховских, В.В. Михайлов, А.А. Чичкин), а также анализ турецкой политики и хода антитурецких восстаний курдов (А.О. Победоносцева, И. Бохеньска). Невозможно настоящее исследование провести без трудов, разбирающих армянский вопрос в Османской империи и Турции (А.А. Егиков, А.Ш. Кадырбаев, Р.П. Адалян, Г.К. Мумджан). Заслуживает внимания исследование Ю. Рогана «Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920», в котором автор разбирает не только предысторию и ход событий на данном театре военных действий, но и участие курдов в армянских погромах и депортации.

Цель статьи – определить степень влияния армянского вопроса в Османской империи и Турции на развитие курдской проблемы в стране во второй половине XIX – первой половине XX в.

Материал и методы. Исследование проведено на основе анализа таких документальных источников, как «Меморандум о требованиях курдского народа» (изданный в 1919 г. в Париже генералом Шарифом-пашой) и Севрский договор 1920 г. (закрепивший результаты участия Османской империи в Первой миро-

вой войне). Повествовательным источником в данном исследовании выступил труд лорда Дж. Керзона «Персия и персидский вопрос», в котором дается описание восстания шейха Обейдуллы. Теоретико-методологическую основу вышеназванной работы составили современные представления о принципах, функциях, методах и методике исторического исследования. Так, принципами, на которые опирались авторы, были системность, объективность и историзм. При написании работы были использованы как общенаучные методы синтеза, описания и сравнительного анализа, так и специально-исторические историко-генетический, а также системно-исторический метод. В совокупности со сравнительным анализом метод синтеза позволил получить представления о связях между армянской и курдской проблемами в Османской империи. В то же время методы описания, а также историко-генетический и системно-исторический методы позволили проследить генезис взаимоотношений курдов и армян во второй половине XIX – первой половине XX в.

Результаты и их обсуждение. К XIX веку в Восточной Анатолии сложилась ситуация, которую можно назвать «этнополитической головоломкой» [1, с. 42]. Бок о бок здесь проживали турки, армяне, курды, ассирийцы, небольшое число греков и кызылбашей. Часть этносов расселялась дисперсно, что в будущем, с рубежа XIX–XX вв., создало немало проблем для определения этнических и политических границ, особенно между курдами и армянами.

На протяжении XIX в. межэтническая напряженность на востоке Анатолии стала возрастать по нескольким причинам из-за:

- 1) активизации проживавших здесь армян и ассирийцев, надеявшихся на помощь христианского Запада в обретении политической субъектности;
- 2) опасений и насильственных действий против армян со стороны османской администрации, курдских эмиров, шейхов и вождей, действовавших в ответ на активизацию армян и ассирийцев;
- 3) «передвижения» российской границы непосредственно к территориям Восточной Анатолии вследствие неудачных для турок войн, результатом чего стало усиление деятельности армянских активистов на турецкой стороне границы;

4) развития как армянского, так и, в ответ, курдского национализма, несших угрозу османской власти в регионе, поскольку их конечной целью являлось создание национальных автономий либо суверенных государств.

Как следствие, со второй половины XIX в. между сторонами разгорелось противостояние, конечной целью которого для каждого из участников являлось сохранение/удержание власти над определенными территориями в Восточной Анатолии.

Зарождение курдского национализма во второй половине XIX в. и его противостояние деятельности армян. Опасения курдов, исповедовавших ислам, активизацией христианских этнических групп Восточной Анатолии возникли еще в 1840-х гг. во время систематических антиосманских восстаний курдских эмиров. Несмотря на то, что значительная часть курдов Восточной Анатолии была расселена здесь с санкции осман в предыдущих столетиях (делалось это с целью «разбавления» христианского, прежде всего, армянского населения вокруг Диярбакыра, Битлиса и Дерсима), курды не желали перехода этих территорий под власть местных христиан в случае их успешного антиосманского восстания либо в случае помощи стран Запада [1, с. 39].

Первым курдским вождем, выступившим против активизации восточноанатолийских христиан (а именно, ассирийцев и их духовного лидера, патриарха Мар Шимуна, рассчитывавшего на помощь Запада), был эмир Бохтана Бедирхан. Для борьбы с христианами, равно как и с османской администрацией, планомерно ликвидировавшей курдские княжества, Бедирхан призвал оставшихся эмиров к объединению в Священный союз [2, с. 241; 3, с. 52]. Однако итогом усилий Бедирхана стало его военное поражение от осман в 1847 г., ликвидация эмирата Бохтан и гибель в результате борьбы около 40 тыс. человек, прежде всего, курдов и ассирийцев [1, с. 39; 3, 56–57].

Если к 1850-м гг. Османская империя, пережившая серьезный кризис в 1820–1840-х гг., грозивший государству распадом, укрепила внутреннюю структуру и свое международное положение благодаря успешному участию в Крымской войне, то к 1870-м гг. государство османов вновь столкнулось с угрозой распада. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. турки потеряли контроль над значительной частью своих владений на Балканах, а также над частью Южного Кавказа, отошедшего к России. Более того, на Берлинский конгресс 1878 г., который определял судьбу утраченных османами территорий, прибыла армянская делегация во главе с М. Хримяном, состоявшая из константинопольских армян. Повесткой дня для них было обратить внимание представителей европейских государств-участников конгресса на ущемленное положение армян в Османской империи. Конечной целью армянской делегации было включить армянский вопрос в повестку дня Берлинского конгресса, добившись от османского руководства реформ, обещанных по Сан-Стефанскому дого-

вору. Помимо этого, армяне представили на конгрессе проект самоуправления Западной Армении (в составе вилайетов Ван, Битлис и Эрзурум) и адресованный европейским державам меморандум [4, с. 111; 5, с. 35]. Однако данные проекты европейцами не были приняты во внимание, поскольку им было невыгодно создание автономного государства между Российской и Османской империями. Это ставило бы под угрозу территориальную целостность османского государства и предоставляло бы России дополнительные козыри в борьбе против турок в будущем.

Активизация армян после русско-турецкой войны стала вызывать у турок все возрастающее подозрение к рядовым членам армянских соотечественников, желавших, по мнению турок, выхода из состава Османской империи. Это послужило поводом для начала антиармянских погромов, начавшихся в 1870-х гг. [5, с. 35].

Кроме того, ситуация в Восточной Анатолии, населенной курдами и армянами, после войны 1877–1878 гг. была дестабилизирована. Османская администрация здесь работала неэффективно, а курдское самоуправление в виде полунезависимых эмиратов было ликвидировано еще в 1850-х гг. По этой причине на авансцену в эти годы вышли религиозные лидеры курдов – шейхи, постепенно аккумулировавшие в своих руках и светскую власть в курдских общинах. Наиболее влиятельным среди курдских шейхов в это время был Обейдулла, возглавлявший в 1877–1878 гг. курдское ополчение в османской армии на Кавказе [1, с. 58]. Лорд Джордж Керзон писал в эти годы, что «шейх Обейдулла заслужил репутацию благодаря своей святости и постепенно аккумулировал в себе качество курдского национального лидера» [6, р. 53].

Видя управленческий кризис в родном регионе, а также стремление армян создать здесь автономное либо независимое государственное образование, Обейдулла в 1880 г. поднял восстание, конечной целью которого провозглашал создание единого курдского национального государства. Для этого им была создана Курдская лига, включавшая в себя не только курдских светских лидеров и религиозных шейхов, но и рядовых курдов, объединенных непринятием стремления армян к собственному государственному строительству [1, с. 61]. Можно говорить, что восстание шейха Обейдуллы стало прологом курдского национализма, зародившегося на антиармянской почве, поскольку с этого момента, в отличие от предыдущих восстаний, курды боролись не за расширение одного из местных княжеств, а за создание собственного, единого государства.

Обейдулла понимал, что без западной поддержки построить курдское государство ему не удастся. Поэтому, после овладения значительной частью османского Курдистана, шейх направился на завоевание персидских городов Мехабад и Урмия, отказавшись от притеснения проживавших в захваченных им территориях христиан (и, более того, предложив утвердить в своем будущем государстве равноправие религий). Он отправлял британцам письма с настойчивыми

просьбами поддержать его движение, чего британцы, однако, так и не сделали. Помимо антиармянской подоплеки, британцев смущали подозрительные отношения Обейдуллы с Портой: шейх, будучи повстанцем, не только не подвергался преследованиям – османы даровали ему неприкосновенность, что наталкивало на мысль, что между шейхом и турками был заключен союз, поскольку для осман было предпочтительнее появление вассального курдского государства, а не армянского (к чему стремился армянский национализм) [1, с. 62]. Вместе с тем, вероятно, британцы отказали Обейдулле в поддержке по той же причине, по которой незадолго до того отказали армянам – в случае образования курдского государства существовал риск ослабления как осман, так и персов на Южном Кавказе, что было нежелательным перед лицом русского силового вектора.

Завершением восстания шейха Обейдуллы стало поражение его движения, после чего шейх до самой смерти пребывал в ссылке [3, с. 108]. Но одним из важных итогов восстания стал подъем курдского самосознания и национализма, давший ростки в начале XX в. с увеличением числа курдских интеллектуалов, занимавшихся политической, публицистической и образовательной деятельностью для достижения автономности либо независимости османского Курдистана.

Тем более одним из итогов восстания Обейдуллы стал рост антиармянских настроений среди курдов. Так, в период между 1894 и 1896 годом в Османской империи произошла серия массовых убийств армян, в которой приняли участие как турки, так и курды. Для восстановления порядка османская администрация направила в регион Четвертую армию, усиленную курдской иррегулярной кавалерией – в результате жертвами погромов и действий военных стали тысячи армян. В ответ активисты армянской организации «Гнчак» в сентябре 1895 г. провели в Стамбуле акцию, требуя проведения реформ в Восточной Анатолии, назначения христианского генерал-губернатора, а также предоставления крестьянам-армянам права ношения оружия для защиты от хорошо вооруженных курдских соседей [5, с. 37]. Султан Абдул-Хамид, уступив армянам и международному давлению, издал декрет, пойдя навстречу армянским требованиям. Однако это лишь усилило гнев и опаску мусульманского населения региона. Вылился гнев в новые антиармянские погромы, жертвами которых к февралю 1896 г. стало не менее 37 000 армян [5, с. 38].

Противостояние курдов и армян в 1910-е гг.: от взаимного истребления к созданию собственных государств. 1900-е гг. для армянского, равно как и для курдского национализма были достаточно насыщенными, отмеченными политической и культурно-образовательной деятельностью. Однако не обошлось и без противостояний. В эти годы, особенно после прихода к власти партии «Единение и прогресс» в результате Младотурецкой революции 1908 г., вновь повторились крупные антиармянские погромы, в которых принимали участие курды. Даже призыв курдского интеллектуала Абдаллы Джаудата к курдам и армянам «идти рука

об руку» в деле освобождения от османского господства, который он разместил в своей статье в газете «Курдистан», вызвал негативную реакцию вождей курдских племен [7, с. 58].

С началом Первой мировой войны постепенно сошли на нет волнения и вооруженные курдские восстания. С 1915 г. и до конца войны большая часть рядовых курдов, а также их вождей встала на сторону осман, не суливших курдам предоставление автономии, но прельстивших их иной добычей. Речь идет про земли и собственность восточноанатолийских армян, передача которых была обещана курдам в обмен на участие в крупнейших антиармянских преследованиях. С весны 1915 г. против армян был начат полномасштабный геноцид, преследовавший цель лишить наступающих здесь русских базы поддержки, а также обезопасить прифронтовую зону от возможного антиосманского, армянского восстания [8, с. 71].

Началось полномасштабное противостояние армян с турками и курдами весной 1915 г. после организации армянской националистической партией Дашнакцутюн восстания в Ване. Ванские события отличались крайней жестокостью: армянские мятежники принялись истреблять все мусульманское население региона, в то время как турки и курды, не щадя никого, уничтожали здешних армян [9, с. 49]. Следом за уничтожением жителей Вана и окрестностей началась депортация армянского населения из всех остальных территорий Османской империи в Сирию. Большая часть депортированных, которых конвоировали в том числе курды, погибла в пути [5, с. 230–231]. Однако истреблению вскоре подверглось и курдское население Восточной Анатолии. С захватом этих территорий в 1916 г. русскими местные армяне принялись мстить своим обидчикам. Согласно материалам армянской печати за 1916 г., «все пространство от Ванского озера на юг и на запад, района Битлис-Буш, затем через Хныс, Буланьк, Патноц, Маназкерт, Ала-Даги вместе с Алашкертом, до района Басена и Байазид-Диадина, где до войны жило более 800 000 курдов, – в настоящее время совершенно опустело <...> Число одних убитых курдов превышает 40 000 человек, а раненых вдвое больше. Целые курдские племена были истреблены в течение нескольких месяцев войны холерой, брюшным и сыпным тифом. Сотни курдских трупов лежали в их деревнях» [9, с. 54–55].

Участие Османской империи в Первой мировой войне закончилось в конце ноября 1918 г. поражением осман. С этого времени османские курды чувствовали некомфортно, поскольку они могли ожидать возмездия со стороны держав Антанты за соучастие в геноциде армян. При этом среди курдов были те, кто с самого начала войны выбрал западный лагерь. Из них выделялся генерал Шариф-паша, возглавивший отдельную курдскую делегацию на Парижской мирной конференции. Главной целью генерала и курдских делегатов было добиться, минимально, автономии Курдистана в составе Османской империи, либо, максимально,

его полной независимости (согласно декларируемому президентом США В. Вильсоном праву наций на самоопределение) [2, с. 246].

Для привлечения внимания делегатов мирной конференции к курдскому вопросу Шариф-паша написал на французском языке и издал в Париже меморандум из 14 пунктов («*Mémorandum sur les revendications du peuple kurde*») [10]. Но лейтмотивом документа был вопрос о необходимости рассмотрения курдской проблемы наравне с армянским вопросом. Дело в том, что армянская делегация на Парижской мирной конференции, положив в основу границы древнего армянского царства времен Тиграна II Великого и средневекового армянского киликийского государства, претендовала на территории от Грузии и Карабаха на севере, Трабзона на западе, Диярбакыра на юге и Аданы на юго-западе [10, р. 11; 11, р. 227]. Шариф-паша в ответ на столь обширные претензии армян указывал, что подобные, исторические границы давно неактуальны – к тому времени на большей части этих земель жили курды, турки и армяне, причем последние далеко не везде составляли большинство. Более того, многие армяне, в том числе духовенство, к тому времени забыло армянский язык, используя в повседневном общении курдский [10, р. 7]. Нередко жившие севернее армяне мигрировали в южные земли, населенные курдами, где занимались ремеслами, торговлей и ростовщичеством [10, р. 5]. Поэтому своим меморандумом Шариф-паша намеревался обратить внимание европейцев и американцев на то, что многие земли, планируемые к передаче Армении, с большего были в то время населены курдами.

К меморандуму Шариф-паша прилагал карту планируемого курдского государственного образования. Она являлась результатом трудных переговоров Шарифа-паша с лидером армянской делегации Погосом Нубар-пашой, настаивавшем на праве армян владеть землями вокруг оз. Ван [2, с. 247]. Шариф-паша указывал на необходимость грамотной демаркации будущей армяно-курдской границы, надеясь на помощь в этом вопросе со стороны держав Антанты [10, р. 14]. При этом не все курды были согласны с предложенными Шарифом-пашой границами. Так, заместитель председателя Общества возрождения Курдистана Эмин Али Бедирхан считал, что Курдистан должен включать в себя, помимо области вокруг оз. Ван, выход к Средиземному морю в районе г. Искандерун (несмотря на то, что курды в этом регионе были в абсолютном меньшинстве) [2, с. 247].

Конечный итог прений, однако, не удовлетворил в полной мере чаяний ни одной из сторон. Так, согласно статьям 62, 63 и 64 Севрского мирного договора, который был заключен между Османской империей и странами Антанты 10 августа 1920 г., независимой Армении достались лишь земли Западной Армении, включая Трабзон и Ван, в то время как к курдской автономии отошла область между городами Диярбакыр, Элязыг, Урфа, Мардин и Хаккяри [12].

Противостояние армян и курдов с турками в 1920–1940-е гг. Во время, когда был заключен Севрский договор между Османской империей и державами Антанты, на территории Анатолии вовсю полыхала война турецких националистов под началом генерала М. Кемаля против иностранных интервентов. Итогом этой войны стала ликвидация независимой Армении (которая сократилась до территорий бывшей российской Армении, ставшей советской республикой в составе СССР), изгнание иностранных интервентов с территории Анатолии и Восточной Фракии, на которых была создана Турецкая Республика. Также одним из итогов войны стало подавление противостояния той части курдов, которые добивались независимости, выступая против кемалистов. Ярким эпизодом такого подавления явилась борьба республиканской армии с курдскими повстанцами под предводительством шейха Саида (1925). После поражения этого восстания часть оставшихся в живых повстанцев перебралась во французскую Сирию, а другая часть – ближе к советской и персидской границе в район горы Арарат.

В то же время армянские и курдские националисты стали естественными союзниками, борющимися против общего врага – республиканской Турции. Поэтому, с созданием в Сирии курдского комитета «Хойбун», занимавшегося политической и культурной деятельностью в регионе Курдистана и за его рубежами, им была установлена связь с армянской националистической организацией «Дашнакцютун», целью которой провозглашалась борьба за независимость Армении. «Дашнакцютун» взял на себя функции поддержки «Хойбуна», будучи одним из посредников в получении из Франции финансовых средств для комитета [13, с. 11].

Взаимодействие «Дашнакцютуна» и «Хойбуна» проявилось в следующем антитурецком восстании, центром которого стало священное для обоих народов место – гора Арарат. Несмотря на то, что Араратское восстание (1927–1930) являлось по составу курдским, жестокие расправы турок над восставшими курдами дали повод дашнакам усилить мобилизацию общественного мнения в Европе и Америке в поддержку курдских повстанцев, выступая с докладами и собирая средства на помощь восставшим [14, с. 175]. Кроме того, в Араратском, равно как и в следующем, Дерсимском восстании (1937–1938), принимали участие т.н. «скрытые армяне» – армяне, которые до того влились в турецкую среду для сохранения жизни, не забыв при этом о своем исконном происхождении [15, р. 190].

После смерти М.К. Ататюрка, в годы Второй мировой войны Турция, придерживаясь нейтралитета, сохраняла дружеские отношения с Германией, что вызывало опасения у СССР относительно вероятности нападения на советское Закавказье. Поэтому в годы войны и после нее, вплоть до смерти Сталина в 1953 г., СССР поддерживал курдское и армянское партизанское движение в Восточной Анатолии, взаимосвязанное между собой, для преследования

собственных целей (основной из которых, минимум, было добиться передачи Турцией населенных ранее армянами территорий Западной Армении, а также, максимум, создать курдское автономное государственное образование) [16, с. 43, 52].

Со сменой руководства в Турции в 1950 г. и после смерти И. Сталина в СССР в Турции сошли на нет партизанские действия со стороны курдов и армян. После этого на несколько ближайших десятилетий основное противостояние в стране, в том числе между титульной нацией и меньшинствами, происходило на политическом поле, а не на поле боя.

Заключение. Если фундамент курдской проблемы в Османской империи был заложен в середине XIX в. с ликвидацией полунезависимых курдских княжеств, то зарождение курдского национализма – во многом результат противодействия курдов армянской политической активности в Восточной Анатолии во второй половине XIX в. Первое общекурдское объединительное движение под руководством шейха Обейдуллы возникло на основе недовольства неэффективностью османского администрирования регионом, а также на основе тревоги перед растущим армянским национализмом. С этого времени курды стали принимать участие в антиармянских погромах.

Пик армяно-курдского противостояния пришелся на 1910-е гг. С началом Первой мировой войны армяне стали неблагонадежным элементом, симпатизировавшим странам Антанты, прежде всего, России. Поводом для депортации армян с мест их постоянного проживания послужило начало восстания в Ване в 1915 г., в ходе которого проявилась массовая обоюдная жестокость. Ее следствием стали многотысячные жертвы среди армянского и курдского населения. После поражения Османской империи в Первой мировой войне на первый план в курдском политическом движении вышли персоны, с начала войны вставшие на сторону Антанты. Среди них был генерал Шариф-паша, добившийся на Парижской мирной конференции передачи будущему курдскому автономному образованию части территорий, на которые претендовала армянская делегация. На этом период армяно-курдского противостояния завершился.

С образованием Турецкой Республики армяне так же, как и курды, стремившиеся к обретению автономии либо независимости своих земель, стали представлять угрозу для центральной власти. После того, как армяне в Восточной Анатолии в результате масштабных депортаций остались в меньшинстве, в авангарде антитурецкой борьбы встали курды, недовольные унификационной и модернизационной политикой республиканского руководства. Противостояние туркам сделало армян и курдов союзниками. Так, если курды в эти годы сражались на поле боя, армяне нередко, имея разветвленную диаспору, занимались лоббированием курдских интересов в странах Европы и Америки. Лишь с ухо-

дом с авансены кемалистской Народно-Республиканской партии в 1950 г. антитурецкое противостояние курдов и армян переместилось из военно-партизанской в политическую плоскость.

Литература

1. Вертяев, К.В. Курдский национализм: История и современность / К.В. Вертяев, С.М. Иванов. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 352 с.
2. Курды. Легенда Востока / науч. рук.: В.В. Наумкин, И.Ф. Попова. – М.: Издательская группа «Арбор», 2018. – 456 с.
3. Халфин, Н.А. Борьба за Курдистан: курдский вопрос в международных отношениях XIX века / Н.А. Халфин; отв. ред. Б.М. Данциг; Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 171 с.
4. Егиков, А.А. Абдул-Хамид II и возникновение армянского вопроса в Османской империи / А.А. Егиков // Научный альманах. – 2016. – № 3–4(17). – С. 109–117.
5. Роган, Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920 / Ю. Роган; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 559 с.
6. Curzon, G.N. Persia and the Persian Question / G.N. Curzon. – London: Longmans, Green & Co., 1892. – 639 p.
7. Бреховских, А.А. Британцы в иракском Курдистане. Попытка установления контроля над оккупированными территориями и ее результаты в 1918–1920 гг. / А.А. Бреховских // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – 2015. – № 4. – С. 56–71.
8. Михайлов, В.В. Политика России и Британии в решении курдского вопроса в период Первой мировой войны / В.В. Михайлов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. История. – 2007. – № 1. – С. 66–78.
9. Кадырбаев, А.Ш. Антиосманское восстание в Ване в 1915 году / А.Ш. Кадырбаев // Восточный архив. – 2022. – № 1(45). – С. 49–57.
10. Memorandum sur les Revendications du peuple kurde [Electronic resource] // La bibliothèque numérique kurde (BNK) – Institut kurde de Paris. – Mode of access: <https://bnk.institutkurde.org/catalogue/viewer.php?id=4E3MFC7V1N>. – Date of access: 12.11.2021.
11. Adalian, R.P. Historical Dictionary of Armenia / R.P. Adalian. – Lanham, MD: Scarecrow Press, 2010. – 750 p.
12. Treaty of Sevres [Electronic resource] // The World War I Document Archive. – Mode of access: <http://www.gwpda.org/gifs/turk1920.gif>. – Date of access: 30.03.2022.
13. Победоносцева, А.О. Курды в Турции: депортация как метод решения этнического конфликта? / А.О. Победоносцева // Время и право. – 2014. – № 3. – С. 9–13.
14. Бохеньска, И. Курдская Мекка? Гора Арабат в восприятии курдов / И. Бохеньска, И.Ю. Ланченко, Н.Р. Шахназарян // Диаспоры. – 2010. – № 1. – С. 152–198.
15. Moundjian, G.K. Armenian Involvement in the 1927 Ararat and the 1937 Dersim Kurdish Relations: Mapping the Origins of «Hidden Armenians» / G.K. Moundjian // International Crimes and History. – 2018. – № 19. – P. 177–242.
16. Чичкин, А.А. Неизвестные союзники Сталина: 1940–1945 гг. / А.А. Чичкин. – М.: Вече, 2012. – 288 с.

Поступила в редакцию 19.12.2022

ФИЛОСОФИЯ

Регулирование сетевых конфликтов: сущность и специфика

Баньковская Ю.Л.

Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск

В статье эксплицированы механизмы урегулирования сетевых конфликтов, раскрыты структурные особенности взаимодействия акторов, обуславливающие специфику их воздействия на развертывание противоборства.

Цель статьи – выявление сущности и специфики разрешения сетевых конфликтов.

Материал и методы. *Материалом служит социально-философская реконструкция основных исследований в области изучения сетевого управления. Методологическим инструментарием является использование системно-структурного анализа, исследующего взаимосвязи между сетевыми элементами как внутри сети, так и с внешней по отношению к ней среде.*

Результаты и их обсуждение. *В статье отмечается, что такие сущностные характеристики сетевых структур, как мобильность, гибкость, динамичность, способность к самоорганизации содействуют разрешению противоречий. Обращается внимание на тот факт, что для прояснения степени влияния акторов на процесс принятия решений необходимо учитывать интенсивность взаимодействий, количество взаимосвязей, уровень их связи друг с другом, плотность, центральность. Эффективность проводимого исследования обусловлена тем, что в ходе данного процесса конституируются условия для институционализации ценностей и норм, вырабатываются способы разрешения противоречий.*

Заключение. *Исследование механизмов урегулирования сетевых конфликтов содействует путям стабилизации сети.*

Ключевые слова: *сетевой конфликт, сетевые структуры, урегулирование, ресурсы, ценности.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 73–77)

Managing network conflicts: essence and specifics

Bankovskaya Yu.L.

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

The mechanisms of network conflicts settlement are explicated, the structural features of the actors' interaction that determine the specifics of their impact on the deployment of confrontation is revealed in the article.

The purpose of the article is to identify the essence and specifics of resolving network conflicts.

Material and methods. *The material is a social and philosophical reconstruction of the main research in the field of network management studies. The methodological tools are the use of system-structural analysis, which examines the relationship between network elements both within the network and with the environment external to it.*

Findings and their discussion. *It is noted in the article that such essential characteristics of network structures as mobility, flexibility, dynamism, and the ability to self-organize contribute to resolution of contradictions. Attention is drawn to the fact, that in order to clarify the degree of actors' influence on the decision-making process it is necessary to take into account the intensity of interactions, the number of relationships, the level of their connection with each other, density, centrality. The efficiency of the conducted research is due to the fact, that during this process conditions for the institutionalization of values and norms are formed, ways of resolving contradictions are developed.*

Conclusion. *The study of mechanisms for resolving network conflicts contributes to ways to stabilize the network.*

Key words: *network conflict, network structures, settlement, resources, values.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 73–77)

Сетевые процессы являются одним из способов конституирования социальной действительности, в рамках которой организуются, формируются и структурируются различные общественные организации и институты. Человек, овладевая данной реальностью, становится ее структурной частью. Широкое распространение информационно-коммуникационных технологий привело к социокультурной трансформации общества, породило множество изменений в политической и экономической сферах его жизнедеятельности. Результатом экстраполяции сетевых структур на социальную действительность стало образование новой формы конфликтного противоборства. Его исследование позволяет выработать новый ракурс в изучении реально существующих и потенциально возможных противоречий в сети. Нестабильность информационно-коммуникативного пространства актуализирует значимость исследования информационных угроз, приведших к дестабилизации общества, нарушению политических, технических, правовых, аксиологических и психологических аспектов информационной безопасности.

Комплексность и противоречивость исследования сетевых процессов, их регулирование посредством применения определенных правовых санкций и вертикального управления приводит к необходимости пересмотра сложившихся мер, демонстрирующих низкий уровень эффективности в практической ситуации. Обзор литературы, посвященной проблемам урегулирования противоречий, показал многообразие подходов к их исследованию. Технологии сетевого управления были разработаны в работах Е.А. Бердник, Дж. Вебстер, П. Кенис, К. Праван, Л.П. Сморгун, Д. Фулджер, А.С. Шерстобитов. Наряду с этим можно отметить, что в современной философской литературе недостаточно изучен содержательный анализ форм проявления рефлексивных структур в ситуации сетевого конфликта. Исследовательское поле необходимо дополнить работами, выявляющими конструктивные механизмы урегулирования данных противоборств.

Цель статьи – выявление сущности и специфики разрешения сетевых конфликтов.

Материал и методы. Системно-структурный анализ ориентирован на прояснение строения сети, выявление взаимосвязей и функций ее элементов. Акцентуация внимания на социальных связях и отношениях в рамках сетевого подхода, предопределяющих качественные характеристики сетевых структур, позволяет раскрыть ценности и ресурсы, взаимодействующих между собой акторов, способствуя в дальнейшем на данном основании разработке мер по урегулированию возникших противоречий. Индетерминизм и стохастичность социального развития содействуют тому, что ни одна из существующих теоретических концепций не предоставляет возможности охватить и исследовать все имеющееся многообразие его сущностных свойств.

Следовательно, необходимо их рассматривать в диалектическом и системном единстве при изучении сетевых структур.

Результаты и их обсуждение. Неустойчивость и непредсказуемость развития, проникновение сетевых структур во все сферы действительности посредством формирования нового видения общественных процессов становится маркером существования современной реальности, которая характеризуется эскалацией противоречий. Новыми акторами конфликтного взаимодействия становятся сетевые сообщества, продуцирующие множество конфигуративных вариантов их функционирования, механизмов проявления, существования и деятельности. Необходимость урегулирования конфликтов является одной из основных задач, решение которой ориентировано на стабилизацию социальной системы.

Акцентируя внимание на различных аспектах функционирования сети и механизмов взаимодействия сетевых структур, можно выявить следующие интерпретации данных концептов. Во-первых, это ячеисто-структурированная данность. Во-вторых, это новое смысловое образование, направленное на постижение процессов, происходящих в современной реальности. В-третьих, это технический феномен, возникший вследствие распространения информационно-коммуникационных технологий, ориентированный на распространение и обработку информации. В-четвертых, сеть можно трактовать в качестве сложного антропного феномена, объединяющего воедино природные, биосоциальные, информационные и технические составляющие. Такой комплексный подход обусловлен трансграничным характером данного явления, объединяющим воедино культурные, духовные, социальные, функционально-технологические и биологические параметры. Данный подход позволяет раскрыть гибкость, изменчивость, открытость и нестабильность современной социальной реальности, в которой взаимодействие сетевых структур может приобрести как деструктивный конфликтный характер, так и созидательное воздействие на происходящие общественные события. Сущностные параметры любой сетевой структуры детерминированы социальной средой, в которой они функционируют. По этой причине их необходимо учитывать в ситуации конфликта.

Сетевые структуры отражают взаимодействия между элементами сети, предопределяя их бытие. Являясь сложными объединениями, они включают в себя большое число акторов, взаимосвязанных и коммуникативно взаимодействующих между собой. Акторы могут быть представлены не только в качестве структурированных образований, но и неструктурированными общностями, действующими в социальном поле. К ним можно отнести и неправительственные коалиции, и общественные движения, и экстремистские группировки, и иные объединения.

Процесс выстраивания социальных связей и отношений является онтологическим основанием сетевого конструирования. Актор подтверждает свое местоположение в сети посредством осуществления им определенной деятельности. «Деятельность сетей носит координированный характер, который достигается за счет коммуникационных, информационных, финансовых ресурсов, которые являются своего рода их фундаментом, а идеологическая составляющая задает единый вектор в деятельности сетевых структур» [1, с. 35]. Б. Латур рассматривал действие в качестве инструмента, способствующего изменению информационного поля. Следовательно, актором становится любой носитель информации. В его теории он рассматривается как фундаментально неопределенный, формирующий свою сущность в процессе сетевого взаимодействия с другими элементами. Тем самым сеть выступает в качестве методологического основания для прояснения феномена социальности. Он также вводит понятие «актант» для обозначения любого действующего участника, организации и других объектов, оказывающих влияние на функционирование и деятельность сети. «Актант может быть буквально чем угодно при условии, что он точно выступает источником действия» [2, с. 182].

В качестве узлов сети выступает как отдельный человек, так и большая социальная общность, функционирующие на основании определенных взаимоотношений и взаимосвязей, выступающих в качестве каналов, посредством которых «могут протекать различные виды социальной активности» [3, с. 36]. Данные связи могут носить как конфликтный, так и непротиворечивый характер. К тому же наличие множества корреляций приводит к тому, что при возникновении противоборства между двумя или несколькими узловыми точками, остальные узлы ориентированы как на поддержание возникшего противостояния, предоставляя конфликтующей стороне наличные ресурсы, так и на действия в роли посредника, придерживающегося нейтральной позиции или не принимающего никакого участия в противостоянии.

Вследствие полицентричности и децентрализованности сетевых структур их сложно ликвидировать. В сети есть несколько узловых точек, от которых отходят множество периферийных элементов, способствующих формированию новых центров. Даже если некоторые узловые точки будут уничтожены, остальные ее части останутся нетронутыми. Сетевые структуры включают в себя небольшое количество влиятельных и потенциально устранимых взаимозаменяемых лидеров. Следовательно, устойчивость сети проистекает из ее способности ограничивать наносимый ущерб и смягчать последствия при образовании противоречий. Как правило, узлы характеризуются плотными связями между акторами, которые обеспечивают управление и координацию действий между сетевыми элементами в конфликтной ситуации. В то же время для сети присуще доминирова-

ние равноправных взаимоотношений, асимметрия власти и влияния. Периферийные элементы расширяют возможности для осуществления деятельности, облегчают процесс реализации множества операций посредством привлечения разных ресурсов. Более того, увеличивается доступ к информации, что повышает уровень адаптивности сети к внешним условиям. Способность получать заблаговременное предупреждение об угрозе дестабилизации или уничтожения дополняется имеющимися у нее внутренними механизмами к быстрой реконфигурации внутренних структур. Тем самым, затрудняется процесс выработки эффективных мер по разрешению конфликтных ситуаций.

Горизонтальность, полицентричность, открытость, мутагенность или высокий уровень адаптивности к постоянно изменяющимся условиям внешней среды определяют специфику протекания сетевых конфликтов. Акцентируя внимание на значимости посредников «в обмене информацией между людьми» [4, с. 35], которые создают новые взаимосвязи, заполняющие структурные пустоты, Р. Берт указал на открывающиеся при этом возможности для привлечения ими новых ресурсов, содействующих наращиванию социального капитала. Благодаря посредническим действиям формируются дополнительные связи и отношения между узловыми точками. Их количество прямо пропорционально возможностям воздействия акторов на протекание конфликта. При высоком уровне посреднической центральности через узел проходит множество путей, связывающих между собой элементы сети, что приводит к более быстрой и удобной координации действий. При малом количестве взаимосвязей сложно воздействовать на приоритеты, установки акторов, направленность их деятельности. Кроме того, значимость узлового центра определяется уровнем влиятельности других узловых центров по сравнению с данным, наличием у него социального капитала.

Г. Бейтсон предлагает холистическую интерпретацию универсума, представляющего собой множество контекстов, связанных между собой сетью метаотношений. Делая акцент на взаимосвязи между элементами, он полагает, что именно они задают контент взаимодействий внутри сети. Социальные связи формируют сущность сетевого образования. Таким образом, субъект становится узлом, для функционирования которого присуще наличие множества взаимоотношений. Его задачей становится формирование индивидуального перцептивного опыта, на основании которого будет выстроена новая сетевая реальность. Взаимодействия акторов выстраиваются посредством системы обратных связей, в рамках которой любые активные преобразования в функционировании системных элементов осуществляются в качестве ответной реакции на происходящие изменения со стороны одного из акторов. Это попытка восстановить баланс в существовании системы.

«Любая адаптивная переменная у любого из участников, не скорректированная переменной у другого, всегда будет вносить напряженность в их отношения» [5, с. 89].

Распределенная децентрализованная организация информационных сетей характеризуется наличием множества частичных лидеров, занимающих центральную позицию по различным критериям: организационным, посредническим, ресурсным. А. Барабаш обратил внимание на тот факт, что в сети для большинства узлов присуще малое количество связей с другими элементами, тогда как множеством взаимосвязей с акторами обладает лишь незначительное количество узловых центров. Концентрация у них социальной власти оказывает влияние на развертывание противостояния. Данное исследование способствует прояснению структурных позиций, занимаемых акторами при возникновении противоборства, их возможностей воздействовать на эскалацию конфликта и поиск условий его регулирования, предполагающий «оптимальные стратегии борьбы с инфекцией в информационных и социальных сетях, распространение методов теории критических явлений на задачи анализа устойчивости больших сетей» [6, с. 132].

Динамика развертывания конфликта находится в прямой зависимости от реальной или имитируемой значимости сетевого элемента для функционирования сети вне зависимости от степени его удаленности от центральных узлов. Плюралистическая система социального взаимодействия акторов основывается на наличии у них многообразных интересов и потребностей. Конфигурация сетевых структур, возможности их воздействия на протекание конфликта обусловлена используемым социальным капиталом. Поведенческие стратегии акторов обусловлены имеющимися у них возможностями доступа к ресурсам. Исследование социального капитала ориентировано на выявление качества, количества и конфигурации сетевых взаимоотношений, экономических ресурсов и ценностей акторов.

Ценностно-смысловые аспекты функционирования общества в современном мире приобретают особую значимость. «Состояние ценностной и мировоззренческой неопределенности приводит к напряженности в функционировании нравственной культуры» [7, с. 87]. Разрешение глобальных сетевых конфликтов неразрывно связано с системой человеческих ценностей, трансформированных под воздействием развития информационно-коммуникационных технологий. В современном обществе сформировалась ситуация, при которой человек, ощущая себя свободным в сетевом пространстве, попадает в зависимость от новой культурной реальности, необходимости формировать свою индивидуальную идентичность в пространстве сетевых взаимодействий с другими субъектами. Следует отметить, что несмотря на принятие множества правовых мер

по противодействию киберпреступности, сохранению информационной безопасности общества, продолжает увеличиваться количество конфликтов. Появляется необходимость в постоянном уточнении и дополнении ценностно-нормативных стандартов в сети. Сетевое взаимодействие становится фактором социализации и социальной интеграции людей. Благодаря наличию множества взаимосвязей формируются условия для возникновения новых смыслов, стратегий действия. Выстраивая поведенческие алгоритмы действия, паттерны понимания социальных норм и ценностей, акторы формируют особую область социальной реальности, построенной на качественно иных принципах и способах взаимодействия. Значимыми аспектами, содействующими урегулированию сетевых конфликтов, выступает наличие норм, установок, объединяющих сетевые элементы, формирующих у акторов чувство сетевой идентичности, принадлежности. Использование определенных психотехник, направленность на стимулирование творческой активности для разрешения возникших противоречий содействует их кооперации и стабилизации социальной системы.

Процесс регуляции конфликтов затрудняется вследствие деструктивного воздействия следующих факторов. Во-первых, доля манипуляторных тенденций все больше увеличивается при одновременном снижении количества информации, носящей достоверный и истинный характер. Во-вторых, информационная перегрузка содействует фрагментарности знаний человека о проблемной ситуации и недостаточности ее критического осмысления. В-третьих, падение информационной грамотности населения обусловлено недостаточным уровнем рефлексии сложившихся противоречий. Экстенсивный характер развертывания конфликтной ситуации, угроза разрушения сети содействуют необходимости изменения наличных механизмов взаимодействия сетевых структур. Перспективным ответом, предотвращающим эскалацию конфликта, выступает комплекс мер, выработанных посредством рефлексии, благодаря которой возможно практическое преобразование наличной ситуации. Белорусский ученый В.К. Лукашевич отмечает, что познавательный результат отображается «в теоретических системах рефлексивного знания, в явном виде ориентированных на осмысление предпосылок, форм, путей и других характеристик познавательных процессов» [8, с. 98]. С целью разрешения противоречий принимаются и исполняются соответствующие решения на основе регулятивно действующих механизмов рефлексивного мышления, базирующегося на социальных нормах и ценностях.

Заключение. Фактором неравновесности социального развития общества, постоянной его трансформации становится увеличение численности и масштабов конфликтов, продуцируемых распространением сетевых структур. На динамику развертывания

противоречий оказывают влияние такие аспекты, как уровень плотности сети, интенсивность взаимосвязей ее элементов, их центральность или периферийность. Сложность устранения деструктивных сетевых образований заключается в наличии у них множества узловых точек, их распределенности, возможности взаимозамены между сетевыми элементами. Данные факторы усложняют процесс ликвидации сети при ее деструктивном функционировании, сохраняют возможности для ее дальнейшего существования. Отстранение некоторых узлов чаще всего приводит к их замене. Гибкость и открытость сетевых структур оптимизируют поиск путей разрешения конфликтов. Сетевое урегулирование противоречий рассматривается в качестве универсального механизма, поддерживающего социальную стабильность посредством формирования новых способов креативного решения проблемы, создания условий для учета потребностей, ценностей, ресурсов множества людей.

Литература

1. Анисимова, Н.А. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Н.А. Анисимова, И.П. Добаев. – М.; Ростов н/Д.: Ред. журн. «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 143 с.
2. Латур, Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Б. Латур // Логос. – 2017. – Т. 27, № 1. – С. 173–200.
3. Хойслинг, Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории / Р. Хойслинг. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 192 с.
4. Burt, R.S. Relational contents in multiple network systems / R.S. Burt, T. Schott // Research methods in social network analysis. Ed. by L.C. Freeman, D.R. White, A.K. Romney. – New Brunswick: London: Transaction Publisher, 1992. – 530 p.
5. Бейтсон, Г. Экология разума: изб. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
6. Задорожный, В.Н. Структурные свойства безмасштабного графа Барабаши–Альберт / В.Н. Задорожный, Е.Б. Юдин // Автоматика и телемеханика. – 2012. – № 4. – С. 131–150.
7. Лаптенко, А.С. Мораль в информационном обществе: верность традиции или новые парадигмы? / А.С. Лаптенко // Almanac «Discourses of Ethics». – 2013. – № 4. – С. 82–89.
8. Лукашевич, В.К. Принципы креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной науке / В.К. Лукашевич // Вестн. БГЭУ. – 2013. – № 5. – С. 98–102.

Поступила в редакцию 22.11.2022

Трансформация демократии в условиях современного общества

Рудковская Е.Э., Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В современных условиях демократия как политический процесс и способ управления обществом сталкивается с беспрецедентными вызовами, ставящими под сомнение некоторые ее существенные характеристики.

Цель статьи – анализ основных тенденций и противоречий в развитии демократических процессов в условиях современного общества.

Материал и методы. Материалом исследования выступают трансформационные изменения демократических процессов, во многом обусловленных глобализацией и развитием информационного общества. Используются общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Трансформация демократии в информационном обществе сопряжена с изменением политического ландшафта: роли государства, политических партий, традиционных СМИ. Информационные технологии способствуют утверждению политического плюрализма, новым процедурам управления, выявлению и учету мнений и интересов граждан. Создаются предпосылки для формирования зрелого гражданского общества. В то же время в странах Запада информационные каналы стали мощным средством манипулирования сознанием людей, утверждения своеобразной цифровой диктатуры. СМИ стали выполнять репрессивную функцию.

Демократическое общество – это безопасное общество. Развитие демократии нельзя рассматривать в отрыве от культурной безопасности, но вместе с тем предъявляемый Западом культурный продукт не может стать духовным ориентиром развития общества.

Заключение. Любая модель демократии должна учитывать национальные особенности страны. Это всегда незавершенный проект, постоянная оптимизация, поиск решения проблем, затрудняющих полноценное функционирование общественно-политической системы.

Ключевые слова: демократия, информационное общество, политический ландшафт, информационные технологии, культурная безопасность.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 78–81)

Transformation of democracy in the conditions of the contemporary society

Rudkovskaya E.E., Rudkovsky E.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The contemporary democracy as a political process and a way to manage the society faces unprecedented challenges which question some of its essential characteristics.

The article aims at an analysis of the main trends and contradictions in the development of democratic processes in the conditions of the contemporary society.

Material and methods. The research material is transformation changes of democratic processes conditioned by globalization and the development of information society. General logical and generally accepted methods of theoretical research were used.

Findings and their discussion. Transformation of democracy in information society is connected with the transformation of the political landscape: the role of the state, political parties, traditional mass media. Information technologies facilitate setting up political pluralism, new management procedures, finding out and considering opinions and interests of the people. Prerequisites for shaping a mature civil society emerge. At the same time information channels in Western countries have become a powerful means of manipulating people's minds, establishing a kind of digital dictatorship. Mass media took up a repressive function.

The democratic society is a safe society. The development of democracy cannot be considered outside cultural security. However, the cultural product offered by the West, can't become a spiritual landmark of the development of society.

Conclusion. Any model of democracy must take into account national features of the country. It is always an unfinished project, continuing optimization, search for solutions of problems, which retard wholesome functioning of the social and political system.

Key words: democracy, information society, political landscape, information technologies, cultural security.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 78–81)

Современное общество находится в качественно новой информационной и социокультурной ситуации. По словам К.С. Гаджиева, «мы переживаем своего рода осевое время, характеризующееся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни», «эрозией и разложением тех или иных господствующих ценностей, отношений, институтов» [1, с. 25]. Предлагаемый Западом духовный продукт не может стать ценностным ориентиром развития общества. Подвергаются атаке традиционные базовые ценности бытия человека (милосердие, честь, достоинство и др.). Такие основания социума, как мораль, религия, семья объявляются устаревшими. Запад приватизировал и понятие демократии, трактовку ее содержания. Следование ей обязательно, иное не соответствует представлениям о имперском миропорядке, основанном на нелегалитизированных «правилах».

Последствия «цветных» революций в разных странах по их демократическому переустройству свидетельствуют, что абсолютизация демократии (особенно по миссионерскому шаблону Запада), ее установление любой ценой опасны. Беспрецедентное внешнее давление самоназванных «эталонными» демократиями Запада, их «демократическая агрессия, экспансия» в отношении «периферии» и универсалистские претензии идут вразрез с демократическим принципом свободы, суверенностью государств как права на самостоятельный выбор политического устройства и курса. В процессе демократической модернизации важно опираться на автохтонную основу, учитывать конкретно-исторические условия, наличие социально-экономических, культурных предпосылок и соблюдать меру в выборе методов. Демократия – не просто состояние общества, а перманентная задача, длительный процесс формирования политической и правовой культуры граждан, гражданского общества, традиций самоуправления. В противном случае получим имитацию демократии в чужеродной среде, тенденцию демократизации «вширь», но не «вглубь». Многие исследователи справедливо указывают на недопустимость либерального шаблона, унификации в осуществлении демократических преобразований. Можно и нужно говорить о расширении типологического разнообразия моделей демократии. Догматизацию и сакрализацию демократического режима необходимо заменить рефлексией, критическим анализом ее механизмов, сценариев, приемов транзита. Признание культурной самобытности, гетерогенности народов – «Единство в многообразии» – следует наконец эксплицитно и на мировой политической, исторический процесс, который предполагает совместимость несовпадающих векторов развития.

Цель статьи – анализ основных тенденций и противоречий в развитии демократических процессов в условиях современного общества.

Материал и методы. Материалом исследования являются процессы в политической и социокультурной сферах, порожденные процессами глобализации и информатизации. Используются как общелогические методы, так и методы теоретического познания (единство логического и исторического, идеализация, восхождение от абстрактного к конкретному).

Результаты и их обсуждение. Определения и оценки демократии как политического устройства различны: от нормативных до дескриптивных, однозначно позитивных до крайне негативных. Данная тенденция прослеживается от Платона, который не относил демократию к лучшим формам государственного устройства, вплоть до наших дней. При всей семантической неопределенности рассматриваемого термина во всех дефинициях демократии, которые встречаются в современных исследованиях, так или иначе отмечается, что они связаны с народовластием, гарантией основных прав и свобод (право на жизнь, свобода выражения мнений, собраний, вероисповедания и т.д.), выборностью основных органов власти, правовым и политическим равенством граждан, верховенством закона, разделением властей. Данные параметры демократии, ее основные механизмы были сформулированы многими мыслителями либеральных взглядов еще в Новое время как ответ на вызовы эпохи перехода от Средневековья к капиталистической цивилизации. В той или иной мере (но всегда не полностью) они стали политической практикой тех стран, которые принято называть демократическими. Как правило, под ними имеют ввиду страны Запада. Однако следует учитывать, что сегодня возникают новые тренды в жизни общества, в том числе и в функционировании политических институтов. Взаимозависимость современного мира с необходимостью сопровождается увеличением прозрачности границ, выработки (но не насаждения) общих «правил игры». Симбиоз демократии и либерализма, сложившийся в Новое и Новейшее время, в условиях глобализации дает существенные сбои. Глобализация образует далеко не однозначный контекст для демократии, поскольку ее экономические, технологические, военные, криминальные аспекты порой опережают политико-демократические, правовые процессы, мировоззренческие трансформации. Мир оказался на перекрестке истории.

На наш взгляд, демократия – это не только способ организации и функционирования политической системы, самодеятельности граждан. Ее нельзя сводить к вышеперечисленным, несомненно, важным принципам и признакам. Она тесно связана с политическим и социокультурным ландшафтом общества. Сегодня мы становимся свидетелями интернационализации, конвергенции международных процессов, делегирования ряда функций управления с национального на наднациональный уровень соответствующих институтов. Но последние в значительной степени неподконтрольны населению тех или иных стран. Влияние наднациональных органов весьма значительно в отношении детерриториализации социальных, юридических и политических норм, общественно-политической повестки, прав граждан, их безопасности, миграции населения, стандартов потребления и т.д. З. Бауман отмечает, что «слабые квазигосударства легко низвести до уровня местных полицейских участков, обеспечивающих минимальный порядок, необходимый для бизнеса: при этом можно не опасаться, что они смогут эффективно ограничить свободу глобальных корпораций» [2, с. 100]. Снижение ригидности государственных границ

не только минимизирует суверенность национальных государств, но и представляет вызов для идентичности народа, безопасного бытия государства. Транспарентность границ чрезвычайно обостряет данную проблему, включая и проблему становления суверенной демократии, отвечающей конкретным условиям страны.

Нельзя не учитывать, что в нынешней ситуации происходит также эрозия тех институтов, которые связаны с социальными и политическими действиями гражданского общества. Изменилась роль политических партий, различия между которыми все больше становятся малосущественными и сводятся порой лишь к разнице в названиях. Партии деидеологизируются, прагматизируются. Это не различие идеологий, а различие оперативного реагирования на конкретные ситуации. Это обусловлено тем, что в условиях возрастающей социальной мобильности размываются грани между большими социальными группами, проблематичной становится их самоидентификация. Как следствие этого, все менее существенными становятся различия между идеологиями, исповедуемыми партиями. Образ партий в значительной мере ассоциируется не с идеологией, а с лидером, ее возглавляющим. Политическое поле становится все более однотонным, а плюрализм сводится к минимуму.

Растет количество независимых, неустойчивых избирателей, не желающих сковывать себя постоянной идентификацией с какой бы то ни было партией; избирателей, практикующих т.н. «расщепленное» голосование, т.е. голосование на парламентских, президентских, местных выборах за кандидатов разных партий исходя из ситуации, но не доктринальных предпочтений. Определенную конкуренцию партиям в качестве института представительной демократии, посредника между обществом и государством составляют СМИ, общественные движения, гражданские инициативы, пользующиеся популярностью. К слову, они выступают эффективным инструментом защиты интересов не столько отдельного человека, сколько социокультурных групп: гендерных, расовых, этнических и т.д., которые в итоге навязывают свою позицию большинству. Иначе говоря, защита прав меньшинства как принцип демократии гипертрофируется и превращается в самодовлеющий принцип.

В современных условиях на политическую жизнь все большее влияние оказывают информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Люди в значительной мере зависимы от средств передачи, хранения и обработки информации. Развитие информационного общества сопровождается целым рядом позитивных тенденций, повышается уровень информирования населения, что создает предпосылки для расширения вовлечения граждан в дела общества и государства. Внедрение информационных технологий (ИТ) является предпосылкой формирования двусторонних связей между обществом и властными структурами, способствует прозрачности принимаемых решений и процедуры выборов, повышает свободу самовыражения. ИТ способствуют утверждению плюрализма, новых методов и процедур управления (к примеру, облегчают проведение выборов и референдумов, доступ к политико-правовой информации, предоставление ус-

луг государственными учреждениями, изучение мнения и запросов граждан), создают возможность для граждан более эффективно и организованно отстаивать свои интересы на региональном уровне. Появляются особые формы общения между людьми, минуя посредничество государственных органов и различных социальных институтов. Другими словами, информационное общество создает условия для формирования зрелого гражданского общества. Вошли в политический обиход такие термины, как «кибердемократия», «электронная демократия», «электронное правительство», «информационная демократия». Кибердемократия – это совокупность основанных на ИТ способов влияния отдельных граждан и институтов гражданского общества на практику принятия политических решений, функционирование политической системы. При такой демократии граждане имеют возможность реализовать принцип народовластия через интерактивное взаимодействие, участие в открытых обсуждениях, проводимых с помощью компьютерных технологий, что является шагом к построению делиберативной (дискурсивной) демократии непрерывного прямого диалога, рациональных дискуссий и консенсуса.

Понятно, что без открытости и гласности, доступности информации демократия не может развиваться. В то же время нельзя не видеть, что в странах т.н. коллективного Запада информационные технологии становятся мощным средством манипулирования сознанием людей и пресечения инакомыслия. СМИ стали выполнять репрессивную функцию, переставая быть независимыми. Любые самые нелепые, запугивающие, бездоказательные обвинения уже сами по себе являются вердиктом, означающим и гражданскую, и социальную, и творческую смерть обвиняемого. Какая такая презумпция невиновности? На место юстиции пришли медиа и социальные сети. Дезинформация, распространение «вирусных» идей заменяет бомбы и ракеты. Это новый тип войны. Ее фронт проходит теперь в каждом доме, в каждом смартфоне и компьютере. Эффективные механизмы защиты от манипуляций сознанием пока не выработаны в достаточной мере, нет универсальных средств верификации получаемой информации. Сложился т.н. информационный тоталитаризм, что делает сомнительной демократичность информационного общества, поскольку информационная, нравственная, политическая нечистоплотность информаторов подрывает интерес и активность граждан либо наоборот провоцирует негативный эмоционально-психологический тонус масс и радикальные формы политического поведения. Противостоять информационному насилию можно только через формирование политической и информационной культуры граждан.

Не только интернет вошел в политику, но и политика вошла в информационное пространство. Обычные граждане не могут сравниться по своим возможностям с крупными интернет-корпорациями, информационно-медийной элитой, для которых не представляет труда установить соответствующие фильтры, чтобы перекрыть доступ к нежелательной политической информации. Обладая огромными финансовыми, техническими ресурсами, они могут создать видимость

массовой поддержки определенной политической программы и акции. Демократия в киберпространстве вовсе не означает демократии в реальном мире. Виртуальные сообщества не могут заменить реальных субъектов политической жизни и саму эту жизнь.

Важной проблемой является этика, политическая культура ведения дискуссии в киберпространстве. В традиционных СМИ соблюдаются в той или иной мере нормы закона и морали. Однако в интернете такой контроль минимален. И это становится серьезной проблемой современного социума. Исходя из вышесказанного вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться с тем, что фактическую монополию элит в реализации властных полномочий «...разрушает не просто социальная активность граждан, а возможность непосредственного участия в формировании официальной позиции, формулировании соответствующей правовой базы и – что важно – в осуществлении реального контроля за процессами претворения решений», и что с социально-политической точки зрения информационное общество – это общество, в котором «соблюдаются демократические права и свободы граждан» [3, с. 42, 52]. Полагаем, что не стоит придерживаться слишком восторженных оценок тех реалий, которые сложились в информационном обществе. Информация в современном мире становится ресурсом власти над умами людей, но властью можно злоупотреблять, что и делают властители дум западного мира.

Либерализм существенно модифицировал ментальную, духовную систему, посягнув на социально значимые нормы, ценностно разоформил социум, бросив тем самым нравственный вызов обществу. А.С. Панарин отмечает, что «демократия утрачивает прежний облик, связанный с требованиями “массового общества”. “Демократия равенства”, ассоциируемая с “равной доступностью” благ и услуг, с насаждением стандартных эталонов и норм, уступает место новому образу демократии – “демократии свободы”. ...Все более дефицитными, престижными и социально значимыми выступают такие ценности, как автономия, самобытность, самоопределение, самостоятельность» [4, с. 39]. Это касается такой социальной группы, как молодежь, которая, прикрываясь ценностью свободы, часто ставит себя в оппозицию централизации, долгу, личной ответственности, дисциплине, этическим канонам, опыту предков. Нарастает кризис гражданственности, ослабевают связи автономного индивида с «большим обществом». Эгоистичность устремлений, волюнтаризм представляют несомненную угрозу и для принципа свободы, и для жизнеспособности нации, социокультурной безопасности государства. В свое время Э. Фромм отмечал, что «...о действительной свободе и демократии мы сможем говорить лишь в том случае, если сложится такое общество, в котором личность, ее счастье и развитие станут главной целью функционирования всей государственной и политической системы, причем исчезнет противопоставление индивида и общества» [5].

Демократия не ограничивается свободой слова, свободой выбора, политическим плюрализмом. Она означает создание достойных и безопасных условий жизни, которые многогранны. В этой связи нельзя не отметить

значения культурной безопасности. В западном мире наблюдается отрицание традиционных ценностей, составляющих культурный код этносов, отказ от классических образцов в литературе, музыке, кинематографе. Культура уходит в мелкий формат, в своеобразный «культурный чупа-чупс» и «фаст-фуд». Трендом стала детабузация, «культура отмены». Современное западное общество – это общество, которое ради собственных интересов пытается снести барьеры, отделяющие то, что можно, от того, что нельзя, и то, что праведно, от того, что грешно. Это общество десакрализации, переопределяющее семью, ее нравственные основы, заменяя все это на «коливинги» и другие всевозможные партнерства. Традиционные ценности объявляются результатом насилия тоталитарного государства и, вследствие этого, проявлением несвободы. Борьба за свободу мнений, вероисповедания превращается в борьбу против правды, морали и христианства. Это культура расчеловечивания. Можно ли говорить о какой-то свободе человека в условиях формирующегося духовного вакуума? Культурная безопасность предполагает как сохранение традиционных мировоззренческих ценностей, их метафизической укорененности, так и качественное обновление культуры, сознания общества и его членов, способных отвечать на вызовы времени. Поэтому необходимо восточноевропейской цивилизации помогать держаться традиционного порядка вещей вне зависимости от новомодных «ветров перемен».

Заключение. Западные политтехнологи делят мир на демократические и авторитарные режимы и разрабатывают планы борьбы первых против вторых. Речь идет не о сотрудничестве для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством, а о противостоянии. Это логика, мышление и политика позавчерашнего дня. Западу следует бороться не с внешними врагами в виде «полудемократий», «недемократических стран-изгоев», а собственным нарциссизмом, предательством о законченности, образцовости своей модели демократии. Любая национальная модель демократии – незавершенный, гибкий проект, постоянная оптимизация, поиск решения проблем, затрудняющих полноценное функционирование общественно-политического организма. Способность признавать изъяны политической самоорганизации общества, преодолевать препятствия важна с точки зрения перспектив демократии.

Литература

1. Гаджиев, К.С. Перспективы демократии в век информационной революции / К.С. Гаджиев // *Власть*. – 2014. – № 8. – С. 19–27.
2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 188 с.
3. Просвирнин, Ю.Г. Информационное общество и демократия / Ю.Г. Просвирнин // *Вестн. ВГУ. Сер. Право*. – 2006. – № 1. – С. 39–53.
4. Панарин, А.С. Философия политики / А.С. Панарин. – М.: Нов. шк., 1996. – 424 с.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – Режим доступа: https://librebook.me/escape_from_freedom. – Дата доступа: 11.11.2022.

Поступила в редакцию 21.11.2022

ФИЛОЛОГИЯ

Этнічнае ва ўрбананімнай прасторы г. Добруша: пасылы, асаблівасці рэпрэзентацыі

Мезенка Г.М., Слесарава Т.П.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны асэнсаванню этнанімнага складніка ўрбананімнай прасторы г. Добруша Рэспублікі Беларусь, які ў 2022 г. стаў месцам святкавання XXIX Дня беларускага пісьменства.

Мэта даследавання – выяўленне пасылаў і асаблівасцей рэпрэзентацыі этнічнага ў назвах унутрыгарадскіх лінейных і тэрытарыяльных аб’ектаў г. Добруша, дадзеных у гонар прадстаўнікоў розных народаў.

Матэрыял і метады. Даследаванне праводзілася на аснове матэрыялаў Дзяржаўнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь. Выкарыстаны метады лінгвістычнага апісання, які заключаецца ў адборы, сістэматызацыі і апісанні моўнага матэрыялу; метады лінгвакультуралагічнай інтэрпрэтацыі фактаў урбананіміі. У ходзе аналізу моўнага матэрыялу выкарыстоўвалася таксама комплексная метадыка даследавання, якая ўключае і элементы гістарычнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вызначаюцца пасылы і асаблівасці рэпрэзентацыі этнічнага ў назвах вуліц беларускага горада. Адзначаецца, што цяпер у складзе ўрбананімнай прасторы г. Добруша выяўлена 86,2% ад агульнай колькасці ўрбананімаў з этнічнай канатацыяй этначужых беларускай урбананіміі найменняў. Падкрэсліваецца, што ўрбананімы з этнічнай канатацыяй варта разглядаць як інструмент перадачы гісторыка-культурнай інфармацыі, паколькі яны адсылаюць да пэўных гістарычных падзей і людзей, што ў іх прымалі ўдзел. Робіцца вывад аб тым, што дадзены разрад лексікі мае патрэбу ў рознааспектным аналізе, што рэпрэзентацыя этнічнага ва ўрбананімнай прасторы ажыццяўляецца з улікам некалькіх параметраў – ступені працягласці міжэтнічных сувязей; роду/сферы дзейнасці асобы, чыё прозвішча стала асновай для называння ўнутрыгарадскога аб’екта; гендарнай прыналежнасці асобы, імя і прозвішча якой ператварылася ў назву вуліцы, завулка ці плошчы.

Заключэнне. Імёны прадстаўнікоў асобных этнасаў з-за больш цесных гістарычных кантактаў гэтых народаў сустракаюцца амаль у кожнай (беларусаў і рускіх) з вылучаных груп, іншых жа адзінкавыя (балгарын, башкір, в’етнамец, грузін, латыш, малдаванін, мардвін). Пры гэтым усе “этнічныя” мемарыяльныя ўрбананімы з’яўляюцца своеасаблівымі транслятарамі памяці аб людзях, якія маюць пэўнае стаўленне да тэрыторыі доследнага рэгіёна або сваё месца ў светапоглядах жыхароў Добруша, супрацьстаяць працэсу забыцця, захоўваючы інфармацыю аб сацыяльным статусе, нацыянальнасці, родзе дзейнасці тых, чыя імёны ўшанаваны ў назвах лінейных аб’ектаў.

Ключавыя словы: мемарыяльная назва, онім, урбананімікон, урбананімная прастора, рэпрэзентацыя, этнічнае, этнічная канатацыя.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 83–88)

Ethnic features in the urbanonym space of Dobrush: messages, features of representation

Mezenka H.M., Slesarava T.P.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is concerned with the comprehension of the ethnonym component of the urbanonym space of the city of Dobrush, the Republic of Belarus, which became the place of celebration of the 29th Day of Belarusian Writing in 2022.

The purpose of the study is to identify representation messages and ethnic features in the names of inner-city linear and territorial objects of Dobrush, named after representatives of various nations.

Material and methods. The research was conducted on the basis of materials of the State Registry of the Republic of Belarus. The method of linguistic description was used, which involves selection, systematization and description of linguistic material as well as the method of linguistic and cultural interpretation of urbanonymy facts. In the course of the analysis of the linguistic material, a complex research methodology was also used, which also includes elements of historical analysis.

Findings and their discussion. Messages and features of the representation of the ethnic character in the names of the Belarusian city streets are pointed out. It is noted that now 86,2% of the whole number of urbanonyms with ethnic connotation of ethnically alien to Belarusian urbanonymy names constitute the urbanonym space of the city of Dobrush. It is stressed that urbanonyms with ethnic connotation should be considered as an instrument of conveying historical and cultural information

since they refer to certain historical events and people who participated in them. A conclusion is made that this class of lexis needs a multi aspect analysis, that ethnic presentation in an urbanonym space is carried out considering several parameters: the degree of length of inter-ethnic links, the sphere of the person's activity, the gender of the person whose name became the name of a street, square or lane.

Conclusion. Due to the close historical contacts of these peoples, the names of representatives of individual ethnic groups are found in almost every single group (Belarusians and Russians) among the studied ones, others are rare (the Bulgarian, Bashkir, Vietnamese, Georgian, Latvian, Moldovan, Mordovian). At the same time, all "ethnic" memorial urban names serve as a sort of translators of memory about people who have a certain attitude to the territory of the studied region or their place in the world views of the inhabitants of Dobrush, resist the process of forgetting, preserving information about the social status, nationality, type of activity of those whose names are honored in the names of linear objects.

Key words: memorial name, onym, urbanonymicon, urbanonymic space, representation, ethnic features, ethnic connotation.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 83–88)

Адным з ключавых слоў дадзенага даследавання з'яўляецца *этнічнае* і яго дэрыват *этнічнасць*, якія ў першую чаргу маюць дачыненне да навукі этналогіі. Выразнага і агульнапрызнанага вызначэння тэрміна “этнічнасць” у этналогіі да гэтага часу не выпрацавана. Пры гэтым пад этнічнасцю часцей за ўсё разумеюць уласцівасць этнічнай супольнасці, якая абазначае яе асаблівыя адрозненні ад іншых супольнасцей, а таксама сінонім больш шырока распаўсюджанага ў навуцы паняцця *этнас*. Пачуццё прыналежнасці да пэўнага этнасу, або этнічная (нацыянальная) самасвядомасць – гэта і ёсць усведамленне свайго адзінства і адрознення ад іншых этнічных груп, або інтэгрэтыўны паказчык сацыяльна-этнічнай супольнасці, якая склалася.

Пад *урбананімнай прасторай* разумеюць сукупнасць назваў унутрыгараскіх аб'ектаў, або ўрбананімаў, горада.

У дадзеным выпадку аб'ектам даследавання стала частка ўрбананімнай прасторы горада Добруша, семантычная структура адзінак якой уключае ў сябе ў якасці адной з частак энцыклапедычнага значэння этнічную інфармацыю.

Лепей за іншыя дапамагаюць вызначыць этнічны складнік дадзенага сектара ўрбананіміі пэўнага рэгіёна мемарыяльныя назвы ўнутрыгараскіх лінейных (вуліц, завулкаў, праспектаў і інш.), тэрытарыяльных (плошчаў, рынкаў, паркаў, сквераў) і машабных аб'ектаў, якія выступаюць найважнейшымі захавальнікамі гісторыі гарадоў. Адантрапанімная ўрбананіміка наўпрост звязана з антрапацэнтрычным уяўленнем аб свеце, бо аб'ектам яе назірання з'яўляюцца ўласныя імёны, у якіх сканцэнтравана культурнае, духоўнае жыццё не толькі некаторай асобы, названай ключавым імем, але і цэлага народа.

Праблематыка гэтай работы знаходзіцца ў рэчывы актуальных даследаванняў сучаснай анимастыкі, якія накіраваны на выяўленне этнакультурнага кампанента онімных адзінак [1].

Актуальнасць вывучэння этнічнага зместу мовы, “перакінутага” ва ўрбананімнаю прастору, вызначае неабходнасць развіцця тых аспектаў урбананімікі, якія арыентаваны на этнічны складнік значэння ўрбананімаў, што з'яўляюцца сведчаннем нацыянальна-абумоўленай спецыфікі называння галоўнага праганіста навакольнага асяроддзя – чалавека.

Антрапацэнтрычная парадыгма, што пануе ў развіцці навуковай думкі апошніх дзесяцігоддзяў, абумовіла актуальнасць анимастычных даследаванняў, прысвечаных вывучэнню нацыянальна-культурнай своеасаблівасці ўласных найменняў, паколькі гэты падыход да даследавання і апісання аниміі мяркуе зварот да чалавека як да нацыянальнай моўнай асобы (Ю.М. Караулаў), якая нясе ў сабе асаблівасці нацыянальнай культуры і ментальнасці (гл. таксама працы Ю.Д. Апрэсяна, Н.Д. Аруцонавай, А.М. Верашчагіна, В.В. Вараб'ева, В.В. Колесава і многіх іншых даследчыкаў).

Трэба адзначыць, што зараджэнне канцэпцыі імя ўласнага як адзінкі, якая акумуляе і транслюе этнакультурную інфармацыю, адносяць да сярэдзіны XIX ст. і звычайна звязваюць з працай нямецкага філologa і міфалага Я. Грыма “Пра жаночыя імёны ад назваў кветак” (1852), дзе даследчык робіць выснову, у адпаведнасці з якой жаночыя найменні з'яўляюцца рэпрэзентатарамі нацыянальнага менталітэту. Праца стала адным з першых даследаванняў, накіраваных на вывучэнне сацыякультурных і этнакультурных своеасаблівасцей асабовых імёнаў [2, с. 12].

Нельга не ўзгадаць тут і працу расійскага пісьменніка і святара М.Я. Марошкіна “Славянскі іменаслоў, або Звод славянскіх асабовых імёнаў у алфавітным парадку” (1867), у якім на прыкладзе славянскага імянога фонду была даказана важнасць асабовага імя не толькі як матэрыялу мовы, “але і як помніка поглядаў, паняццяў і ўяўленняў народных” [3, с. 6].

Аб'ектам аналізу з'явіўся ўрбананімікон горада Добруша пачатку XXI ст.

Мэта дадзенага даследавання – выявіць пасылы і асаблівасці рэпрэзентацыі этнічнага ў назвах унутрыгараскіх лінейных і тэрытарыяльных аб'ектаў г. Добруша, дадзеных у гонар прадстаўнікоў розных народаў.

Матэрыял і метады. Пастаўленыя ў гэтым даследаванні задачы вырашаюцца з пазіцыі антрапацэнтрычнага прынцыпу. Агульнай метадалагічнай асновай служаць палажэнні аб узаемасувязі і дынаміцы формы і зместу ўласнага імя як культураабумоўленай адзінкі нацыянальнай мовы. Асноўнымі метадамі, ужытымі ў працы, з'яўляюцца метады лінгвістычнага апісання, якія заключаюцца ў адборы, сістэматызацыі і апісанні моўнага матэрыялу; метады лінгвакультура-

лагічнай інтэрпрэтацыі фактаў урбананіміі. У ходзе аналізу моўнага матэрыялу выкарыстоўвалася таксама комплексная метадыка даследавання, якая ўключае і элементы гістарычнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Нягледзячы на ​​праявы глабалізацыі і яе ўніфікуючае ўздзеянне на сучасныя працэсы і нацыянальна-культурную прастору, прадстаўнікі розных народнасцей імкнуцца захаваць культурную спадчыну, этнічную самабытнасць. Дыяпазон рэпрэзентацыі нацыянальна-культурнай прасторы вельмі шырокі. Аксіялагічная сістэма этнасу адлюстроўваецца найперш у лексічнай сістэме, у прыватнасці ў амастычных адзінках, у тым ліку ў назвах вуліц, паколькі любое асабовое імя з’яўляецца “ключавым сімвалам” [4, с. 44] у вывучэнні нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці чалавека. Пры ўсёй “велізарнасці культуралагічнага патэнцыялу онімаў” выяўленне этнакультурных магчымасцей аніміі, у рамках якой “культураноснымі” прызнаюцца асобныя імёны, а не ўся сістэма ўвогуле [5, с. 40], прадугледжвае даследаванні асобных урбананіміконаў, з якіх і фарміруецца онімная сістэма рэгіёна.

Пры адзінстве агульнабеларускай мадэлі ўспрымання свету кожны рэгіён і нават населены пункт мае свае спецыфічныя сімвалы і каштоўнасці, уасобленыя ва ўрбананіміі. Дзякуючы працяглым міжэтнічным сувязям, а цяпер яшчэ і інтэнсіфікацыі працэсаў «этнічнага адраджэння» [6], Гомельшчына ператвараецца ў адмысловую тапанімную прастору, ва ўрбананіміі якой ёсць назвы, утвораныя ад імён асоб розных нацыянальнасцей.

Улічваючы адсутнасць даследаванняў этнічнага складніка ўрбананіміконаў, звернемся да прац па нацыянальна-культурнай спецыфіцы асабовых імёнаў, у прыватнасці Л.І. Зубковай, на думку якой нацыянальна-культурная спецыфіка асабовых імёнаў “актуалізуецца праз канататыўны патэнцыял, назапашаны ў працэсе іх функцыянавання ў рамках пэўнай лінгвакультурнай агульнасці” [7, с. 78].

Пры гэтым параметры этнакультурнай канататыі слова тэарэтычна вызначыць вельмі цяжка. М.Ф. Алефірэнка піша, што “...культурная канататыя моўных адзінак застаецца амаль казачнай і ўсё яшчэ не злоўленай «жар-птушкай», якая асвятляе нябачныя грані этнакультурнай семантыкі не толькі слова, але і тэксту – мастацкага і навуковага” [8, с. 28].

Апярэджваючы аналіз абраных для даследавання ўрбананімаў, варта адзначыць, што Добруш – гэта горад, дзе зліваюцца дзве ракі – Іпуць і Хорапуць, тыя дарогі з варагаў у грэкі, якімі старажытныя продкі карысталіся не адну тысячу гадоў. Пры гэтым самым раннім з вядомых нам дакументаў, у якіх згадваецца гэтае паселішча, з’яўляецца, па дадзеных А.Ф. Роголева, “Реестр ревизии хозяйской Гомельской волости 1560 года” [9], у якім цяперашні горад прадстаўлены як вёска з назвай *Добруша*, што пацвердзіла ў сваёй кнізе «Тапонімы распаўядаюць», спасылаючыся на геаграфічную карту XVI ст., таксама вядомы беларускі тапаніміст В.П. Лемцюгова [10].

Першыя звесткі пра назвы вуліц Добруша, па сцвярджэнні Н.А. Багамольнікавай, падаюцца ў розных гістарычных матэрыялах, што адносяцца да XVII–XVIII стст. [11, с. 9]. Вядома, што да фарміравання вулічнай сеткі горада, якое пачалося з заснавання князем Паскевічам папяровай фабрыкі, паселішча было разбіта “на 6 раёнаў, што насілі назвы па імёнах і прозвішчах домаўладальнікаў або адлюстроўвалі тапаграфічныя асаблівасці мясцовасці: *Антоніўка* (ад імя кіраўніка папяровай фабрыкі Антона Стружынскага, як неафіцыйная назва захавалася да сённяшніх дзён), *Дубіна* (раней там раслі векавыя дубы, сучасная назва *Старая Дубіна*), *Слабада* (паказвае на тып паселішча), *Уцятнік* (забалочаная мясціна), *Фёдараўка*, *Шчарбакоўка* (ад прозвішчаў заснавальнікаў)” [11, с. 8].

У сувязі з перайменаваннямі, перапланіроўкаў горада, узнікненнем новых аб’ектаў старажытныя назвы добрушскіх вуліц (*вул. Арлоўскага*, *Варанцоўская вул.*, *Галоўная вул.*, *Генеральская вул.*, *Ірынінская вул.*, *вул. Князя Паскевіча*, *Новая вул.*, *вул. Нолькена*, *вул. Старая Дубіна*, *Фельдмаршальская вул.*, *Шырокая вул.*) страціліся.

У выніку, нягледзячы на ​​больш за пяцісотгадовае існаванне паселішча, усе цяперашнія мемарыяльныя назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў – прадукт намінацыі XX – пачатку XXI ст.

Адзначым, што мемарыяльныя найменні ва ўрбананіміі наогул – выключна плён штучнай намінацыі, назвы, якія прысвоены ў выніку аднаразовага акту, характарызуюцца яснай мэтавай устаноўкай і маюць пэўныя намінатары.

Па дадзеных нашага матэрыялу, ва ўрбананіміконе Добруша, які ў XXI ст. уключае ў свой склад 148 назваў вуліц, завулкаў і плошчаў, 91, або амаль 62% ад агульнай колькасці, належыць гадонімам мемарыяльнага характару, з якіх 84 утвораны ад прозвішчаў (радзей ад імён і прозвішчаў) мужчын, і 3, што паходзяць ад імені і прозвішча або толькі ад прозвішча жанчын, якія ў пэўным сэнсе валодаюць, на наш погляд, этнічнай канататыяй.

Аналіз сучасных назваў унутрыгарадскіх аб’ектаў, утвораных ад імёнаў і прозвішчаў прадстаўнікоў розных этнасаў, паказаў, што частотнасць іх ужывання залежыць ад некалькіх параметраў: па-першае, ад роду/сферы дзейнасці асобы, чыё прозвішча стала асновай для называння ўнутрыгарадскага аб’екта; па-другое, ад гендарнай прыналежнасці асобы, імя і прозвішча якой ператварылася ў назву вуліцы, завулка ці плошчы.

Прыкметныя адрозненні ў колькасці адзначаных у назвах этнасаў крыюцца ў ступені актуалізацыі сацыяльна значных родаў/сфер дзейнасці мужчын і жанчын, імёны якіх выкарыстаны ў якасці асновы пры намінацыі ўнутрыгарадскіх лінейных аб’ектаў.

Прадставім колькасныя суадносіны паміж групамі па сферы дзейнасці асоб, прозвішчы якіх сталі базай для ўрбананімаў, і прадстаўнікамі этнасаў асобна ў мужчынскай і жаночай падсістэмах урбананімікону Добруша ў табл. 1.

Род/сфера дзейнасці мужчын, імёны якіх ушанаваны ў назвах вуліц г. Добруша

№ п/п	Род/сфера дзейнасці	Колькасць	Працэнт ад агульнай колькасці назваў вуліц	Колькасць прадстаўнікоў розных этнасаў	Прыклады назваў
1.	Ваенныя, дзяржаўныя, палітычныя і грамадскія дзеячы, дыпламаты, рэвалюцыянеры	37	25,0	рускі – 10, яўрэй – 6, немец – 5, украінец – 4, паляк – 4, малдаванін – 3, балгарын – 1, грузін – 1, в’етнамец – 1, мардвін – 1, латыш – 1	вул. Баўмана, вул. Багдана Хмяльніцкага, вул. Ватуціна, вул. Войкава, вул. Валадарскага, вул. Вароўскага, вул. Варашылава, вул. Дзяржынскага, вул. Дзімітрава, вул. Жукава, вул. Ільіча, вул. Калініна, вул. Карла Маркса, вул. Кірава, завул. Кірава, вул. Князя Паскевіча, вул. Катоўскага, вул. Куйбышава, вул. Міхаіла Кутузава, вул. Лазо, завул. Лазо, вул. Ланге, вул. Леніна, завул. Леніна, вул. Луначарскага, вул. Міхаіла Фрунзе, вул. Арджанікідзэ, вул. Пляханава, вул. Якава Свядлова, вул. Суворова, вул. Тэльмана, вул. Ульянава, вул. Урыцкага, вул. Хо Шы Міна, вул. Чапаева, вул. Шчорса, вул. Энгельса
2.	Паэты і пісьменнікі	24	16,2	рускі – 18, беларус – 3, украінец – 3	вул. Бялінскага, вул. Герцэна, вул. Гоголя, вул. Горкага, вул. Дабралюбава, завул. Дабралюбава, вул. Дастаеўскага, вул. Крылова, завул. Крылова, вул. Лермантава, вул. Максіма Багдановіча , вул. Маякоўскага, завул. Маякоўскага, вул. Някрасава, вул. Астроўскага, вул. Пушкіна, вул. Радзішчава, вул. Талстога, вул. Тургенева, вул. Чарнышэўскага, вул. Чэхава, вул. Шаўчэнка, вул. Якуба Коласа , вул. Янкі Купалы
3.	Заслужаныя вучоныя, касманаўты, друкары	11	7,4	рускі – 9, беларус – 1, грамадзянін ЗША – 1	вул. Вільямса, вул. Гагарына, завул. Гагарына, вул. Камарова, вул. Ламаносава, завул. Ламаносава, вул. Мічурына, вул. Скарныны , вул. Ціміразева, вул. Чалюскіна, вул. Чкалава
4.	Дзеячы мастацтва	1	0,7	беларус – 1	вул. Глінкі
5.	Удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны	11	7,4	беларус – 6, рускі – 4, башкір – 1	вул. Басянкава , вул. Бухонка , вул. Власенка , вул. Гастэлы, вул. Жэні Петранкова , вул. Крывенчанка , вул. Канстанціна Заслонава, вул. Матросава, вул. Міхалькова , вул. Раманава, вул. Хлуднева
	Усяго: 148	84	56,7		

Як відаць з табл. 1, самая высокая шчыльнасць адзінак, звязаных з прадстаўнікамі этнасаў, характэрна для першай групы назваў лінейных аб’ектаў, утвораных ад прозвішчаў ваенных, дзяржаўных, палітычных і грамадскіх дзеячаў, дыпламатаў, рэвалюцыянераў. У яе ўвайшлі прозвішчы прадстаўнікоў 11-ці этнасаў – рускіх, яўрэяў, немцаў, украінцаў, палякаў, малдаванаў, балгараў, грузінаў, в’етнамацаў, мардзвінаў, латышоў. Звяртае на сябе ўвагу тое, што гэта адзіная група з пяці, у склад якой не ўваходзяць прадстаўнікі беларусаў (тут і ў іншых групам вылучаны паўтлустым шрыфтам).

Нельга не заўважыць і таго, што найчасцей асновамі для назваў вуліц, станавіліся імёны і прозвішчы прадстаўнікоў беларускага этнасу, якія ўваходзяць у 5-ю групу “Удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны”. Менавіта яны захоўваюць у сабе інфармацыю пра жыхароў паселішча, іх светаўспрыманне, выступаюць у якасці “транслятараў” гістарычнай памяці народа.

Астатнія групы ўключаюць у свой склад назвы, утвораныя ад прозвішчаў невялікай колькасці прадстаўнікоў этнасаў, пераважна славян.

Што да роду дзейнасці жанчын, імёны і прозвішчы якіх сталі асновай для намінацыі вуліц Добруша, то, не супадаючы па колькасці груп з “мужчынскім” разрадам (іх толькі тры пры пяці “мужчынскіх”), яны прыкметна адрозніваюцца ўзроўнем сацыяльнага статусу.

Так, найбольш сацыяльна значным у разрадзе “жаночых” найменняў аказаўся некалькі іншы набор родаў і сфер дзейнасці. У спектры характарыстык, якія адносяцца да фемінінасці, лідзіруючую пазіцыю займаюць назвы вуліц, утвораныя ад імёнаў дзяржаўных, палітычных і грамадскіх дзяячак, рэвалюцыянерак; заслужаных лётчыц і ўдзельніц Вялікай Айчыннай вайны (табл. 2).

Супастаўленне дадзеных 1-й і 2-й табліц яскрава сведчыць пра прыярытэтнасць у корпусе мемарыяльных назваў вуліц г. Добруша мужчынскага пачатку і адпаведна празмерна нізкі працэнт (2,1%) фемініных назваў вуліц, прысвоеных у гонар асоб толькі трох усходнеславянскіх этнасаў – рускіх, беларусаў і ўкраінак. Пры гэтым урбанімімы, утвораныя ад імён і прозвішчаў прадстаўніц беларускага, рускага і ўкраінскага этнасаў, рэпрэзентуюць “нежаночыя” сферы дзейнасці – удзельніцы Вялікай Айчыннай вайны, рэвалюцыянеркі, лётчыцы.

Заклучэнне. Такім чынам, праведзены аналіз дазваляе прыйсці да наступных высноў.

Галоўным пасылам вывучэння этнічнага складніка ўрбанімімай прасторы любога горада, у тым ліку Добруша, з’яўляецца тое, што ў адантрапанічных урбанімімах беларускага народа акумуляуюцца інфармацыя не толькі пра саміх носьбітаў імёнаў, пра стаўленне чалавека да рэальнай рэчаіснасці і свету ўвогуле, пра гісторыю і побыт народа, яго духоўныя памкненні і культурныя каштоўнасці, але і пра этнічную прыналежнасць тых, чые імёны сталі базай для намінацыі ўнутрыгарадскіх аб’ектаў.

Увасабляючы ў сабе ўзровень культурнага і духоўнага развіцця народа, спосабы ўспрымання свету, добрушская ўрбанімімія прайшла доўгі шлях свайго фарміравання і на сучасным этапе адлюстроўвае грамадскія, сацыяльныя і культурныя пераўтварэнні XX – пачатку XXI ст.

Рэпрэзентацыя этнічнага ва ўрбанімімай прасторы ажыццяўляецца з улікам некалькіх параметраў – ступені працягласці міжэтнічных сувязей; роду/сферы дзейнасці асобы, чые прозвішча стала асновай для называння ўнутрыгарадскога аб’екта; гендарнай прыналежнасці асобы, імя і прозвішча якой ператварылася ў назву вуліцы, завулка ці плошчы.

Імёны прадстаўнікоў асобных этнасаў з-за больш цесных гістарычных кантактаў гэтых народаў сустракаюцца амаль у кожнай (беларусаў і рускіх) з вылучаных груп, іншых жа адзінкавыя (балгарын, башкір, в’етнамец, грузін, латыш, малдаванін, мардвін). Пры гэтым усе “этнічныя” мемарыяльныя ўрбанімімы з’яўляюцца своеасаблівымі транслятарамі памяці аб людзях, якія маюць пэўнае стаўленне да тэрыторыі доследнага рэгіёна або сваё месца ў светапоглядах жыхароў Добруша, супрацьстаяць працэсу забыцця, захоўваючы інфармацыю аб сацыяльным статусе, нацыянальнасці, родзе дзейнасці тых, чые імёны ўшанаваны ў назвах лінейных аб’ектаў.

Ядро аналізаванага ўрбанімімнага субполя ў жыхароў Добруша фарміруюць мемаратывы ў гонар удзельнікаў дзяржаўных, палітычных і грамадскіх дзеячаў, дыпламатаў, рэвалюцыянераў; паэтаў і пісьменнікаў.

Калядзерную прастору займаюць назвы-прывячэнні ў гонар заслужаных вучоных, касманаўтаў, друкароў, удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, імёны якіх, на думку намінатараў, вартыя ўвекавечання.

Назва, утвораная ад прозвішча дзеяча мастацтва, камплектуе перыферыю доследнага фрагмента ўрбаніміміі.

Табліца 2

Род/сфера дзейнасці жанчын, імёны якіх ушанаваны ў назвах вуліц г. Добруша

№ п/п	Род/сфера дзейнасці	Колькасць	Працэнт ад агульнай колькасці назваў вуліц	Колькасць прадстаўнікоў розных этнасаў	Прыклады назваў
1.	Дзяржаўныя, палітычныя і грамадскія дзяячкі, рэвалюцыянеркі	1	0,7	руская – 1	вул. Крупскай
2.	Заслужаныя лётчыцы	1	0,7	украінка – 1	вул. Паліны Асіпенка
3.	Удзельніцы Вялікай Айчыннай вайны	1	0,7	беларуска – 1	вул. Рымы Шаршнёвай
	Всего: 148	3	2,1		

Цяпер у складзе ўрбананімнай прасторы г. Добруша выяўлена 75 (86,2% ад агульнай колькасці ўрбананімаў з этнічнай канатацыяй) этначужых беларускай урбананіміі найменняў.

Падкрэслім, што ўрбананімы з этнічнай канатацыяй варта разглядаць як інструмент перадачы гісторыка-культурнай інфармацыі, паколькі яны адсылаюць да пэўных гістарычных падзей і людзей, што ў іх прымалі ўдзел. Таму дадзены разрад лексікі мае патрэбу ў рознааспектным аналізе.

Літаратура

1. Мезенко, А.М. Гендерная составляющая восточнобелорусской и западнорусской урбанонимии: сходства и различия / А.М. Мезенко // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11 марта 2021 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 238–239. – Библиогр.: с. 239 (3 назв.). – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26958>. – Дата доступа: 01.09.2022
2. Степанова, Ф.В. Русский женский антропонимикон в культурно-генетическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Ф.С. Степанова. – Лесосибирск, 2006. – 191 с.
3. Морошкин, М. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М. Морошкин. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собственной с. и. в. канцелярии, 1867. – 213 с.
4. Гарагуля, С.И. К вопросу об антропонимической идентичности (на материале английских личных имен) / С.И. Гарагуля // Вопросы ономастики. – 2012. – № 2(13). – С. 43–52.
5. Березович, Е.Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки / Е.Л. Березович // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит-ры и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 34–46.
6. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Ин-т психологии РАН, 1999. – 320 с.
7. Зубкова, Л.И. Классификация антропонимической коннотации / Л.И. Зубкова // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф., Ярославль, 12–15 сент. 2012 г. / Ярослав. гос. пед. ун-т; под ред.: Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль, 2012. – С. 78–82.
8. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 288 с.
9. Рогалеў, А.Ф. Назвы Бацькаўшчыны (тапанімія Беларусі) / А.Ф. Рогалеў. – Гомель: Барк, 2011. – 216 с.
10. Лемцюгова, В.П. Тапонімы распаўядаюць. Навукова-папулярныя эцюды / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Літэратура і мастацтва, 2008. – 416 с.
11. Багамольнікава, Н.А. Урбананімія г. Добруша / Н.А. Багамольнікава // Скарына і наш час: матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Гомель, 16–17 мая 2002 г.: у 2 ч. Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны; рэдкал.: А.А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2002. – Ч. II. – С. 7–12.

Паступіў у рэдакцыю 26.09.2022

Микропоэзия коронавирусной тематики

Бартош Ю.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Микропоэзия – разновидность сетевой поэзии, характеризующаяся небольшим объемом, юмористической направленностью и особым ритмическим рисунком.

Цель статьи – изучить особенности передачи коронавирусной тематики в различных жанровых формах микропоэзии.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили более 500 поэтических текстов, размещенных в тематических пабликах «VKонтакте». При работе были использованы описательно-аналитический метод и приемы контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ ключевых слов, используемых сетевыми авторами в микропоэзии для описания периода пандемии и состояний, вызванных COVID-19, показал, что коронавирусная тематика может быть представлена как специально созданными, так и уже существующими лексемами, которые наделяются дополнительными оттенками значения.

Заключение. Микропоэзию коронавирусной тематики характеризуют интертекстуальные вкрапления, языковая игра, среди которой присутствуют сталкивания словарных и коннотативных значений слов и трансформации фразеологизмов, а также употребление неологизмов, ассоциированных с COVID-19.

Ключевые слова: микропоэзия, сетевые жанры, интертекстуальность, языковая игра.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 89–94)

Coronavirus-related micropoetry

Bartosh Ju.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Micropoetry is a kind of Internet poetry characterized by a small size, humorous orientation and a special rhythmic pattern.

The purpose of the article is to study the features of coronavirus-related words presentation in various genre forms of micropoetry.

Material and methods. The material for the study was more than 500 poetic texts published in the thematic groups "VKontakte". We used the descriptive-analytical method and contextual analysis techniques in this research.

Findings and their discussion. The analysis of keywords used by micropoetry authors to describe the pandemic period and conditions caused by COVID-19 showed that coronavirus-related topics can be implemented both by specially created and already existing lexemes with additional aspects of meaning.

Conclusion. Coronavirus-related micropoetry is characterized by intertextual inclusions and language games, among which there are contradictions of dictionary and connotative meanings, transformations of phraseological units, as well as neologisms associated with COVID-19.

Key words: micropoetry, the Internet genres, intertextuality, language game.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 89–94)

В интернет-пространстве надолго закрепились короткие поэтические тексты, которые сетевые авторы называют микропоэзией. К ней относят пирожки, порошки, депрессяшки, экспромты, две девятки, артишоки и т.д. Все они характеризуются регламентированным размером и количеством строк, а также наличием либо отсутствием рифмы и обязательной юмористической составляющей. Существуют специальные правила написания таких поэтических

текстов, к примеру, отсутствие прописных букв, знаков препинания и дефисов. Каждая жанровая форма имеет свою специфику, не всегда уловимую в отдельно взятом поэтическом тексте, но просматриваемую в общей массе. Такие «интернет-частушки» отличаются злободневностью, поэтому последние 2 года в тематических группах микропоэзии публикуются поэтические тексты коронавирусной тематики. «Современный новостной человек (homo informaticus) в процессе поиска <...>

информации вступает в медийном пространстве в непосредственный контакт с максимальным количеством доступных медиа» [1, с. 128], в том числе, в фокусе внимания находятся и социальные медиа, где зачастую озвучивается коллективное мнение массового пользователя по различным темам, и COVID-19 – не исключение.

Цель статьи – изучить особенности передачи коронавирусной тематики в различных жанровых формах микропоэзии.

Материал и методы. Материалом послужили сетевые поэтические тексты, опубликованные в сообществах «ПироШНОК», «Депрессяшки», «Пирожки+», «Две девятки» и «Пирожковая». При работе были использованы описательно-аналитический метод и приемы контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Подобно механизму идентификации в массмедиа, когда, «будучи зрителем, слушателем или читателем, адресат склонен отождествлять себя с действующим лицом сюжета печатного текста, <...> срабатывает механизм идентификации» [2, с. 70] и «реальный человек усваивает поведенческий шаблон героя» [там же], сетевой пользователь может, не осознавая причин своего отношения к ситуации, реагировать на ключевые слова или знаки либо, наоборот, выражать в таких поэтических текстах результат реакции на суггестивную информацию. Ключевые слова, выделенные в нами проанализированных 500 интернет-стихотворениях жанров микропоэзии коронавирусной тематики, приведены в таблице ниже.

К типичным словам коронавирусной тематики мы относим ключевые слова, которые используются сетевыми авторами в поэтических текстах для описания пандемийного периода времени (конец 2019 – начало 2022 г.) и состояний, вызванных COVID-19. Ключевыми словами могут быть абсолютно новые лексемы, созданные в период пандемии (*заковидеть*), равно как и уже существующие лексические единицы, которые приобрели новое значение (*вирус*). Некоторые слова могут употребляться не только в стихотворениях коронавирусной тематики, но и в не связанных с ней, – в таком случае лексические единицы не представляют для нас интерес. К примеру, *гречка/греча* в публикациях за период с конца 2019 г. и по нынешний день было встречено нами 15 раз, однако лишь в 7 случаях это слово относилось к коронавирусной тематике. В следующем примере – вариант, относящийся к нашему исследованию: «*стоит с мольбертом айвазовский / в предчувствии второй волны / послал приказчика за маслом / и гречей как же без неё* / © *ethorpevoila* [3]. Как предполагает жанр пирожков, на известную ситуацию наложены современные обстоятельства: Айвазовский, рисующий «*Девятый вал*», трансформируется в художника, который отправил приказчика во время *второй волны*, противопоставленной названию картины, за маслом и гречкой – то есть провиантом, который активно закупали люди на время самоизоляции осенью 2020 г. (дата публикации стихотворения – 29.09.2020). Масло, употребленное одновременно в 2 значениях (масляные краски и подсолнечное масло), в сочетании с *гречей* выдвигает

на первый план «коронавирусный» акцент, что воспринимается читателем как послыл: «проблемы, вызванные COVID-19, важнее искусства». Таким образом, данный пример нами был воспринят как случай употребления в стихотворениях коронавирусной тематики. В нижеприведенном примере коронавирусного сознания не присутствует: «*евро ринул в небо / доллар вслед за ним / мы внизу на гречку / сели и сидим / © shpul'ka*» [4], – поскольку слово «гречка» здесь использовано со следующим оттенком значения: «дешевая еда, благодаря употреблению которой можно экономить» (присутствовали также и примеры с гречкой как средством похудения).

Ключевое слово коронавирусной тематики может быть центром построения стихотворения («*рождественских чудес не будет / тем кто покажет куаркод / дадут бесплатно маску ласты / флажок и восемь пар бахил / © МОРГЕНМУФФЕЛЬ*» [5], «*добавят в осень свежей краски / второй волны ковидной маски / © Елена Иванова*» [6] и др.), а может упоминаться как иллюстрация эпохи, представляя собой типизированный элемент: «*мэрия купила / масочный завод / и к началу лета / всем прикрыла рот / © Олеся Балакова-Богуши*» [3], «*всё про космос знают / вирус и торги / интернет эксперты / в шапках из фольги / © Кока*» [4], «*с апреля золото в продаже / у нас дешевле имбиря / © bespamiatnyh*» [5]. Так, слова «масочный» (завод), «вирус» и «имбирь» характеризуют середину 2020 – начало 2021-го г. как время, когда зарабатывали на продаже масок и имбиря, искусственно завышая на них цену ввиду повышенного спроса, а также иллюстрируют теорию «вирусного» заговора вскользь, делая акцент на мэрии, думающей не о народе, а о выгоде, а также на неблагоприятном состоянии экономики и на личности «диванных» экспертов. Следует отметить также прием трансформации фразеологизма «прикрыть рот», при котором на значение «заставить замолчать, помешать высказать мнение» наслаивается первоначальное – «закрыть часть лица»; столкновение обоих значений создает двусмысленность и, как следствие, комический эффект.

Отдельные слова появились в микропоэзии только в период пандемии, до этого активного использования некоторых слов нами не было отмечено. В частности, слово «вакцина» встречено нами трижды в поэтических текстах, опубликованных в 2009 г. во время конкурса пирожков по первой строчке. Следующее обнаруженное нами использование слова датировано февралем 2020 г., где подразумевается вакцина от COVID-19: «*тем кто вакциной не привился / сказали что отключат газ / © bespamiatnyh*» [5], «*кузьмич перечитав платона / решил с вакциной не спешить / © ay_heddern*» [5] и др. Однако также нами зафиксировано и т.н. «третичное» значение в ряде стихов, когда «вакцина от коронавируса» простимулировала появление таких словосочетаний, как *вакцина от любви*, *вакцина от понедельника* и др., а также переосмыслено словосочетание «*вакцина Гамалеи*» (2015 – от Эболы, 2020 – от COVID-19): «*пришёл районный вакцинолог / открыл свой чёрный чемодан / каких вакцин там только нету /*

Употребление ключевых слов коронавирусной тематики в микропоэзии

Слово	Количество употреблений
Маска (масочный, масочка)	120
Карантин (карантинный, самокарантин, карантиновать)	67
Ковид (COVID, ковидный, айковид, ковидло, заковиди/еть)	58
Прививка (привит, не привит, прививаться)	49
Вирус (вирусолог, антивирус)	46
Коронавирус (коронОвирус, корона)	30
Куар код (кьюар, ку ар код, qг, куаркодиться)	23
Вакцина (вакцинь, вакцинировать(ся), вакцинопровод)	19
Антитела (тела, титры антител)	18
Перчатки	16
Пандемия (пандемийный, пандемиоскука)	13
Удаленка	13
Волна (вторая волна, новая волна)	9
Дистанционка (дистанция, дистанционно)	8
Гречка (греча)	7
Антисептик	6
Бахиллы	6
Имбирь	6
Спутник	5
Омикрон	5
Изоляция	4
Ухань	4
Локдаун	3
Скептик	2
Эпидемхандра	1
Рукомытие	1
Пэцээр	1
Ивээл	1
Инфекционист	1
Истерия	1
Обоняние	1

но нет вакцины от любви» / © Realist» [5], «от понедельника вакцины / не существует и олег / уже пишут четыре года / больной по понедельникам / © МОРГЕН-МУФФЕЛЬ» [3], «теперь с вакциной гамалеи / ждут айболитов бармалеи / © Андрей Хвальский» [6].

Несколько иная тенденция наблюдается со словами «прививаться» и «прививка»: используемые и до COVID-19, они также получили коронавирусное созначение с последующим ассоциированием с названным заболеванием в 2020–2022 гг. Нами были встречены словосочетания «прививаться от жизни / никотина / лени» и др. («тем кто шлепками прививался / пинки от жизни нипочем / © ay_heddern» [5], «тринадцать капель никотина / убили девять лошадей / а вот четыре прививались / с младых копыт и ничего / © SouL» [3]), однако, в силу метафори-

ческого использования и до коронаавируса, данные словосочетания нами не рассматривались как «чистая» коронавирусная тематика. К примеру, «прививка» в следующем примере ассоциируется с пробой Манту, а не с прививкой от COVID: «врачи насильственно привили / любовь к отчизне дорогой / сказали не мочить неделю / а покраснеет не чесать / © the axu» [7].

Последующей трансформации подвергся и сам термин «коронавирус»: нами были отмечены такие варианты, как макаронОВИРУС, котОВИРУС и др.: «мы из кошачьего приюта / ведем тревожный репортаж / тут котОВИРУС просто косит / наташ / © КРАСНОВ» [5], «у глеба макаронОВИРУС / он в лёгких ритм энд блюз поёт / и макароны словно дреды / с его свисают головы / © bespatiatnyh» [3] и др.

Некоторые слова используются одновременно и в специфическом, и «словарном» значении, что позволяет воспринимать их как ситуативные антонимы, такой прием может быть положен в основу построения сетевого поэтического текста:

*надела маску и перчатки
и отправляюсь грабить банк
а там таких как я полсотни
и даже девушка-кассир
© Неусита [3].*

Маска и перчатки, традиционно считающиеся атрибутами грабителя, в данном случае противопоставлены аналогичным средствам индивидуальной защиты, что наталкивает на мысль, что каждый человек похож на грабителя – «и даже девушка-кассир».

COVID-19, несомненно, повлиял на восприятие действительности, вследствие чего «вирусная» коннотация автоматически «всплывает» даже там, где слово используется в прямом, первоначальном значении. Рассмотрим следующий пример:

*я собираюсь в ювелирный
колье мне нужно позарез
при мне перчатки сумка маска
обрез
© tetradon [3].*

Первые 3 строки воспринимаются так же, как и в предыдущем четверостишии: перчатки и маска нужны для того, чтобы попасть в общественное место, где обязательным условием является масочный режим (дата публикации – 19.11.2020). Однако по закону жанра *порошка* четвертая строка, состоящая из двух слогов, полностью меняет смысл предыдущих строк. Так, слово «обрез», обозначающее огнестрельное оружие, подсказывает, что причиной ношения маски и перчаток является вовсе не эпидемиологическая обстановка, а желание ограбить ювелирный магазин.

Мотив противопоставления «защитной» маски и «грабительской» достаточно популярен среди сетевых авторов: «тех кто без масок грабит банки / давайте будем штрафовать / © *bespatiatnyh*» [5], «после ограблений / даже не бежим / скрыться помогает / масочный режим / © *NataliE*» [4], «вздыхает кассирша / давайте взгляну / но просьба учесть неувязку / теперь же грабители все на одну / маску / © *NataliE & Умзар*» [3]. Более того, маска воспринимается как неотъемлемая часть лица, что отражено в трансформированном фразеологизме «все на одно лицо», где слово-компонент «лицо» заменен на «маска». Таким образом, маска, будучи одним из наиболее популярных ключевых слов в поэтических текстах коронавирусной тематики, отождествляется с лицом: «симпатична маска / мне твоя вполне / да и в остальном мы / на одной волне / © *C'est Moi*» [4], «мы снимем маски и друг друга / уже не сможем узнавать / в толпе безмасочной огромной / здоровых радостных людей / © *Неусита*» [3], «возможно после карантина / приду к друзьям на карнавал / и буду там бродить без маски / неузнанный и всем чужой / © *Мишачок*» [3], «не узнаю тебя без маски / скорей надень

*её назад / © *ay_hedder*»* [5] и др. При этом «маска» используется и не применительно к коронавирусной тематике, однако таких словоупотреблений значительно меньше: «я только было заикнулся / что взятки может и не быть / как маска зверя проявилась / на юридическом лице / © *x3m!st*» [7].

Игра с лексическими значениями слов чрезвычайно популярна в поэтических текстах ковид-тематики. Рассмотрим указанный вид языковой игры на следующем примере:

*вкалывает мама
вкалывает сын
всё равно остался
полный шкаф вакцин
© *zlobins* [4].*

При прочтении первых двух строк глагол «вкалывать» воспринимается как «много и тяжело работать», однако сочетание его со «шкафом вакцин» делает очевидным тот факт, что вкалывать использовано в значении «протыкая поверхность, вводить вакцину внутрь». Двухзначность вкупе с формой несовершенного вида, не характерной для указанного глагола в «медицинском» значении, усиливают акцент на многократности действия, привнося ироничный тон в повествование.

Интересен также прием, когда кодовое слово включивается в устойчивое выражение – фразеологизм, поговорку и т.д.:

*политик врач и вирусолог
боролись с вирусом всерьёз
но ныне там и пандемия
и воз
© *NataliE & Умзар* [3].*

В данном *порошке* взята за основу басня Крылова «Лебедь, щука и рак», на что указывает отсылка к «воз и ныне там», главными же персонажами являются политик, врач и вирусолог. Параллельно развитию сюжета в первоисточнике можем предположить, что авторы намекают на то, что герои тянут «пандемийный» воз каждый в свою, выгодную для него, сторону. Как следствие, «ныне там и пандемия, и воз». Трансформированное устойчивое сочетание создает саркастический эффект при помощи реминисценции.

Несмотря на то, что для всех видов микропоэзии обязательен юмор, существуют отличия между жанровыми формами не только в структуре, но и в идейной составляющей. Разные особенности выступают на первый план в разных жанрах. В *пирожках* преобладает абсурд, когда стандартная ситуация (зачастую используется прецедентный текст) доводится до нелогичного состояния, и юмор транслируется через эту абсурдность:

*олег налил в ведро бетона
засунул голову в ведро
коронавирус не подступит
к его дыхательным путям
© *Сыр* [7].*

Герой сам себе организовал «мафиозную» смерть (см. выражение «закатать в бетон»), когда предпочел

удушьё посредством бетона удушью при легочной недостаточности от коронавируса.

Ситуация может быть создана искусственно, что можно наблюдать в приведенном примере, а может быть взята из жизни, но подана в более «концентрированном» виде:

*олег женился на соседке
в тот год был строгий карантин
и выбор надо было сделать
из тридцати шести квартир
© пуля [3].*

Несмотря на повествование о прошлом («в тот год был...»), создается впечатление, будто бы автор обращается к нам из будущего со знанием, какой мир там, впереди, и рассказывает о холостяке, вынужденном из-за сексуального голода во время карантина искать жену в одной из 36 имеющихся в подъезде квартир. Однако на фоне реально существующих мер изоляции абсурдность воспринимается как гипербола: на утрированном примере автор высказывает свое отношение к карантину и самоизоляции.

Такие четверостишия пишутся без рифмы, но с обязательным соблюдением размера и количества слогов в каждой строфе. За основу берется прецедентный текст, на шумевшая в современности история либо неординарная ситуация, на которую наслаиваются манипуляции с языковыми средствами:

*а в это время в антимире
все антивирусом больны
но в их кругах антинаучных
уже известно про тела
© granovsk [3].*

В данном пирожке понятия сменили «полюса»: мир превратился в антимир, вирус – в антивирус, научные круги – в антинаучные, антитела – в тела. Однако сомнительно, что речь идет об антимире – скорее, о нашем мире, который стал неправильным, поменял знак, став отрицательным: круги научные под сомнением, читатель задается вопросами: «Точно ли об антителах, а не о кремации говорится? Что подразумевается под антивирусом – вакцина ли? И почему им больны?» В этом замысел пирожков – на конкретном примере довести ситуацию до абсурда с расширением контекста до глобальных масштабов.

Порошки – перевертыши по смыслу, звучат более мелодично благодаря рифме во второй и четвертой строках, последняя строка укороченная, при чтении об эти два слога приходится «спотыкаться» не только из-за рваного ритма, но и из-за полностью меняющегося смысла предыдущих строк:

*найдя бессовестности вирус
в крови больных из двух палат
врач предлагает им покинуть
сенат © NataliE & Умзар [3].*

Вирус, кровь больных и палата – лексика, настраивающая на повествование о больнице, поэтому ожидается, что «врач предлагает им покинуть» неинфицированное отделение, однако слово «сенат» показывает,

что контекст распознан неверно: речь идет о палатах парламента, в которых представители заражены «вирусом бессовестности».

Неожиданный «разворот» сюжета может быть обусловлен и синтаксической спецификой, к примеру, включением в однородный ряд слов, которые не могут быть однородными:

*на фейс натянутая маска
предохранит вас и спасёт
от многотысячного штрафа
и всё © bespamiatnyh [3].*

Экспромты, представляющие собой половину пирожка (с количеством слогов 9–8), претендуют на афористичность, характеризуются емкостью и краткостью, а также отсутствием рифмы. Так как в небольшом количестве строк необходимо вместить большое количество информации, авторы реже используют данный жанр, а прибегая к нему, стараются задействовать языковую игру, чаще всего с наложением либо комбинированием устойчивых сочетаний: «жизнь пролетает в карантине / за кодом код за кодом код / © Погоня» [5], «перчатку бросить это вызов / а бросить маску суицид» © Погоня» [5]. Так, фонетически и лексически модифицированная фраза «за кодом код» состоит из выражения «за годом год», «скрещенным» qr-код, а сопоставление фразеологизма «бросить перчатку» и трансформированного «сбросить маску» со словами-компонентами в качестве самостоятельного слова (оба представляют собой СИЗ) привносит запланированную двузначность в трактовке, что привлекает внимание читателя.

Две девятки отличаются от экспромтов не только количеством слогов (9–9) и наличием рифмы, но и «уклоном в черный юмор, пикантность и абсурд», что влечет за собой наличие нецензурной лексики, также в двух девятках часто наблюдается нарушение правил написания микропоззии: «ну что верховные отцы на / когда народ спасёт вакцина? / © aleks» [6], «я вас спасу мои зайчатки / держите маски и перчатки / © Сияющий» [6], «у нас в деревне тьма кромешина / но карантин блюдем канешина / © aleks» [6].

Депрессяшки пронизаны (само)иронией, в них смешно повествуется о грустном: «нам в казну с европы / бешеный приход / ну а мы в европу / вакцинопровод / © есть» [4], «то надень перчатки / то не трожь лицо / ну когда же это / всё закончиццо / © aleks» [4], «выйди полюбуйся / как прекрасен день / не забудь перчатки / масочку надень / © orlovca» [4] и др. Это своеобразный набросок-картинка без начала и конца, читатель сам должен додумать обстоятельства: «в вакууме братцы / флуктуации / а чо вы узнали в изоляции / © Поэт Незнайка» [4]. Аллюзии на людей, события, произведения, устойчивые сочетания подсказывают, в каком ключе трактовать эпизод:

*нет в стране широкой
ни полей ни рек
где без маски вольно
дышит человек
© Мизз Антрон [4].*

Аллюзия на «Песню о Родине» и полное противоречие строке «где так вольно дышит человек» вкупе с уточнением «без маски» помогает передать угнетающую атмосферу через иронию: пусть и «широка» страна, а от вируса и обязательного использования масок в ней не спрятаться.

Использование прецедентных текстов для создания иронического оттенка и стилизация под такие тексты часто являются жанрообразующим приемом в депрессяшках: «наступает войском вирус издали / на лицо мне маску кольщик наколи / © Чёрный Волжанин» [4]; «вёз коронавирус / глеб издалека / ну а что ещё нам / ждать от дурака / © арбуз & ХатяКо» [4] и др. В первом случае отсылка к песне «Кольщик» создает «тюремные» ассоциации, поэтому просьба сделать татуировку маски понимается как способ избежать штрафов за несоблюдение масочного этикета, ибо сама маска, по мнению автора, не защищает, а только служит буафорским атрибутом. Во втором случае наблюдается стилизация под сказку с «дураком» в качестве главного героя, который привез издалека вместо гостинцев коронавирус. На дату публикации (29.01.2020) с симптомами заболевания было рекомендовано сидеть дома, а не по «далеко» ездить и «гостинцы» распространять, поэтому предполагается, что читатель без затруднений может додумать продолжение «сказки».

Артишоки – более мелодичные четверостишия, певучесть и речитативность которых влияет на содержание, где истории окрашены легкой грустью одновременно с юмористическим противоречием:

*царевна в короне в хрустальном гробу
идёт с роснадзором на принцип
в руке объявление без маски табу
принцам*
© hoHa [3].

Вопреки сюжету «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях», героиня современной «вариации» внемлет требованиям Роспотребнадзора: в гробу находится объявление, запрещающее оживить принцессу при отсутствии маски, что само по себе абсурдно. Однако абсурдность происходящего не всегда относится к нынешнему положению вещей, к примеру, автор нижеприведенного **артишока** указывает на абсурдность предыдущих мечтаний и стремлений, которые становятся совсем не важными на фоне антиковидных мер:

*сичу в карантине смотрю за забор
умыт обогрет и залюблен
одно не пойму что ж не лезет мне дор
блю блин*
© МакС [3].

Стоит отметить, что для всех жанровых форм микропоззии коронавирусной тематики характерна языковая игра с намеренной двусмысленностью: «в плаще и маске по району / гулял ночами николай / снимая ма-

ску и чихая / на местный криминалитет © ZanoZa» [3], «настало время дезинфекций / следов дезинформации / © agara» [5], «лучше век недолог / чем сознанья тьма / вмажь мне вакцинолог / капельку ума / © Бронт» [4] и др.

Заключение. В связи с интенсификацией коммуникативных процессов в пространстве интернета изменения, происходящие в современном русском языке, незамедлительно фиксируются на различного рода интернет-площадках, в том числе, в тематических группах «микропоззии». Ряд чувств и состояний (апатия, фрустрация, страх, гнев, досада, отчаяние, беспокойство и др.), которые были стимулированы ситуацией с COVID-19, вызвал творческую активность у интернет-пользователей, что отразилось в поэтических текстах коронавирусной тематики. Таким образом, наиболее частотными типичными ключевыми словами, характеризующими пандемийный период, являются «маска», «карантин», «ковид» и их производные. Некоторые слова («вирус», «перчатки», «маска», «QR-код») получили узкоспециальное значение, которое в сознании интернет-пользователей вытеснило первоначальное. Вследствие специфики малых сетевых жанровых форм (пирожки, порошки, депрессяшки, артишоки и т.д.) события, связанные с ковидными ограничениями, подаются в ироничном, сатирическом и черно-юморном свете с подчеркиванием абсурдности ситуации.

Литература

1. Антонова, Л.Г. Коммуникативные механизмы создания и интерпретации новости в сетевом дискурсе / Л.Г. Антонова // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 6–8 дек. 2018 г. / отв. ред. М.Р. Желтухина; «Перемена», 2019. – 300 с.
2. Человек и его дискурс – 5: театр – массмедиа – политика – бизнес: коллективная монография / отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. – М.: Волгоград: ИЯ РАН; ПринтТерра-Дизайн, 2017. – 248 с.
3. ПироШОК [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/piroshoker>. – Дата доступа: 11.04.2022.
4. Депрессяшки [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/depressyashki>. – Дата доступа: 11.04.2022.
5. Пирожки+ [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/perawki>. – Дата доступа: 11.01.2022.
6. Две девятки [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/dvedevyatki>. – Дата доступа: 11.04.2022.
7. Пирожковая [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/perashkiru>. – Дата доступа: 11.04.2022.

Поступила в редакцию 20.07.2022

Специфика развёртывания концептуальной метаметафоры «воскрешение» в рассказе В. Шаламова «Воскрешение лиственницы»

Богданенков А.С., Оксенчук А.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Данная статья рассматривает ключевые приёмы декодирования интертекстуальности на формальном и метатропном уровнях.

Цель работы – определить специфику развёртывания метаметафоры через выявление соответствующих интертекстуальных маркеров: а) ситуативных (сюжетных и фабульных); б) лексических; в) прецедентных.

Материал и методы. *Материалом для исследования является рассказ В. Шаламова «Воскрешение лиственницы». В качестве основных методов исследования использовались метод контекстного анализа, семиотический метод, приёмы нарративного, грамматического и статистического анализов.*

Результаты и их обсуждение. *В отличие от Библии и Данте, у Шаламова художественная система существенно смещается от религиозного к мифопоэтическому, он акцентирует внимание не на пророческом в поэтическом, а на поэтическом в пророческом. Осуществляется это противопоставление по целому ряду признаков: символике цвета, символике запаха, символике звука. Ключевым материалом для проведения антитетических аналогий являются фитонимы и одоративная лексика. Данные элементы лексической структуры текста обеспечивают создание и специфику развёртывания метаметафоры «воскрешения».*

Заключение. *Специфика развёртывания в тексте В. Шаламова метаметафоры «воскрешения» на ситуативном уровне представлена созданием интертекстуального поля с базовой протоситуацией религиозно-христианского дискурса – воскрешение Христа. Квинтэссенцией метаметафоры «воскрешение» у В. Шаламова является категория «живая жизнь». Важнейшими составляющими семантического комплекса этой метаметафоры, наряду с категорией «чудо», являются феномены «сила и вера». Религиозный мотив «воскрешения» трансформируется у В. Шаламова из сакрального в поэтический. Прибегая к прецедентным именам прошлого (А. Пушкина и Н. Шереметьевой), Шаламов выводит идею творчества, растущего из мученичества, и потому имеющего презумпцию воскрешения.*

Ключевые слова: *концептуальная метаметафора, интертекстуальность, мифопоэтика, прецеденты культуры.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 95–101)

The specificity of the explication of the conceptual meta-metaphor of resurrection in V. Shalamov's story “The Resurrection of the Larch”

Bogdanenkov A.S., Oksenchuk A.E.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

This article considers the key techniques for decoding intertextuality at the formal and metatropic levels.

The purpose of the work is to determine the specifics of the explication of meta-metaphor by the identification of appropriate intertextual markers: a) situational; b) lexical; c) precedent.

Material and methods. *The research material was V. Shalamov's story “The Resurrection of the Larch”. The main research methods are the contextual analysis method, semiotic method, methods of narrative, grammatical and statistical analysis.*

Findings and their discussion. *Shalamov's artistic system, in contrast to the Bible's and Dante's one, significantly shifts from the religious to the mythopoetic; he focuses not on the prophetic in the poetic, but on the poetic in the prophetic. This correlation is carried out according to a number of following features: the symbolism of color, the symbolism of smell, the symbolism of sound.*

Phytonyms and, in particular, odorative vocabulary are the key material for antithetical analogies. These elements of the lexical structure of the text provide the creation and explication specifics of the "resurrection" meta-metaphor.

Conclusion. *The specificity of the meta-metaphor of "resurrection" explication in V. Shalamov's text at the situational level is represented by the creation of an intertextual field with the resurrection of Christ, which is the basic proto-situation of religious and Christian discourse. The quintessence of V. Shalamov's meta-metaphor of resurrection is the "living life" category. The most important components of the semantic complex of this meta-metaphor are the phenomena of "strength and faith" along with the concept of "miracle". The religious motive of "resurrection" is transformed by V. Shalamov from the sacred into the poetic. Addressing the precedent names of the past (A. Pushkin and N. Sheremetyeva), Shalamov brings out the idea of creativity growing out of martyrdom, and therefore entitled to the presumption of resurrection.*

Key words: *conceptual meta-metaphor, intertextuality, mythopoetics, cultural precedents.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 95–101)

Исследование метаметафоры в художественном дискурсе и, в частности, специфики её функционирования в художественном тексте в разное время и в разном объёме занимались: Н.А. Фатеева [1; 2], С.Н. Коринь [3; 4], А.Е. Оксенчук [5; 6], А.М. Ранчин [7], однако данный предмет исследования ввиду его малоизученности всё ещё ждёт своих исследователей. В научном обиходе метаметафора была отнесена к разряду метатекстовых тропов, которые Н.А. Фатеева описывает, как «стоящие за конкретными языковыми образованиями (на всех уровнях текста) глубинные функциональные зависимости, структурирующие модель мира определённого автора» [1, с. 54]. Термин «метаметафора» образован в результате присоединения форманта *мета-* производящей основе лексемы *метафора*. В то время как в мотивирующем слове этот префикс используется в значении «изменение, перемена», в производном варианте он употребляется в значении «вслед, за, после» [8]. Пройдя процесс терминологической аккредитации, *метаметафора* была введена в терминосистему литературоведения. Таким образом, отталкиваясь от этимологии рассматриваемого термина и дефиниции его родового понятия, мы можем дать следующее рабочее определение объекту нашего исследования: под метаметафорой мы будем понимать ментальную конструкцию, являющуюся результатом метафорического мышления, обладающую сложной макроструктурой, «кодом иносказания», трансформирующим семантику текстовых объектов в соответствии с картиной мира языковой личности автора и его культурой. В соответствии с классификацией метатропов, предложенной Н.А. Фатеевой, они делятся на концептуальные, композиционные, операциональные и ситуативные. Под концептуальной метаметафорой будем понимать устойчивые мыслительно-функциональные зависимости, создающие «из отдельных референциально-мыслительных комплексов целостную картину мира» [2, с. 64].

Целью работы является доказательство наличия в изучаемом тексте концептуальной метаметафоры и определение специфики её развёртывания через поиск соответствующих маркеров интертекстуальности: а) ситуативных (сюжетных и фабульных); б) лексических; в) прецедентных.

Материал и методы. В рамках данной статьи мы пробуем описать специфику выявления и развёртывания концептуальной метаметафоры, выбрав в качестве исследуемого материала рассказ В. Шаламова «Воскрешение лиственницы». В нашей работе использовали метод интертекстуального анализа, в основе которого лежит бахтинская концепция «диалогизма», с лёгкой руки Ю. Кристевой превращённая в теорию интертекстуальности, а также бахтинская концепция «полифонизма», рассматриваемая Н.А. Фатеевой во взаимосвязи с понятием «контрапункт». В качестве основных методов исследования мы будем применять и метод контекстного анализа, который также связан с идеями М. Бахтина, в частности, с триадами «автор – текст – читатель», «чтение – понимание – истолкование», создающими «диалогизирующий фон восприятия» художественного произведения в его связи с литературой прошлого, настоящего и будущего [9, с. 369]. Использовали и семиотический метод, обстоятельно описанный в литературоведческих работах Р. Барта, Ю. Кристевой и Ю. Лотмана. При анализе языкового материала будем применять приёмы нарративного, грамматического и статистического анализов.

Результаты и их обсуждение. Ввиду того, что метатропная связь функционирует как «семантическое отношение адекватности, которое возникает между поверхностно различимыми текстовыми явлениями разных уровней в рамках определённой художественной системы» [2, с. 19], наша первоначальная задача при определении специфики развёртывания метаметафоры состояла в выявлении соответствующих формальных показателей «на языковом операциональном уровне» [5, с. 179].

Особого внимания в этой связи заслуживают сильные позиции текста: название, абсолютный конец и абсолютное начало. Три небольших предложения, составляющие первый абзац, являются своеобразным дверным проёмом, через который мы «входим» в пространство шаламовского рассказа. Расширяющаяся перспектива этого художественного пространства задаётся на формальном уровне приёмом градации и осуществляется синтаксическими средствами. Прочно сшитые, скреплённые в терцину не только содержательно-синтаксическими связями,

но и стилистической фигурой анафоры, эти предложения создают в тексте поэтическое звучание, контрапунктируя на композиционном уровне с размером дантовской «Божественной комедии», всецело состоящей из терции: «Мы суеверны. Мы требуем чуда. Мы придумываем себе символы и этими символами живём» [10, с. 277].

Грамматическая градация, в первую очередь, важна как предчувствие семантической, которая под влиянием авторской «мифологизации», будет осуществлена в семиотическом измерении текста, в наращении смыслов через диалог с голосами прошлого и с читателем. В. Шаламов дважды указывает на это в последнем предложении первого абзаца, говоря о сотворении символов и их жизнеутверждающем бытии.

Название рассказа – генитивная метафора, однако прочитывать её нужно не только в тропеическом, но и в метатропеическом ключе. С помощью заглавия автор означает криптограмму «генетического кода» метатропа, ДНК своей ментальной конструкции, обращаясь к эпизодической, семантической, вербальной памяти, он манифестирует метаметафору «воскрешения» («читающий, да разумеет!» (Мф. 24:15)) [11], задаёт вектор курсирующему в обе стороны концептуальному маршруту «слово – образ – ситуация».

Заголовок рассматриваемого нами произведения В. Шаламова «Воскрешение лиственницы» одноименен названию сборника его колымских рассказов. Структура пятого цикла рассказов устроена так, что номинатив «Воскрешение лиственницы» занимает сильную позицию и в композиционном устройстве всего сборника. Все тридцать (sic!) рассказов цикла помещены между названием и одноимённым рассказом, замыкающим третий десяток. Такое *inclusio* устроенное по принципу резонаторного ящика, организует благодатную акустическую среду, в которой эхо интертекстуальных «отголосков»¹ [12] обретает особую чёткость и громкость звучания. В этом резонирующем пространстве, созданном при помощи повторения названия цикла в названии последнего рассказа, отчётливо звучат, сходящиеся в единой точке, заключительные слова: «...будут вдыхать её [лиственницы] запах – не как память о прошлом, но как живую жизнь» [10, с. 280]. Таким образом, словосочетание «живая жизнь» не тавтологический повтор, но квинтэссенция метаметафоры «воскрешения», вторая часть метафорического уравнения, заданная автором поверка алгеброй гармонии.

После рассмотрения композиционного построения сборника, обратимся к анализу сочетания «воскрешение лиственницы». Значение отглагольного суще-

ствительного «воскрешение» имеет вид имени действия (*nomen actionis*) и близко к выражению действия как предмета. В нём оживает идея единства слова и дела, как неразложимого сочетания «сказано – сделано». Лексическое значение «воскрешения» уточняется, расширяется, раскрывается автором, во-первых, за счёт слов синонимического ряда: *оживление, возрождение, бессмертие* – и, во-вторых, благодаря длинному перечню антонимов. Словоформы «воскрешения» и однокоренные ему слова используются в тексте рассказа 9 р., в то время как *бессмертие* и его однокоренные используются лишь 4 р., *оживление* – 2 р. и *возрождение* – 1 р.

Важными составляющими семантического комплекса метаметафоры «воскрешения» наряду со словом *чудо* являются лексические маркеры *сила* и *вера*. Существительное *сила* встречается в тексте 9 р. (в четырёх случаях из девяти речь идёт о силе, благодаря которой воскрешение становится реальным), а существительное *вера* – 2 р. *Сила* (иногда в мн.ч.) характеризуется автором как «духовная» – 2 р., «иная» – 1 р., «тайная» – 2 р. *Вера* всегда употребляется в сочетании с лексемой *сила* и выступает в значении «необходимое условие чуда воскрешения», поскольку согласно тексту: «Для воскрешения нужна сила и вера» [10, с. 279]. С семантическим комплексом «воскрешения» тесно связан и концепт «Смерть», репрезентантами которого в рассказе являются лексемы: *смерть, смертельный, мёртвый, мертвец, умерший*. В общей сложности слова этого ряда встречаются в «Воскрешении лиственницы» 13 раз. Данная лексика является важной частью религиозного дискурса и прочно связана с «комбинаторной памятью» слова *воскрешение*. Эту взаимосвязь можно увидеть, к примеру, в известном пассаже «Послания к Филиппийцам»: «И найтись в Нём не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая *через веру* во Христа, с праведностью от Бога *по вере*; чтобы познать Его, и *силу воскресения* Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь *смерти* Его, чтобы достигнуть *воскресения мёртвых*» (Фил. 3:9–11) [11].

В художественном пространстве рассказа В. Шаламова благодаря действию веры и тайных, духовных сил ветка лиственницы обретает возможность превозмочь смерть. Её воскрешение становится возможным, однако чудо не происходит в одночасье: между временем, когда ветка была поставлена в воду и временем чуда воскрешения «проходит *три дня и три ночи*» [Шаламов]. Используемый здесь маркер интертекстуальности – неатрибутированная цитата – с лёгкостью поддаётся декодированию. Читатель может услышать в словах В. Шаламова «отголосок» Нового Завета, являющийся, в свою очередь, «отголоском» Ветхого: «ибо как Иона был во чреве кита *три дня и три ночи*, так и Сын Человеческий будет в сердце земли *три дня и три ночи*» (Мф. 12:40 ср. Иона 2:1) [11]. Память читающего способна напомнить ему,

¹ В отличие от Н.А. Фатеевой, которая определяет семиотический опыт, оставленный одним сознанием на другое, как «след», мы, идя за Hollander и его работой «The Figure of Echo», будем использовать термин «отголосок». Такое предпочтение сделано в силу целого ряда факторов, одним из которых является гармонизация ключевых терминов, играющая важное значение для нас, например, «контрапункт», «полифонизм» и т.д.

что «три дня и три ночи» – явление семиотической природы, и в этом смысле воскрешение лиственницы является символом.

Интересно функционирует в рассказе звуковая память слова, реализуясь через двойную паронимическую аттракцию. В. Шаламов постоянно говорит о силе и вере, используя для этого анаграммирование: «человек на Дальнем СеВЕРЕ... поСЫЛАет ВЕТКУ ЛИСтВЕНницЫ, мЕРтВУю ВЕТКУ живой пРиРодЫ» [10, с. 277], «ЛИСтВЕНница живёт где-то НА сеВЕРЕ» [10, с. 278], «с грустной свой СИЛОЙ и ВЕРОЙ. ЛИСтВЕНница, ВЕТКА котоРой оЖИЛА» [10, с. 278], «ЛИСтВЕНница – дЕРЕВо» [10, с. 279] и т.д. Слова *лиственница* (употреблено в тексте 31 р.), *ветка* (21 р.), *дерево* и его производные (8 р.), *север* (8 р.) формируют лексико-семантический каркас текста.

Для демонстрации специфики развёртывания метафоры важен анализ функционирования символов, их встроенность в образную систему рассказа. В связи с этим особый вес приобретают индивидуально-авторские трансформации-наращения, возникающие в процессе диалога конкретного автора с традицией.

Важно отметить, что религиозный мотив «воскрешения» трансформируется у В. Шаламова в поэтический. Поэтическое подаётся им как сакральное. Тайна богодуховенности, присущая в религиозном дискурсе Священному Писанию, у Шаламова используется по отношению к поэтическому. Хотя фигура Христа, спустившегося в Ад и поднявшегося из Ада, несомненно, важна для автора «Воскрешения лиственницы», всё же центральное место он отводит двум другим героям античности – Орфею и Плутону. У Шаламова, в отличие от Данте, художественная система существенно смещается от религиозного к мифо-поэтическому, он акцентирует внимание на поэтическом в пророческом, а не наоборот. Двух этих авторов Ада роднит творческая судьба: путь к поэзии через горький опыт изгнания и ссылки. В рассказе В. Шаламова лиственница оживает в квартире вдовы поэта, воскрешение происходит «в годовщину смерти на Колыме мужа хозяйки, поэта» [10, с. 277]. Без поэтического воскрешения невозможно. «Я тоже ставил ветку лиственницы в банку с водой: ветка засохла, стала безжизненной, хрупкой и ломкой – жизнь ушла из нее. Ветка ушла в небытие, исчезла, не воскресла. Но лиственница в квартире поэта ожила в банке с водой» [10, с. 279]. Концептуально-ситуативные переплетения метафоры «воскрешения» связаны у Шаламова с насильственной смертью и мученичеством. В рассказе они реализуются при помощи аллюзии к культурным прецедентам: к топониму *Чёрная речка* и антропониму *Наталья Шереметьева-Долгорукова*. Лиственница живёт ближе всех «к Чёрной речке», лиственница видела «смерть русского поэта», она «ровесница *Натальи Шереметьевой-Долгоруковой*», она свидетельствует «о её горестной судьбе», она «видела

смерть Натальи Долгоруковой» [10]. Одновременно, прибегая к известным прецедентным именам прошлого, автор рассказа выводит антиномию подлинному сакральному творчеству, растущему, как у Пушкина и Шереметьевой, из мученичества. В качестве противопоставления он изображает творчество нарочито религиозное, псевдомученическое, не знающее подлинных мук изгнания, творчество, признанное и овеянное славой ещё при жизни авторов – «риторику моралиста Толстого и бешеную проповедь Достоевского» [10, с. 278]. Да, у Достоевского были «Записки из мёртвого дома», а у Толстого было «Воскресение», но всё это, согласно В. Шаламову, – симулякры мученичества и воскрешения. Автор рассказа разворачивает внутри специально созданной им таксономической модели символов антиномию – «живая жизнь» (подлинное) и её симулякры. Оппозиция богодуховенного и небогодуховенного (действительное и его подмена) создаётся автором не только отсылкой к прецедентным именам.

На лексическом уровне рассказа группа фитонимов и дендронимы создают определённую архетипичную образность. Данные элементы лексической структуры текста обеспечивают развёртывание метафоры «воскрешения». Первую оппозицию ветке лиственницы составляют букеты черёмухи и сирени. Антитеза действует в двух измерениях: во внешнем, сущностном, эссенциальном и во внутреннем, экзистенциальном. Сосредоточимся на первом из них. Противопоставление антуража, хронотопа бытия, очевидно: ветка лиственницы жила в диких нечеловеческих условиях, в пространстве Дальнего Севера, ветки черёмухи/сирени – жительницы средней полосы России, красующиеся под окнами домов и дач, их пространство окультурено, «приручено» человеком. Время лиственницы – бесконечная зима, царство вечной мерзлоты, её лето обманчиво и холодно, время черёмухи/сирени – солнечная весна. Условия бытия лиственницы абсолютно инаковы, их трансформация не существенна даже при перемещении ветки из открытого пространства Дальнего Севера в ограниченный стенами, замкнутый быт московской квартиры (табл.). Надо сказать, что противопоставление ветки лиственницы веткам сирени/черёмухи используется Шаламовым дважды, однако задаётся оно автором по трём разным имманентным признакам, в первом случае антитеза работает на уровне символики запаха и цвета, во втором – символики звука, но об этом несколько позже.

Касаясь вскользь ситуативов, отметим следующую важную антитетическую составляющую: букеты черёмухи/сирени вянут, увядают, сохнут, т.е. переходят от жизни к смерти, а ветка лиственницы, «*иссушенная, продутая ветрами... мятая, изломанная... жёсткая, костистая*» [10, с. 277], воскресает, т.е. переходит от смерти к жизни.

Вторую оппозицию лиственнице составляют яблоня и берёзка. Архетипический мир этих образ-

Уровни развёртывания антитезисы

Лиственница	Черёмуха/сирень
«консервная банка» [10, с. 277]; «равнодушная стеклянная банка» [10, с. 277]	[ваза]
в «холодной, чуть согретой воде» [10, с. 277]; в «злой хлорированной обеззараженной московской водопроводной водой... московская мёртвая водопроводная вода» [10, с. 277]	«в горячую воду» [10 с. 277]
просто «ставят» [10, с. 277]	«ставят... расщепляя ветки и окуная их в кипят-ток» [10, с. 277]

символов необычайно богат, благо и претекст и ситуатив (и прототекст и протоситуатив), в контексте которых следует декодировать данную антитезу очерчены автором при помощи щедро развёрнутой аллюзии – отсылке к дереву познания добра и зла, которое определяется Шаламовым как «стоящее в райском саду до изгнания Адама и Евы» [10, с. 279]. Русское визуальное искусство, в частности иконографическая традиция и рисованный лубок, очень часто представляет яблоню как дерево познания добра и зла. Так, к примеру, в Лицевой библии XVIII, в подписи под соответствующей иллюстрацией, сказано в форме вирши: «Зміи ветхий вшедь взмія еву искушаеть / злымъ совѣтомъ лукавыи кгрѣху увѣщеваеть, / будете яко бози врагъ ей глаголаше / взяла ева яблоко и адаму даше» [13, с. 260]. Это поверье также нашло отражение в многочисленных фразеологизмах: «райское яблоко», «Адамово яблоко» и т.д.

В приводимых антитезах важна протоситуация посредничества, выраженная в ряде ситуативов рассказа. В первом противопоставлении в роли медиатора выступает хозяйка квартиры, которая получает отправленную авиапочтой «мёртвую ветку живой природы» [10, с. 280] и ставит её в воду. Во втором противопоставлении в качестве посредников выступают образы яблони и берёзки, как отмечает Т.А. Агапкина: «В восточнославянских сказках яблоня выступает в роли чудесного помощника... сестра отправляется спасать своего брата, найти его помогают кот, яблоня, березка, печь, дверь и т.д.» [14, с. 367]. Именно в посредническом ключе, в качестве медиатора берёзка неоднократно упоминается в фольклоре. Это, к примеру, можно увидеть в украинской загадке, построенной на мотиве секуляризации сакрального, введении символики святого в быт повседневности, где используется мотив передачи евхаристических образов – даров благодати, совершающийся в таинстве причастия: «Біла – білява перед Богом стояла. – / Боже мій милий, моє тіло рубають, / А кров мою п'ють!». Что же касается интертекстуального заданного контекста, то в Эдемском саду такими медиаторами выступили сначала Змей, а потом – Ева, а в «Божественной комедии» Данте – Вергилий и Беатриче, однако женская фигура для Шаламова несопоставимо важнее. В первом случае

таковой была хозяйка, во втором – яблоня и берёзка, образы с нарочито подчеркнутой семейственностью. Это справедливо и по отношению к обильно плодородящей яблони, и, в особенности, по отношению к берёзке, что подчеркнуто использованием суффикса, выражающего названную эмоционально-экспрессивной окраску. В третьем случае – образ Евы и, наконец, крайне важный, сильный, яркий, потрясающий образ посредничества, как действенного медиатора живой жизни, наполненный гиноцентричным смыслом, приведённый Шаламовым в конце рассказа, где «человек и его жена удочерили девочку – заключённую девочку умершей в больнице женщины» [10, с. 279]. Декодируя язык художественной образности автора, его мыслительные комплексы в рамках поля интертекстуальных связей, мы соприкасаемся с живым голосом авторского сознания, вступающим в диалог с многоголосой традицией времен.

Третью оппозицию лиственнице составляют растения Колымы, цветы и кустарники единого с ней пространства и времени: «розовый, грубо вылепленный ландыш, огромные, с кулак, фиалки, худосочный можжевельник, вечнозеленый стланник» [10, с. 279]. В этом мире Дальнего Севера, будь то Берёзов или Магадан, как и в средней полосе России, есть свои симулякры, свои муляжи, свои «правдоподобные подобию» [10, с. 57]. В. Шаламов проводит сопоставление по целому ряду признаков: символике цвета, символике звука, символике запаха, используя одоративную лексику. Автор говорит о нерасторжимом единстве этих символических измерений, хотя в процессе анализа и рассматривает их в отрыве друг от друга: «Запах лиственницы был слабым, но ясным, и никакая сила в мире не заглушила бы этот запах, не потушила этот зеленый свет и цвет». Или ещё: «Запах переходил в цвет и не было между ними границы» [10, с. 278]. Однако именно запах является ключевым, наиболее информативным, семантически нагруженным сегментом символа. Лексема «запах» встречается в рассказе 17 р., глагол «пахнуть» – 3 р., и единожды глагол «запахнуть». Наибольшая концентрация лексем обоняния наблюдается в нескольких абзацах данного противопоставления – 10 словоупотреблений из 21. Именно запах отличает листвен-

ницу от других растений Колымы, именно своим «смутным... скипидарным запахом», наполняющим тамошние леса, отличается она от прочих колымских растений, которые «не имеют запаха». С одной стороны, как отмечает автор, «кажется, что это запах тленья, запах мертвецов», но при более внимательном, вдумчивом рассмотрении приходит понимание, «что это запах жизни, запах сопротивления северу, запах победы» [10, с. 279]. Эта бинарная оппозиция ассоциативного уровня, проводимая между первым впечатлением и реальным положением, между кажущимся и действительным – есть ключ к пониманию ольфакторной образности Шаламова, важный элемент исследуемой нами мозаики метаметафоры «воскрешения». Запах лиственницы – это воспринимаемое органами чувств и потому реальное свидетельство её воскрешения. В. Шаламов не заставляет нас теряться в догадках относительно его интерпретации символа «запах», автор бережно вручает читателю интертекстуальный ключ: «Слабый настойчивый запах – это был голос мёртвых» [10, с. 278]. Запах – не что иное, как символ души. В Апокалипсисе Иоанна Богослова есть два показательных эпизода, в первом из которых мы видим «под жертвенником души убиенных» мучеников, взывающих к Господу, требуя правосудия (Откр. 6:9) [11]; во втором – вдыхаем возносящийся от жертвенника дым фимиама, который истолковывается как голос: «золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых» (Откр. 5:8) [11] и «вознёся дым фимиама с молитвами святых» (Откр. 8:3,4) [11]. Таким образом, благовонное курение, наполняющее сакральное пространство храма, жертвенный запах восходящий вверх, есть не что иное, как голос невинно убиенных. И голос этот услышан, и жертва их принята, и они оправданы, а значит, и будут воскрешены.

В мире Дальнего Севера есть ещё одно растение, источающее запах: «На Колыме пахнет только горный шиповник – рубиновые цветы» [10, с. 279]. Символика шиповника соотнесена с символикой лиственницы по признаку аромата, а, следовательно, это не симулякр живого, однако шиповник имеет в тексте ряд других характеристик. Если мы прибегнем к языку ботанических номинаций, к латинским фитонимам, то выясним, что шиповник на латыни *Rosa*, и относится он к семейству *Rosaceae* (Розовые), порядку *Rosales* (Розоцветные). В символическом мире «Божественной комедии» роза является цветком Девы Марии, но в русской картине мира она символизирует Христа. Об этом, к примеру, говорится в знаменитой «Легенде» Плещеева, являющейся переводом англоязычного стихотворения «*Roses and thorns*» («Розы и шипы»): «Был у Христа-младенца сад, / И много роз взрастил он в нём...» [14, с. 351]. Заметим, розы в оригинальном стихотворении, охарактеризованы как «*gareandred*» («редкие и красные»). Забота о розах оборачивается мученичеством, вместо цветов Христа достаются шипы и тернии. Подобно

и А. Блок в своей поэме «Двенадцать» связывает воедино Христа и розы. Наиболее интересной параллелью с шаламовским текстом в данном аспекте сравнения является сказка Ганса Христиана Андерсена «Снежная королева». Она фигурирует в «Воскрешении лиственницы» в качестве неатрибутированной аллюзии, причём взаимодействие между двумя этими текстами несомненно, поскольку оно происходит на вербальном, композиционном и тематическом уровнях. Сказка разворачивается вокруг постижения звучащего рефреном мотива, в котором образ роз крепко-накрепко соединён с образом Христа. Смысл обретается лишь в борьбе со Снежной Королевой, Ледяной Девой, являющейся в скандинавских легендах персонификацией смерти. В поисках Кая Герда попадает в таинственный цветник, в нём розы оказываются сокрытыми колдуньей. Так что шиповник, роза, как и лиственница, в христианской религиозной традиции символизирует мучеников [16]. В отличие от ветки лиственницы, которая из песчаной «светло-коричневой» в результате метаморфозы воскрешения выпускает на свет «новые, молодые, ярко-зелёные иглы свежей хвои», на диком шиповнике растут «рубиновые цветы», т. е. шиповник обозначает живых мучеников, в отличие от невинно убиенных мучеников лиственницы. [10, с. 279].

Заключение. Итак, мы видим, как глубинные функциональные зависимости, реализующиеся на операциональном уровне языка и диагностируемые при помощи соответствующих маркеров, структурируют ментальную модель мира автора. В исследуемом нами рассказе Варлама Шаламова таковым метатропом является концептуальная метаметафора «воскрешение», широко развёрнутая в референтивно-мыслительных комплексах, внутри которых её многочисленные «пучки смыслов», подобно аксонам и дендритам интертекстуальности образуют сложную сеть диалогичных связей. Декодируя код иносказания, звучащий в метапространстве смыслов, первично воспринимаемый как некое *déjà lu*, читатель, с одной стороны, соприкасается с семантическими константами, закрепившимися в традиции толкования, а с другой – сталкивается с индивидуально-авторскими трансформациями смыслов. О последнем Х. Блюм говорит, как о локусе *ἄρῶν* поэта с традицией (что отчасти справедливо), который «протекает как перечитывание первого поэта, как творческое исправление» [17, с. 29]. Таким авторским смысловым наращиванием в метаметафоре «воскрешение» является шаламовская интерпретация божественности поэтического дара, заданного через оппозицию – симулякры и сама живая жизнь, чья действительная сила и вера способны возродить мёртвое.

Литература

1. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 280 с.

2. Фатеева, Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке / Н.А. Фатеева. – М.: НЛЮ, 2003. – 400 с.
3. Коринь, С.Н. Метаметафора в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов / С.Н. Коринь // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 марта 2018 г. / БГУ, фак-т социокультурных коммуникаций; редкол.: Е.А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 39–44.
4. Коринь, С.Н. Метаметафора в немецкоязычном художественном дискурсе / С.Н. Коринь // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е.А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 20–25.
5. Оксенчук, А.Е. Интертекстуальный анализ: истины и заблуждения / А.Е. Оксенчук // Романо-германская филология в контексте гуманитарных наук: междунар. сб. науч. ст. / М-во образования Респуб. Беларусь; Полоц. гос. ун-т; редкол.: А.А. Гугнин [и др.]. – Новополоцк: ПГУ, 2011. – С. 44–47.
6. Оксенчук, А.Е. Интертекстуальный анализ концептуального метатропа «Раненая птица» (в рассказах В. Шаламова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Л. Улицкой) / А.Е. Оксенчук // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; под науч. ред. В.Ю. Боровко, Е.В. Крикливец. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 179–182. URL: <https://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/22709>.
7. Ранчин, А.М. «Метаметафора» в поэзии Иосифа Бродского / А.М. Ранчин // Русская филология: учёные записки Смоленского государственного университета. – 2015. – Т. 16 – С. 160–165.
8. Богданенков, А.С. Специфика употребления префикса *metà* в неологизме метаметафора / А.С. Богданенков // Мир детства в современном образовательном пространстве: сб. ст. студентов, магистрантов, аспирантов / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – Вып. 13. – С. 408–409.
9. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
10. Шаламов, В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. / В.Т. Шаламов. – М.: Книжный клуб Книгоvek, 2013. – Т. 2. – 512 с.
11. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – М.: РБО, 2002. – 1228 с.
12. Hollander, J. The Figure of Echo: A Mode of Allusion in Milton & After. / J. Hollander. – Berkeley: University of California Press, 1981. – 155 p.
13. Ровинский, Д.А. Русские народные картинки: в 5 кн. / Д.А. Ровинский. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1881. – Кн. 3. – 751 с.
14. Агапкина, Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки / Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 2019. – 656 с.
15. Плещеев, А.Н. Полное собрание стихотворений / А.Н. Плещеев. – Л.: Совет. писатель, 1964. – 434 с.
16. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейа, 2000. – 347 с.
17. Блум, Х. Страх влечения. Карта перечитывания / Х. Блум. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 364 с.

Поступила в редакцию 05.09.2022

Семантические группы глаголов в форме длительного вида в англоязычной прозе: диахронический аспект

Динькевич А.В.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

В статье исследуются глаголы, использовавшиеся в форме длительного вида в новоанглийский период (XVIII–XX вв.), когда происходит ее закрепление в грамматической системе английского языка.

Материал и методы. *Использованы методы сплошной выборки, семантического анализа и количественных подсчетов.*

Результаты и их обсуждение. *По конкретной (определяемой по контексту) семантике глаголы принадлежат к лексико-семантическим группам динамических (а именно, деятельности, процессуальной семантики, физических ощущений, изменения состояния, мгновенного действия) и статальных (непроизвольного чувственного восприятия, эмоционального состояния, желаний и волеизъявления, непроизвольной умственной деятельности/восприятия, объективного отношения) глаголов. В представленном материале преобладают глаголы динамической семантики. Однако при этом возрастает количество употреблений в форме длительного вида статальных глаголов.*

Заключение. *В исследуемый период в форме длительного вида употребляется широкий спектр глаголов как по видовой принадлежности, так и по лексической семантике. Преобладающее количество динамических глаголов указывает на закрепление за формой длительного вида грамматического значения процессуальности действия. Растущее же количество примеров статальных глаголов отчетливо свидетельствует о тенденции к выражению данной формой коннотативных, экспрессивных значений.*

Ключевые слова: *глагол, форма длительного вида, новоанглийский период, диахрония, динамические глаголы, статальные глаголы.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 102–105)

Semantic groups of verbs in continuous forms in the English language prose: a diachronic aspect

Dinkevich A.V.

Education Establishment "Mogilev State A.A. Kuleshov University", Mogilev

The article examines the verbs used in the Continuous form during the Modern English period (XVIII–XX centuries), when the abovementioned form was in the process of its fixing in the grammatical system of the English language.

Material and methods. *Methods of continuous sampling, of semantic analysis and quantitative calculations.*

Findings and their discussion. *According to specific (contextually revealed) semantics, the verbs belong to the lexico-semantic groups of dynamic (namely, activity, procedural semantics, physical sensations, state changes, instantaneous action) and stative (involuntary sense perception, emotional state, desire and expression of will, involuntary mental activity / perception, objective attitude) verbs. Dynamic verbs prevail in the material under study. At the same time, the number of uses of stative verbs in the Continuous form increases.*

Conclusion. *In the period under study, a wide range of verbs is used in the Continuous form, both in terms of their aspect and lexical semantics. The prevailing number of dynamic verbs indicates that the Continuous form acquires the grammatical meaning of the action in its process of developing. At the same time the growing number of examples of stative verbs clearly indicates a tendency of this form towards the connotative, expressive meanings.*

Key words: *verb, Continuous form, Modern English period, diachrony, dynamic verbs, stative verbs.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 102–105)

Среди всех грамматических категорий глагола именно категория вида является наиболее тесно связанной с его лексическим значением. В английском языке видовая семантика глагола играет важную роль, являясь одной из составляющих в определении значения форм длительного вида (Continuous forms). Лингвисты предпринимают попытки определить частотность и состав глаголов, которые употребляются в форме длительного вида в современном английском языке [1, р. 470–475]. Однако в работах отсутствует трактовка значения в зависимости от видовой семантики глагола и разделения глаголов по их видовой семантике на статальные и динамические, на релевантность которой для определения значения форм длительного вида указывают авторы современных грамматик английского языка [2, р. 266; 3, р. 168–171]. Исследование глаголов в форме длительного вида в диахроническом аспекте важно для определения особенностей становления и развития указанной глагольной формы, однако данный аспект еще не получил освещения в рамках лингвистических изысканий.

Цель статьи – выявление глагольных групп, использовавшихся в форме длительного вида на протяжении новоанглийского периода (XVIII–XX вв.) авторами английских художественных произведений, в то время, когда происходило становление и развитие грамматической семантики рассматриваемой глагольной формы.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили примеры предложений, содержащие формы длительного вида, которые были отобраны методом сплошной выборки из английской прозаической художественной литературы XVIII–XX вв. Общее количество примеров составило 14490 употреблений. При анализе глаголов в форме длительного вида использовались методы семантического анализа и количественных подсчетов.

Результаты и их обсуждение. Количественный анализ употребления форм длительного вида в отобранных для анализа произведениях в целом позволил установить значительный рост общего числа сказуемых в форме длительного вида (с 0,5 случаев употребления на страницу текста в произведениях XVIII века до 2,4 случаев – в произведениях второй половины XX века). Как видно, общее количество глагольных форм длительного вида в прозаических произведениях неуклонно возрастает (так, в течение исследуемого периода употребление форм длительного вида возросло почти в 5 раз), что указывает на непрерывное развитие данной глагольной формы в новоанглийский период.

В ходе анализа из отобранных художественных текстов было извлечено 625 глаголов: 573 динамических и 52 статальных. Результаты количественного анализа свидетельствуют о том, что на протяжении новоанглийского периода в прозаических текстах в форме длительного вида преимущественно употребляются динамические глаголы: 96,1% от всех употреблений глаголов в форме длительного вида, в XVIII веке, 95,4% – в XIX веке и 94,7% – в XX веке.

Для анализа семантики отобранных динамических глаголов мы прибегли к классификации глаголов,

основанной на типологии, предложенной Р. Кверком и С. Гринбаумом [4, р. 46–47].

С точки зрения лексического значения в отобранных для анализа прозаических текстах XVIII–XX веков в форме длительного вида употребляются глаголы следующих лексико-семантических групп:

1) деятельности:

а) физической: *act* ‘действовать’, *build* ‘строить’, *dance* ‘танцевать’, *dress* ‘одеваться’, *eat* ‘есть’, *labour* ‘работать’ и другие;

б) умственной: *brood* ‘размышлять’, *consider* ‘рассматривать’, *ponder* ‘обдумывать, взвешивать’, *think* ‘думать, размышлять’ и другие;

в) речевой: *ask* ‘просить, спрашивать’, *comment* ‘комментировать’, *debate* ‘спорить’, *speak* ‘говорить’, *talk* ‘говорить’ и другие;

г) передвижения: *approach* ‘подходить’, *come* ‘приходить’, *enter* ‘войти’, *follow* ‘следовать’, *go* ‘идти’, *run* ‘бежать’, *walk* ‘идти пешком, прогуливаться’ и другие;

2) процессуальной семантики: *burn* ‘гореть’, *grow* ‘расти, становиться’, *lie* ‘лежать’, *sit* ‘сидеть’, *sleep* ‘спать’, *stand* ‘стоять’, *smile* ‘улыбаться’, *wait* ‘ожидать’ и другие;

3) физических ощущений: *faint* ‘быть в обморочном состоянии’, *tremble* ‘дрожать’, *starve* ‘голодать’, *breathe* ‘дышать’ и другие;

4) изменения состояния: *arrive* ‘приезжать’, *fill* ‘наполнять’, *lock* ‘запирать’, *turn* ‘поворачиваться’ и другие;

5) мгновенного действия: *jump* ‘прыгнуть’, *strike* ‘ударить’, *tap* ‘постукивать’ и другие.

Как видно из приведенной типологии динамических глаголов, их тематика достаточно разнообразна. Учитывая большое количество зафиксированных в нашем материале динамических глаголов (573), мы ограничили наше исследование подсчетом процентной доли случаев употребления каждой из выделенных групп в целом.

Результаты количественного анализа показали, что в выборке динамических глаголов в форме длительного вида из проанализированных произведений общим числом 13765 употреблений (что составляет 100%) преобладают глагольные лексемы со значением физической деятельности (37,3%) и передвижения (31,6%); с меньшей частотностью употребляются процессуальные глаголы и глаголы речевой деятельности (10,4% и 9,5% соответственно). Еще менее частотными являются глаголы умственной деятельности (4,2%), физических ощущений (3,6%), что можно объяснить жанровыми особенностями прозы, в которой основное внимание автор уделяет описанию действий персонажей. Наименьшая частотность отмечена у глаголов изменения состояния (2,1%) и глаголов мгновенного действия (1,3%).

Как отмечают Р. Кверк и С. Гринбаум, под влиянием грамматического значения формы длительного вида меняется лексическое значение глаголов [4, р. 46]. Например, глаголы в форме длительного вида приобретают более конкретные аспектуальные оттенки значения: инхотативность, незаконченность, итеративность, переход из одного состояния в другое и т.д., что приводит к постулируемому «выпадению» целых групп

глаголов из категории вида (статальных, реляционных, модальных). Несмотря на то, что в сложившейся практике обучения последовательно запрещается употреблять в форме длительного вида статальные глаголы, выражающие непроизвольные чувства, эмоции, мнения, анализ выявил употребление данных глаголов в форме длительного вида в прозе, начиная еще с XVIII века. Согласно полученным нами данным, статальные глаголы в форме длительного вида в XVIII веке употребляются еще достаточно редко (53 употребления статальных и 1296 динамических глаголов), но в XIX веке наблюдается рост числа статальных глаголов в указанной форме (126 статальных и 2734 динамических глагола), а в пределах XX века количество статальных глаголов в прозе возрастает более, чем в полтора раза (с 201 употребления в первой половине до 345 употреблений во второй половине XX века). При этом, ввиду абсолютного преобладания длительных форм динамических глаголов (около 95%), динамика роста их употребления практически совпадает с динамикой роста употребления всех форм длительного вида (в 2,1 раза в XIX веке, в 1,5 и 1,4 раза в первой и второй половинах XX века). Динамика роста употребления длительных форм статальных глаголов более интенсивная: в прозе XIX века было отмечено в 2,4 раза больше случаев, чем в XVIII веке, в первой и второй половинах XX века употребление данных форм увеличилось соответственно в 1,6 и 1,7 раза. В целом к концу исследуемого периода употребление статальных глаголов в форме длительного вида в прозаических произведениях увеличилось в 6,5 раз (с 53 случаев в XVIII веке до 345 случаев во второй половине XX века), в то время как динамические глаголы стали употребляться в форме длительного вида в 4,3 раза чаще (с 1296 случаев до 5621).

В нашем материале обнаружено 52 статальных глагола. Согласно классификации глаголов Р. Кверка и С. Гринбаума [4, р. 46–47], выявленные нами статальные глаголы относятся к следующим группам:

1) глаголы непроизвольного чувственного восприятия: *feel* ‘чувствовать’, *hear* ‘слышать’, *look* ‘выглядеть’, *notice* ‘замечать’, *see* ‘видеть’, *smell* ‘чувствовать запах’, *sound* ‘звучать’;

2) эмоционального состояния: *deserve* ‘заслуживать’, *desire* ‘желать’, *despair* ‘отчаиваться’, *despise* ‘презирать’, *dread* ‘бояться’, *envy* ‘завидовать’, *forgive* ‘прощать’, *hate* ‘ненавидеть’, *like* ‘нравиться’, *love* ‘любить’, *regret* ‘сожалеть’, *resent* ‘негодовать’, *wonder* ‘удивляться, хотеть знать’;

3) желания и волеизъявления: *expect* ‘ожидать, надеяться’, *have to* ‘быть вынужденным’, *hope* ‘надеяться’, *intend* ‘намереваться’, *let* ‘позволять’, *need* ‘нуждаться’, *suggest* ‘предлагать’, *want* ‘хотеть’, *wish* ‘желать’;

4) непроизвольной умственной деятельности/восприятия: *admit* ‘признавать’, *agree* ‘соглашаться’, *assume* ‘предполагать’, *consider* ‘считать’, *forget* ‘забывать, не помнить’, *guess* ‘предполагать’, *imagine* ‘представлять (себе)’, *mean* ‘иметь в виду, подразумевать’, *mind* ‘обращать внимание, считаться’, *misinterpret* ‘неправильно истолковать’, *misunderstand* ‘неправильно понять’, *presuppose* ‘предполагать’, *recognize* ‘узна-

вать’, *regard* ‘рассматривать, считать’, *remember* ‘помнить’, *think* ‘думать, полагать’, *understand* ‘понимать’;

5) объективного отношения: *be* ‘быть’, ‘принадлежать’, *concern* ‘касаться, иметь отношение’, *cost* ‘стоить’, *depend* ‘зависеть’, *remain* ‘оставаться’.

Частотность употребления статальных глаголов в форме длительного вида в прозе XVIII–XX вв. выглядит следующим образом: из общего количества 725 употреблений статальных глаголов в форме длительного вида (100%) наиболее частотными являются глаголы непроизвольного чувственного восприятия (47,1%) и глаголы эмоционального состояния (23,4%), менее частотными являются глаголы желания и волеизъявления (13,1%) и глаголы объективного отношения (11%), с наименьшей частотностью в форме длительного вида употреблялись глаголы непроизвольной умственной деятельности/восприятия (5,4%).

Как свидетельствуют полученные количественные данные, употребление форм длительного вида с некоторыми статальными глаголами становится более или менее частотным уже в XIX веке. Например, глагол *feel* ‘чувствовать’ зафиксирован в 22 случаях, *look* ‘выглядеть’ – в 13, а глагол *forget* ‘забывать’ – в 11 случаях.

В первой половине XX века употребление длительных форм ряда статальных глаголов в прозе обретает регулярный характер (например, глагол *feel* ‘чувствовать’ отмечен уже в 36 случаях, а глагол чувственного восприятия *look* ‘выглядеть’ – в 25 случаях).

В XX веке к зафиксированным случаям продолжают прибавляться новые примеры с глаголами, ранее не зарегистрированными в форме длительного вида. В исследуемом материале было выявлено окказиональное употребление в форме длительного вида следующих глаголов:

а) глаголы эмоционального состояния: *despair* ‘отчаиваться’, *despise* ‘презирать’, *dread* ‘бояться’, *envy* ‘завидовать’;

б) глаголы умственной деятельности/восприятия: *admit* ‘предполагать’, *agree* ‘соглашаться’, *mind* ‘обращать внимание, считаться’, *misinterpret* ‘неправильно истолковать’, *misunderstand* ‘неправильно понять’, *presuppose* ‘предполагать’, *regard* ‘рассматривать, считать’;

в) глаголы объективного отношения: *concern* ‘касаться, иметь отношение’, *depend* ‘зависеть’, *remain* ‘оставаться’.

Следует отметить употребление глаголов *have* и *want* в структурах *have smb do smth* и *want smb to do smth* ‘заставлять кого-либо выполнить что-либо’, глагола *let* ‘позволять’ в модальном значении и модального глагола *have to* ‘быть вынужденным, приходиться’. Например, *I'm letting it go on because I don't want to force you* ‘Я **позволяю** этому **продолжаться**, потому что не хочу силой заставлять вас’, [5]; *You're not still wanting Titus to go back* ‘Ты все-таки **не хочешь**, чтобы Тайтус возвращался’ [5]; *I could never get them out of it. I was having to chase them out all the time*, ‘Я не могла заставить их уйти оттуда. Мне все время **приходилось выгонять** их’ [6].

В проанализированных нами прозаических художественных текстах статальные глаголы в форме длитель-

ного вида употребляются авторами в контекстах с эмоционально-экспрессивной окрашенностью. Например,

а) в предложениях *Nay, my sweetest Catherine, this is being quite absurd!* ‘Ну, моя дорогая Катерина, это просто глупо!’ [7, р. 119]; *their sister-in-law, <...> was hoping for some delay on their part* ‘невестка, <...> надеялась, что они замешкаются’ [8, р. 253] присутствует оттенок осуждения;

б) в предложении *Poor gentleman! I wishes some ... hath not happened to him: for he hath been looking so melancholy all this morning* ‘Бедняжка! Боюсь, как бы с ним ничего не случилось: все утро он выглядит грустным’ [9, р. 271] передается сочувствие, участие;

в) в высказываниях *“Psha! My dear creature”, she replied, “do not think me such a simpleton as to be always wanting to confine him to my elbow”* ‘Фи, моя дорогая, не считайте, что я такая уж дурочка, чтобы все время держать его при себе’ [7, р. 118]. *‘I’m afraid you have been long desiring my absence <...>’* ‘Вы, должно быть, давно желаете моего ухода’ [10, р. 295] содержится упрек.

Все приведенные выше примеры были взяты из диалогической речи персонажей, что представляется объяснимым ввиду ее экспрессивного характера. При этом важным представляется тот факт, что со второй половины XVIII века авторы используют форму длительного вида не только в диалогах, но и в повествовании. Случаи употребления форм длительного вида стальных глаголов в авторском повествовании начинают отмечаться в прозе XVIII века с появлением линии психологизма в произведениях Дж. Остин. Например: *The repose of the latter became more and more disturbed; and her sister, who watched with unremitting attention her continual change of posture, and heard the frequent but inarticulate sounds of complaint which passed her lips, was almost wishing to rouse her from so painful a slumber* ‘А сон той становился все более тревожным, она металась на постели, жалобно стонала, и сестра, наблюдавшая за ней с неослабным вниманием, уже желала пробудить ее от столь тяжелой дремы’ [8, р. 306].

Вместе с тем в данной композиционной сфере прозаических произведений на протяжении исследуемого периода отмечается постепенное возрастание использования в длительной форме глаголов стальной группы (0,38%) в XVIII веке, 2,7% в XIX веке и 2,8% в XX веке. К концу новоанглийского периода в авторском повествовании в форме длительного вида представлены достаточно разнообразные по своему лексическому значению стальные глаголы. Более того, как следует из полученных данных, к концу XX века количество стальных глаголов в форме длительного вида в повествовательной части начинает преобладать над количеством примеров в диалогах персонажей: 202 и 143 примера соответственно.

Заключение. Суммируя полученные данные, отметим следующее: динамика употребления исследуемых форм в прозаических художественных текстах существенно возрастает на протяжении всего новоанглийского периода (XVIII–XX вв.) как в авторском повествовании, так и в диалогах персонажей. В прозе отмечается непрерывный рост количества употреблений в форме

длительного вида динамических и стальных глаголов, принадлежащих к разнообразным лексическо-грамматическим группам. Превалирующее количество динамических глаголов в форме длительного вида объясняется не только общим преобладанием числа динамических глаголов над стальными и в принципе в лексической системе языка, но и, по-видимому, процессом постепенного становления и закрепления в новоанглийский период за формой длительного вида системного грамматического значения длительности действия. В то же время растущее количество примеров форм длительного вида со стальными глаголами в нашем материале, очевидно, свидетельствует о возрастающей тенденции исследуемой формы к выражению коннотативных, экспрессивных значений. Увеличение к концу новоанглийского периода частотности употребления в авторском повествовании стальных глаголов в форме длительного вида в контексте художественного произведения подтверждает тенденцию употребления форм длительного вида для выражения напряженного эмоционального состояния героев.

Исследование выполнено в рамках подзадания «Направления и перспективы развития белорусскоязычного медийного дискурса в социокогнитивном освещении» (гос. регистрация № 20211504) задания «Белорусский язык в современном медийном пространстве и его функционирование в других коммуникативных сферах» подпрограммы «Белорусский язык и литература» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

Литература

1. Biber, D. The Longman grammar of spoken and written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – Harlow: Longman, 1999. – 1203 p.
2. Aarts, B. Oxford modern English grammar [Electronic resource] / B. Aarts. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 410 p. – Mode of access: <https://webeducation.com/wp-content/uploads/2018/12/Bas-Aarts-Oxford-Modern-English-Grammar-Oxford-University-Press-2011.pdf>. – Date of access: 07.07.2022.
3. Huddleston, R. The Cambridge grammar of the English language / R. Huddleston, G. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 1842 p.
4. Quirk, R. A Grammar of contemporary English / R. Quirk, S. Greenbaum. – Harlow: Longman, 1992. – 922 p.
5. Murdoch, I. The sea, the sea [Electronic resource] / I. Murdoch // Электронная библиотека RoyalLib.com. – Mode of access: https://royallib.com/read/Murdoch_Iris/The_Sea_the_Sea.html#0. – Date of access: 14.06.2022.
6. Drabble, M. The millstone [Electronic resource] / M. Drabble. – London: Penguin Books, 1968. – 180 p. // Internet Archive. – Mode of access: <https://archive.org/details/millstone00drab/page/88/mode/2up?q=chase>. – Date of access: 14.06.2022.
7. Austen, J. Northanger Abbey / J. Austen; afterword E. Hardwick. – New York; Scarborough: New Amer. Libr., 1965. – 221 p.
8. Austen, J. Sense and sensibility / J. Austen; introd. T. Tanner. – Harmondsworth: Penguin Books, 1977. – 371 p.
9. Fielding, H. The history of Tom Jones / H. Fielding; ed. R.C. C. Mitter. – Harmondsworth: Penguin Books, 1973. – 911 p.
10. Austen, J. Pride and prejudice / J. Austen; introd. T. Tanner. – Harmondsworth: Penguin Books, 1977. – 399 p.

Поступила в редакцию 09.11.2022

Разряды имени числительного по структуре в белорусском, английском и туркменском языках (сопоставительный аспект)

Дубинкина А.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье осуществлено рассмотрение белорусских, английских и туркменских числительных, входящих в различные структурные разряды.

Цель работы – исследование лингвистического «оформления» данной части речи в разноструктурных языках, которое более детально описывает сходства и различия изучаемых языков в сопоставительном аспекте, а также уточнение употребления терминов «простой», «составной», «сложный» в различных классификациях имени числительного по структуре.

***Материал и методы.** При проведении исследования привлекались наиболее авторитетные для каждого языка источники (чаще грамматики, словари), в которых дана общая частеречная характеристика имени числительного, описание его разрядов по семантике и структуре в трёх разноструктурных языках, приведены текстовые примеры с компонентами-числительными.*

Методы исследования – наблюдение, описание; филологический метод сопоставительного анализа.

***Результаты и их обсуждение.** Рассмотрение отобранных для анализа числительных проводилось по следующему алгоритму: анализ классификации числительных по структуре; характеристика структурных особенностей числительных различных семантических групп. Проведённый сопоставительный анализ позволил выявить как сходные, так и отличные характеристики исследуемых единиц, так сходств больше: в трёх языках наличествуют такие структурные типы имён числительных, как простые и составные.*

***Заключение.** Общим для белорусского и английского языков является наличие группы сложных числительных. Уникальная черта числительных туркменского языка есть группа парных числительных, выделение которой частично обусловлено редупликацией.*

Наши наблюдения подтверждают, что классификация числительных по структурному принципу в трёх языках частично совпадает, что свидетельствует об общности строения числительных в исследуемых языках. Полученные нами результаты могут быть использованы при осмыслении особенностей числительных не только в белорусском, английском и туркменском языках, но и в иных языках, в том числе и в разноструктурных.

***Ключевые слова:** имя числительное, разряд по структуре, белорусский язык, английский язык, туркменский язык, сопоставительный аспект.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 106–110)

Structural groups of numerals in the Belarusian, English and Turkmen languages (a comparative aspect)

Dubinkina A.O.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article examines Belarusian, English and Turkmen numerals included in various structural categories, the purpose of which was to study the linguistic "design" of this part of speech in different structural languages, which made it possible to describe the similarities and differences of the studied languages in a comparative aspect in more detail; as well as clarifying the use of the terms of simple, compound, complex in various classifications of the numerals by structure.

***Material and methods.** During the research, most authoritative sources for each language were involved (more often grammars, dictionaries), which gave a general part-of-speech characteristic of the numerals, a description of their categories in semantics and structure in three different structural languages, as well as text examples with components-numerals.*

General scientific methods were used in the research: observation, description; philological method of comparative analysis.

***Findings and their discussion.** Consideration of the numerals selected for analysis was carried out according to the following algorithm: analysis of the classification of numerals by structure; characterization of the structural features of numerals of various semantic groups. The comparative analysis made it possible to identify both similar and different characteristics of the studied units. Thus, there are more similarities: in the three languages there are such structural types of numerals as simple and compound.*

Conclusion. Common to the Belarusian and English languages is the presence of a group of complex numerals. A unique feature of the numerals of the Turkmen language is the presence of a group of dual numerals, the allocation of which is partly due to reduplication.

Our observations confirm that the classification of numerals according to the structural principle in the three languages partially coincides, which indicates the common structure of numerals in the languages studied. The results obtained by us can be used in understanding the features of numerals not only in the Belarusian, English and Turkmen languages, but also in other languages, including those with different structures.

Key words: the numeral, structural category, the Belarusian language, the English language, the Turkmen language, comparative aspect.
(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 106–110)

Имя числительное – часть речи, представляющая собой «класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счёте, кратности (повторяемости), совокупности» [1, с. 582–583].

На современном этапе развития лингвистических исследований имя числительное изучается в работах таких учёных, как А.Н. Полянский, Г.Г. Галич, Н.А. Беседина и др. Так, структурно-логического направления при описании имени числительного придерживаются Т.П. Ломтев в работе «Квантитативы современного русского языка» [2], А.А. Холодович «Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке» [3], фиксируя в основном структурные особенности числительных. А.А. Джакаева («Структурно-семантическая характеристика числительных в кумыкском языке в сопоставлении с английским») [4], Е.И. Избекова («Числительные в олонхо: структура и семантика») [5], Л.Д. Чеснокова («Категория количества и синтаксические структуры») [6] и др. рассматривают имя числительное в основном с двух ракурсов, а именно выявляют структурные и семантические особенности данной части речи.

Актуальность темы исследования определяется значительным ростом исследовательского интереса к языковым универсалиям, которые нашли отражение в каждой из сформированных конкретным языком систем частей речи с чётко организованными структурными элементами, в том числе, реализующихся посредством имени числительного – центра репрезентации количественных характеристик в белорусском, английском и туркменском языках.

Цель данной работы – более детально описать сходства и различия изучаемых разноструктурных языков в сопоставительном аспекте на примере лингвистического, в частности, структурного «оформления» такой части речи, как имя числительное.

Материал и методы. При проведении исследования привлекались наиболее авторитетные для каждого языка источники (чаще грамматики, словари), в которых дана общая частеречная характеристика имени числительного, описание его разрядов по семантике и структуре в трёх разноструктурных языках, приведены текстовые примеры с компонентами-числительными.

Методы исследования – наблюдение, описание; филологический метод сопоставительного анализа.

Результаты и их обсуждение. В зависимости от структуры белорусские числительные подразделяются на следующие виды:

– **простые** (простые) – числительные, имеющие одну корневую морфему, с одной основой (*чатыр-ы, тысяч-а*);

– **сложные** (складаныя) – числительные, которые выражены словами, состоящими из двух основ (*шэсць-дзясят, сем-сот*);

– **составные** (састаўныя), которые выражены сочетанием двух и более простых либо сложных числительных (*трыццаць дзевяць, чатыры шостыя, пяць цэлых і пяць дзясятых*) [7, с. 117; 8, с. 253; 9, с. 254].

Простые числительные бывают **производные** и **непроизводные**. Группу **простых производных** числительных составляют суффиксальные образования: *адзінаццаць – дзевятнаццаць, дваццаць, трыццаць; трэці – дваццаты, трыццаты, саракавы, соты; двое – дзесяцера; мала, нямала, нямнога, гэтулькі* и др. [8, с. 277–278]. К **простым непроизводным** числительным относятся слова с немотивированной основой, которая не имеет основы словообразования: *адзін – дзесяць, сорок, дзевяноста, сто, тысяча, мільён, мільярд, першы, паўтара, многа, шмат* и др. [8, с. 277].

К **сложным** числительным, которые имеют две основы, относится группа **количественных** числительных (*пяць-дзясят, шэсць-дзясят, сем-дзясят, восем-дзясят, дзв-е-ц-е, тр-ы-ст-а, чатыр-ы-ста, пяць-сот, шэсць-сот, сем-сот, восем-сот, дзевяць-сот; або-дв-а, аб-дзв-е*). Сложные числительные от 11 до 99 возникли путем сращения сочетаний простых числительных от 1 до 9.

«Састаўныя лічэбнікі – гэта назвы лікаў, якія больш за круглыя дзесяткі, сотні, тысячы і г.д.» [8, с. 276]¹. В таких составных названиях чисел, начиная с *дваццаці аднаго*, числительные комбинируются один с другим в порядке последовательности от чисел и цифр, от большего к меньшему. Составные числительные выражают одно понятие, т.е. называют одно число или обозначают точное место в порядковом ряду при перечислении. Составные части таких числительных не могут менять свою позицию, между ними невозможно поставить какое-либо слово, они объединены интонационной целостностью. «Састаўныя лічэбнікі, якія заканчваюцца словамі *тысячны, мільённы* і г.д., утвараюцца з форм роднага склону адпаведных колькасных лічэбнікаў і названых вышэй слоў (*тысячны, мільённы*): *трохсотсаракадвухтысячны, шасцісотпяцідзевяціямільённы*» [9, с. 267]. К составным относятся группа количественных числительных (*дваццаць адзін, дваццаць два, дваццаць тры* и др.), подразряд дробных числительных, где количество частей – числитель – выражается определённо-количественным числительным, а название частей – знамена-

¹ Цитата взята из источника, опубликованного в 2007 г., для которого нормой является написание слова «дзсяткі» через *e*, что соответствует орфографической норме года выпуска печатного издания.

тель – порядковым числительным (*адна шостая, восем і адна сотая, нуль цэлых і сем сотых* и др.), группа порядковых числительных (*дваццаць чацвёрты, сорак першы, семдзясят шосты* и др.), которые «нагадваюць сабой рад не звязаных паміж сабой назваў і пішуща асобна» [7, с. 127].

Таким образом, все семантические группы (разряды и подразряды) белорусских числительных могут быть структурированы как простые, сложные и составные.

В ходе исследования были выявлены терминологические противоречия в подаче материала о структуре числительных авторами англоязычных и русскоязычных грамматик английского языка. Авторы английской грамматики «A Practical English Grammar» О. Томсон и А. Мартине употребляют термин **compound** при наименовании одной из групп числительных по структуре: «**In compound ordinal numbers the rule about and is the same as for compound cardinal numbers: 101st = the hundred and first**» (**В составных (сложных) порядковых числительных правило о союзе and (и) такое же, как и для составных (сложных) количественных числительных 101-е = сто первое**) [10, р. 309]. У Дж. Синклера, являющегося автором английской грамматики «Collins Cobuild English Grammar», находим: «**Compound** a combination of two or more words functioning as a unit: self-centred, bus stop, roller-skate, twenty-two ... (**Составное (сложное)** – комбинация двух или более слов, функционирующих как единое целое: эгоцентричный, автобусная остановка, катание на роликах, двадцать два) [11, р. 14] или Cardinal numbers can be used as part of a compound adjective... *I wrote a five-page summary of the situation*» (Количественные числительные могут использоваться как часть составного (сложного) прилагательного... *Я написал краткое изложение ситуации на пяти страницах*) [11, р. 230].

Чтобы уточнить дефиницию термина **compound**, мы обратились к двум словарям: «Oxford advanced learner's dictionary of current English» Джонатана Кроутера и «Англо-русскому словарю по лингвистике и семиотике. Около 9000 терминов» под редакцией А.Н. Баранова. Так, в первом из словарей термин **compound** представлен следующим образом: «**Compound¹ 2 (grammar)** a noun, an adjective, etc. composed of two or more words or parts of words, written as one or more words, or joined by a *hyphen*» (**Составное (сложное)¹ 2 (грам.)** существительное, прилагательное и т.д., состоящее из двух или более слов, или частей слов, написанных как одно или несколько слов, или соединенных дефисом) [12, с. 234]. Во втором словаре находим: ср. 1) «**compound (word)**» сложное слово, композит; комментарий – сложное слово, образованное на основе словосочетания»; далее идёт отсылка к (квази) синонимам (**composite (word)** с зоной переводных эквивалентов **compound word**) и к гипонимам, когипонимам, гиперониму, дериватам – «**composition II** словосложение; комментарий – способ словообразования, при котором два или более корней (основ) соединяются в одно сложное слово» [13, с. 69]; 2) **compound adjective** сложное прилагательное, составное прилагательное; комментарий – прилагательное,

состоящее из нескольких основ; 3) «**compound noun**, сложное существительное, составное существительное; комментарий – существительное, состоящее из двух и более корневых морфем» [13, с. 69]. Следовательно, мы можем переводить на русский язык термин **compound** и как **сложное**, и как **составное**. Однако в оппозиции к термину **simple word** (простое слово, симплекс), который подразумевает наличие одной корневой морфемы в структуре слова, логичнее использовать термин **compound** (в значении и переводе) как **сложный**, а **composite** – составной, поэтому приводимый нами пример *the hundred and first* следует отнести к группе составных числительных, а *twenty-two* – к сложным.

В работе «The Morphological Derivation of Numerals» (E.G.A. van Drie) [14] находим описание структуры имён числительных с помощью терминов **simplex cardinals** (простые количественные числительные) и **complex cardinals** (сложные количественные числительные): «When a cardinal numeral is not a combination of other numerals, it is called a simple or simplex cardinal. This class of simplex numerals is normally quite small. In English there are only fourteen simple numerals: one, two, three, four, five, six, seven, eight, nine, ten, eleven, twelve, hundred, and thousand. Complex cardinals are combinations of the simplex cardinals...»

(7) fifteen (5 + 10)

(8) thirty-five (3x10 + 5)

(9) two hundred and one (2x100 + 1)» (Когда количе-

ственное числительное не является комбинацией других числительных, оно называется простым или симплексным количественным числительным. Этот класс симплексных количественных числительных обычно довольно мал. В английском языке всего четырнадцать простых числительных: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, сто и тысяча. Сложные количественные числительные – это комбинации симплексных количественных числительных...:

(7) пятнадцать (5 + 10)

(8) тридцать пять (3x10 + 5)

(9) двести один (2x100 + 1) [14, р. 7].

На наш взгляд, с помощью данных терминов можно описать числительные по принципу выделения производных и (или) непроизводных основ числительных. Замечаем, что автор предлагает рассматривать пример (7) как комбинацию простых количественных числительных 5 и 10, которые находятся в отношении сложения: «*Five* has phonologically changed to *fif* and *ten* has changed to *teen*» (*Пять* фонологически изменилось на *fif*, а *десять* изменилось на *teen*). Возникает вопрос, необходимо ли рассматривать при исследовании числительных второй компонент *-teen* как количественное числительное *ten* (десять), а значит, относить числительное *fifteen* (пятнадцать) к группе сложных числительных, которые имеют в своём составе две основы, или рассматривать компонент *-teen* как видоизменённый суффикс, а значит, относить числительное *fifteen* (пятнадцать) к группе простых числительных.

Далее автор рассуждает от том, что в примере (8) мы видим простое количественное числительное *ten* (десять) снова, однако в данном случае оно имеет финальный *-ty* и находится в отношении умножения с количественным числительным *three* (три). Автор предполагает, что «*-teen* and *-ty* are alternants for the same simplex cardinal *ten*, *-teen* is used for 10 for addition and *-ty* is used for multiplication» (*-teen* и *-ty* являются альтернативами для одного и того же симплексного количественного числительного *десять*, где *-teen* используется для 10 для сложения, а *-ty* используется для умножения) [14, р. 7].

В нашей работе мы будем рассматривать количественные числительные с финальными *-teen* и *-ty* как простые по структуре, так как видоизменённые финальные части мы относим к суффиксам. Ср. – русское количественное числительное *пятнадцать*, где *-надцать* предположительно мыслится в качестве *десять* (на *десяте*), или белорусское *дваццаць*, где *-цаць* исторически произошло из «*дзесяць*».

Таким образом, в нашем исследовании «рабочими терминами», характеризующими английские числительные по структуре, мы будем считать следующие:

– **простые**, имеющие один корень (*one* (один), *seventeen* (семнадцать), *twenty* (двадцать) и др.);

– **сложные** (*twenty-one* (двадцать один), *twenty-two* (двадцать два), *thirty-one* (тридцать один) и др.), состоящие из двух или более слов, образованных путём словосложения;

– **составные** (*one million two hundred and twenty-five thousand three hundred and seventy-five* (один миллион двести двадцать пять тысяч триста семьдесят пять) и др.), которые выражены комбинацией двух и более простых либо сложных числительных, при этом «в пределах каждых трёх разрядов перед десятками (а если их нет, то перед единицами) ставится союз *and* (и)»: *375 three hundred and seventy-five*, *305 three hundred and five*, *2,075 two thousand and seventy-five* и др.

В результате, английские числительные можно классифицировать по структуре по принципу наличия определённого количества в них корневых морфем: 1) *simple* простые, или однокорневые; 2) *compound* сложные, состоящие из двух или более корней, образованных словосложением (написание через дефис) и 3) *composite* составные, представляющие собой комбинацию нескольких слов и союза *and* (и).

В зависимости от структурных особенностей туркменские числительные подразделяются на **простые**, **сложные** и **парные** [15, с. 153].

«Простые числительные состоят из одного слова» [15, с. 153]: *bir* (один), *on* (десять), *kyrkynjy* (сороковой) и др. (в нашем понимании простыми по структуре числительными являются те, которые имеют один корень).

В грамматике туркменского языка употреблён термин «сложные числительные», которые образуются от простых числительных путём соединения их в определённой последовательности, то есть в нисходящем порядке: 21 – *yigrimi bir*; 22 – *yigrimi iki*; 23 – *yigrimi üç*; 37 – *otuz ýedi*; 48 – *kyrk sekiz*; 76 – *ýetmiş alty*; 99 – *togsan*

iki и др. В состав сложных числительных с правой стороны на первом месте следуют единицы, на втором – десятки, на третьем – сотни, на четвёртом – тысячи и т. д.: *on bir* (одиннадцать), *otuz bir* (тридцать один), *iki ýüz altmyň sekiz* (двести шестьдесят восемь), *bir müň dokuz ýüz altmyň ikinjisi* (тысяча девятьсот шестьдесят второй) и т.д.

«При числительных, обозначающих сотни, тысячи и более, сперва употребляются слова, указывающие на их количество, а затем названия самих разрядов» [15, с. 154]. При образовании сотен, тысяч и более в туркменском языке числительные *ýüz* (сто), *müň* (тысяча), *million* (миллион), *milliard* (миллиард) следуют за единицами. Например: 200 – *iki ýüz*, 300 – *üç ýüz*, 400 – *dört ýüz*, 2000 – *iki müň*, 3000 – *üç müň*, 4000000 – *dört million* и др. Употребление слова *bir* (один), обозначающее сотни, тысячи, имеет факультативный характер, то есть может использоваться или опускаться, при этом «наличие или отсутствие числительного *bir* (один) не влияет на значение числительных» [15, с. 154].

Как и в случае с классификацией английских числительных, на наш взгляд, уместнее использовать термин **составные числительные** вместо термина **сложные числительные**, так как наименования единиц, сотен и т.д. пишутся отдельно и представляют собой отдельно стоящие корневые морфемы без формально выраженных грамматических средств связи.

«Парные числительные образуются путём повторения или парного употребления двух, а иногда и трёх простых числительных: *алты-алтыдан* (по шесть), *еди-секиз* (семь-восемь), *kyrk-elli* (сорок-пятьдесят), *bir-iki-үч* (один-два-три)» [15, с. 154] и др. Выделение данного структурного разряда частично связано с типичным для многих тюркских языков фонеморфологическим явлением – редупликацией, при котором происходит удвоение начальной слова или корня.

Некоторые авторы выделяют только две группы имён числительных по структуре – группу простых и группу сложных числительных. Так, А.Ш. Караханов – автор «Грамматики туркменского языка. Ч. 1. Морфология» – утверждает, что имена числительные бывают простые и сложные. «Простыми числительными являются слова, обозначающие числа от единицы до десяти включительно, обозначающие все десятки до ста и тысячи и т.д. ... Сложные числительные, главным образом, обозначают междесятковые числа и составляются из простых чисел» [16, с. 72].

Другие авторы предлагают также две группы имён числительных по структуре (простые и составные), однако вместо термина *сложные* числительные употребляют термин *составные*. Например, у Б. Байджанова – автора учебного пособия по практическому курсу «Туркменский язык» – находим, что числительные (всего 20), обозначающие единицы, десятки, сотни и тысячи, состоят из одного слова и являются простыми: *bir* (один), *iki* (два), *üç* (три), *dört* (четыре), *bäs* (пять), *alty* (шесть), *ýedi* (семь), *sekiz* (восемь), *dokuz* (девять), *on* (десять), *yigrimi* (двадцать), *otuz* (тридцать), *kyrk* (сорок), *elli* (пятьдесят), *altmyş* (шестьдесят), *ýetmiş*

(семьдесят), *segsen* (восемьдесят), *togsan* (девять), *yüz* (сто), *müň* (тысяча). «Другие числительные образуются сочетанием двух или более простых числительных и называются составными» [17, с. 71]. Они образуются в последовательности справа налево: единицы, десятки, сотни, тысячи. Б. Байджанов делает замечание, что при образовании составных числительных в туркменском языке единицы высшего разряда предшествуют единицам низшего разряда, «при этом единицы различных разрядов в составе числительных связываются между собой без каких-либо грамматических средств» [17, с. 71].

Таким образом, в туркменском языке по структуре числительные подразделяются на простые, представляющие собой одно слово (корень), составные, являющие собой комбинацию двух или более слов, а также парные, образованные повторением или парным употреблением нескольких простых числительных (написание через дефис). В нашем исследовании «рабочими терминами», характеризующими туркменские числительные по структуре, мы будем считать следующие: простые, составные и парные.

Заключение. Не претендуя на полноту и исчерпанность результатов, на основании изученного материала делаем вывод, что числительные, входящие в разные по семантике группы, в сопоставляемых языках имеют как сходные, так и отличительные структурные черты – в частности, во всех языках выделяются такие структурные типы имён числительных, как *простые* и *составные*.

Общим для белорусского и английского языков является наличие группы сложных числительных. Уникальная черта числительных туркменского языка есть группа парных числительных, выделение которой частично обусловлено редупликацией.

Существование простых по структуре числительных обусловлено наличием во всех языках небольшой группы непроизводных количественных числительных, которые служат производящей основой для образования числительных всех других разрядов. Так, разряд составных числительных отражает потребность обозначения чисел больше двадцати в белорусском языке и в английском языках, больше десяти – в туркменском посредством комбинации простых: их реализация осуществляется в результате повторения простых числовых компонентов по циклам на основе десятичной системы счисления, что указывает на действующую в языке постоянную тенденцию к экономии речевых средств: числительные функционируют за счёт повтора немногих основных номинаций элементов числового ряда с помощью уже имеющихся, соответствуя сложению, умножению и делению, и в этом проявляется тот факт, что структура числительных в значительной степени аналитична.

Наши наблюдения подтверждают, что классификация числительных по структурному принципу в трёх языках частично совпадает, что свидетельствует об общности строения числительных в исследуемых языках. Полученные нами результаты могут быть использованы при осмыслении особенностей числительных не только в белорусском, английском и туркменском языках, но и в иных языках, в том числе и в разноструктурных.

Литература

1. Супрун, А.Е. Числительное / А.Е. Супрун // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энцикл., 1988. – С. 582–583.
2. Ломтев, Т.П. Квантитативы современного русского языка / Т.П. Ломтев // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: сб. ст. / редкол.: В.Г. Костомаров (отв. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – С. 106–116.
3. Холодович, А.А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке / А.А. Холодович // Ученые записки ЛГУ. – 1946. – Вып. 10, № 69. – С. 16.
4. Джакаева, А.А. Структурно-семантическая характеристика числительных в кумыкском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20 / А.А. Джакаева. – Махачкала, 2007. – 170 л.
5. Избекова, Е.И. Числительные в олонхо: структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Е.И. Избекова. – Якутск, 2000. – 20 с.
6. Чеснокова, Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры / Л.Д. Чеснокова // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 44–45.
7. Беларуская граматыка: у 2-х ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1. Фаналогія. Арфапія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.
8. Кароткая граматыка беларускай мовы: у 2 ч. / [наук. рэд. А.А. Лукашанец]. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – Ч. 1: Фаналогія. Марфанагалогія. Марфалогія / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – 350 с.
9. Граматыка беларускай мовы: у 2 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; [рэд.: К.К. Атраховіч (Крапіва), М.Г. Булахаў]. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1962–1966. – Т. 1: Марфалогія / М.Г. Булахаў [і інш.]. – 1962. – 539 с.
10. Thomson, A.J. A practical English grammar / A.J. Thomson, A.V. Martinet. – 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 383 p.
11. Sinclair, J. Collins Cobuild English Grammar / J. Sinclair. – 3rd ed. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2011. – 945 p.
12. Crowther, J. Oxford advanced learner's dictionary of current English / J. Crowther. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1428 p.
13. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: около 9000 терминов / А.Н. Баранов [и др.]; под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2003. – 640 с.
14. Drie, E.G.A. van. The Morphological Derivation of Numerals [Electronic resource] / E.G.A. van Drie. – 2015. – Mode of access: <http://dspace.library.uu.nl/handle/1874/316860>. – Date of access: 01.08.2022.
15. Баскаков, Н.А. Грамматика туркменского языка / под ред. Н.А. Баскакова, М.Я. Хамзаева, Б. Чарыярова. – Ашхабад: Ылым, 1970. – Ч. 1. Фонетика и морфология. – 504 с.
16. Караханов, А.Ш. Грамматика туркменского языка. Ч. 1: Морфология / А.Ш. Караханов. – М.: Ташкент, 1931. – 88 с.
17. Байджанов, Б. Туркменский язык: учеб. пособие по практ. курсу / Б. Байджанов. – Ашхабад: Туркм. нац. ин-т мир. языков им. Долетмаммеда Азади, 2008. – 145 с.

Поступила в редакцию 05.09.2022

Функцыянальная роля звароткаў у беларускай абрадавай паэзіі (семантыка-стылістычны і структурны аспекты)

Зіманскі В.Э.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці функцыянавання розных тыпаў звароткаў, ужытых у беларускай народнай вусна-паэтычнай песеннай творчасці. Асноўная ўвага надаецца аналізу структуры і формы звароткаў, іх вобразна-семантычнага напauнення, магчымасці вырашаць камунікатыўныя задачы ў творах каляндарна-абрадавай і сямейна-абрадавай паэзіі.

Мэта даследавання – выяўленне функцыянальнай ролі зваротка як эмацыянальна-вобразнага кампанента тэкстаў беларускай абрадавай паэзіі на семантыка-стылістычным і структурным узроўнях.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам даследавання паслужылі тэксты песенных твораў беларускай народнай вусна-паэтычнай творчасці. Метады даследавання – семантыка-стылістычны, дэскрыптыўны, класіфікацыйны, супастаўляльны, статыстычны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Сярод простых звароткаў дамінантнае становішча займаюць звароткі ў памяншальна-ласкальнай форме (дачушка, мамачка, сваточки, міленькі і іншы.). Яны дапамагаюць выказаць адносіны і пачуцці да аб'екта, асобы, якім адрасаваны зварот (любоў, ласка, замілаванне, спагада, жаданне задобрыць і г.д.) і выклікаць адпаведную рэакцыю суб'екта, надаюць твору эмацыянальнасць. Простыя звароткі ў нейтральнай форме выконваюць у песнях сваю асноўную – вакалыўную – функцыю: сястра, нявестка, дзяўчына, доля, ветры, Божа і іншы.*

Развітыя звароткі ўключаюць звароткі з азначэннямі, звароткі з прыдаткамі, звароткі – паўторы і звароткі, якія ўтрымліваюць градацыю. Азначэнне ў складзе зваротка дазваляе раскрыць характар узаемаадносін персанажаў, насыціць твор экспрэсіяй, увесці інтрыгу, аздобіць выказанне эмацыянальна (беленькі малойчык, любы Васечка і іншы.). Ужыванне прыдаткаў надае ўсяму звароту асаблівую прыгажосць, вобразнасць, робіць твор паэтычна-эмацыянальным, дазваляе стварыць унутраную рыфму (кладачка-серабраначка, матушка-ластушка і іншы.). Паўторы акцэнтуюць увагу на асобе, з'яве ці пэўных іх якасцях, ствараюць адметную кампазіцыю твора. За кошт градацыі дасягаецца семантычная экспрэсія; кожнае слова ў складзе такога зваротка здольнае разгарнуць вялікі спектр пачуццяў і характарыстык. Сімвалы ў зваротках (гэта ў асноўным назвы жывёл і птушак) не толькі выяўляюць паэтычную вобразнасць персанажаў, але і дапамагаюць вызначыць іх асноўную, характарыстычную сутнасць.

Заклучэнне. *У выніку разгляду функцыянавання розных тыпаў звароткаў у творах абрадавай паэзіі вызначаны дамінантныя катэгорыі звароткаў, прасочана іх семантыка-стылістычнае напauненне, выяўлены нацыянальныя адметнасці. Важнай заканамернасцю ўжывання звароткаў у творах абрадавай паэзіі з'яўляецца іх здольнасць надаваць народным песням эмацыянальнасць і экспрэсію, што выяўляецца на структурна-семантычным і лексіка-граматычным узроўнях.*

Ключавыя словы: *зваротак, сямейна-абрадавая паэзія, каляндарна-абрадавая паэзія, просты зваротак, развіты зваротак, канатацыя, форма, вобразнасць, камунікацыя, функцыянаванне, паўтор, градацыя, эмацыянальнасць, экспрэсія.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 111–122)

Functional role of addresses in Belarusian ritual poetry (the semantic and stylistic and the structural aspects)

Zimanski V.E.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article examines the peculiarities of various types of address functioning, used in the Belarusian folk oral and poetic song creativity. The main attention is paid to the analysis of the structure and form of address, their figurative and semantic content, the ability to solve communicative tasks in the works of calendar-ritual and family-ritual poetry.

The purpose of the study is to identify the functional role of addressing as an emotional and figurative component of Belarusian ritual poetry texts at the semantic, stylistic and structural levels.

Material and methods. *The research material was the lyrics of songs of the Belarusian folk oral and poetic creativity. The research methods are the semantic-stylistic, descriptive, classification, comparative, statistical.*

Findings and their discussion. Among simple address, the address in a diminutive form occupy the dominant position (*dochenka, mamochka, svatochky, milenky, etc.*). They help to express attitudes and feelings towards the object, the person to which or whom the addressing is directed (love, mercy, tenderness, compassion, desire to appease, etc.) and cause the appropriate reaction of the interlocutor; give the work emotionality. Simple address in a neutral form perform their main vocative function in songs: *sestra, nevestka, devushka, dolya, vetru, Bozhe, etc.*

Common addresses include addresses with attributes, addresses with oppositions, repeated addresses and addresses, containing gradation. An attribute within the address allows you to reveal the nature of the characters' relationships, saturate the work with expression, introduce intrigue, decorate the utterance emotionally (*belenky molodchik, luby Vasechka, etc.*). The use of oppositions gives the whole address a special beauty, imagery, makes the work poetically emotional, allows you to create an internal rhyme (*kladochka-serebryanochka, matushka-lastuska, etc.*). Repetitions focus on personality, phenomenon or its certain qualities; create a distinctive composition of the work. Due to the gradation, semantic expression is achievable; each word within such an address is able to expand a large range of feelings and characteristics. The symbols in the addresses (these are mainly the names of animals and birds) not only reveal the poetic imagery of the characters, but also help to determine their basic, characteristic essence.

Conclusion. As a result of the consideration of various types of addresses functioning in the works of ritual poetry, the dominant categories of addresses are determined, their semantic and stylistic content is traced, national peculiarities are revealed. An important regularity of address usage in the works of ritual poetry is their ability to impart emotionality and expression to folk songs, which manifests itself at the structural-semantic and lexical-grammatical levels.

Key words: address, family-ritual poetry, calendar-ritual poetry, simple address, common address, connotation, form, imagery, communication, functioning, repetition, gradation, emotionality, expression.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 111–122)

Яшчэ задоўга да таго, калі мастацкае слова было зафіксавана ў помніках пісьменнасці, народ выяўляў свае настроі і думкі ў песнях, казках, легендах і паданнях, якія былі першымі праявамі яго мастацкай творчасці. Яны на працягу многіх гадоў і стагоддзяў свайго бытавання перадаваліся, становіліся выдатнымі творами мастацтва. У іх адлюстроўваліся ўсе найважнейшыя асаблівасці народнага жыцця з самых далёкіх часоў: барацьба чалавека з прыроднай стыхіяй, яго мары, меркаванні, любоў да радзімы і нянавіць да ворагаў, глыбокі аптымізм. Фальклор з'явіўся першай паэтычнай школай многіх выдатных пісьменнікаў. Творчасць В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, Я. Лучыны, А. Гурьновіча, М. Багдановіча, Я. Купалы, Я. Коласа і многіх іншых вядомых беларускіх паэтаў і празаікаў непарыўна звязана з народнай паэзіяй. І менавіта гэтыя творцы “рабілі” сучасную беларускую літаратурную мову, крок за крокам падштурхоўваючы яе да ўнармаванасці.

Фальклорныя творы ў цэлым і фалькорна-песенныя (як каляндарна-абрадавыя, так і сямейна-абрадавыя) – у прыватнасці насычаны вялікай колькасцю вобразных сродкаў, асаблівай лексікай і семантыкай; пры гэтым у кантэксце любой абраднасці вялікае значэнне мае выкарыстанне моўна матэрыяла. Многія паэтычныя, у тым ліку і народныя, творы ў кампазіцыйным плане пачынаюцца са зваротка, які набывае функцыю асноўнага эмацыянальна-вобразнага кампанента, а таму аналіз функцыянавання гэтай моўнай адзінкі ў вусна-паэтычнай творчасці дазваляе выявіць адметнасць і нацыянальную спецыфіку народнай мовы. Гэтым фактам, а таксама тым, што функцыянаванне звароткаў у мове фальклорных народна-паэтычных абрадавых творах вывучана не ў дастаткова поўным аб'ёме, абумоўлена актуальнасць дадзенага даследавання.

Функцыянаванне розных тыпаў звароткаў, ужытых у беларускай народнай вусна-паэтычнай песеннай творчасці, цікавае перш за ўсё выяўленнем іх семантыка-стылістычнага напаўнення, вызначэннем

дамінантных катэгорый, эмацыянальна-экспрэсіўнага напаўнення на розных структурна-семантычных і лексіка-граматычных узроўнях, што дазваляе выявіць спецыфічныя нацыянальныя асаблівасці тэкстаў беларускай абрадавай паэзіі [1–4].

Мэта даследавання – выяўленне функцыянальнай ролі зваротка як эмацыянальна-вобразнага кампанента тэкстаў беларускай абрадавай паэзіі на семантыка-стылістычным і структурным узроўнях.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі тэксты песенных твораў беларускай народнай вусна-паэтычнай творчасці. Метады даследавання – семантыка-стылістычны, дэскрыптыўны, класіфікацыйны, супастаўляльны, статыстычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Зваротак, як правіла, называе асобу ці прадмет, да якіх звяртаюцца. Просты зваротак складаецца з аднаго слова, якое можа ўжывацца як у нейтральнай форме, так і мець эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку за кошт утварэння памяншальна-ласкальных форм слова з дапамогай канататыўных суфіксаў. Простыя звароткі складаюць 41% ад агульнай колькасці прааналізаваных звароткаў, якія функцыянуюць у выбраных творах абрадавай паэзіі, прычым нейтральнай формай прадстаўлены 9% ад агульнай колькасці простых звароткаў, а памяншальна-ласкальнай, эмацыянальна-афарбаванай – 32%. Структурна-семантычную ролю звароткаў разгледзім на прыкладах з твораў абрадавай паэзіі ў адпаведнасці з формай слова-зваротка.

Простыя звароткі ў нейтральнай форме. Звароткі ў нейтральнай форме з'яўляюцца, адпаведна, і стылістычна нейтральнымі. У структурным плане падобныя моўныя адзінкі звычайна складаліся з аднаго слова, якое ўжывалася ў нейтральным сэнсе. Яны фіксуюцца як у каляндарна-абрадавых, так і ў сямейна-абрадавых песенных творах. Так, каляндарныя песні, якія ўваходзяць у склад каляндарна-абрадавай паэзіі, не абыходзіліся без абраду ваджэння казы. Лічылася, што гэтая жывёла, калі яе пэўным чынам задобрыць,

магла ўплываць на дабрабыт у сям’і і гаспадарцы. Калядоўшчыкі разгортвалі перад гаспадарамі сапраўдныя тэатральныя сцэны, у якіх каза ці казёл былі галоўнымі ўдзельнікамі. У сувязі з гэтым падобныя песні ўтрымліваюць зварот да галоўнай дзейнай асобы: “Ну, ну, ну, **казёл**, // *Паварочайся, // Ні саромейся*” [5, с. 10]. У падобных песнях перад звароткам вельмі часта ўжываліся розныя выклічнікі, часціцы: ну, ну, ну; го-го-го і інш.: “Го-го-го, **каза**, // *Го-го, шэрая!*” [6, с. 74]. Як бачым, зваротак тут не толькі выражаны назоўнікам, але і субстантываваным прыметнікам (у кантэксте дадзенага твора мы разглядаем лексему шэрая як асобны зваротак, а не як дыстантную частку зваротка *каза*. – В.З.). Калядныя песні маглі ўтрымліваць зварот да канкрэтнай асобы па імені, напрыклад: “*А ты, Саша, ні гуляй, // Ідзі коліду набірай*” [5, с. 18]. Ужыванне простага зваротку ў выглядзе асабовага імя ў простаай размоўнай форме магло ўказваць на малады ўзрост асобы, да якой звярталіся, ці на прыкладна роўны ўзрост гаворачага (спяваючага) і таго, каму быў адрасаваны зварот. Гэта пацвярджаецца і тым фактам, што калядаваць звычайна хадзіла моладзь.

Просты зваротак шырока ўжываецца і ў іншых абрадавых песнях – вясельных, радзінных. Прызначэнне яго самае рознае: зваротак можа ўказваць на тып сваяцкіх адносінаў: “– *А папар, нявестка, сярэдзінку...*” [5, с. 78]. “*Вядзі, сястра, дзяцей у хату, // Пасаджу іх на прыпечку*” [5, с. 101]. “*Па двару ходзіць, жонцы кажэ: // – Снімай, жанна, хлеб са стала...*” [5, с. 23]; на пол і ўзрост асобы, да якой звяртаюцца: “*Даволі, дзяўчына, у копы ўбіраці, // Пара іціці дадому пасцель белу слаці*” [5, с. 101]. Можна заўважыць, што асабліваю стылістычную афарбоўку мае зваротак “*жанна*”, паколькі гэта слова размоўна-гутарковае, дыялектнае, своеасаблівае калька з рускай мовы: *жена* – *жанна*. У якасці простага зваротка можа выступаць асабовае імя чалавека: “*На ж табе, Насця, каліна, // Штоб весела была, рабіла, // Падкінь каліначку пад караваць, // Тут табе, Насцечка, век векаваць*” [5, с. 128]. Ужыванне ў другой частцы песні зваротка ў памяншальна-ласкальнай форме надае твору эмацыянальную разгорнутасць.

У адпаведнасці з міфалагічнымі ўяўленнямі нашых продкаў жывой сілай надзяляліся з’явы і стыхіі прыроды, у якіх чалавек мог прасіць заступніцтва ці спагады. У такім выпадку зварот адрасаваўся якой-небудзь прыроднай з’яве, напрыклад: “*Вы не вейце, ветры, ў лузе, // Дай павейце па дарозе // Пад новыя вароцечкі, // Маёй мамцы пад ножачкі*” [5, с. 89]. У дадзеным прыкладзе вецер з’яўляецца адзінай надзеяй замужняй дзяўчыны, якая не мае іншай магчымасці перадаць хоць якую-небудзь вестачку сваім родным. Нялёгкае жыццё ў сям’і мужа спрыяла ставарэнню песень, у якіх маладая жонка звярталася да сваёй долі, бо не магла абвінаваціць у сваіх бедах каго-небудзь іншага: “*Сваю долю праклінала: // – Дзе ты, доля, падзелался, // Ці ты ў лесе згубілася, // Ці ты ў моры ўтапілася*” [5, с. 89]. Набожнасць нашых продкаў прасочваецца ў частых зваротах да Бога як сілы

ўсывышняй, магутнай: “*А дай, Божа, здароўя маёй унучачцы*” [5, с. 109]. “*Зарадзі ж, Божа, тионачку, // Да на маладую жоначку*” [5, с. 129]. “*Была ў бабкі курка-рабушка, // Слава табе, Госпадзі, на ўвесь свет*” [5, с. 36]. Падобныя звароты былі характэрны для многіх песень, якія выконваліся падчас розных абрадаў.

Просты зваротак пры ўсёй сваёй стылістычнай нейтральнасці мог надаваць пэўнаму твору эмацыянальнае адценне, калі, напрыклад паўтараўся ў пачатку кожнага радка: “*Юр’я, устань рана, // Юр’я, умыйся бела, // Юр’я, прычашыся, прыбарыся, // Юр’я, вазьмі ключы, // Юр’я, ідзі ў поле, // Юр’я, адамкні зямлю, // Юр’я, выпусці расу*” [6, с. 219]. Юр’я (Юрый) – цэнтральны персанаж аднайменнага веснавога свята. Праз зварот да яго рэалізуюцца асноўныя матывы юраўскіх песень. І сярод іх дамінанты – аб адмыканні зямлі і выпусканні расы (травы). Увасабляецца ён у песні-звароце да Юр’я – тыповым рытуальным тэксце. Тут зваротак паўтараецца як заклінанне. Ён не толькі акцэнтуюе ўвагу на галоўным персанажы свята, але і носіць магільны характар. Такі зваротак цалкам апраўдвае прызначэнне песеннага твора – дагукацца Юрыя, выказаць яму сваю просьбу ці нават своеасаблівы загад.

Простыя звароткі ў памяншальна-ласкальнай і клічнай формах. Просты звароткі ў памяншальна-ласкальнай форме ўжыты 123 разы, што складае 78% ад агульнай колькасці прааналізаваных простых звароткаў. Такія формы зваротка, утварэння з дапамогай канататыўных (эмацыянальных) суфіксаў, закліканы адлюстравць эмацыянальна-псіхалагічны стан персанажа, выразіць адносіны да асобы, якой адрасаваны зварот. Такім чынам выказваецца спагадлівае стаўленне да героя, які, як правіла, звычайна называе сапраўдную асобу: *Колечка, Ванечка, брацетка, татулечка, татачка, сыночак, сваточкі*. У многіх выпадках ласкавы зварот адрасаваны родным, да якіх звяртаецца гаворачы. Такім чынам могуць выказацца:

✓ **просьба**: “– *Пусці, мамачка, // На раўчэй гуляць, // Ой, лілюлюшкі, // На раўчэй гуляць*” [5, с. 28]. “*Прыйшла ж да яго да дзевачка яго: // – Дай уставай, братачка, да ўставай, родненькі*” [5, с. 18]. “*Саша ў мамачкі прасіўся: // – Пусці, мамачка, на адну ноч, // Заўтра к утру я вярнуся*” [5, с. 139]. “*Сястра ў брата да прасілася, // Не траві мяне, братка, у суботачку, // Да траві, братка, да ў нядзелечку...*” [5, с. 54]. “*Пусці, братко, мяне ў хату, // Ў хаце зіму зімаваці*” [5, с. 100]. “*Стойце, братцы, за варотмі, пайду ў сваякроўкі запытаю*” [5, с. 105]. “*Іванька ў маманькі просіцца: // – Пусці мяне, маманька, на адну ноч*” [5, с. 141]. “*Пусці мяне, мамка, пагуляці, // Канарэек-пташачак паганяці*” [5, с. 67]. “*Устань, міленькі, абачніся, // Схадзі, схадзі, міленькі, па бабульку*” [5, с. 109]. У прыведзеных прыкладах варта звярнуць увагу на структурныя змены слоў-звароткаў. З дапамогай канататыўных суфіксаў *-ачк-, -аньк-, -к-* створаны формы звароткаў, насычаныя адпаведнай эмацыянальнасцю: *мамка* – *мамачка* – *маманька*; *братка* – *братачка*. Дарэчы, тут можна заўважыць адметнасць народных песень: зваротак *маманька* вельмі падобны да рускага *маменька* і,

здаецца, больш прыдатны для ўжывання менавіта ў рускай мове; ужыванне яго ў беларускіх песнях адпостроўвае мясцовыя, дыялектныя асаблівасці пэўнага рэгіёна. Гэтаксама каларыт паўднёвых гаворак заўважаецца ў форме зваротка *братко* са спецыфічным, дыялектным, канчаткам *-о*. Названія асаблівасці ствараюць пэўнае стылістычнае абрамленне народных песенных твораў.

✓ пытанне і адказ: “*Сустрэў мяне мой татанька: // – Дзе ж, дачушка, дзіця брала?*” [5, с. 76]. “*А ў яго мамачка пытаецца: // – Чыйго ты, сыночак, сядлаеш? // – Сядлаю, мамачка, я свайго*” [5, с. 141]. “*– Я ўжо, татка, вячэрала, // Да я ела сухіх хлябоў...*” [5, с. 89]. Праз ужыванне звароткаў у памяншальна-ласкальнай форме прасочваюцца спагадлівыя адносіны да роднага чалавека. У наступным прыкладзе ўжываецца зваротак-калька з рускай мовы: “*Чаго ты, мальчык, чаго невясёл, // Ці ў цябе, мальчык, дзевачкі няма?*” [5, с. 92], што стварае стварае стылёвую адметнасць твора і падкрэслівае мясцовы каларыт.

✓ скарга: “*– Ой, мамачка, гора-гора, // Далёкае замужжайка...*” [5, с. 86]. Ужыванне выклічніка *ой* перад звароткам узмацняе экспрэсію. Можна адзначыць, што ў семантычным плане зваротак *мамачка* можна разглядаць не толькі як зварот да канкрэтнай асобы, але і як паэтычны зварот, паколькі называнне маці менавіта ў такой форме характэрна і для сітуацыі, калі чалавек эмацыйна ўсхваляваны, вельмі ўзрушаны.

✓ зварот за парадай: “*Пайду да таткі на парадэчку: // – Парай мне, татка, што мне рабіць, // Ці замуж ісці, ці дома быць*” [5, с. 125].

✓ падзяка: “*Скланіўся нізка ў ножанькі: // – Дзякую табе, матулька, // Што ты мяне маленькага ўзрасіла, // А ўзрасіўшы, у чужыя людзі пуціла*” [5, с. 142]. Зваротак, утвораны з дапамогай суфікса *-ульк-*, больш эмацыянальны; слова *матулька* напоўнена большай пяшчотай, мяккасцю, шчырасцю, што, магчыма, залежыць і ад фанетычнай мяккасці суфікса.

✓ парада, павучанне: “*Мамухна дачушку павучайць: // – Паедзеи, дачушка, у чужыя людзі, // Свякроўку мамкай назваць не забудзь*” [5, с. 189].

Прыхільныя адносіны да асобы выказваюцца пры звароце да розных катэгорый людзей: сваякоў, сяброў і інш. Для закліку маладых дзяўчат выкарыстоўваецца наступная форма зваротка: “*Казалі ж, наш свят красівай, // Пойдзем, дзевачкі, паглядзім*” [5, с. 155]; “*Гукала бяроза дзевачак у лес іціць: // – Хадзіце, дзевачкі, вянкі віць...*” [6, с. 300]. Да замужняй маладой жанчыны звярталіся наступным чынам: “*Да прыйшоў жа к ёй мядзведзечка: // – А, малодачка, дзіця плача. // А, малодачка, дзіця плача*” [5, с. 82]. Зваротак мог указваць на род дзейнасці асоб, якім ён адрасаваны: “*А пара, жнейкі, дамоў, пара, // А халодная раса ўпала*” [5, с. 78]. Ласкавага звароту патрабаваў і вясельны абрад пры вітанні са сватамі: “*Добры дзень жа вам, сваточкі, // Ай, ці ждалі ж вы, ждалі нас у госці?*” [5, с. 204]. Такім чынам гаворачы імкнуўся залагодзіць будучых родзічаў.

У якасці зваротка ў памяншальна-ласкальнай форме выступаюць асабовыя імёны канкрэтных людзей: “*Чаго сядзіш, што думаеш, Колецка?*” [6, с. 254]. “*Уставай, Васечка, годзе спаць, // Пара радзіну сабіраць*” [5, с. 138]. “*Чаму ў цябе, Валодзька, // Да кажуща няма?*” [5, с. 16]. “*А ты, Раечка, ты душа мая, // Ты не старыся за мной. // А ты, Лёшачка, ты душа мая, // Я не старусь за табой*” [5, с. 108]. “*Гнасядзі, Валечка, падумай, // Ці ні жаль табе дзядоўкага гуляння...*” [5, с. 135]. “*Паілі, паілі, Ядзечка, // Матульку ў садок на ружачку*” [5, с. 126]. “*Пайшла ты, Волячка, // У чужое сяло, // У чужое сяло, // А ў чужыя людзі*” [5, с. 208], а таксама дзеючых асоб, герояў канкрэтнага абраду ці свята: “*Цярэшка, чаху-чаху, // Што ў тваім мяху, мяху?*” [6, с. 89]; “*Да Купаленька, рана-рана, // Дзе дасоль была?*” [5, с. 394]. З дапамогай канататыўных суфіксаў *-к-*, *-чк-*, *-ачк-*, *-ячк-*, *-еньк-* зваротак насычаецца мяккасцю, пяшчотай, даючы гаворачаму магчымасць выказаць свае адносіны да асобы, якой адрасаваны зварот.

Зварот можа быць адрасаваны іншым жывым і нежывым істотам:

✓ святу, яго ўдзельнікам: “*А калядачкі, а хадзіце к нам, // Ай, ля-лэ, // Рана, ай хадзіце к нам*” [5, с. 9]. Калядачкі тут могуць успрымацца і як сама назва свята, і як назва яго ўдзельнікаў – калядоўшчыкаў.

✓ прыродным стыхіям: “*Разнясіце, вецярочкі, маю пячаль на мамачы...*” [6, с. 356]; “*Свяці, свяці, месяцчык, // На ўсю цёмну ноч*” [5, с. 22]. Перад намі традыцыйны зварот да сілаў прыроды, якія, на думку гаворачага, маглі дапамагчы яму ці хаця б даць нейкую надзею на лепшае. Падобныя звароты могуць псіхалагічна ўздзейнічаць, супакойваць таго, хто звяртаецца.

✓ жывёлам і птушкам: “*Ну-тка, козанька, ды й расхадзіся...*” [6, с. 143]; “*Жавароначкі, прыляціце, // Цёпла лецейка прынясіце...*” [6, с. 204]. У гэтых прыкладах звароты адрасаваны дзеючым асобам пэўнага свята, абрада. Зваротак “*козанька*” прызваны залагодзіць жывёлу, якая займала галоўнае месца ў абрадзе “*Ваджэнне казы*” падчас каляд. Продкі верылі, што ад прыхільнасці гэтай жывёліны залежыць лёс ураджаю. Жаваранкі лічыліся прадвеснікамі прыходу вясны. Лічылася, што калі гэтыя птушкі прыляцяць, тады і зіма скончыцца. Таму неабходна было іх правільна, паважліва паклікаць. Ужыванне ў падобных сітуацыях памяншальна-ласкальнай формы звароткаў павінна было спрыяць устанавленню прыязных адносін, насычаючы само выказванне экспрэсіі.

Зварот мог адрасавана свайскай птушцы. Напрыклад, у вясельнай песні, якая выконвалася пры сустрэчы сватоў, гаспадары звярталіся да курэй: “*Вы не бойцеся, куркі, // Вы не бойцеся*” [5, с. 153]. Птушка ў дадзеным выпадку падавалася на стол, таму і станавілася аб’ектам звароту: гаспадары такім своеасаблівым чынам быццам прасілі прабачэння.

✓ раслінам: “*Да не ззяйце, красачкі, // Да не ззяйце, красачкі, // Мы ж вас да зрываць будзем*” [5, с. 127]. Красачкі (кветкі) з’яўляюцца элементам дзядоўкага ці вясельнага вяночка. Праз зварот да іх мякка сцвярджаецца думка аб непазбежнасці хуткага вяселля.

✓ **міфічным істогам:** “Вам, *русалачкі, вяночкі*, // *А нам, маладым, сярпчкі*” [6, с. 357]. Прыведзеныя радкі з летняй русальнай песні прызваны задобрыць русалак, якія, ва ўяўленнях нашых продкаў, заманьвалі да сябе хлопцаў, перашкаджалі працаваць дзяўчатам.

У беларускай мове зваротак можа выражацца не толькі назоўным склонам назоўніка, але і клічнай формай, што з’яўляецца спецыфічнай рысай нашай мовы, характэрнай у асноўным гутарковаму стылю: “Свайго брацетку прасіла: // – Адамкні, **браце**, куфэ-рак. // – Мая сястрыца, не ўмею, // У чужых людзях не смею” [5, с. 17]; “– Дзякуй, **баценьку**, за тваю дачку...” [6, с. 119]; “Ой, стой, **куме**, паслухаем, // Ці не шуміць дубровачка...” [7, с. 47]; “Мая мамка дагадалася, // Узяла ў мяне папыталася: // – Чаго, **доньку**, горка плакала?” [5, с. 87]. Ужыванне клічнай формы зваротка надае выказванню нацыянальны каларыт, без якога немагчыма ўявіць фальклорныя творы. Немалаважную ролю падобныя звароткі адыгрываюць і ў стварэнні меладычнасці, рытмічнасці песеннага твора, надаюць яму працягласць гучання.

Асаблівае гучанне набываюць песенныя творы, у якіх зваротак у памяншальна-ласкальнай форме ўжываюцца ў кожным радку: “*Давай, давай, мамачка, вячэраць, // Павячэраўшы, дзяліцца. // Табе, мамачка, вераценцы, // А мне, мамачка, палаценцы, // Табе, мамачка, рублі, // А мне, мамачка, кублы. // Табе, мамачка, вяроўка, // А мне, мамачка, кароўка*” [5, с. 187]. У песні ілюструецца размова дачкі з маці перад адыходам маладой у сям’ю мужа. Хоць гаворка і вядзецца пра пасаг маладой, але ўсё ж такі з дапамогай зваротка акцэнтуюцца ўвага на канкрэтнай асобе – маці. Эмацыянальнасць зваротку надае яго памяншальна-ласкальнай форма, а экспрэсія дасягаецца з кожным новым паўторам зваротка. У ім чуецца адчай маладой дзяўчыны, якой трэба пакідаць родную хату. Твор прасякнуты жаданнем дачкі яшчэ і яшчэ раз звярнуцца да роднай маці; здаецца, што праз трансляцыю звычайнай размовы пра пасаг зваротак “мамачка” гучыць як словы малітвы, заклінання. З дапамогай падобнага зваротка ствараецца адметны кампазіцыйны строй твора, перадаецца яго агульны настрой, пачуцці.

Такім чынам, прыведзеныя прыклады даюць падставу гаварыць, пра тое, што эмацыянальна-экспрэсійнай форме звароткі ўжываюцца часцей, чым у нейтральнай. Гэта абумоўлена тым, што песенныя творы самі па сабе створаны, каб выклікаць пэўныя эмоцыі: жаласці, тугі, радасці; зваротак жа, ужыты ў памяншальна-ласкальнай форме, здольны не толькі ахарактарызаваць адносіны да таго, каму ён адрасаваны, але і выканаць некаторыя дадатковыя функцыі – задобрывання, спагады, суперажывання, ствараючы непаўторныя матывы і аказваючы свосасаблівы ўплыў на кампазіцыю твора.

Функцыянаванне развітых звароткаў у розных тыпах абрадавай паэзіі. Нягледзячы на дастаткова вялікую колькасць простых звароткаў, у беларускіх фальклорных песнях шырока ўжываюцца развітыя – звароткі, семантычна пашыраныя за кошт разнастайных эпітэтаў, выражаных часцей за ўсё прыметнікамі або

назоўнікамі ў той жа форме: *татулечка родненькі, маладзенькая Маруська, мамка родненька, сваточкі-браточкі, ясна зорачка, сцежачкі-дарожачкі* і пад. З іх ужываннем узмацняецца экспрэсія ўсяго твора. Развітыя звароткі складаюць 42% ад агульнай колькасці прааналізаваных звароткаў. Яны прадстаўлены наступнымі групамі: развітыя звароткі з азначэннямі (19%), развітыя звароткі з прыдаткамі (7%), звароткі, якія ўтрымліваюць паўторы (8%), звароткі, якія ўключаюць градацыю (8%).

Развітыя звароткі з азначэннямі. Развітыя звароткі з азначэннямі складаюць 44% ад агульнай колькасці развітых звароткаў. Як правіла, азначэнне пры зваротку дазваляе больш поўна раскрыць яго сутнасць, пашырыць характарыстыку асобы, якой адрасаваны зварот, напоўніць яго эмацыянальнасцю, экспрэсіяй.

У велічальна-віншавальных калядках і шчадроўках, звернутых, напрыклад, да сына гаспадара, прысутнічае матыў расчэсвання русых кудраў малайца, пры гэтым ужываецца і адпаведны зваротак, які складаецца з назвы хлопца і азначэння: “*Ах ты, беленькі малойчык, // Хто табе русы кудзеркі расчасаў?*” [6, с. 137]. Азначэнне “беленькі” можа азначаць як светлы колер валасоў, твару, так і чысціню, якая, у ідэале, характэрна для маладой асобы і самой маладосці. Да гаспадыні калядоўшчыкі ці валачобнікі маглі звярнуцца наступным чынам: “*Выдзі, выдзі, малада княгіня, // А ў цябе праява праявілася*” [5, с. 40]. Азначэнне ў складзе зваротка ўказвала на малодосць гаспадыні, якой прысвячалася песня.

Аналагічнае азначэнне ўжывалася пры асабовым імені чалавека, да якога звярталіся: “*Не плач, не плач, младая Анечка, не тужы, // Сядзіць каля цябе пры баку твой, не чужы*” [5, с. 156]. Пры гэтым яно набывала і яшчэ адзін сэнс: маладая – значыць, нявеста. А гэта менавіта той статус, які мела дзяўчына падчас вяселья.

Адносіны жонкі да маладога мужа прасочваем у наступным зваротку: “*Прасілася малада Валечка з-за столля: // – Пусці ж мяне, любы Васечка, з-за столля // Па таткіным падвор’еўку пахадзіць*” [5, с. 184]. І памяншальна-ласкальная форма асабовага імя, і семантыка азначэння сведчаць пра каханне, якое павінна было быць паміж маладымі жаніхом і нявестай, нягледзячы на тугу дзяўчыны па родным доме.

У іншым кантэксце ласкавы зварот да мужа набываў характар прама супраціўны, іранічны: “*Міл дружочак, задушыся, едзьце, братцы, вы дадому...*” [5, с. 105]. Тут жонка звяртаецца да мужа нібы і прыветна, з любоўю, але з кантэксту відаць яе сапраўдныя – адмоўныя – адносіны да яго. І такая сітуацыя мела месца быць, паколькі маладая нявестка ў сям’і мужа не мела амаль ніякіх правоў. У гэтым жа творы можна прасачыць і адносіны мужа да жонкі, які не пазбегнуў прама назваць яе нялюбай, бо верыў у яе падуладнасць: “*Ах ты, жэна нялюбая, твае госці мне не мілы*” [5, с. 105]. Дарэчы, такое супрацьпастаўленне звароткаў у межах аднаго твора надае яму высокую

экспрэсію, дазваляе прасачыць месца і ролю членаў адной сям’і, іх характары, узаемаадносіны.

Даволі часта пры звароце да дзяўчыны выказваліся наступным чынам: “*Як табе, красная дзевачка, // З мамачкай разысыся?*” [7, с. 229]. Вядома, што азначэнне “*красная*” азначае “*прыгожая*”. Другі кампанент “*дзевачка*” ўказвае і на пол асобы, і на яе ўзрост. Ён, дарэчы, стылістычна афарбаваны, паколькі лексема “*дзевачка*” не з’яўляецца нормай для беларускай мовы, гэта хутчэй калька з рускай мовы. З дапамогай падобных лексем прасочваюцца дыялектныя асаблівасці пэўнай мясцовасці, што робіць твор стылістычна непаўторным.

Веснавыя песні маглі змяшчаць зварот да іншых істот жывой прыроды: “*Кукуй, зязюля серая, // Нядоўга табе кукаваць.*” [4, с. 300]. Вобраз зязюлі, зварот да яе ў дадзеным кантэксце ўказваюць на непазбежнасць здзяйснення нечага нярадаснага, што падкрэсліваецца азначэннем, якое называе прымету птушкі па колеры апярэння.

Са зваротку да дамашняй жывёліны пачынаецца песня-замова, якую выконвалі перад выганам статка на пашу ў Юр’еў дзень; у якасці азначэння тут выступае прыналежны займеннік: “*Ідзі, мая кароўка, // Ў зялёную дуброўку*” [6, с. 213]. Азначэнне ў дадзеным выпадку мае ўдакладняльнае значэнне, адначасова падкрэсліваючы адносіны гаспадара да жывёлы, спадзяванні, звязаныя з ёй.

Займеннік у якасці азначэння з’яўляецца даволі частотным кампанентам развітых звароткаў. Прыналежныя займеннікі ў такіх зваротках, як правіла, указваюць на прыналежнасць першай асобе: *мой, мая, маё, наш, наша*. Асаблівасцю іх выкарыстання з’яўляецца тое, што звычайна яны ўжываюцца пры звароце да асобы, з якой гаворачага звязваюць адносіны роднасці, сваяцтва, дапоўненыя асаблівай цеплынёй і клопатам: “*Яго родна мамачка стаіць у варотах, // Не вяліць, не вяліць. // – Не едзь, не едзь, маё дзіцятка, // Жаніцца, жаніцца...*” [5, с. 140]; “*Не аддай мяне, мая мамачка, і далё ў чужы край*” [5, с. 189]; “*Не плач, не плач, // Мая мамачка, ды па мне, // А я ж буду недалечка ад цябе*” [5, с. 190]; “*Сабірайся, мой брацетка, ў людзі, // Навучайся, мой брацетка, людскосці...*” [7, с. 254]; “*Ах, татулька наш! // Ты ж нас гадаваў, // Ты ж нам спагадаў, // А цяпер пакідаеш...*” [7, с. 287]; “*Ужо, мой браток, кажуць, што табе зрабілі домік...*” [7, с. 301].

Асаблівую мілагучнасць набываюць развітыя звароткі, якія ўтрымліваюць некалькі азначэнняў, адно з якіх (займеннік) указвае на прыналежнасць, другое (прыметнік) на пэўныя адносіны ці характарыстыку асобы, якой адрасаваны зварот: “*Дачушка мая родная, // Я ж табе гэты сон раскажу*” [5, с. 133]; “*Дзетка ты мая родна, // Як паедзеш венчаіся // Не забудзь з усімі прапрашчаіся*” [5, с. 159]. Кантэкст прыведзеных прыкладаў дае нам магчымасць зразумець увесь драматызм сітуацыі развітання маці з дачкой. Падобнымі прыкладамі насычаны многія вясельныя песні. Такія развітыя канструкцыі дазваляюць гаворачаму выказаць надзвычай цёплыя пачуцці. Дадатковае

ўдакладняльнае значэнне мае і асабовы займеннік, які можа ўваходзіць у склад падобных звароткаў.

Акрамя іншага, вясельныя спевы прысвячаліся не толькі галоўным дзеючым асобам (сватам, жаніху, нявесце і г.д.), але і пэўным рэаліям, без якіх немагчыма ўявіць сабе вясельны абрад. Нашы продкі такія культываваныя прадметы адушаўлялі, звярталіся да іх як да адушаўлёных асоб: “*Каравая мой румяны, // Ці богі цябе малявалі?*” [7, с. 143]. Прыведзены прыклад утрымлівае кампанент, які ўжыты ў клічнай форме – *каравая*. Гэта спецыфічная рыса беларускай народнай мовы дапамагае стварыць нацыянальны каларыт.

Надзвычай багатымі на развітыя звароткі з’яўляюцца памінальна-пахавальныя галашэнні. Гэтыя спантанна створаныя матывы насычаны экспрэсіўнасцю, трагізмам, непазбежнасцю расставання. У зваротак укладваўся нясцерпны душэўны боль ад страты дзіцяці: “*Маё мілае дзіцятка, што ж ты саічытіла сваі белай ручанькі к ріціву сярдзецку?*” [7, с. 287]; “*Дзіцятка маё даражэнькае! // Абламіла ты мяне проці цёплага лецічка*” [7, с. 287]; “*Дачушка мая дарагая! // Што ж ты нарабіла? // Чаго ж ты мне сваю бяду не расказала?*” [7, с. 297]; “*Дачушка мая любая!.. // А зрабіла мне вяселлейка пячальнае*” [7, с. 312]; ад страты мужа: “*А хазяін мой даражэнькі! // А хто ж са мной трудзіціся цяпер будзець? // А хто ж памагаць будзець?*” [7, с. 288]; бацькі: “*Татулька мой роднёнькі! // На што ты плотнічкаў наняў? // Сабраў ты работнічкаў, – // Дзяліцца ты хочаш, татулька!*” [7, с. 301]; бабулі: “*Бабулька наша родная, а на што ж ты нас пакінула?*” [7, с. 358]. Звычайна галашэнні пачыналіся менавіта са зваротка, на ім ставіўся лагічны націск, акцэнтавалася і канцэнтравалася ўвага. Такія звароткі падобныя паміж сабой, паколькі складаюцца звычайна з назвы таго, хто памёр (у большасці выпадкаў праз гэты кампанент праяўляліся адносіны роднасці) – татулька, мамачка, дачушка і г.д. – і азначэння з прыналежным займеннікам у прэпазіцыі (мая мілая, мая дарагая, мой любы і інш.). У той жа час эмацыянальная насычанасць такіх звароткаў надзвычайная, бо праз іх перадаецца трагічнасць сітуацыі, душэўны боль асобнага чалавека, які менавіта праз зваротак-крык перадаецца прысутным.

У памінальных галашэннях зварот мог быць адрасаваны не толькі памерламу, але і прысутным: “*Людзі мае добрыя! // Памажыце! Раскажыце мне, // Што мне беднай рабіць?*” [7, с. 297]. Падобным звароткам выказваўся адчай, просьба дапамагчы, неабходнасць спачування, спагадлівасці з боку іншых людзей. Кожны такі зваротак – асобны крык, за кошт якога твор насычаецца найбольшай экспрэсіўнасцю: “*Суседзькі мае родныя! // Суседзькі мае мілыя! // Зрабіце майму татульчку дамочак вяселенькі...*” [7, с. 301].

Такім чынам, азначэнне, якое ўваходзіць у склад зваротка, выконвае вельмі важную функцыю: дазваляе раскрыць характар узаемаадносінаў, насыціць твор экспрэсіяй, увесці інтрыгу, аздобіць зваротак эмацыянальна.

Развітыя звароткі з прыдаткамі. Развітыя звароткі з прыдаткамі ў прааналізаваных творах складаюць 17% ад агульнай колькасці развітых звароткаў. Таксама як і азначэнні, прыдаткі дапамагаюць гаворачаму выказаць свае адносіны да таго, каму адрасаваны зварот. Яны ўваходзяць у склад развітых звароткаў і пэўным чынам уплываюць на кампазіцыю твора, нярэдка ўтвараючы паміж сабой рыфму і інш.

Падчас калядак спяваліся песні і пра каханне, якія нярэдка змяшчалі ў сабе дыялог ці маналог закаханых: “*Зайшоў, зайшоў міленькі // К Настусі на двор. // – Настасенька-душанька, // Адпірай варота*” [5, с. 22]. У прыведзеным прыкладзе зваротак насычаны душэўнасцю, указвае на любоў хлопца да дзяўчыны; ужыты разам з асабовым імем у памяншальна-ласкальнай форме, зваротак у цэлым выклікае станоўчыя эмоцыі.

Вясельныя абрады напоўнены матывамі расставання: “*А мае вы дзевачкі-сястрыцы, // А мне ж пара з вамі разлучыцца*” [7, с. 128]. Прыведзеныя радкі з песні маладой дзяўчыны, якая развітваецца са сваімі сяброўкамі напярэдадні вяселля, адначасова развітваючыся і са сваім дзявоцым жыццём, маладымі забавамі. Прыдатак вельмі добра характарызуе адносіны дзяўчыны да сябровак. Яна называе іх сястрыцамі, але гэта не абавязкова павінна ўказваць на сваяцкія адносіны – хутчэй гэта сведчанне блізкага сяброўства. Эмацыянальнасць зваротку надаюць прыналежны і асабовы займеннік, а таксам часціца *а* ў прэпазіцыі.

У наступным прыкладзе назіраем ідэалізацыю вобраза асобы, якой адрасаваны зварот: “*Вы, мужовепанове, // Піце піва п’яное, // Гаварыце мужское: // У каго маці стара...*” [6, с. 289]. Гэтыя радкі з вяснова-талочнай песні на сямейную тэматыку змяшчаюць зваротак, у якім прысутнічае ўнутраная рыфма, а сам ён ужыты ў клічнай форме. Прыдатак “панове” можа выконваць некалькі функцый: ідэалізацыі (павышэнне сацыяльнага статусу асобы) і простага намінацыі, паколькі слова “панове” для нашых продкаў – гэта і ветлівы зварот да чалавека.

Зварот у песнях да прыродных стыхій, касмічных сіл дазваляў вельмі натуральна, у шчыра-пачуццёвай форме выказаць свае жаданні-просьбы, звязаныя з надзеяй аблегчыць, напрыклад, тамлівую жніўную працу. У такім выпадку жнеі маглі звярнуцца да сонца, каб яно хутчэй схавалася і ў іх была магчымасць адпачыць: “*Сонейка-каласочак, // Каціся за лясочак: // Ты ж нам прынадаела, // Сярэдзінка забалела, // Ручкі-ножкі панямелі*” [6, с. 438]. Нашы продкі верылі ў магутнасць сонца, але выказаць катэгарычна сваё незадавальненне яны не маглі, каб не пакрыўдзіць яго. Таму ў песні выкарыстоўваецца вельмі цёплы зварот. Тут і памяншальна-ласкальная форма зваротка, і прыдатак “каласочак”, які ў беларускага народа меў значэнне вялікай прыхільнасці, любові, спагады. Тут і ўнутраная семантыка – падабенства сонейка і каласочка па колеры, і сам час звароту – жніво. Можна сказаць, што ўжыты зварот надае гэтым радкам спагадлівую цеплыню, просьба набывае мяккі характар: жнеі просяць у сонейка літасці, дапамогі.

У некаторых выпадках прыдатак у складзе развітага зваротка ўказвае на сваяцкія адносіны паміж гаворачым і асобай, якой адрасавана выказанне: “– *Іванка-сыночак, вучу я цябе: // Ты не стаў коніка пад рабінаю*” [5, с. 142]. Тут маці наказвае сыну, які збіраецца ехаць жаніцца ці ў сваты. Прыдатак і асабовое імя ў памяншальна-ласкальнай форме ствараюць агульную кампазіцыю, праз якую выказваюцца любоў і перажыванні маці.

Наяўнасць унутранай рыфмы ў зваротку сведчыць пра здольнасць народа падбіраць сугучныя словы. Прычым такія словы не пярэчаць эстэтычнай прыгажосці, ствараюць прыгожыя, ласкавыя звароты: “*Матушка-ластушка, галоўка баліць...*” [7, с. 98]. Зваротак з падобным прыдаткам можна аднесці і да звароткаў-сімвалаў. Ластаўка (ластушка) – птушка, якая дбае пра сваю сям’ю, патомства, птушанятак-дзіцятак. Гэта істота працалюбівая, дбайная, клапацілівая. Таму нездарма і дзіця называе “*матушку*” “*ластушкай*”.

Наступны прыклад змяшчае зваротак, які, у адпаведнасці з яго структурай, адносіцца да развітага зваротка з прыдаткам, а ў семантычным плане з’яўляецца звароткам-сімвалам, які ўключае ў сябе назву птушкі і назву расліны: “*Пакідаеш нас, татулечка, // Адлятаеш, галубчык-палесачка!*” [7, с. 327]. Гэта радкі з памінальна-пахавальнага галашэння. У падобных зваротках родныя, у дадзеным выпадку дзеці, выказвалі памерламу ўсю сваю любоў, тугу. Вельмі часта смерць вобразна называлася адлётам, сам пакойны – птушкай. Менавіта па гэтай прычыне, зваротак змяшчае ў сваім складзе слова “*галубчык*” (голуб). Прыдатак у дадзеным выпадку мог выконваць некалькі функцый: дэкаратыўную – выступаў у якасці аздаблення, ласкавага слова, звернутага да памерлага; мог указваць на час нараджэння ці смерці – вясну; мог выступаць у якасці падабенства па колеры веснавой кветкі і голуба.

У песні “Цераз рэчку, цераз быструю” ў адным сказе сустракаем два развітыя звароткі: “*Ай, ты, Лёшанька-душа, // Ён за ручаньку вядзець, // А ты, кладачка-серабраначка, // Не ўгібайся пада мной*” [5, с. 108]. У зваротку “*Лёшанька-душа*” прасочваюцца ноткі жартаўлівыя, вясёлыя. Гэта зварот дзяўчыны да хлопца, у якім выказваюцца яе душэўныя адносіны да яго. На дарозе закаханых цераз рэчку ляжыць кладачка. Дзяўчына звяртаецца і да яе: “*кладачка-серабраначка*”. Прыдатак “*серабраначка*” даволі празрысты: акрамя ўнутранай рыфмы, заўважаецца і падабенства па знешнім выглядзе кладкі і срэбра. Зразумела, што мокрая ад вады кладачка на сонцы можа зіхацець срэбным колерам, пералівацца. Пры жаданні можна пранікнуць і ў больш глыбокую семантыку выбранага слова: нярэдка сівы колер валасоў, называюць срэбраным. Сівізна з’яўляецца ў большасці людзей з узростам. Можна меркаваць, што пракладзеная праз раку кладка таксама ўжо старая, стаптаная нагамі, абмытая вадою, набыла нейкі налёт сівізы-срэбра. Тым больш што з кантэксту нам вядома: кладачка прагінаецца, значыць, пры кантакце з вадой яна хоць і набыла пэўную эластычнасць, але ў той жа час можа не толькі прагнуцца, але і зламацца.

Зваротак можа сімвалізаваць ідэалізацыю асобы, да якой звяртаюцца. Напрыклад, простых сялян у велічальных песнях маглі называць панамі ці князямі, што не адпавядала іх сацыяльнаму статусу, але ўжывалася ў якасці кампліменту, ушанавання. Так, у калядных песнях даволі часта сустракаецца зваротак тыпу *пан гаспадар* ці яго адпаведнік у клічнай форме *пане гаспадару*: “*Ці спіш, ці ляжыш, пан гаспадарок?*” [6, с. 240]; “*Пане гаспадару, адчыні аконца...*” [6, с. 103].

Даволі часта ў абрадавых творах ужываюцца звароткі, якія, на першы погляд, падобныя да аднародных: “– *А, нявехна, дзіцятка, ідзі ў свякроўкі запытай*” [5, с. 105]. Аднак калі ўлічваць, што зварот адрасаваны адной асобе, то другі кампанент лагічнай разумець як паясняльнае слова [6, с. 130]. Звароткі ў падобнай форме дазваляюць гаворачаму рэалізаваць розныя мэты: удакладніць якую-небудзь акалічнасць, выказаць свае адносіны да асобы, якой адрасаваны зварот і інш.: “*Ражутка, дачушка, // Не стой з Кузьмом попчэц...*” [5, с. 61]; “– *Ты, бабусячка, ты, любусечка, // А хадзі ка мне, паратуй мяне*” [7, с. 36]; “*Ай ты, кумачка, ты галубачка, // Дзе дагэтуль была? // Ай, вы, жэначкі, вы лябёдачкі, // Я ў пана была*” [7, с. 68]. Такія звароткі часам ускладняюцца прыналежным займеннікам: “– *Мядзведзечка, мой братачка, // Да й ні еш майго дзіцятачка*” [5, с. 82]; “*Пайду свёкра напрашу. // – Свікратка, мой татка, прыехала два гасцічкі, // Мае родныя браточкі*” [5, с. 105]; “*А ты, Анечка, ты душа мая, // Ты не гневайся са мной*” [5, с. 110]; “*Ты, Аўгінька, сэрца мае, // Радзі мне дзевяць сыноў*” [7, с. 41].

Такім чынам, ужыванне прыдаткаў у складзе развітага зваротка надае ўсяму звароту непаўторную прыгажосць, вобразнасць, твор становіцца паэтычным, эмацыянальным. Прыдаткі дазваляюць стварыць унутраную рыфму (кладачка-серабраначка, матушка-ластухка), што ўказвае на здольнасць нашых продкаў ствараць прыгожыя вобразы, адчуваць рытм і рыфму, на іх эстэтычны густ.

Звароткі, якія ўтрымліваюць паўторы. Звароткі, якія ўтрымліваюць паўторы, складаюць у прааналізаваных тэкстах 19% агульнай колькасці развітых звароткаў.

Паўторы маюць вялікае значэнне ў абрадавых песнях: яны не толькі акцэнтуюць увагу на адрасаце выказвання, але і ствараюць пэўную кампазіцыйную арганізацыю, садзейнічаюць канцэнтрацыі пачуццяў, душэўных перажыванняў: “*Купала, Купала, // Дзе ты прабувала?*” [5, с. 55]; “*Ой, роза, роза, чаго адна ў гародзе?*” [6, с. 127]. Больш таго, трайныя паўторы носяць сакральны характар, што звязана не толькі з традыцыйнай хрысціянскай верай, але бярэ свой пачатак у язычніцкіх вераваннях. У нейкай ступені такія паўторы гучаць як заклінанне. Народныя спевакі надавалі паўтаральнасці вялікае значэнне і ў хрэсьбінных песнях: “*Ой, матушка, матушка, матушка, родная, // Ты не маеш волечкі над маёй жаной*” [7, с. 78]; “*Ой, мілая, мілая, мілая мая, // Устань, мы паедзем пракатаемся*” [7, с. 78]. Знаходзім падобныя прыклады з некаторай трансфармацыяй

у вясельных абрадавых песнях: “*Каравай, каравай, каравая, // А хто ж цябе задумаў?*” [5, с. 129]. Заўважым, што апошнія слова зваротку ўжыта ў клічнай форме, што ўтварае меладычны, пэвучы характар твора.

Сярод песень, якія выконваліся на Юр’е, былі і жартоўныя, з лёгкай іроніяй, якія з добрай гумарынкай узнаўляюць атмасферу гуляння моладзі. У такім выпадку зваротак да асноўнага персанажа свята мог быць ужыты ў памяншальна-ласкальнай форме: “*Юрайка, Юрайка, ці зялёна мураўка?*” [6, с. 232]. Падобны паўтор абумоўлены структурай радка, узмацняе эмацыянальнае ўздзеянне на слухача, надае твору гульнёва-жартаўлівы характар.

У абрадавых песнях значна месца займаюць творы, для якіх характэрны паўторы цэлых сінтаксічных канструкцый, якія могуць выступаць у якасці рэфрэну. Функцыя іх аналагічная – сканцэнтраваць увагу на пэўнай асобе: “*Гэй, старшы сват, старшы сват! // Ты прыехаў на казе. // Прывёз сучку на вазе. // Гэй, старшы сват!*” [5, с. 154].: “– *Мамачка мая родная, // Мамачка мая родная, // Сколькі да сватоў садзіць, // Сколькі мне да сватоў садзіць?*” [5, с. 146]; “*Раскаціла Волечка // Свой кужалёчак. // – Да, дзевачкі ж мае, // Сястрыцы мае. // Да, дзевачкі ж мае, // Сястрыцы мае, // Ужэ ж мне, дзевачкі, // Не да кужалёчка*” [5, с. 146]; “*А свату, наш свату, // А свату, наш свату, // Пусці нас у хату*” [5, с. 152].

Паўторы зваротка ствараюць асабліваю кампазіцыю твора, надаюць яму эмацыянальную афарбоўку. Адметнае гучанне набываюць звароткі, у якіх нейкае адно слова не проста паўтараецца, а ўдакладняецца, напрыклад, прыметнікам з прыналежным займеннікам ці без яго: “*Ой, кося, кося, мой сібусенькі, // Рана, мой сібусенькі*” [5, с. 9]. Падобны зваротак можа ўжывацца і ў клічнай форме: “*Ой, кося, кося, вараны, // Вывезі, кося, з чужой стараны*” [5, с. 25]. У прыведзеных прыкладах заключныя часткі звароткаў характарызуюць жывёлу па колеры, акцэнтуючы ўвагу на гэтай прымеце.

Для абрадавых песень надзвычай характэрны паўторы звароткаў, якія могуць быць падзелены нейкай адной яго часткай, што гучыць як рэфрэн у такой міні-кампазіцыі, але ў поўным сэнсе ім не з’яўляецца: “*Брат сястру на пасад вядзе, // Вядзе, вядзе, да выпытвае: // – Сястрыца мая родная! // Мая родная, // Сястрыца мая родная! // Хто ў цябе надмілейшы?*” [5, с. 137]. Увага тут акцэнтуюцца як на самой асобе, так і на адносінах гаворачага да яе. Паколькі выбраныя радкі ўзяты з песні вясельнага цыклу, то зразумела, што асноўная ўвага акцэнтавана на галоўнай асобе абрадавага дзеяння.

Зваротак можа задаваць танальнасць песеннаму твору, калі паўтараецца толькі нейкае адно выбраное слова. Гэтым самым ствараецца пэўны рытм, своеасабліва завершанасць радка: “*Баяры мае мілы, баяры, // Гутатайце мяне высока, высока*” [5, с. 143]. Тут увага акцэнтуюцца менавіта на асобах, якім адрасаваны зварот, а не на адносінах да іх. Трэба адзначыць, што назіраецца і своеасабліва ідэалізацыя адрасатаў. Семантычна зваротак не абавязкова можа быць звязаны з сацыяльным статусам. Дадзены ўрываек з песні вясельнага цыклу,

баяры тут – сябры, сваты маладога. Вобразнае мысленне нашых продкаў дазволіла стварыць розныя назвы для простых асоб. Так, жаніх на вяселлі называўся князем, яго сябры (сваты) – дружынай, баярамі і інш. Выбар падобных лексем надаваў падзеі ўзвышанасць, асаблівае гучанне, урачыстасць. Ад выбару лексем, якая паўтаралася, залежыць і пэўны акцэнт. У процівагу папярэдняму прыкладу можна прывесці наступны: *“Бела свацця, бела, // Ды дзе ж ты бялілася?”* [5, с. 153]. У адпаведнасці з паўторам, можна з упэўненасцю канстатаваць, што ўвага акцэнтаецца толькі на знешняй прыкмеце асобы.

Своасаблівае месца займаюць паўторы, апошні кампанент якіх некалькі вар’іруецца, беручы на сябе ўсю ідэйна-вобразную нагрукку не толькі радка, але і пэўнага інтанацыйна-сінтаксічнага адрэзка песні: *“Вясна, вясна, вясеначка, ай, // Дзе твая дачка красеначка?”* [6, с. 198]. Падобная варыяцыя можа быць і ў дваітных паўторах, якія ўяўляюць сабой нанізванне падобных сінтаксічных канструкцый: *“А Грышачка мой міленькі! // А Грышачка мой родненькі! // А каму ж ты міне пакідаеш?”* [7, с. 288]. Такія паўторы нярэдка “рухаюць” сюжэт, робяць зваротак больш эмацыянальным, ствараюць кампазіцыйную цэласнасць, дазваляюць выказаць больш глыбокія пачуцці, разнастаіць іх.

Нязначную трансфармацыю ў дваітным паўторы назіраем у наступным прыкладзе, дзе зваротак ускладняецца прыналежным займеннікам, што не толькі арганізуе песенны твор кампазіцыйна, але і робіць пэўны акцэнт на прыналежнасці: *“Ой, сонейка, маё сонейка, // Ці было ты ў Бога на ўме...”* [5, с. 80].

Такім чынам, паўторы звароткаў маюць вялікае значэнне ў стварэнні не толькі кампазіцыйнай структуры твора, але і эмацыянальнасці ўсяго твора.

Звароткі, якія ўключаюць градацыю. Звароткі, якія ўключаюць градацыю, складаюць 20% ад агульнай колькасці развітых звароткаў. Гэта своеасаблівае групаванне паўтаральных выразаў для таго, каб узмацніць эмацыянальную выразнасць, акцэнтаваць увагу на сутнасным вобразе песні. Напрыклад, у наступных радках узмацненне адбываецца за кошт нанізвання звароткаў па схеме “просты зваротак + прыналежны займеннік са звароткам + зваротак у памяншальна-ласкальнай форме”: *“Ай бор, мой бор, барочак, // Чаго ж ты, бор, не вясёл?”* [5, с. 61]. Прыём градацыі выкарыстоўваецца і ў такім развітым зваротку: *“Кума мая, кумушка ты мая, // Чырвоная ягадка ты мая”* [7, с. 44]. Экспрэсія дасягаецца пры нанізванні сінтаксічных канструкцый ад простага да больш складанай. У наступным зваротку ўжыванне прыёма градацыі дазваляе ахарактарызаваць аб’ект звароту па адметных прыкметах: *“Ой ты, рэчанька, ой ты быстрая, // Камяністая ды і вірыстая...”* [7, с. 230]. Такія звароткі спрыяюць разгортванню падзей у песні ў насычаны малюнак, надаюць сюжэту дынаміку развіцця дзеяння, эмацыянальнасць і вобразную насычанасць.

Семантычна-экспрэсіўная градацыя дазваляе гаворачаму выказаць увесь спектр пачуццяў і эмоцый: *“– Татачка мой, кармільчык, міласлівы, жаласлівы!*

Хто ж мяне цяпер сужалець?” [7, с. 350]. У падобных зваротках праяўленне пачуццяў дасягаецца за кошт ужывання самых розных слоў, праз семантыку якіх гаворачы выказвае свае адносіны да таго, каму адрасаваны зварот.

Такім чынам, паўторы і градацыя надаюць зваротку і ўсяму выказванню вобразнасць, эмацыянальнасць, экспрэсію. Паўторы акцэнтуюць увагу на асобе, з’яве ці пэўных іх якасцях, ствараюць адметную кампазіцыю твора. За кошт градацыі дасягаецца семантычная экспрэсія, кожнае слова, якое ўваходзіць у склад зваротка, разгортвае перад намі вялікі спектр пачуццяў, характарыстык.

Функцыянаванне звароткаў-сімвалаў у розных тыпах абрадавай паэзіі. Звароткі-сімвалы складаюць 17% ад агульнай колькасці прааналізаваных звароткаў. У іх склад уваходзяць назвы раслін (4% ад агульнай колькасці звароткаў), назвы птушак (10%), назвы астранамічных аб’ектаў (3%).

Звароткі-сімвалы, якія выконваюць самыя розныя функцыі, даюць надзвычай багаты і разнастайны матэрыял. З іх дапамогай дасягаецца паэтычнасць, вобразнасць, маляўнічасць твораў, насычэнне іх больш глыбокім сэнсам.

Звычайна выбар сімвалаў дыктуецца традыцыйнымі міфалагічнымі ўяўленнямі, старажытнымі павер’ямі беларусаў. Слова-сімвал у цэлым і зваротак – у прыватнасці не з’яўляецца выпадковым. Яны нясуць пэўную семантычную нагрукку. Самымі распаўсюджанымі з’яўляюцца сімвалы, у якасці якіх выступаюць прадстаўнікі расліннага свету, найменні жывёл і птушак, а таксама назвы астранамічных аб’ектаў.

Прадстаўнікі расліннага свету. Назвы раслін у якасці зваротка-сімвала складаюць 25% ад агульнай колькасці звароткаў-сімвалаў. У вуснай паэтычнай творчасці беларусаў дзяўчаты і жанчын нярэдка называюць ягадкай, журавінкай, рабінай, калінай, бярозкай і інш. Нашы продкі бачылі ў гэтым не толькі знешняе падабенства прыгажосці, цнатлівасці, спеласці, тугі, смутку, але і выконвалі такім чынам пэўнае рытуальнае дзеянне: не называючы сітуацыю сваімі словамі, яны спявалі прыгожыя і сімвалічныя песні ў пэўны момант таго ці іншага абраду. Усім прысутным быў зразумелы сэнс, які ўкладваўся ў пэўны сімвал.

У радках *“Дзевачкі-пралесачкі, // Не ідзіце па арэшачкі”* [6, с. 89] зварот адрасаваны маладым дзяўчатам. Прыдатак *“пралесачкі”* ўказвае на іх чысціню, трапяткую прыгажосць. Як першыя веснавыя кветкі, яны выглядаюць з-пад снегу “дзіцячасці” і ўжо амаль нявесты. Нездарма ж песня ўключае перасцярогу: *не ідзіце па арэшачкі*. У адпаведнасці з разуменнем нашых продкаў, гэта азначала страту цнатлівасці да замужжа. У той жа час выраз *ісці ў луг па каліну* азначаў чысціню і нявіннасць дзяўчыны.

Зваротак-сімвал таксама мог набываць функцыю ідэалізацыі таго, каму ён адрасаваны. Вядома, што многія песні звязаны з узвелічэннем і ўшанаваннем гаспадары і гаспадыні дома. Таму вельмі лагічным з’яўляецца наступны зварот да гаспадыні: *“Гаспадынечка-*

журавіначка, // *Вазмі літарок, ідзі у хлявок...*” [6, с. 259]. Прыдатак “*журавіначка*” адразу дае ўяўленне пра прыгожую, румяную жанчыну, сапраўдную гаспадыню, налітую, як спелая журавіначка. Такі зварот дае магчымасць разважаць і пра ўзрост жанчыны, калі правесці пэўныя паралелі: вядома, што журавіны – ягады восеньскія, прычым познія; такім чынам, перад намі ўжо ніяк не маладая дзяўчына – кветачка ці пралесачка, – а сталая замужняя асоба.

У некаторых песнях, звязаных з будучым замужжам, дзяўчына асацыюецца з калінай. У падобным зваротку-сімвале прасочваюцца прыродная і чалавечая паралелі: “*Досыць, калінка чырвоненькая, // Табе ў лузе стаяці*” [6, с. 479]. Развіты зваротак, які ўключае ў свой склад азначэнне, як мага лепш характарызуе становішча дзяўчыны, якая не выйшла замуж. Вобраз даспелай каліны ў гэтым эмацыянальна адкрыты: горкі смак ягады дзейсна асацыюецца са становішчам дзяўчыны, якая, не выйшаўшы замуж, становіцца аб’ектам агавораў. Зварот-сімвал дазваляе праілюстраваць сітуацыю як вобразна-паэтычна, так і этычна.

Дзяўчыну, якая збіралася замуж, маглі параўноўваць з ружай. У такім выпадку песня набывала празрыстую семантыку: “*Зеляніся, не зеляніся, ружачка, // Не зімаваці табе, ружачка, у садочку, // А зімаваці табе, ружачка, у вяночку*” [5, с. 127] (параўн.: “*Весяліся, не весяліся, Наташка, // Не векаваці табе, Наташка, ў матулькі, // А векаваці табе, Наташка, ў Колецкі*” [5, с. 127]. У спектры вясельных песень наогул сустракалася шмат кампазіцыйных паралелізмаў: “*А ні жарка гарыш, каліна, // А ні жарка гарыш, каліна, // Ні разжарыла карэння...*” [5, с. 195]; “*А ні жалка плачаш, Надзечка, // А ні жалка плачаш, Надзечка, // Ні разжаліла мамульку*” [5, с. 195] – зваротак-сімвал “каліна” ўказвае нам на дзяўчыну шлюбнага ўзросту. Паралелізм прасочваецца і ў наступным прыкладзе: “*Ой, вішанька, да чарэшанька, // Не шумі на мяне, // Ой, міленькі, чарнабровенькі, // Не сварыся на мяне*” [6, с. 86]. Прыведзеныя радкі з’яўляюцца прыкладам кампазіцыйнага паралелізму. Яны адносна самастойныя, аднак семантычна пераклікаюцца. Можна дапусціць, што “вішанькай” і “чарэшанькай” жонка (дзяўчына) маглі напрамую звярнуцца да мужа (хлопца) і гэтым самым ласкава дапоўніць просьбу другой часткі.

Звароткі-сімвалы могуць ужывацца паралельна з простымі і развітымі звароткамі, удакладняць іх для больш трапнай характарыстыкі таго, каму ён адрасуецца. Так, у жартаўлівых песнях хрэсьбіннага абраду кум мог звярнуцца да кумы наступным чынам: “*Кума мая, кумушка ты мая, // Чырвоная ягадка ты мая*” [7, с. 44]. Сэнсавая нагрузка падобнага звароту – указаць на прыгажосць асобы, звярнуць яе ўвагу, зрабіць камплімент, задобрыць.

Нярэдка ўжыванне назвы расліны магло акцэнтаваць увагу на прызначэнні песні. Так, у песні “Тры сястрыцы стрыкаліся” пасля кожнага радка паўтараецца рэфрэн: “*Ай, каліна, маліна, // Ай, ягадачка мая*” [7, с. 82]. Прыпеў такога кшталту не толькі ўказвае на тое, што галоўныя героі песні –

асобы жаночага полу, але і дазваляе надаць твору большую рытмічнасць, запамінальнасць.

Функцыянальнасць прыродных вобразаў, іх семантычная роля ў кампазіцыйнай арганізацыі структуры песень самая разнастайная. У асобных выпадках на першы план выходзіць эстэтычная функцыянальнасць, своеасаблівая мастацкая гульня, зададзеная вобразам-звароткам, узятым з прыроды. Напрыклад, вобраз маку выступае паралельна да вобраза дзяўчыны ў восеньскай песні “Залатая макаўка”: “*Залатая макаўка, // Ці многа маку маеи?*” [6, с. 485]. Тут выказваецца ідэя шчодрасці маладой, хаця гэта расліна часцей адыгрывае дэкаратыўна-вобразную ролю.

Калі вясельная і радзінная (хрэсьбінная) паэзія пабудавана на паралелізме, які быў навідавоку ў самім тэксе, то памінальна-пахавальныя галашэнні ўтрымліваюць звароткі-сімвалы без паясненняў, і, тым не менш, гэта не робіць падобныя звароты менш функцыянальнымі.

Пранікнёным выказаннем бязмежнага гора, дасканальным паэтычным характэрам вызначаюцца галашэнні жонкі па мужу. Яна называе яго не толькі памяншальна-ласкавымі формамі слоў, але і з дапамогай паэтычных сімвалаў: “*А дубочак ты мой зеляненькі, а бярозка мая кудравая...*” [7, с. 356]. Не можа не крануць сэрца любога прысутнага галашэнне маці, поўнае роспачы і болю па заўчасна памёрламу дзіцяці. У ласкавыя назвы яго ўкладваецца пачуццё глыбокага душэўнага матчынага болю: “*Яблычка мае недаспелое, // Ягодка мая недазрэлая! // Дзетунько мае міленькае, // Лісточэк мой зялёненькі, // Цвяточэк мой чырвоненькі!*” [7, с. 357]. У галашэннях нярэдка назва дзіцяці замяняецца сімвалам – яблыкам, ягадкай, яварочкам, дубочкам, лісточкам і інш.: “*Яблычка маё садовае, // Чаго ж ты ад мяне адкацілася?*” [7, с. 358]. Азначэнне ў развітым зваротку тут указвае на малы ўзрост: *недаспелае, недазрэлае, зялёненькі*; на тое, што жыве ён пры сваім доме: *садовае* і інш.

Такім чынам, прадстаўнікі расліннага свету, якія становяцца звароткамі-сімваламі, утрымліваюць не толькі глыбокі семантычны сэнс, але і ўплываюць на структуру (кампазіцыю) твораў, утвараючы дасканалыя кампазіцыйныя паралелі. Падобныя звароткі характарызуюць асобу, якой адрасаваны зварот, ушаноўваюць яе кампліментамі, дазваляюць выказаць стаўленне гаворачага да асобы і, акрамя таго, надзяляюць твор вобразнасцю, паэтычнасцю, мастацкай дасканаласцю.

Найменні жывёл і птушак у якасці звароткаў-сімвалаў. Назвы птушак у якасці зваротка-сімвала складаюць 55% ад агульнай колькасці звароткаў-сімвалаў. Найменні жывёльнага і птушынага свету (найбольш тыповыя – *саколік, птушачка, ластавачка, перапёлка, зязюльчка, галубка, галубок* і інш.) вельмі часта сустракаюцца ў абрадавай паэзіі пры звароце да асобы, характарызуюць самую асобу, адносіны да яе і нясуць у абрадавых песнях пэўную семантычную нагрузку.

Традыцыйная песенная сімволіка з выкарыстаннем вобразаў “сокала” і “вутачкі” прысутнічае ў песнях

любоўнай лірыкі: “*Ты, вутачка-перабаўніца, // Ты сокала перабавіла... // Ты, Кацярынка-перабаўніца, // Ты Андрэйку перабавіла*” [6, с. 160]. Зваротак з прыдаткам дасціпна характарызуе дзяўчыну, якая пераманіла хлопца ад іншай дзяўчыны. Нечым падобны да гэтага і наступны прыклад: “*Селязень серу вутачку ішчыць. // – Ты ж пайдзі, ты ж пайдзі, сера вутачка, ка мне*” [5, с. 108]; “*Гэта Мішанька сваю Леначку ішчыць. // – Ты ж пайдзі, ты ж пайдзі, Леначка, ка мне*” [5, с. 108]. Вобразна-псіхалагічным паралелізмам насычаны і наступныя радкі, у якіх зваротак-сімвал дазваляе нам яскрава ўявіць у вобразе сівенькага галубчыка асобу хлопца: “*Ах ты, сівенькі галубчык... // Ці відзеў сваю галубку?*” [6, с. 160].

Вобразы галубоў наогул вельмі часта сустракаюцца ў абрадавых песнях. Гэта сімвалы чысціні, вернасці, кахання, дружбы. Падобныя вобразы могуць самастойна выступаць у ролі зваротка, а могуць уваходзіць у яго склад у якасці прыдатка: “*Кумушкі-галубушкі, // Куміцесь, не браніцесь!..*” [6, с. 302]. Назначэнне такіх звароткаў магло быць розным. У радзіннай паэзіі такім чынам ласкава звярталіся да бабкі-парадзіхі: “*А ён тростачкай упіраецца, // Бабулі ў ножкі пакланяецца: // – А, бабулечка, ты, галубачка, // Ой хадзі ка мне ды і ў хатачку*” [5, с. 112]; да кумы, якая хрысціла дзіця: “*Ай ты, кумачка, ты галубачка, // Дзе дагэтуль была?*” [7, с. 68]; да кума: “*А кумок, галубок, // Чыні сваю волю*” [8, с. 53]. Родзічы дзяўчыны, якая выходзіла замуж, такім зваротам задобрывалі сватоў, прасілі, каб у новай сям’і да іх дачкі, сястры адносіліся спагадліва, каб яна не знала ганьбы: “*Ой, свашачкі ды галубачкі, // Просім вас, // Каб не было нашаму дзіцяці // Ганьбы ў вас*” [7, с. 205]; “*А сваціца-галубіца, просім вас, // Каб не было нашай сястрыцы дрэнна ў вас*” [7, с. 255].

Пры звароце да асобы мужчынскага полу часта ўжываецца вобраз сокала: “*А ты, саколік, чаго невясёл, // Чаго, саколік, так жа невясёл?*” [5, с. 92]. Памяншальна-ласкальная форма такога звароту надае яму мілагучнасць, заклікае, стварае атмасферу прыхільнасці і спагады да лірычнага героя.

У песні жніўнага перыяду адна са жней звяртаецца да сваіх сябровак па працы: “*Ой, дзевачкі-лябёдачкі, // Пойдзем разам дамовачкі...*” [6, с. 439]. Прызначэнне гэтага звароту можна патлумачыць наступным чынам: прыдатак “лябёдачкі” выконвае функцыю спагадліва-ласкавай назвы. У той жа час жней можна параўнаць з лябёдкамі: як гэтыя прыгожыя гордыя птушкі пльвучы па вадзе, так і жнейкі ў сваёй працы вызначаюцца грацыёзнасцю і прыгажосцю, “плывучы” з сярпамі па жніўным полі. Магчыма і такое тлумачэнне: жней працуюць на панскім полі, праца на чужым надзе-ле не надае весялосці, але ж за знешняй скоранасцю прыгоннаму жыццю праступаюць жанчыны, якія надзелены незвычайнай статнасцю той птушкі, да якой прыраўноўвае іх гаворачы. Прыгажосць “лябёдачкі”, шматграннасць вобраза дазваляюць выкарыстоўваць гэты сімвал і ў наступных зваротах: *Ай, вы, жоначкі,*

вы лябёдачкі, // Я ў пана была” [7, с. 68]; “*Ах, вы, бабачкі-лябёдачкі, // Ганіце кума дамоў*” [7, с. 103].

Значнае месца звароткі-сімвалы займаюць у памінальна-пахавальных галашэннях. Трансфармацыя памерлага ў пералётных птушак знаходзіць у галашэннях канкрэтныя вобразы: “*Пташачка мая пералётная, // Да ў якую гэта ты староначку пералятаеш?..*” [7, с. 326]. У многіх матывах памерлы прыпадабняецца да зяюлі: “*А мамулічка, мая ішэрая зязюлечка! // А куды ж ты ад мяне ўлітаеш?*” [7, с. 287]; “*А мой жа ты татулічка, // А мой жа ты зязюлічка! // А каму ж ты нас пакінуў?*” [7, с. 326]; “*Мамка-зязюлька, мамка-кукушка! // На што ж ты нас пакінула // На гора маленькіх?..*” [7, с. 326]. Такі зварот выкарыстоўваецца не выпадкова: у народзе зязюля вядомая не толькі як птушка, якая пакідае сваіх дзяцей, але і як птушка, якая заўсёды адна. Адыход чалавека ў іншы свет – гэта і адыход ад усяго жывога. Ён быццам бы застаецца адзін, пакідае сваіх родных.

Важнае месца сярод сімвалаў займае вобраз салаўя: “*Куды ты, мой таточка-салавеечка, адлятаеш? // На каго мяне сіраціначку пакідаеш?*” [7, с. 326]; “*Мой любімы брацец, салавеешка!*” [7, с. 342], а таксама вобраз голуба: “*Ах мая мамулічка, // А мая галубачка, // Што ж ты гэта надумалася?..*” [7, с. 287]; “*Мая галубачка, мая мамачка, // На каго ты мяне пакідаеш?*” [7, с. 326]; “*Мамка мая мілая, галубка сівенькая, // Ты там убачыш татку*” [7, с. 337]; “*Мой гаспадарык, мой галубчык*” [7, с. 356]; “*Дзедка мой, галубочак мой! // А хто ж мне цяпер лапцэйкі спляце?*” [7, с. 358]. Як пры жыцці, так і пасля смерці да асоб мужчынскага полу пры звароце ўжываўся вобраз сокала ў розных формах: “*Мой жа гаспадарочак, мой жа ты сакалочак! // ...А ты ж, бывала, куды паедзеш, ты ж у мяне рупішся...*” [7, с. 310]; “*Сокал ты наш ясны, сокал ты наш мілы, куды ж ты далёка ад нас адлятаеш?*” [7, с. 327]; “*А куды ж ты, мой саколік, мой сівенькі, // Проця лецечка ад нас адлятаеш?*” [7, с. 327]. Заўважым, што ў галашэннях звароткі-сімвалы выкарыстоўваюцца не самі па сабе – яны з’яўляюцца кампанентам развітага зваротка, які паўтараецца.

У галашэннях сустракаюцца і такія матывы, у якіх звароты да памерлага выражаны цэлым шэрагам сімвалічных прыпадабненняў: “*Саколік мой ясенькі! // Лябедзька мой беленькі, // Адлятаеш ты далёка...*” [7, с. 352]; “*Мая галубачка, мая ластачка, мая залётная! Лябёдычка мая беленькая! Зязюлечка мая, кукушачка! Ад мяне адлятаеш...*” [7, с. 327], што надае ўсяму выказванню надзвычайную эмацыянальнасць.

Такім чынам, сярод звароткаў-сімвалаў назвы жывёл і птушак займаюць значнае месца. У прааналізаваных творах дамінаюць назвы птушак, якія ўжываюцца як у нейтральнай форме, так і ў памяншальна-ласкальнай. Большую эмацыянальнасць і семантычную нагрузку надаюць такім звароткам азначэнні і прыдаткі пры іх, а таксама паўторы.

Назвы астранамічных аб’ектаў у якасці звароткаў-сімвалаў. Назвы астранамічных аб’ектаў у якасці зваротка-сімвала складаюць 20% ад агульнай

колькасці звароткаў-сімвалаў. Пад астранамічнымі аб’ектамі мы разумеем нябесныя свяцілы: месяц, зоркі, сонца. Нашы продкі надавалі ім вялікае значэнне, яны адыгрывалі важную ролю ў земляробчым календары, у міфалагічных уяўленнях беларусаў успрымаліся як жывыя істоты і, акрамя таго, ужываліся ў якасці ласкавых зваротаў да блізкіх людзей. Назвы астранамічных аб’ектаў выступаюць у ролі звароткаў-сімвалаў, аднак у абмежаванай колькасці абрадавай паэзіі. Намі зафіксаваны падобныя прыклады ў вясельных абрадавых песнях і памінальна-пахавальных галашэннях.

Сонца – нябеснае свяціла, якое грэе, аднак у пэўны момант хаваецца, знікае. Нездарма яно выкарыстоўваецца ў якасці зваротка да памерлага, а памяншальна-ласкавая форма (сонейка) надае зваротку цеплыню, эмацыянальнасць. Уласціваці нябеснага свяціла перадаюцца і роднаму чалавеку. Маці для дзяцей – і карміцелька, і цяпло, і аснова жыцця. Без яе, без сонейка, жыццё ўяўляецца цёмным і халодным: *“Ах мая мамачка, ах, маё сонейка! // Чаму ж ты так мала свяціла, чаму ж ты мяне так мала грэла?”* [7, с. 355]; *“Карміліца мая, красна сонца! // Закацілася жа ты за цёмныя лясоўкі, за шэрыя барочки”* [7, с. 355].

Сімвалам нявесты часам паўстае ў песнях зорачка: *“Ясная зорачка вячэрняя, // Ці будзеш так ясная, як за лес зойдзеш?”* [7, с. 251]. Тут сімвалізуецца надзея дзяўчыны на каханне мужа пасля шлюбу. Азначэнне “яснае” ўказвае на прыгажосць, чысціню дзяўчыны.

Аналіз функцыянавання звароткаў-сімвалаў у творах абрадавай паэзіі паказвае, што асобы сімвалічныя значэнні пры адпаведным выкарыстанні набываюць самыя звычайныя, нейтральныя словы. Гэта дазваляе гаварыць пра асацыятыўна-вобразнае мысленне нашых продкаў, калі рэальныя прадметы ці істоты судносяцца з усвядомленымі ўнутранымі прыкметамі, успрынятымі ў пераносным сэнсе. Гэта, у сваю чаргу, садзейнічае нацыянальна-вобразнаму выяўленню сутнасці з’явы, якая адлюстроўваецца ў сімвале або ў сімвалічным выразе. Звароткі-сімвалы нярэдка маюць ацэначны характар, узмоцнены экспрэсіўна-эмацыянальнай афарбоўкай. Беларусы ў сваіх абрадавых песнях выкарыстоўваюць назвы расліннага свету пры звароце да дзяўчыны, жанчыны (*каліна, ягадка, маліна, кветачка, пралесачка, журавінка*), да асоб мужчынскага полу (*дубочак, яварочак*); шырока ўжываюцца назвы птушак (*галубка, галубок, сакол, салавейка*); не з’яўляюцца выключэннем звароткі-сімвалы з выкарыстаннем назваў астранамічных аб’ектаў.

Заклучэнне. Фальклор быў і застаецца асноўнай духоўнай скарбніцай кожнага народа. У народных творах захавалася мудрасць нашых продкаў, вопыт многіх пакаленняў.

Звароткі, з дапамогай якіх мы звяртаемся да асоб, рэчаў і з’яў, якія нас акружаюць, маюць вельмі вялікае значэнне ў наладжванні паўсядзённых зносін паміж людзьмі. Асаблівае значэнне мае выбар той ці іншай формы зваротка ў абрадавых творах, паколькі паэзія не толькі мае своеасаблівую кампазіцыйную будову і семантыку, але і пэўнае прызначэнне.

У выніку разгляду функцыянавання розных тыпаў звароткаў у творах абрадавай паэзіі былі вызначаны дамінантныя катэгорыі звароткаў, прасочана іх семантыка-стылістычнае і структурнае напаўненне, выяўлены нацыянальныя адметнасці мовы народных твораў. У прааналізаваных творах каляндарна-абрадавай і сямейна-абрадавай паэзіі вылучаецца некалькі тыпаў звароткаў: простыя звароткі ў нейтральнай і эмацыянальна-афарбаваных формах; развітыя звароткі з азначэннямі, прыдаткамі, паўтарамі, градацый (гэтыя дзве групы прыблізна роўныя па колькасцю напаўнення); звароткі-сімвалы, дзе ў якасці сімвалічных вобразаў выступаюць назвы раслін, птушак, астранамічных аб’ектаў. Праведзены аналіз дазваляе акрэсліць найбольш важную заканамернасць ужывання звароткаў у творах абрадавай паэзіі: для народных песень характэрна функцыянаванне звароткаў, якія надаюць ім эмацыянальнасць і экспрэсію, чым дадзеныя звароткі адрозніваюцца ад тых, якія ўжываюцца ў паўсядзённых зносінах. Немалаважная роля ў гэтым належыць таксама адбору лексічных сродкаў: акрамя ўнармаваных, агульнаўжывальных лексем шырока ўжываюцца дыялектныя (нявехна, мальчык, свікратка, жана і інш.), стылістычна-экспрэсіўныя, утвораныя з дапамогай адпаведных суфіксаў, а таксама ўжытыя ў клічнай форме.

Літаратура

1. Гурскі, А.І. Пазаабрадавая паэзія / А.І. Гурскі, Г.А. Пятроўская, Л.М. Салавей; навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск.: Беларус. навука, 2002. – 564 с.
2. Дзядова, А.С. Мастацкі тэкст як крыніца лінгвакраіназнаўчай інфармацыі: манаграфія / А.С. Дзядова. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2022. – 154 с.
3. Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / уклад. У.А. Васілевіч. – Мінск, 1986. – 548 с.
4. Сысоеў, У.М. Беларуская пахавальная абраднасць / У.М. Сысоеў. – Мінск, 1995. – 186 с.
5. Анталогія беларускай народнай песні і прыпеўкі / уклад. і прадм. А. Цітаўца. – Мінск: Ураджай, 2001. – 352 с.
6. Ліс, А.С. Каляндарна-абрадавая паэзія / А.С. Ліс [і інш.]; навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Беларуск. навука, 2001. – 515 с.
7. Фядосік, А.С. Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / А.С. Фядосік [і інш.]; навук. рэд. К.П. Кабашнікаў. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 422 с.
8. Формановская, Н.И. Обиходные обращения и поэтическая обращенность / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 1. – С. 61–64.

Паступіў у рэдакцыю 13.09.2022

Роль метафоры в англоязычной прессе

Коврыга В.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируется феномен метафоры как значимой части газетного текста. Исследуются метафоры, обнаруженные в англоязычных газетных текстах. Установлено, что метафорический фонд газет характеризуется богатством и разнообразием. Метафоры способствуют более яркому описанию сюжетов общественной жизни, отражают ценности, традиции и обычаи общества.

Цель исследования – выявить метафоры, используемые для репрезентации различных сфер жизни, определить их семантику и роль в газетных текстах.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили метафорические выражения, представленные в наиболее крупных по количеству экземпляров и известных англоязычных газетах за 2021–2022 гг. При проведении исследования использованы методы анализа, интерпретации, дескриптивный метод, а также методы семантического и контекстного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Газетному тексту присуща высокая степень информативности и воздействующая функция, которая подразумевает выразительные и запоминающиеся способы сообщения читателю фактов, чему способствует активное использование метафор. Установлено, что метафора позволяет увидеть новые аналогии и сходства объектов и явлений действительности, осознать отношение фрагмента языка к фрагменту мира. Создавая ассоциативное поле, метафора представляет привычные образы в новом свете.*

Заключение. *Результаты анализа практического материала доказали, что метафора значительно повышает эффективность процесса коммуникации между автором газетного текста и реципиентом. Реалии ландшафта, природы и различных видов искусства оказываются вовлеченными в конструирование языка прессы посредством образования метафорических проекций.*

Ключевые слова: метафора, семантика, газета, газетный текст, экспрессивность.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 123–126)

Role of the metaphor in English press

Kovryga V.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article analyzes the phenomenon of metaphor as a significant part of the newspaper text. Metaphors found in English-language newspaper texts are researched. It's been established that the metaphorical fund of newspapers is characterized by richness and diversity. Metaphors contribute to a more vivid description of the plots of social life, reflect the values, traditions and customs of society.

The aim of the article is to identify metaphors used to represent various spheres of life, determine their semantics and role in newspaper texts.

Material and methods. *The material of the study comprises metaphorical phrases used in the most common English-language newspapers in 2021–2022. The research methods include methods of analysis, interpretation, the descriptive method as well as methods of semantic and contextual analysis*

Findings and their discussion. *The newspaper text is characterized by a high degree of informativity and persuasive function which implies expressive and memorable ways of reporting facts to the reader, which is facilitated by the active use of metaphors. It's been established that the metaphor allows one to see new analogies and similarities of objects and phenomena of reality, realize the relation of a language fragment to a fragment of the world. By creating an associative field, the metaphor presents familiar images in a new light.*

Conclusion. *The results of the practical material analysis have proved that the metaphor significantly increases the efficiency of the communication process between the newspaper text author and the recipient. The realities of landscape, nature and art are involved in the construction of the press language via the formation of metaphorical projections.*

Key words: metaphor, semantics, newspaper, newspaper text, expressiveness.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 123–126)

Средства массовой информации являются источником богатого материала для лингвистических исследований. Постоянно растущая роль СМИ в современном обществе и пополняющийся объем текстов позволяют выявить особенности отдельного лингвокультурного пространства и его особенностей. Газета является важным средством массовой информации с присущим для нее лексическим строем. Язык газет отличается многоплановостью и неоднородностью. Статьи, публикуемые в газетах, тематически разнообразны, что определяет широту и разнообразие лексических средств. Пресса является не только зеркалом значимых общественных процессов, но и способна оказывать влияние на широкую аудиторию читателей. Газетные тексты отражают современное состояние языка и одновременно влияют на становление языковой картины мира реципиентов. Главный принцип языка газетных полос – это его непрерывное развитие и демократизация, связанные со стремлением к экспрессии и речевому разнообразию. Каждому газетному тексту присуща *информационность* как содержательный аспект текста. С информационностью теснейшим образом связана *воздействующая функция*, которая подразумевает способы сообщения читателю фактов, чему способствуют различные лингвистические приемы. Одним из наиболее значимых и частотных приемов является метафора. Метафора представляет собой феномен, который служит средством познания мира и вербализации знаний. Множество научных трудов, посвященных метафоре, свидетельствует о широте и многогранности этой темы. В лингвистических исследованиях (В.А. Масловой, А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Г.Н. Скляревской, В.Г. Гака, А.П. Чудинова, О.С. Ахмановой, А.В. Калинина, В.К. Харченко, В.П. Москвина, Дж. Лакоффа и М. Джонсона и др.) приводятся различные классификации метафор с точки зрения семантики, структуры, грамматической оформленности опорного слова, степени развернутости и функции. В современных лингвистических исследованиях наблюдается повышенный интерес к изучению языка англоязычной прессы, при этом особенности функционирования англоязычных метафор изучены недостаточно. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью специфики функционирования метафоры в англоязычном газетном тексте, а также связана со вниманием современной лингвистики к пониманию метафоры как инструмента воздействия на эмоции и сознание человека, способный фиксировать в языке определенные образцы предметов и явлений.

Цель исследования – выявить метафоры, используемые для репрезентации различных сфер жизни, определить их семантику и роль в газетных текстах.

Материал и методы. Материалом исследования послужили метафорические выражения, представленные в наиболее крупных по количеству экземпляров и известных британских газетах (The Guardian [1], The Times [2], The Independent [3]) за 2021–2022 гг. Фак-

тологический материал отобран путем метода сплошной выборки. При проведении исследования использованы методы анализа, интерпретации, дескриптивный метод. Для установления значения метафор применялись методы семантического и контекстного анализа, которые позволили выявить когнитивные связи, заложенные в основе метафорического смысла анализируемых выражений. Критериями отбора материала послужили метафоричность и эмотивность изложения.

Результаты и их обсуждение. Язык интерпретирует мир, создавая особую реальность, в которой живет человек [4, с. 182]. Освоение и познание явлений объективной действительности приводят к тому, что языковая личность делится с другими индивидами результатами своих наблюдений, выражает впечатление об увиденном, формирует в сознании собственный вариант мироустройства. Соответственно, появляются и используются новые языковые единицы, в которые закладывается не только семантика слов, но и человеческий опыт, ассоциативные связи, особенности мировосприятия и воображения. Адекватное понимание метафоры, бесспорно, учитывает буквальное значение слов, входящих в ее состав, однако образность тропа определяется с учетом и первичного, и нового значения компонентов. Метафорический контекст позволяет увидеть это новое значение, осознать отношение фрагмента языка к фрагменту мира. Д. Дэвисон отмечает, что абсурдность или противоречие в метафорическом предложении страхует нас от его буквального восприятия и заставляет понять его как метафору. Метафоры часто помогают нам заметить те свойства вещей и предметов, которые мы раньше не замечали, раскрывают перед нами поразительные аналогии и сходства [5, с. 186].

Метафора не функционирует вне человеческого сознания, т.к. образное значение возникает в сознании языковой личности как результат мыслительных процессов. Для нашего исследования значимо утверждение профессора Е.Ю. Муратовой: «В самом общем плане способность человека к метафорическому мышлению можно определить как частное проявление более общей его способности заместительной репрезентации содержания. На языковом уровне имя одного представления может использоваться как наименование другого представления. Основной путь метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, в результате чего метафора делает абстрактное легче воспринимаемым и понимаемым» [6, с. 61]. Метафора участвует в характеристике объектов. Именно в силу этого свойства она важна для написания газетных полос, поскольку характеристика объектов первична для журналистского сознания. Следовательно, метафорическая активность пишущего – это непосредственный результат его познавательной деятельности. Активно создавая метафоры, автор газетных текстов почти всегда мгновенно выносит оценку объекту своей речи, которая основана на эмоционально-образном восприятии действительности.

Мир природы является источником множества ярких и оригинальных метафор, активно употребляемых в газетных текстах. В примерах *'wind travels up'* [1] (русс. «ветер поднимается вверх»), *'rain shower'* [1] (русс. «ливневый дождь») стихии не просто представляют собой явления природы, а наделяются большей экспрессивной силой. Такие метафоры помогают читателю газетного текста заметить то, что могло бы остаться незамеченным. В этом проявляется эстетическая особенность метафоры: она заставляет реципиента испытывать чувство новизны, презентует привычные явления объективной действительности в новом свете.

Символика дневного и ночного небесных светил – солнца и луны – с древнейших времен богата на ассоциации. В газетных текстах чрезвычайно насыщенной выступает семантика затмения – уникального природного явления, которое во все времена вызывало неподдельный интерес как ученых, так и обывателей: "...*the eclipse will cause the Moon to block the view of "some or all of the bright solar surface", and the Sun will "appear to have a bite taken out of it"*" [3] (русс. «...затмение заставит луну заблокировать вид на «часть или на всю яркую поверхность солнца», и солнце «окажется откушенным»). В приведенных выражениях метафоры побуждают читателя сравнивать и сопоставлять, помогают заметить сходство прикрытого луной солнца с укушенным съедобным предметом. Такие описания являются не просто набором фактов, а подчеркивают значимость и эстетичность описываемых явлений.

Морфологические элементы ландшафта могут являться источником метафоризации. Метафора, привязанная к конкретному ландшафту, налагает отпечаток на его восприятие: горы часто ассоциируются с величием и высотой. Неравномерность горного рельефа в выражении *"disused quarries eat into the sheer and blocky cliffs"* [1] (русс. «заброшенные карьеры взрываются в отвесные и глыбовые горы») усиливается благодаря его метафоричности, которая подчеркивает зубчатость и обрывистость гор. Описание скалистого рельефа усиливает глагол *'eat into'* (русс. «вгрызаться, поглощать»), который актуализирует жесткость и остроту горных выступов. Нетипичная семантическая наполненность метафоры более выразительно и оригинально показывает заброшенные карьеры опустелыми, далекими от людей.

Искусство и культурная жизнь общества являются неотъемлемой темой периодических изданий. В основе искусства и творчества лежит образное отражение действительности. Образ в искусстве – это чувственная мысль, он обладает индивидуальностью и в то же время содержит черты, значимые для широкого круга людей. Художественный образ должен интеллектуально и эмоционально воздействовать на реципиента. Опера как синтетический жанр искусства вызывает в сознании людей большое количество ассоциаций. Для воплощения многогранности

театрального искусства тексту газетных полос придается особая выразительность: *"the stage must be bathed in beautiful light"* [1] (русс. «сцена должна купаться в красивом свете»). Вербальное описание транслирует адресату широкую палитру чувств и остается в его сознании. Экспрессивность следующей метафоры усиливает форма множественного числа имени существительного *'operas'*, которая указывает на то, что описываемые качества характерны не для одной постановки, а для оперы как для жанра искусства в целом: *"the operas illuminate how we still like to see ourselves"* [1] (русс. «оперы освещают то, какими мы хотим видеть себя»). В обоих вышеприведенных примерах использованы слова с семантикой света: *'light'* (русс. «свет»), *'illuminate'* (русс. «освещать, озарять»). Читатель газетных текстов видит оперу как лучистую энергию, которая несет в себе отчетливо ощутимую эмоциональность. Актуализация света в метафорических выражениях подчеркивает величие оперы, делая ее «бликом» в тексте газетной статьи.

Архитектура составляет пространственную среду для жизнедеятельности каждого человека. Влияние объектов архитектуры усиливается в связи с ее постоянным воздействием на людей, потому закономерно, что художественно-композиционные качества строений находят отражение в языке. Важную роль в метафорическом пространстве газетных текстов играют метафоры с семантикой архитектуры: *"the bloated office buildings and shopping malls"* [3] (русс. «раздутые офисные здания и торговые центры»). Метафора – яркий прием, с помощью которого создается точный образ объекта, основанный на ассоциациях, основой которых выступают объем, форма и положение здания в пространстве. В данном примере метафоризм архитектурно-строительных выражений относится к размеру объектов, несет в себе эмоционально-оценочный компонент и придает объекту архитектуры большую индивидуальность.

Газетные статьи архитектурной тематики характеризуются частым использованием метафор ввиду высокой степени художественной, творческой составляющей. Метафоры – следствие мыслительных процессов и ассоциативного мышления. Абстрактное понятие «фантазия» превращается в мощный вербальный ресурс и приобретает большую степень конкретности, поскольку архитектура является визуальным видом искусства: *"...you will spy flights of architectural fancy or, indeed, more everyday decorations and building forms"* [2] (русс. «...вы проследите за полетом архитектурной фантазии или даже более повседневные украшения и строительные формы»). Лексема *'spy'* (русс. «шпионить, следить») вербализует особо пристальное внимание, направленное на архитектуру и ее влияние, повышает аттрактивность дальнейшего текста статьи для читателя.

Заключение. Высокая степень метафорической насыщенности является неотъемлемой характери-

стикой газетного дискурса. Метафора – это когнитивный инструмент, который делает процесс коммуникации между автором газетного текста и реципиентом более эффективным. Формируется особый мир метафорических представлений, который демонстрирует новый взгляд на уже известное, раскрывает непознанные свойства и стороны объекта или явления. Коммуникативно-когнитивные свойства метафоры создают смысловую подвижность текста. Ассоциативность и творческий характер метафоры базируется на некоторых сдвигах в привычном употреблении слов, придавая им эмоционально-экспрессивную характеристику и усиливая реакцию читателя. Метафоры в газетных текстах разнообразны по семантическому наполнению. Реалии ландшафта, природы и различных видов искусства оказываются вовлеченными в конструирование языка прессы посредством образования метафорических проекций. Использование метафор делает газетный текст более точным и ярким. В значительной мере употребление метафор способствует реализации основных функций газет – информативной и воздействующей.

Дальнейшее исследование может быть связано с тем, что метафорическое наполнение одних и тех

же явлений в газетных текстах на разных языках может быть разнообразно, вследствие чего возникает необходимость в их детальном исследовании и сравнительно-сопоставительном анализе.

Литература

1. The Guardian [Electronic resource]. – Made of access: <https://www.theguardian.com/international>. – Data of access: 07.11.2021.
2. The Times [Electronic resource]. – Made of access: <https://www.thetimes.co.uk/>. – Data of access: 07.11.2021.
3. The Independent [Electronic resource]. – Made of access: <https://www.independent.co.uk>. – Data of access: 07.11.2022.
4. Маслова, В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики / В.А. Маслова // Вестн. РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 172–190. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/30832>
5. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 173–193.
6. Муратова, Е.Ю. Смыслы слова в системе поэтического языка XX века: монография / Е.Ю. Муратова. – Минск: БГУ, 2008. – 207 с.

Поступила в редакцию 23.11.2022

Национально-культурная специфика структуры тематического поля «Пицца» в русской и китайской фразеологии

Ма Лун

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В данной статье с лингвокультурологических позиций исследуются фразеологизмы русского и китайского языков, принадлежащих к тематическому полю «Пицца».

Цель статьи – определение универсального и уникального в структуре системного объединения фразеологических единиц с «пищевой» семой; выявление их степени фразеологической активности; анализ культурно-маркированных компонентов, относящихся к безэквивалентной лексике.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 978 русских и 452 китайских фразеологизма поля «Пицца». В работе использовались описательный и сопоставительный методы, классификации и систематизации материала, прием культурно-исторической интерпретации.

Результаты и их обсуждение. В структуре поля «Пицца» в русском и китайском языках наиболее объемным и структурно разветвленным выступает микрополе «еда, питье, кушанья и их компоненты», которое в русском языке состоит из десяти групп, а в китайском из пяти. В русской лингвокультуре доминирующую позицию занимают фразеологизмы с названиями хлебных и мучных изделий, в китайской главное место отводится номинациям зерновых продуктов. Наибольшая фразеологическая активность свойственна безэквивалентным лексемам, обозначающим национальные блюда русского и китайского народов.

Заключение. Тематические поля в сопоставляемых лингвокультурах соотносятся по ряду признаков, но в то же время демонстрируют своеобразие. Различия в интерпретации фразеологизмов с пищевым компонентом связаны со сложившимися традициями отношения к выбору пищи, процессу ее приготовления и потребления.

Ключевые слова: русская фразеология, китайская фразеология, тематическое поле «Пицца», национально-культурная специфика, безэквивалентная лексика.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 127–139)

National and cultural specificity of the structure of the thematic field "food" in Russian and Chinese phraseology

Ma Long

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

This article examines the phraseological units of the Russian and Chinese languages, belonging to the thematic field "food", from the linguistic and cultural positions.

The purpose of the article is to determine the universal and unique in the structure of the systemic association of phraseological units with the "food" seme; to identify their degree of phraseological activity; to analyze culturally marked components related to non-equivalent vocabulary.

Material and methods. The material of the study was 978 Russian and 452 Chinese phraseological units of the "food" field. The work used the descriptive and comparative methods, classification and systematization of the material, the method of cultural and historical interpretation.

Findings and their discussion. In the structure of the "food" field in Russian and Chinese, the most voluminous and structurally branched is the microfield "food, drink, dishes and their components", which in Russian consists of ten groups, and in Chinese of five. In Russian linguistic culture, phraseological units with the names of bread and flour products occupy a dominant position, in Chinese the main place is given to the nominations of grain products. The greatest phraseological activity is characteristic of non-equivalent lexemes denoting the national dishes of the Russian and Chinese peoples.

Conclusion. *Thematic fields in the compared linguistic cultures are correlated in a number of ways, but at the same time they demonstrate originality. Differences in the interpretation of phraseological units with the food component are associated with the established traditions of attitude to the choice of food, the process of cooking and consumption.*

Key words: *Russian phraseology, Chinese phraseology, thematic field food", national and cultural specificity, non-equivalent vocabulary.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 127–139)

У становление общего и национально-специфического в содержании фразеологических единиц (ФЕ) тематического поля «Пища» в русском и китайском языках служит предметом немногочисленных исследовательских работ. В частности, сопоставительному анализу русских и китайских фразеологизмов с «пищевым» компонентом посвящена статья Ли Гуаньхуа [1], которая, однако, больше имеет отношение к постановке проблемы либо к началу ее разработки. В кандидатской диссертации С.Н. Рубиной [2] акцент делается на педагогическом аспекте: лингвострановедческий подход используется для презентации в китайской аудитории русской фразеологии, в том числе и немногочисленной группы фразеологизмов, содержащих названия кушаний. Диссертационное исследование Чжао Чжицян [3] посвящено функционально-параметрическому анализу ФЕ русского и китайского языков, определению семантических универсалий и национальной специфики двух разнотипных языков. Автор не уделяет отдельное внимание устойчивым выражениям с наименованиями продуктов, рассматривая их в общем контексте с другими ФЕ в денотативном, грамматическом, оценочном и стилистическом аспектах.

Ряд исследований посвящен какому-либо одному «пищевому» компоненту в составе фразеологизмов, в основном безалкогольным и алкогольным номинациям – *чаю* и *вину*. Например, в своей диссертации Цзоу Сюэцян [4] доказывает необходимость учета лингвокультурной специфики концепта «чай» в процессе обучения русскому языку китайских студентов. В статье А.П. Василенко и В.С. Рыбакиной проводится культурологический анализ фразеологического компонента *чай* на материале французского, английского, русского и китайского языков [5], намечаются характерные отличия восточного и западного мировоззрений в области гастрономического кода культуры. В публикации А.Г. Иванниковой [6] при исследовании лингвокогнитивного и лингвокультурного содержания концепта «чай» в русской и китайской языковых картинах мира делается вывод, что большинство русских пословиц, поговорок и фразеологизмов имеют отношение к времяпрепровождению и чайному этикету, гостеприимству, а в китайском языке превалирует аспект выращивания и разведения чая, его лечебное воздействие на организм человека.

В публикации Чжан Мян [7] при сопоставлении этносемантики русских и китайских ФЕ с концептом «гостеприимство» выделяются этнокультурные доминанты (чай и спиртное), используемые при угощении гостей в обоих языках, что является

отличительной чертой как русской, так и китайской языковых картин мира.

Таким образом актуальность нашего исследования определяется отсутствием комплексных лингвокультурологических исследований структуры и содержания тематического поля «Пища» в русской и китайской фразеологии. Методологической базой послужили работы по осмыслению когнитивной и «культурной» семантики языковых знаков, относимых к семантическим полям «Пища» в русском, белорусском, английском, немецком, французском и др. языках, В.В. Воробьева, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Е.В. Беленко, Э.А. Гашимова, М.Л. Ковшовой, И.К. Мироновой и др. Сопоставительный анализ ФЕ с «пищевыми» компонентами в английском и татарском языках представлен в работе Ф.Х. Тарасовой.

Существуют разные подходы к структурированию фразеологического материала. Для результатов описания различных сфер фразеологического состава языков исследователи предлагают группировать ФЕ на основе различных принципов по: тематическим группам, семантическим полям, лексико-семантическим группам.

В начале нашего исследования членение поля «Пища» происходило по семантическому признаку «основной исходный продукт», в результате чего было выделено два обширных микрополя: «кушанья» и «напитки». Материалом выступали фразеологизмы с «пищевым» компонентом, морфологически выраженным не только именем существительным, но также глаголом, которые обозначали ситуации, связанные с приготовлением и употреблением пищи, содержали указание на назначение пищи, в силу чего рассматривались отдельные микрополя: «еда как процесс потребления пищи»; «еда как процесс приготовления пищи»; «праздничная и обрядовая пища». В свою очередь микрополя делились на лексико-семантические группы, например, «тесто и изделия из теста», «блюда из крупы», «жирная пища», «сладкие кушанья» и др. [8].

С учетом семантико-грамматических свойств классификация ФЕ по фразеосемантическим группам выглядела следующим образом: 1) предметные; 2) качественные; 3) процессуальные [9].

В ходе проведения исследования мы отказались от лексико-семантического принципа членения поля и остановились на тематическом подходе, а также сузили объект исследования до ФЕ с «пищевыми» номинациями, выраженными только именем существительным, в силу чего строение и содержание поля «Пища» претерпело существенные изменения.

Цель данной статьи – путем сопоставительного анализа выявить национально-культурную специфику структуры тематического поля «Пища» в русской и китайской фразеологии. К задачам исследования относятся: систематизация номинаций, входящих в тематическое поле (ТП) «Пища», их дифференциация по тематическим микрополям (ТМП), группам (ТГ) и подгруппам (ТПГ); исследование степени фразеологической активности ФЕ с «пищевым» компонентом; сопоставление сформированных групп двух языков с целью выявления универсального и уникального в семантике данных единиц; анализ ФЕ с наиболее выраженным культурным компонентом.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 978 русских и 452 китайских ФЕ, принадлежащих к тематическому полю «Пища». Рабочая картотека составлена на основе толковых, лексикографических, фразеологических и ряда других словарей русского и китайского языков: «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой в 6 т. (2002); «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля в 4 т. (1978–1980); «Пословицы русского народа: Сборник» В.И. Даля в 2 т. (1989); «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (2011); «Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия (2009); «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» в 2 т. под ред. А.Н. Тихонова (2004); «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова (2014); «Большой словарь русских поговорок (более 40 000 образ. выражений)» под ред. В. М. Мокиенко (2008); «Большой словарь китайских фразеологизмов» (2013); 中国成语词典 (Большой словарь китайской фразеологии) (1986); 现代汉语规范词典 (Нормативный словарь современного китайского языка) (1978); 现代汉语通用词典 (Словарь употребительных иероглифов современного китайского языка) (1987); «Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка» под ред. М.Г. Прядохина (2001); «Большой китайско-русский словарь по русской графической системе» в 4 т. под ред. И.М. Ошанина (1983–1984); 汉语歇后语词典 (Словарь недоговорок [сехоуной] китайского языка) (2006).

В работе мы использовали общенаучные методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, а также частнонаучные лингвистические методы, среди которых описательный метод и приемы внешней интерпретации, классификации и систематизации материала; сопоставительный метод и прием культурно-исторической интерпретации; элементы количественного метода.

Результаты и их обсуждение. *Тематическое поле как системное объединение единиц языка.* Современная лингвистическая наука проявляет особое внимание к теоретической и практической разработке проблем систематизации языковых единиц, описания

в рамках определенных структурно-семантических объединений, в частности разного рода полей.

Разработка полевого подхода к исследованию лингвистических единиц связана с именами таких ученых, как Й. Трир (J. Trier), Г. Ипсен (G. Ipsen), В. Порциг (W. Porzig), Ш. Балли, А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулов, Г.С. Щур и др. Согласно определению, данному в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (автор словарной статьи – А.М. Кузнецов), поле – это «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [10, с. 380].

Значения языковых единиц в составе поля взаимосвязаны, они образуют этнически специфичную «сетку», сквозь которую носители языка видят и осмысливают данную предметную область согласно тем представлениям о мире, которые выработаны в веках народом и зафиксированы в языке. Семантика полей в своей совокупности, по мнению В.И. Карасик, составляет языковую картину мира – «сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании» [11, с. 105].

Поле имеет особую концентрическую структуру, в которой выделяются ядерная (центральная) часть и периферийные области. Как считает С.М. Прохорова, «любое поле характеризуется наличием центра и периферии, соприкосновением и взаимодействием периферий смежных полей, а также разной степенью сцепления компонентов поля» [12, с. 13]. Граница между ядром и периферией не является фиксированной, в результате взаимопересечения разных полей образуются так называемые зоны постепенных переходов. Одна лексическая единица способна входить одновременно в несколько полей, принадлежа ядру одного и периферии другого из них.

В настоящей работе мы в качестве приоритетной исследовательской категории используем понятие *тематическое поле*, которое позволяет классификационно объединить как номинации, в семантике которых «пищевая» сема является ключевой, так и ФЕ, имеющие в своем составе компонент, принадлежащий к данному тематическому объединению.

Тематические классификации в отличие от лексико-семантических в значительной степени опираются на гипонимические отношения между входящими в них компонентами, т.е. на родовидовые отношения между единицами языка. Различного рода ТМП в составе ТП понимаются в данном случае как относительно замкнутые ряды лексических единиц, объединенных общей семой, а именно архисемой более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема поля; ТГ – как группы лексем, связанные между собой общим компонентом, категориально-лексической семой.

Безусловно, классификационное объединение их в тематическое поле рассматриваемых фразеологизмов носит несколько формальный характер, по-

сколькo понятия тематических и лексико-семантических классификаций применяются преимущественно к единицам лексического уровня языка. Однако правомерность такого подхода обуславливается, во-первых, целью оформленностью значительной части рассматриваемых ФЕ, их функциональной соотнесенностью со словом; во-вторых, – очевидной сопоставимостью в большинстве случаев ключевого компонента с «пищевым» значением рассматриваемых фразеологизмов с реальной действительностью.

В нашем исследовании внимание сосредоточено на фразеологизмах, имеющих в своем составе номинацию (номинации) – имя существительное, относящееся к ТП «Пища», т.к. «чисто тематической классификации поддаются только имена существительные, а деление остальных частей речи строится в целом на лексико-семантических основаниях» [13, с. 480].

Этническое своеобразие семантики полей проявляется по-разному: в одних случаях предметная область отличается универсальностью, и подобная специфика проявляется в особенностях осмысления этой предметной области, в характере ее отражения этническим коллективным сознанием. Как известно, представители разных этносов, осмысливая одну и ту же предметную область, могут по-разному отражать ее в сознании: мысленно делить на неодинаковые составляющие; категоризировать отдельные фрагменты; переосмысливать те или иные участки и т.д., что находит отражение в семантическом (сигнификативном) и прагматическом (коннотативном) аспектах языковых единиц.

Если же этноспецифика обнаруживается в денотативном аспекте языковой единицы, черты этнического своеобразия приобретает сама предметная область (сфера внеязыковой реальности), что обуславливает безэквивалентность или неполную эквивалентность слов и устойчивых оборотов, входящих в состав поля, и, соответственно, формирование на этой основе определенной семантики и прагматики единиц языка.

Вследствие этого, при «погружении» в чужую лингвокультуру, и при изучении иностранного языка, в частности, освоение как тематических, так и лексико-семантических полей должно, по мнению большинства исследователей, осуществляться на фоне знаний о соответствующем фрагменте культуры (фрейме культуры) страны изучаемого языка. В противном случае иноязычное поле окажется структурированным языковым сознанием по схемам родной лингвокультуры, что приведет к неверному пониманию и употреблению языковых единиц в речи.

ТП «Пища» относится к полям того типа, где этнокультурное своеобразие обнаруживается, как правило, уже в денотативном аспекте образующих его компонентов, т.е. уже в их предметной области, непосредственно связанной с внеязыковой действительностью. В основе соответствующего структурированного объединения, ТП, в качестве базового находится наиболее обобщающее понятие – *пища* (со значением 'то, что

едят и пьют, что служит питанием'), объединяющее множество обозначений, которые можно распределить по нескольким тематическим микрополям.

Общие и специфические признаки ТП «Пища» в русской и китайской фразеологии. ТП «Пища» как в русской, так и в китайской лингвокультуре представляет собой сложное и весьма разветвленное образование, в центре которого, являясь наиболее обобщенными наименованиями продуктов питания и изготавливаемых из них блюд и напитков, находятся общеупотребительные лексемы *пища*, *еда*, *кушанье* для русской лингвокультуры; 食物 ('пища') и 餐 ('кушанье') – для лингвокультуры китайской.

Единицы данного поля взаимодействуют с единицами полей (тематических и лексико-семантических) «человек», «социум», «быт» (ср., к примеру, выражения, соотносящие пищу с различными частями человеческого тела, чертами характера, характеристику социального, материального положения человека с помощью пищевых образов и т.п.).

В обоих исследуемых языках ТП «Пища» представляет собой сложноорганизованное (состоящее из тематических микрополей, групп и подгрупп) вербальное пространство, исчерпывающую характеристику которого невозможно представить в рамках одной исследовательской работы.

При выборе тематических объединений, составляющих ТП «Пища», для рассмотрения в настоящем исследовании мы ориентировались прежде всего на те группы языковых средств, которые 1) в наибольшей степени отражают гастрономические предпочтения носителей двух лингвокультур; 2) зафиксировали в себе традиции и культуру приготовления и потребления пищи.

В основу членения рассматриваемого ТП «Пища» на ТМП и далее – на ТГ и ТПГ в русской лингвокультуре нами положена систематизация пищевых номинаций (продуктов питания и блюд), помещенная во втором томе шеститомного лексикографического источника «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений», подготовленного авторским коллективом под руководством академика Н.Ю. Шведовой.

Однако в отдельных случаях это членение дополняется и/или несколько корректируется с учетом того, что часть исследуемых ФЕ содержат «пищевые» компоненты, которые на современном этапе развития русского языка воспринимаются или как устаревшие (архаизмы либо историзмы) или как лексические единицы, очевидно ограниченные в своем употреблении. Такова, к примеру, номинация *хлебово* ('жидкая пища, похлебка') [14, с. 602], входящая в состав одной из старых пословиц (*Было бы хлебово, а хлебalkу [ложку] найдем*), что в современном русском языке принадлежит к устаревшей и просторечной лексике.

Выявленный корпус номинаций, принадлежащих в русском языке к ТП «Пища», дает основания для его дифференциации на 2 ТМП: «общие обозначения

ния еды, напитков, кушаний» и «еда, питье, кушанья и их компоненты». Членение рассматриваемого ТП в китайской лингвокультуре отчасти коррелирует с делением аналогичного объединения в лингвокультуре русской, но в то же время характеризуется очевидной спецификой, которая в первую очередь обусловлена степенью значимости для китайской гастрономической традиции тех или иных продуктов, а также традициями приготовления и употребления пищи.

В основе китайского кулинарного искусства лежит принцип сочетания «главной» (основной) и «дополнительной» пищи, дифференцируемой в зависимости от отнесенности пищевых продуктов и блюд к одному из двух начал философского осмысления мира, на которых основано мировосприятие представителей китайской культуры. Это достаточно известная теория Инь и Ян, в соответствии с ней Инь – 阴 [yīn] – является воплощением женского начала и соответственно связывается с земной стороной бытия (темным, мягким, пассивным), а Ян – 阳 [yáng], – напротив, соотносится с началом мужским, связанным с небесной, противопоставляемой земной, стороной человеческого существования (светлым, твердым, активным) [15, с. 1347]. По мнению известного востоковеда А.А. Маслова, концепция инь и ян – двух противоположных и взаимодополняющих начал «пронизывает всю китайскую культурную традицию, от системы управления государством и отношений между людьми до правил питания и саморегуляции» [16, с. 29–30].

Традиции китайской кухни сформировались под очевидным влиянием этой философской теории, которая, в частности, нашла выражение в разграничении национальных блюд на две категории: 1) воплощающие в себе начало Ян (янские продукты); 2) соотносимые с началом Инь (иньские продукты). Употребляемые китайцами блюда и продукты также разграничиваются на основные, составляющие основу их рациона (обозначаются 饭 [fàn]; букв.: 1) еда, пища; 2) вареный рис) и дополнительные (обозначаемые 菜 [cài]; букв. 1) овощи, зелень; 2) кушанье, еда, блюдо). К основным продуктам относятся все зерновые и изделия из муки, а к дополнительным – не только овощи и растительная пища, но и мясо, и рыба, и блюда из них.

При употреблении человеком пищи две категории блюд (по сути, противопоставляемых друг другу), в соответствии с принципами китайской кухни, необходимо сочетать по определенным правилам, нарушение которых приводит к дисбалансу в пищеварении и, как следствие, к болезням. Однако в процессе правильного питания (т.е. употребления в пищу продуктов в рекомендуемом сочетании и количестве) равновесие может быть восстановлено. Специалисты по традиционной китайской медицине считают, что теория Инь и Ян является ядром искусства исцеления: «Так при дефиците Ян и ознобе следует есть лук-порей, тушеное собачье мясо с вареным имбирем, а также баранину и другие согревающие продукты. Людям с недостатком Инь и огнем рекомендуется есть пищу, увлажняющую сухость,

например, грибы, тушеное мясо черепахи. Правильное питание основано на принципе сочетания холодных и горячих продуктов, балансе Ян и Инь» [17, с. 52–53].

Примечательно, что изложенная теория находит отражение и в рассматриваемой нами части китайского фразеолофонда: выявленные ФЕ нередко основываются на денотативном значении объединяемых в устойчивом выражении номинаций, причем одна из этих номинаций обозначает продукт или блюдо, относимые к *согревающей* пище, вторая – к *охлаждающей*. Например, 大葱拌豆腐 – 清是清, 白是白 (букв. *лук-порей вместе с доуфу (соевым творогом)*) («честный человек»); *лук-порей*, в соответствии с теорией деления продуктов на янские и иньские, принадлежит к согревающим продуктам; *соевый творог* – к охлаждающим. Подобную картину наблюдаем и во фразеологизме 冰糖调黄瓜 – 干脆 (букв. *смешивать огурцы с леденцовым сахаром – начистоту, открыто*; «говорить прямо, делать без проволочек»), где определенный баланс достигается объединением двух «оппонирующих» образов: сахара, принадлежащего к согревающей пище, и огурца, относящегося к охлаждающим продуктам).

В устойчивых выражениях китайского языка образно закреплена и вкусовая палитра китайской гастрономии, а также рекомендации выбирать пищу в соответствии с природным сезоном. Ср., в частности: 吃了五味想六味 – 贪得无厌 (букв. *попробовал уже пять вкусов, а еще хочет шестой вкус – ненасытный*; о человеке, который гонится за богатством, однако не олучает от этого удовлетворения); 不吃辣椒不发烧 – 何必心虚 – (букв. *не ешь острый перец, не будет жар – зачем падать духом, быть неуверенным в себе*; «нет необходимости робеть»); 冬天卖凉粉 – 不识时务 (букв. *зимой продавать лянфэнь (желеобразная холодная закуска из бобов) – быть непрактичным*; «быть оторванным от жизни, непрактичным») (образность формируется на основе утверждения о том, что холодное блюдо не соответствует зимнему времени, когда предпочтительнее употреблять согревающую пищу).

Структура тематического поля «Пища» во фразеолофонде русского языка. ТП «Пища», сформировавшееся в русской лингвокультуре, представляет собой значительное по объему структурированное объединение, в которое входят два ТМП: «общие обозначения продуктов питания» и «еда, питье, кушанья и их компоненты». Эти ТМП, в свою очередь, членятся на более мелкие сегменты – ТГ и ТПП.

На рис. 1 отражено процентное соотношение ФЕ, образующих два микрополя в рамках ТП «Пища».

Первое из ТМП дифференцируется на две ТГ: «собственно еда, продукты», принадлежащую к ядерной части рассматриваемого ТП, и «общие обозначения продуктов питания по времени принятия пищи, по назначению», частично входящую в ядерную, частично – в периферийную часть поля.

На рис. 2 схематически представлено деление ТМП «общие обозначения продуктов питания» на две ТГ и процентное соотношение ФЕ, входящих в данные ТГ.

- ТМП «общие обозначения продуктов питания»
- ТМП «еда, питье, кушанья и их компоненты»

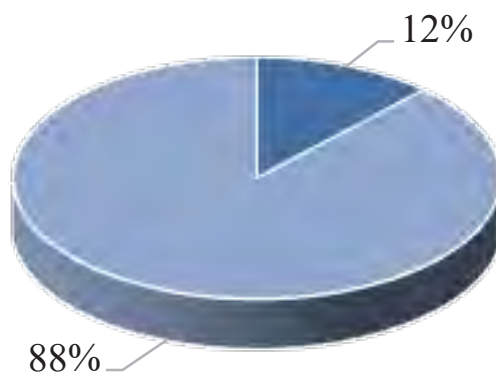

Рис. 1. Структура ТП «Пища» в русском языке и объем ФЕ, образующих ТМП, %

- ТГ «собственно еда, продукты»
- ТГ «общие обозначения продуктов питания по времени принятия пищи, по назначению»

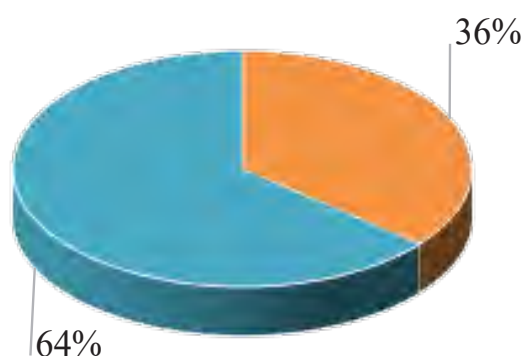

Рис. 2. Структура ТМП «общие обозначения продуктов питания» в русской лингвокультуре, %

В первую ТГ входят номинации: *пища, еда, провизия, снедь, брашно, харчи, хлеб* (в значении ‘питание, пропитание’) и др.; часть из этих номинаций функционирует в качестве компонентов интересующих нас устойчивых выражений: *Будет день – будет и пища; Лежа пицци (хлеба) не добудешь; Мельница сильна водой, а человек едой; На казенных харчах* (кто-нибудь); *Какова пашня, таково и брашно* и др. В общей сложности выявлено 44 ФЕ с компонентами – номинациями данной ТГ, имеющими различную степень употребительности (включая устаревшие и/или практически вышедшие из употребления) и различную стилистическую окраску.

ТГ «общие обозначения продуктов питания по времени принятия пищи, по назначению» включает две не очень большие ТПГ: «общие обозначения продуктов питания по времени принятия пищи» и «общие обозначения продуктов питания по назначению». Все номинации, входящие в первую из ТПГ (*завтрак, закуска* (в одном из значений – ‘еда, кушанье, подаваемое перед горячими блюдами’) и т.д.), за исключением *ланч* и *полдник*, функционируют в качестве компонентов ФЕ, однако наиболее частотным в данном случае оказывается обозначение *обед*, зафиксированное в 25 ФЕ из 33: *Красна дорога ездоками, а обед – едоками; Чужой обед похваляй, да и сам ворота отворяй* и др.

Из номинаций второй ТПГ наибольшей фразеоактивностью в выявленных нами ФЕ обладает номинация *хлеб-соль*, зафиксированная в 35 ФЕ: *Хлеб-соль водить с кем-нибудь* (разг.; ‘дружить, водить знакомство с кем-нибудь’); *Сколько ни думай, а лучшие хлеба-соли не придумаешь* и др. Этой номинации присуща выраженная национально-культурная значимость: у русских, как и у большинства славян, обозначение *хлеб-соль* обладает рядом важнейших для жизни человека символических смыслов, в числе которых *гостеприимство, согласие, домашнее благополучие и достаток*. В целом же номинации рассмотренной ТГ являются компонентами 73 устойчивых выражений.

Значительно более обширным в обеих лингвокультурах является второе из выделенных ТМП, включающее обозначения как собственно блюд и кушаний, употребляемых русскими в процессе приема пищи, так и названия компонентов (продуктов), из которых эти блюда и кушанья состоят (либо добавляются при приготовлении).

В русской лингвокультуре это ТМП структурировано нами с учетом приоритетности для национальных гастрономических традиций определенных продуктов и предпочтений, отдаваемых ряду блюд и кушаний. По мнению И.С. Лутовиновой, «питание древних славян, которые являлись народом земледель-

ческим, а позже русских состояло в первую очередь из растительной пищи, представляющей собой продукты земледелия (зерновые культуры, позже овощи) и собирательства (грибы ягоды), во вторую очередь, из рыбных, молочных продуктов и в последнюю очередь – из мясных блюд» [18, с. 75]. На этом основании рассмотренное ТМП русской лингвокультуры дифференцировано на 10 объединений (ТГ), в составе части из которых возможна дальнейшая дифференциация – на ТПГ: 1) «общие обозначения еды, питья, кушаний»; 2) «хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них»; 3) «овощи, бобовые, бахчевые, грибы; овощные, грибные блюда»; 4) «супы и другие первые блюда»; 5) «фрукты, ягоды, орехи и блюда из них»; 6) «молоко, молочные изделия, яйца, яичные изделия, жиры»; 7) «мясо, рыба, мясные и рыбные блюда, кушанья»; 8) «приправы, пряности, соусы, заправки, соленья, маринады»; 9) «сладости, мучнистые и сахаристые изделия»; 10) «алкогольные и безалкогольные напитки».

На рис. 3 отражена структура ТМП «еда, питье, кушанья и их компоненты» и процентное соотношение ФЕ, имеющих в своем составе компоненты ТГ, которые образуют данное микрополе.

Наиболее объемной в русской лингвокультуре является группа «хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них», в которую входят ФЕ с номинациями хлеба, хлебных и мучных изделий. В разветвленной

системе такого рода номинаций отражены национально-культурные традиции приготовления и употребления пищи, что обуславливает наличие среди обозначений данной ТГ довольно значительное число лексических единиц безэквивалентного характера.

Структура тематического поля «Пища» в китайском фразефонде. В китайской лингвокультуре, где тематическое поле «Пища» также достаточно объемно и членится на различные сегменты (ТМП, ТГ и ТПГ), наблюдается несколько иная картина мира. Как и аналогичное ТП русской лингвокультуры, оно включает два ТМП: «общие обозначения еды, напитков, кушаний» и «еда, питье, кушанья и их компоненты» – при этом второе явно превышает первое по объему, объединяя примерно втрое больше номинаций, которые зафиксированы в качестве компонентов в выявленных нами ФЕ.

На рис. 4 отражена структура ТП «Пища» и процентное соотношение ФЕ, имеющих в составе компоненты – номинации, входящие в два ТМП.

Первое из ТМП объединяет номинации, используемые для общего обозначения пищи (еды, кушаний, напитков), которые присущи китайской лингвокультуре, как и большинству других. Базовой для данного микрополя является многозначная лексема 食 [shí] в одном из ее значений, в данном случае приоритетном для нас – ‘пища, еда, питание’ (зафиксирована

Рис. 3. Структура ТМП «еда, питье, кушанья» в русском языке и объем образующих его ТГ

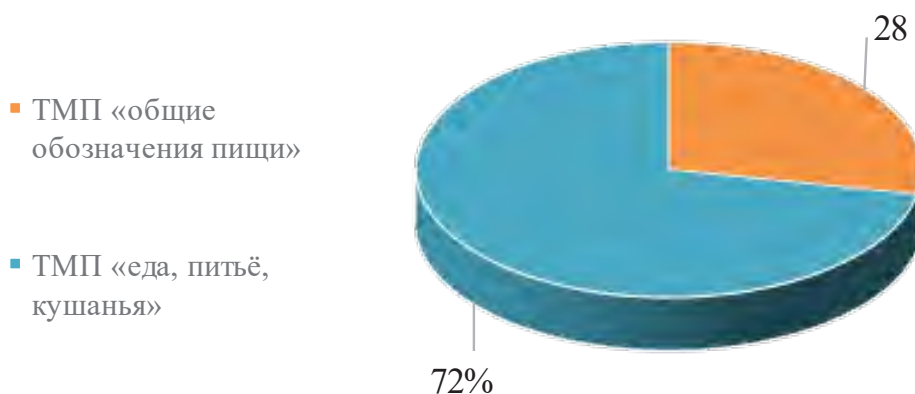

Рис. 4. Структура ТП «Пища» в китайском языке и объем ТМП «общие обозначения пища» и «еда, питье, кушанья», %

Деление ТМП "еда, питье, кушанья" на ТГ с процентным соотношением ФЕ, входящих в их состав

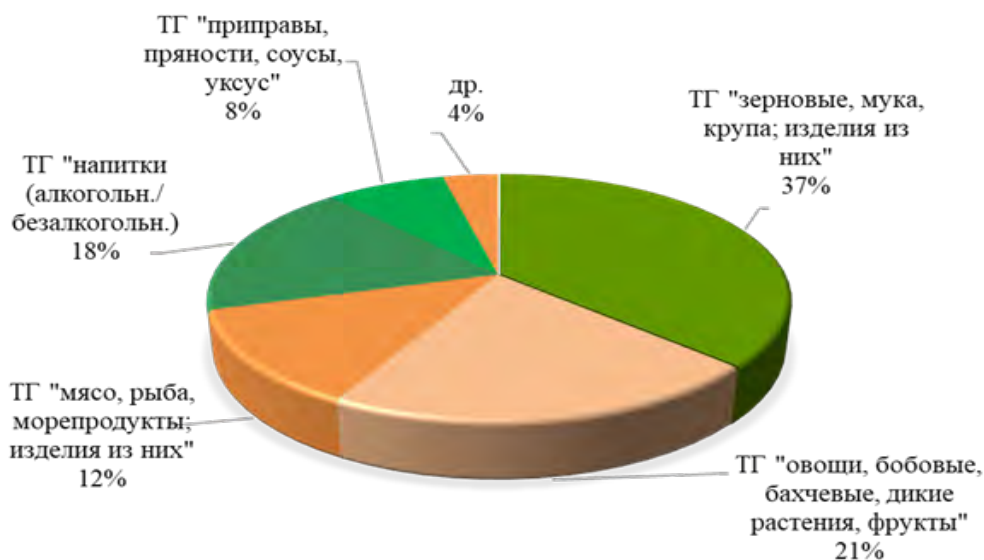

Рис. 5. Структура ТМП «еда, питье, кушанья» в китайской лингвокультуре и процентное соотношение ФЕ с номинациями, образующими 5 ТГ, %

в качестве компонента в 64 из выявленных ФЕ). Помимо указанной, в данное ТМП входят номинации: 饭 [fàn] ('еда, пища, кушанье, стол, блюдо'); 菜 [cài] ('еда, блюдо') и некоторые другие. В общей сложности нами выявлено 127 ФЕ с компонентами данного ТМП: 食前方丈 (букв. во время пища перед ним стоит много разных блюд; об очень богатом человеке); 靠天吃饭 (букв. есть ли пища (еда), зависит от неба); 'не иметь возможности влиять на обстоятельства'); 过头饭难吃, 过头话难讲 (букв. еда (пища) сверх меры – трудно есть; 'думай прежде чем говоришь, чтобы избежать лишних слов'); 厨子炒菜 – 添油加醋 (букв. когда повар жарит блюдо – добавит еще масло и уксус; 'преувеличивать действительное положение вещей, измышляя что-то') и т.п.

Второе из ТМП – «еда, питье, кушанья и их ком-

поненты» – включает 5 ТГ: 1) «зерновые, мука, крупа; мучные и крупяные изделия»; 2) «овощи, бобовые, бахчевые, дикие растения и блюда из них; фрукты»; 3) «мясо, рыба, морепродукты; блюда из них»; 4) «алкогольные и безалкогольные напитки»; 5) «приправы, пряности, соусы, уксус», – большая часть которых членится на ТПГ.

На рис. 5 отражена структура ТМП «еда, питье, кушанья» (деление на ТГ) и процентное соотношение ФЕ с номинациями, входящими в его состав.

Таким образом, данное ТМП в сравнении с аналогичным ТМП в русской лингвокультуре дифференцируется на меньшее число ТГ, что обусловлено прежде всего различием в национальных гастрономических предпочтениях двух народов, формировавшихся в течение длительного времени.

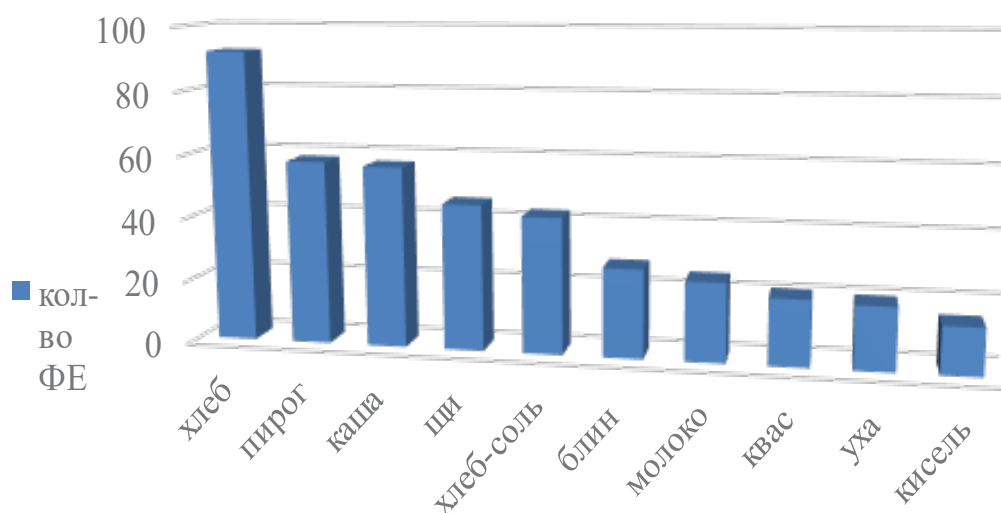

Рис. 6. Степень фразеоактивности номинаций ТП «Пища» в русском языке, %

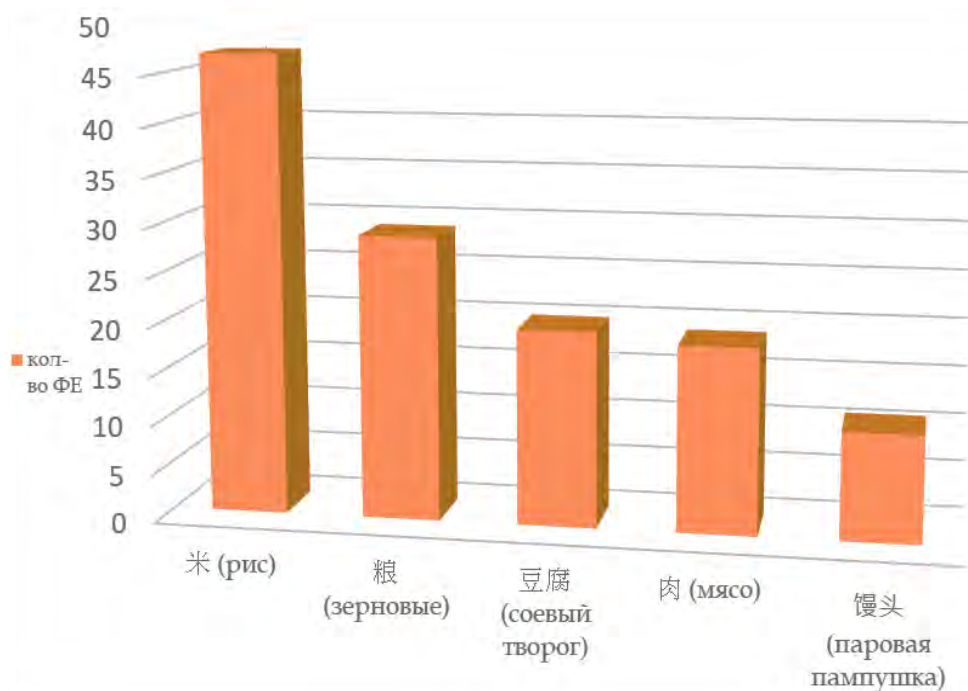

Рис. 7. Степень фразеоактивности номинаций ТП «Пища» в китайском языке, %

Национально-культурное своеобразие русских и китайских фразеологизмов с компонентом ТП «Пища». Исследованный нами фразеологический материал свидетельствует об очевидной приоритетности в питании русских зерновых продуктов и блюд (*хлеба, пирогов, блинов* и т.п.) и изделий из круп (*каш, киселей*). Номинации, входящие в соответствующую ТГ, зафиксированы в **297** устойчивых выражениях, что составляет почти **1/3** исследуемых ФЕ. Наиболее обширный фразеологический пласт в русской лингвокультуре составляют фразеологизмы с компонентом *хлеб* – **88** ФЕ (*Хлеба нет, так и друзей не бывало; С хлеба на квас перебиваться;*

Не в пору и обед, как хлеба в дому нет; Ржаной хлеб всему голова и др.). В китайской лингвокультуре иероглиф, обозначающий хлеб в понимании русских, отсутствует.

Подобная картина наблюдается в русской лингвокультуре и с лексемами *каша* (функционирует в составе **70** ФЕ: *Кашки не сваришь* (с кем-нибудь); *Мало кашки ел* (кто-нибудь); *Березовая каша* и др.) и *пирог* (функционирует в составе **56** ФЕ: *Вот такие (какие) пироги!*; *Не красна изба углами, а красна пирогами* и др.).

Номинации ТП «Пища», обладающие в русском языке наибольшей фразеологической активностью, представлены на рис. 6.

В китайской лингвокультуре самой большой группой ТМП «еда, питье, кушанья» является ТГ «зерновые; мука, крупа; изделия из них», дифференцируемая на ТПГ «общие обозначения зерновых продуктов», «номинации блюд из крупы» и «изделия из муки» (всего 118 ФЕ). Наибольшая степень фразеоактивности свойственна входящей в первую ТПГ лексеме *米* (в значениях: ‘рис в зернах, очищенный рис’; ‘очищенное рисовое зерно, крупа из риса’), которая зафиксирована в 41 из 68 устойчивых выражений: 即不烧柴, 也不下米 (букв. *ни дров для растопки, ни риса для котла*; ‘лодырь – сам ничего не делает, а живет за счет другого’); 偷鸡不着蚀把米 (букв. *не украсть курицы, да в придачу горсть риса потерять*); ‘невыгодное дело; неприбыльная сделка’) и т.д. В целом же нами выявлено 302 ФЕ с компонентами, входящими в данное ТМП.

Степень фразеоактивности компонентов ТП «Пища» в китайском языке отражена в диаграмме на рис. 7.

Следует отметить, что и формально совпадающие компоненты ТП «Пища» в китайской и русской лингвокультурах довольно значительно отличаются по своему составу. В частности, в китайской гастрономической традиции, где так же, как и в русской, существенное место занимают номинации *изделий из круп и муки*, они обозначают блюда и кушанья, отличные по составу входящих в них продуктов, способу приготовления и иным параметрам: это *хлеб, калач, тирог, блины, кисель* и т.д. в пищевой культуре русских – и *包子 [bāozi]* (паровой пирожок круглой формы), *馒头 [mántou]* (хлебец из кислого теста, приготовленный на пару), *烧饼 [shāobing]* (кунжутное печенье, посыпанное семенами кунжута), *月饼 [yóubǐng]* (лунная лепешка) и др.

Анализ национально-культурной специфики русских и китайских ФЕ с «пищевым» компонентом, входящих в ТГ «овощи, бобовые, бахчевые и блюда из них», показал, что в русском языке в устойчивых выражениях данной группы присутствуют следующие номинации: *капуста, бобы, редька, репа, гриб (грибы), лук, картошка, чеснок* и др. В общей сложности 68 устойчивых выражений с данными компонентами, наиболее частотной номинацией является *капуста* (17 ФЕ): *Не в капусте подобран кто-н.*; *Без капусты животы пусты*; *Бобы не грибы: не посеешь – не взойдут*; *Хрен редьки не слаще*; *Проще пареной репы* и др.

В китайском языке приоритетное место занимают номинации: *荳菽 [rěnsū]* – ‘бобы’; *菜豆 [càidou]* – ‘фасоль обыкновенная (белая; овощная)’; *豆角 [dòujiǎo]* – ‘стручковая фасоль’; *豆腐 [dòufu]* – ‘соевый творог’; *白菜 [báicài]* ‘салатная китайская капуста’; *冬瓜 [dōngguā]* ‘восковая тыква’ и др. Всего выявлено 68 ФЕ данной ТГ. Наиболее частотной является номинация *豆腐* ‘соевый творог’ (зафиксирована в более чем 2/3 всех ФЕ), являющаяся названием одного из национальных блюд китайской кухни, которое имеет широкое распространение в повседневном раци-

оне китайцев: *刀子嘴, 豆腐心* (букв. *язык как нож, а сердце как соевый творог*; ‘иметь острый язык, но мягкое сердце’); *豆腐挡刀 – 自不量力* (букв. *соевый творог дает отпор ножу – переоценивать свои силы*); *萝卜白菜, 各有所爱* (букв. *кто любит корнеплоды (редька, редис, морковь), кто – байцай*; ‘о вкусах не спорят’); *冷锅里爆豆* (букв. *жарить бобы (фасоль) в холодной сковороде*; ‘возобновить прежний спор’) и др.

Национальное своеобразие ФЕ проявляется и в том, что в китайском языке в рассматриваемую ТГ входят названия *диких растений*, употребляемых в пищу, например: *甘蔗老来甜, 辣椒老来红* (букв. *сахарный тростник чем старше, тем слаще, а перец чили, чем старше, тем краснее*; ‘мудрость приходит с возрастом’); *吃过黄连的人, 才知道蜜糖的甜* (букв. *кто ел коптис китайский, тот вспоминает сладкий вкус меда*; ‘кто прошел через тяжелые испытания, знает разный вкус жизни’); *吃苦菜, 莫吃根, 交朋友, 莫忘恩* (букв. *есть осот овощной, не есть его корень; обзаведясь новыми друзьями, не забудь помощи старых друзей*; ‘не проявляй неблагодарности’) и др.

Номинации, входящие в тематическое объединение «*фрукты*» (*桃 [táo]* (персик); *桃子 [táozi]* (персик); *梅 [méi]* (абрикос муме); *柿子 [shìzi]* (хурма); *李 [lǐ]* (слива)), в китайской лингвокультуре составляют малочисленную ТПГ в рамках ТГ «*овощи, бобовые, бахчевые и блюда из них*» (всего 5 ФЕ), а в русской – отдельную небольшую по объему ТГ «*фрукты, ягоды, орехи и блюда из них*» (всего 39 ФЕ). Больше всего устойчивых выражений зафиксировано с номинациями *яблоко (яблочко)* и *орех (орешек)*, на долю которых приходится половина выявленных единиц: *Яблоку негде (некуда) упасть*; *Не расти яблочку на елке*; *На орехи достанется* и др.

В ТГ «*мясо, рыба, мясные и рыбные блюда*» в русском языке входят 42 устойчивых выражения с компонентами, которые отличаются яркой образностью: *Ел бы мясо, да в зубах вязнет*; *Мясо ешь, да мясника не съешь*; *Солонина солоня, говядина дорога* (оттого не готовим); *На кости мясо слаще* и др. В китайском языке данная ТГ дифференцируется на три ТПГ: «*мясо и мясные блюда*», «*рыба и рыбные блюда*» и «*морепродукты и блюда из них*» (общее количество – 41 ФЕ). Наиболее высокую фразеоактивность демонстрирует номинация *肉 [ròu]* ‘мясо’, входящая в состав 12 ФЕ: *鼻子上挂肉 – 油嘴* (букв. *мясо висит на носу – болтливый*; о красноречивом человеке с хорошо подвешенным языком); *好金出在沙子里, 好肉出在骨头边* (букв. *как золото намыывают из песка, так и вкусное мясо соскребают с костей*) и др. Национально-культурное своеобразие проявляется в следующих устойчивых выражениях: *火到猪头烂, 钱到公事办* (букв. *как большой огонь может сварить свиную голову, так и большие деньги могут решить любое трудное дело*); *半夜做梦啃猪蹄 – 尽想好事* (букв. *в полночь есть свиные ножки во сне – думать только о хороших делах*; ‘мечтать о приятном’); *挂羊头, 卖狗肉* (букв. *вывешивать баранью*

голову, а продавать собачье мясо; ‘под благовидным предлогом творить черные дела’; о мошенничестве); 吃了河豚, 百样无味 (букв. *если ты попробовал мясо иглобрюха, тогда другое мясо будет невкусно*; после получения самого лучшего подарка, остальные покажутся незначительными); 大街上卖杂碎 – 提心吊胆 (букв. *продавать цзасуи (горячее блюдо из потрохов) на улице – от страха душа в пятки ушла*; ‘сильно перепугаться, трепетать от страха’); 癞蛤蟆想吃天鹅肉 (букв. *размечталась жаба лебяжьего мяса попробовать*; ‘хотеть невозможного’); насмешка над теми, кто стремится к несбыточному) и др.

ТГ «супы и другие первые блюда» свойственна только ТП «Пища» русского языка, поскольку жидкие горячие блюда издавна имели в пищевом рационе русских широкое распространение. Из 70 ФЕ с номинациями данной ТГ превалируют (более 90 %) ФЕ с обозначением **щи** (45 единиц) и **уха** (19 единиц): *Лоптем щи хлебает кто-нибудь*; *Гостю щей не жалей, а погуще лей*; *Смелому уху хлебать, а трусливому и тюрю не видать*; *Еще рыба не поймана, а уже принялись уху варить* и др. Существенное преобладание в устойчивых выражениях безэквивалентных лексических единиц обозначений **щи** и **уха** обусловлено особой значимостью их в русской национальной культуре.

Для китайской кухни разделение на «первые» и «вторые» блюда не характерно. Лексема «суп» в русском языке используется для обозначения горячего жидкого блюда, подаваемого в начале обеда (первого блюда), в китайской лингвокультуре лексема 汤 [tāng] ‘отвар; бульон’ обозначает жидкое блюдо, подаваемое к столу в конце приема пищи. Например, 吃稀饭泡米汤 – 亲(清)上加亲(清) (букв. *есть жидкую кашу, а еще пить рисовый отвар – двойное родство*; об отношениях между людьми, ставших очень близкими, наподобие родственных); 冷汤冷饭好吃, 冷言冷语难受 (букв. *можно есть холодную пищу и суп, но нельзя терпеть иронические намеки и колкости*).

ТГ «молоко, молочные изделия, яйца, яичные изделия, жиры» входит в состав ТМП «еда, питье, кушанья и их компоненты» только в русском языке (всего 64 ФЕ). В китайской гастрономической культуре молочные продукты не имеют широкого распространения, фразеологизмы с данными номинациями не входят ни в одну из выделенных ТГ в китайском языке: 乳臭未干 (букв. *запах молока еще не исчез*; о неопытном человеке); 鸡蛋里挑骨头 (букв. *искать кость в яйце*; ‘искать несуществующие недостатки, нарочно придираяться’); 鸡飞蛋打 (букв. *и курица улетела, и яйца разбились*; ‘потерять все, на что рассчитывал’).

Национально-специфическими особенностями в русской и китайской лингвокультурах обладает ТГ «приправы, пряности и специи». Номинации данной группы в качестве компонентов входят в состав 65 русских ФЕ, при этом наиболее активно употребляемыми являются номинации **соль** и **хрен** (соответственно 20 и 16 ФЕ): *Сыпать соль на рану кому-нибудь*; *Без соли невкусно, а без хлеба несътно*; *Хрен*

редьки не слаще (‘одинаково плохо и то и другое’); *Старый хрен* (прост. и груб.; о старом человеке) и др.

В рамках рассматриваемой ТГ в русской лингвокультуре отдельно стоит ТПГ, включающая следующие номинации **заквасок**: *дрожжи*; *квашня*; *опара*; *сдоба* (‘жир, сахар и яйца, добавляемые в тесто’); *солод*; *суло*: **Квашини** *крышкой не удержишь*; *Как на дрожжах (растет)*; *Старой закваски* и др.

Китайская гастрономическая картины выглядит совсем по-другому. Древние китайцы различали пять основных приправ, соответствующих пяти традиционным вкусовым ощущениям: 1) 辣 [là] – острый: 姜 [jiāng] (корень имбиря); 辣椒 [làjiāo] (перец чили); 2) 酸 [suān] – кислый: 醋 [cù] (уксус); 3) 咸 [xián] – соленый: 盐 [yán] (соль); 酱 [jiàng] (столовый соевый соус); 4) 苦 [kǔ] – горький: 八角 [bājiǎo] (бадьян, анис); 5) 甜 [tián] – сладкий: 糖 [táng] (сахар). Например: 吃了五味想六味 – 贪得无厌 (букв. *попробовал уже пять вкусов, а еще хочет шестой – ненасытный человек*; ‘гнаться за богатством, не испытывая при этом никакого удовлетворения’); 饭桌上的抹布 – 尝尽了酸甜苦辣 (букв. *кухонная тряпка попробовала кислый, сладкий, горький, острый*; ‘переживать разные ощущения в жизни’) и др. Всего нами зафиксировано 26 ФЕ данной ТГ.

В лексических единицах китайского языка вкусовая семантика нередко соотносится с растительным миром. Так сема ‘сладкий’ присутствует в номинациях: 蜜 [mì] ‘мед, нектар’; 蜂蜜 [fēngmì] (букв. *пчелиный мед*); 冰糖 [bīngtáng] (букв. *леденцовый сахар, леденец*). Номинации *мед*, *леденец* в русской лингвокультуре входят в состав ТГ «сладости, мучнистые и сахаристые изделия».

В корпусе устойчивых выражений русского языка ТГ «алкогольные и безалкогольные напитки» наиболее объемной является совокупность ФЕ с номинацией **пиво** (более 1/3 выявленных единиц). Фразеобразовательной активностью также отличаются компоненты *квас* и *чай* (соответственно 21 и 17 из 61 ФЕ данной группы). Например: *С дураком пиво не сварить, а и сварить, так не разопьешь*; *Пиво вари, да гостей зови*; *Чай и кофе не по нутру, была б водка поутру*; *Не чванься (смейся) квас, не лучше нас*; *И худой квас лучше хорошей воды* и др.

В китайской лингвокультуре данная ТГ, включая в себя 58 устойчивых выражений, делится на 2 подгруппы: 1) безалкогольные напитки; 2) алкогольные напитки. Наиболее высокой степенью фразеоактивности отличается номинация 酒 [jiǔ] (‘спиртное, алкоголь’; ‘алкогольные напитки’), которая входит в состав 44 ФЕ, т.е. в более чем 90 % всех выявленных единиц: 佛在心头生, 酒肉肺腑过 (букв. *если в душе и мыслях есть Будда, тогда не важно, пьешь ли ты спиртное и ешь ли мясо*); 张公吃酒李公醉 (букв. *мужчина Чжанпил спиртное, но мужчина Ли оказался пьяным*; ‘нести ответственность за чужую вину’) и др.

Устойчивые выражения с компонентом *чай* в русском и китайском языках обладают национально-куль-

турным своеобразием, отражая чайные традиции двух народов и культуру чаепития [19]. Так для русских чай ассоциируется с пустым времяпрепровождением, противопоставляемым тяжелому труду, а в китайской культуре это ритуальный напиток, символизирующий молодость, свежесть и здоровье, гармоничное состояние души. Например: рус.: **Чай гонять** (прост.; распивать чай не торопясь, с удовольствием); **Чай да сахар!** (прост.; приветствие пьющим чай); **Чай пить – не дрова рубить**; **Где нам, дуракам, чай пить!**; кит.: 一女不吃两家茶 (букв. одна девушка не пьет чай в двух домах; одна невеста не принимает чай дважды [отражает древний китайский обычай, в соответствии с которым во время обручения жених должен подарить невесте чай]); 春茶尖儿 – 又鲜又嫩 (букв. молодые побеги весеннего чая свежи и нежны); 茶余饭后 (букв. после чая и пищи; 'в свободное время, на досуге'); 茶喝多了养性, 酒喝多了伤身 (букв. пить чай для здоровья полезно, а пить спиртное (водку) – вредно).

Заключение. Таким образом можно сделать вывод, что сформированные тематические поля двух языков соотносятся по ряду признаков, однако в то же время демонстрируют очевидное своеобразие, обусловленное сложившимися в течение нескольких веков национальными кулинарными традициями и гастрономическими предпочтениями, которые связаны с различными условиями жизни двух народов, а также своеобразием значимости разных пищевых продуктов и блюд из них в жизни человека.

В китайской лингвокультуре много специфических наименований, которые вызваны иной гастрономической традицией, иным набором пищевых продуктов, а также иной спецификой способов приготовления пищи. Общим для обеих лингвокультур является то, что существенное место в них занимают номинации *изделий из зерна, круп и муки*, однако состав продуктов по способу приготовления и другим параметрам в китайской лингвокультуре свой: 包子 [bāozi] (паровой пирожок круглой формы); 馒头 [mántou] (хлебец из кислого теста, приготовленный на пару; пресная пампушка); 烧饼 [shāobing] (кунжутное печенье, печеные лепешки (посыпанные семенами кунжута); 月饼 [yóubǐng] (лунная лепешка (лунный пряник) и др. В русской лингвокультуре наиболее обширной является ТГ «хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них», указывающая на важность в питании русских таких продуктов и блюд, как *хлеб, пироги, блины*, а также изделий из круп – *каш, киселей*.

Среди наименований пищи, являющихся компонентами выявленных ФЕ, наибольшая фразеобразовательная активность свойственна лексемам, обозначающим продукты и блюда явной национальной окрашенности, которые с древности составляли основу традиционной кухни каждого из народов: рус. *хлеб, каша, кисель, пирог, блины, калач, щи, уха, квас* и некоторые др.; кит. 米 (大米, 米) (рис); 豆腐 (соевый творог); 馒头 (паровая пампушка); 狗肉 (собачье мясо); 藕 (корневище лотоса) и др.

Фразеологизмы с компонентами – наименованиями *хлебных изделий*, в которой отмечено наибольшее количество лакун; в китайском языке, по сравнению с русским, более обширна группа ФЕ с наименованиями *зерновых продуктов и блюд* из них. Их можно считать *безэквивалентными* или имеющими неполную межъязыковую эквивалентность по отношению к устойчивым оборотам другого языка.

ФЕ русского и китайского языков с компонентом ТП «Пища» в основной своей массе являются *безэквивалентными* по отношению к фразеологизмам сопоставляемого языка: это 885 русских ФЕ (примерно 91%) и 375 китайских (около 83%).

Многие исследователи (Ю.П. Солодуб [20], Э.М. Солодухо [21], О.В. Павлова [22] и др.) считают, что безэквивалентные ФЕ наиболее ярко отражают и передают особенности образа жизни, истории, религии, способов мышления, характерных для носителей рассматриваемых языков. Национальная специфика безэквивалентных ФЕ формируется преимущественно на основе культурно-исторической фоновой семантики, к примеру, во ФЕ-реалиях она лексически маркирована наличием в их составе компонентов, отражающих особенности этнического быта, прежде всего – названий предпочитаемых продуктов и блюд из них.

Различия в интерпретации ФЕ с пищевым компонентом в сопоставляемых лингвокультурах связаны со сложившимися традициями отношения к выбору пищи, а также ее приготовлению и потреблению. Так, для носителей русской культуры особую значимость имеет атмосфера общения, сопровождающая процесс еды, в особенности – в торжественной обстановке (в частности, сложившиеся в течение веков пиршеские традиции); в китайской же культуре акцент делается на искусстве приготовления пищи, соблюдении правил этикета, а также на здоровье как результате правильного питания.

Литература

1. Ли, Г. Опыт лингвокультурологического и семантического описания русской фразеологической картины мира (на примере единиц с компонентом «еда») / Г. Ли // Ученые записки Таврич. нац. ун-та имени В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63). – № 1, ч. 1. – С. 46–53.
2. Рубина, С.Н. Лингвострановедческий подход к презентации русской фразеологии в китайской аудитории: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / С.Н. Рубина. – Волгоград, 2000. – 238 с.
3. Чжао, Ч. Функционально-параметрическое описание фразеологизмов русского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ч. Чжао. – М., 2012. – 243 с.
4. Цзоу, С. Лингвокультурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / С. Цзоу. – СПб., 2007. – 210 с.
5. Василенко, А.П. Культурологический комментарий компонента ЧАЙ (thé, tea, 茶) во фразеологизмах

- русского, французского, английского и китайского языков / А.П. Василенко, В.С. Рыбакина // Филологический аспект. – 2022. – № 4(84). – С. 56–60.
6. Иванникова, А.Г. Концепт «чай» в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков) / А.Г. Иванникова, А.А. Казарян, У.В. Хоречко // Молодой ученый. – 2014. – № 20(79). – С. 698–701.
 7. Чжан, М. Фразеологизмы и пословицы со значением «гостеприимство» в русском и китайском языках / М. Чжан, Д.К. Саяхова // Вест. Башкир. ун-та. – 2017. – Т. 22, № 3. – С. 829–834.
 8. Ма, Л. Универсальное и национальное в наивной картине мира (на примере семантического поля «пища» в русской и китайской фразеологии) / Л. Ма // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П.М. Машэрава. – 2010. – № 1(55). – С. 72–78.
 9. Ма, Л. Процессуальные фразеологические единицы с «пищевым» компонентом в русском и китайском языках / Л. Ма // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Т. 29. – С. 195–199.
 10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева; [науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Ин-т языкознания АН СССР]. – М.: Совет. энциклопедия, 1990. – 685 с.
 11. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
 12. Прохорова, С.М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: ареально-типологическое исследование / С.М. Прохорова. – Минск: Университетское, 1991. – 137 с.
 13. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева [и др.]; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – Т. 1. – 840 с.
 14. Словарь русского языка: в 4 т. / [подгот. Л.П. Алекторовой, С.Л. Баженовой, Е.А. Иванниковой [и др.]; ред. А.П. Евгеньева, Г.А. Разумникова]; АН СССР, Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русск. яз., 1984. – Т. 4: С–Я. – 792 с.
 15. История философии: энциклопедия / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
 16. Маслов, А.А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз / А.А. Маслов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Алетея, 2006. – 480 с.
 17. 王强芬, 邹明亮. 论阴阳五行在中医饮食养生中的应用 // Journal of Traditional Chinese Medicine. – 2010. – Vol. 51. – P. 52–55.
 18. Лутовинова, И.С. Слово о пище русских: (к истории слов в русском языке) / И.С. Лутовинова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; 1997. – 303 с.
 19. Коваль, Е.С. Культурные традиции русского чаепития / Е.С. Коваль // Аналитика культурологии. – 2014. – № 1(28). – С. 181–185.
 20. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица) / Ю.П. Солодуб. – М.: МГПИ имени В.И. Ленина, 1985. – 112 с.
 21. Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э.М. Солодухо. – Казань: Казан. ун-т, 1989. – 294 с.
 22. Павлова, О.В. Классификация межъязыковых фразеологических отношений в китайском и русском языках / О.В. Павлова // Язык и культура. – 2014. – № 3(27). – С. 74–87.

Поступила в редакцию 02.11.2022

Внешность человека в отражении пищевой метафоры

Мужейко И.А.

Международный университет «МИТСО», Витебск

В статье рассматриваются адъективные устойчивые сравнения (АУС), транслирующие пищевую метафору с позиции лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Цель статьи – выявить общие и этнокультурные кулинарные метафоры на примере адъективных устойчивых сравнений славянских, балтийских и германских языков.

Материал и методы. *Материалом настоящего исследования выступают адъективные устойчивые сравнения ряда славянских, балтийских, германских языков. При обработке фактического материала, полученного методом сплошной выборки из сопоставимых лексикографических источников, использовались описательный и сопоставительный методы.*

Результаты и их обсуждение. *В ходе работы составлено представление о том, как образно отражается человек в зеркале пищевой метафоры и какие гастрономические образы, закрепленные в адъективных устойчивых сравнениях, свойственны различным этнокультурам, а какие носят общий характер.*

Заключение. *Проведенное исследование показывает продуктивность пищевой метафоры во фразеологических единицах, в частности, АУС изучаемых языков, что свидетельствует о высокой степени значимости гастрономической сферы в жизнедеятельности человека. Приведенные примеры указывают не только на национально-специфические, но и общие образы, выстроенные на миропонимании пищи и ее компонентов.*

Ключевые слова: *пищевая/кулинарная метафора, устойчивое сравнение, эталон, этноэквивалент, национально-культурная специфика.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 140–143)

Human appearance in the reflection of the food metaphor

Muzheyko I.A.

International University "MITSO", Vitebsk

The article deals with stable adjective similes (AS), which translate a food metaphor from the standpoint of linguistic culture and cognitive linguistics.

The aim of the article is to identify common as well as ethnic and cultural culinary metaphors on the example of adjective similes of Slavic, Baltic and Germanic languages.

Material and methods. *The material of this study is adjective stable comparisons of a number of Slavic, Baltic, Germanic languages. Descriptive and comparative methods were used while processing the factual material obtained by continuous sampling from comparable lexicographic sources.*

Findings and their discussion. *In the course of the study, an idea was made of how a person is figuratively reflected in the mirror of a food metaphor and which gastronomic images fixed in adjective similes are characteristic of various ethnic cultures, and which are of a general nature.*

Conclusion. *The conducted research shows the productivity of the food metaphor in phraseological units, in particular the AS of the studied languages, which indicates a high degree of importance of the gastronomic sphere in human life. The examples given indicate not only nationally specific but also general images built on the worldview of food and its components.*

Key words: *food/culinary metaphor, simile, standard, ethnic equivalent, national and cultural specificity.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 140–143)

Картина мира, создаваемая языком, теснейшим образом связана с культурой народа, а ее лингвокультурологическое и когнитивное осмысление возможно посредством актуального в последние годы сопоставления представлений о человеке и окружающем его мире, отраженных во фразеологии того или иного языка. «Использование образных чувственно-наглядных конкретных эталонов объектов действительности дает носителю языка больше шансов глубже выразить идеи и избежать многословных пояснений» – утверждает Е.М. Маркова [1, с. 194], развивая мысль Е.В. Рахилиной: «Картина проще слов. Рисунок является пространственной моделью, отображающей то, как человек воспринимает окружающее его пространство» [2, с. 235].

Одним из способов чувственно-наглядного отражения действительности выступает метафора, постоянно подпитывающая исследования как лингвистов и литературоведов, так и психологов, социологов, философов, культурологов, а процесс метафоризации предстает умам ученых не только номинативным средством языка, но и способом миропонимания. Е.А. Юрина утверждает, что «современная когнитивная теория метафоры доказательно развивает тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафорическое моделирование является одним из основных познавательных процессов в ментальной деятельности человека. Мы познаем что-то новое по аналогии с уже известным, осмысливаем нечто абстрактное по образу и подобию чувственных и зримых феноменов» [3, с. 207]. Все это объясняет тот факт, что современное языкознание активно исследует метафорические средства языка в создании общей и национально-культурно окрашенной языковых картин мира.

В данной работе мы рассматриваем понятие пищевой метафоры, определяемой Е.А. Юриной как «концептуальной модели осмысления различных явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды и гастрономии» [4, с. 152]. В 2015 году в свет вышел первый том «Словаря русской пищевой метафоры» [5], в котором собраны языковые, речевые и авторские метафоры, устойчивые сравнения, идиомы, пословицы и поговорки, выражающие кулинарные образы русского языка.

Целью исследования является выявление общих и этнокультурных кулинарных метафор на примере адъективных устойчивых сравнений (АУС) русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования выступают адъективные устойчивые сравнения ряда славянских, балтийских, германских языков. При обработке фактического материала, полученного методом сплошной выборки из сопоставимых лексикографических источников, использовались описательный и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Адъективные устойчивые сравнения составляют особую группу фразеологических единиц, выделяемую в лексике любого языка, и посему являются универсалией. Они обладают всеми признаками фразеологизмов (устойчивостью, воспроиз-

водимостью, отдельноформленностью, экспрессивностью) и наиболее важным для понимания – образностью. Процесс преобразования устойчивых сравнений из свободных словосочетаний сопряжен с метафоризацией последних, «формированием образа устойчивых сравнений на основе первичных значений слов в прототипной ситуации» [6, с. 126]. В связи с этим неслучайно использование в данных фразеологических единицах конкретных наименований будь то растения, блюда, продукты питания и многие другие, создающие у реципиента чувственно-наглядное представление, которое обеспечивает образность устойчивых сравнений.

В связи с тем, что образность и есть та картина, которая способствует лучшему восприятию окружающего мира, рассмотрим подробнее механизм ее достижения. «В структуре устойчивого сравнения степень признака второго элемента (образной основы, эталона) сравнения всегда оказывается объективно значительно выше степени признака, проявляющего в первом элементе (основании) сравнения. В результате отождествления признаку второго элемента признак первого элемента усиливается количественно до степени признака второго элемента» [6, с. 125]. Например, в устойчивом сравнении красный как говядина слово *говядина* является выразителем признака человека по цвету лица, но темно-красный, почти коричневый оттенок красного все же неестественен для цвета кожи людей. Очевидно, субъект может покраснеть, однако обрести такой оттенок здоровый с физиологической точки зрения человек не может. Как становится понятным из приведенного примера, такое усиление носит субъективный характер, поскольку объективно степень признака первого элемента остается, конечно, прежней.

Таким образом, сближение трудно сопоставимых понятий активизирует психическую деятельность реципиента (читателя и слушателя), создает эмоциональное напряжение, строит образ, делая высказывание экспрессивным. Принадлежность сравниваемых объектов к далеким сферам влечет за собой целый шлейф дополнительных ассоциаций, что не только дает информацию, но и усиливает экспрессивный эффект: чем дальше друг от друга в реальности сравниваемые объекты, тем ярче их экспрессия.

Рамки данной работы позволяют нам охватить лишь небольшую часть АУС русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков, эталонами которых являются наименования различных продуктов питания, включая как готовые блюда, так и исходные ингредиенты, характеризующие человека.

Тематика фактического материала обусловлена целью составить представление о том, как образно отражается человек в зеркале пищевой метафоры и какие гастрономические образы, свойственные национальным культурам, закрепились в адъективных устойчивых сравнениях.

Еда – неотъемлемая часть жизни человека, так как является одним из условий его существования. Эволюция людей сопровождается эволюцией пищи, которая все больше претендует на звание «кулинарный шедевр», чем источник энергии и «строительного

материала» организма, и для жителей развитых стран еда становится источником удовольствия. Очевидно, такое сложившееся представление свойственно не всем народам, так как проблема голода остается актуальной даже в начале XXI века во многих районах Африки, Азии и Латинской Америки.

Рассмотрим подробнее сквозь призму пищевой метафоры внешность человека, в частности, форму, цвет кожи, характеристику органов с целью выявления общих и культурно-специфических фразеологических единиц и, как следствие, фрагментов языковых картин мира указанных народов.

Яйцо – как символ начала, происхождения, бытия, возникновения мира в первоначальной пустоте – зафиксировано в качестве образной основы ряда АУС, характеризующих внешний облик с разных сторон. В русской, латышской и английской лингвокультурах голова сопоставляется с этим продуктом, но основания и основы сравнения разные. Например, латышам интересна ее форма: *apals k̄a ola* ‘круглая как яйцо’, в то время как русским и англичанам – отсутствие волосяного покрова: русск. *лысая как яйцо* – англ. *as bald as an egg* ‘лысый как яйцо’. К слову, в американской культуре яйцеголовым насмешливо-пренебрежительно называют умника, интеллектуала, а в более узком смысле – сумасшедшего ученого. В 1980-х годах это понятие проникает и в русский язык. Изображали таких ученых обычно лысыми, благодаря чему особенно хорошо видна форма черепа, вытянутого кверху напоподобие яйца. Отличаются русское и английское сравнение субъектами, так как в русском характеризуется голова человека, а в английском – сам человек.

Яйцо также выступает эталоном белизны кожи в белорусском и хорватском языках: бел. *белы як яйцо* – хорв. *bijel kao jaje* ‘белый как яйцо’. Как известно, при термической обработке белок яйца становится насыщенного белого цвета, что, видимо, и легло в основу возникшей ассоциации.

Помимо цвета кожных покровов с *яйцом* сравнивают форму тела в белорусской культуре: *круглы як яйцо*, а красоту – в болгарской: *красив като писано яйце* ‘красивый как расписанное яйцо’. Прозрачна аналогия яйца и, как и пышнотелого, так и привлекательного человека, поскольку пасхальные яйца всегда отличались изящными орнаментами.

Одним из распространенных продуктов, используемых в качестве эталона АУС, выступает *молоко*. Это продукт вошел в рацион крестьян и скотоводов Западной Европы около 10 тысяч лет назад, что относительно недавно, если принять во внимание 300-тысячелетнюю историю человечества. Исследования показывают, что не все современные жители Земли потребляют молоко в равной мере: азиаты, многие африканцы и южноамериканцы пьют его меньше, так как обладают его непереносимостью из-за отсутствия лактазы – фермента, расщепляющего особый тип сахара (лактозу).

С 2000-х годов в Китае проводится государственная политика по поощрению потребления молока и молочных продуктов, так как они полезны для здоровья благо-

даря содержанию таких питательных веществ, как белки, жиры, кальций, витамин D. В связи с этим Республика Беларусь воспользовалась сложившейся ситуацией и занимается поставками данных товаров в дружественную страну с полутора миллиардным населением.

Таким образом, европейцы с *молоком* сравнивают цвет кожи: русск. *белый как молоко* – бел. *белы як малако* – хорв. *bijel kao mlijeko* ‘белый как молоко’ – лат. *balts kā piens* ‘белый как молоко’ – англ. *as white as milk* ‘белый как молоко’, а чехи также характеризуют седовласых, используя АУС *bilý jako mléko* ‘белый как молоко’.

Общеизвестно, что молоко является исходным материалом для производства других не менее полезных продуктов, таких как *сметана*, *творог*, *сыр*, *сливочное масло*. С эталоном *сметана* в русском и белорусском языках сравнивают белокожего человека: *белый как сметана* – бел. *белы як смятана*, в то время как побледневшего чехи сравнивают с *творогом*: *bledý jako tvaroh* ‘бледный как творог’. Ассоциации с молочными продуктами очевидны, так как будь то молоко, или сметана, или творог сами являются того или иного оттенка белого цвета. Но в белорусской культуре человека с белым лицом сравнивают с *сыром*: *белы як сыр*. Выскажем предположение, что так говорят о белокожих с легкой желтизной (вызванной, возможно, болезнью), потому что сыры бывают не только белые, но и различных оттенков желтого вплоть до оранжевого.

Еще один молочный продукт – *сливочное масло* – выступает эталоном характеристики человека только в английском языке, но не для описания тона кожных покровов, а для описания телосложения: *as fat as butter* ‘жирный как сливочное масло’. В данном случае аналогия прослеживается не по цвету, а по содержанию жира.

Продукты растительного происхождения также нашли свое отражение в АУС языков исследования. Самым частотным является *яблоко*, так как ареал этой плодовой культуры весьма широк и включает территории стран, языковые единицы которых мы анализируем. Данный фрукт в христианстве обладает рядом символических значений, как то плодородие, любовь, радость, а также обманчивость и смерть. Яблоко предстает эталоном красного цвета лица, румяного человека, а также качества его кожи. Обратимся к примерам. В русском, чешском, болгарском и латышском языках было зафиксировано соответствие устойчивых сравнений: русск. *румяный как яблоко* – чешск. *červený jako jablíčko* ‘красный как яблоко’ – болг. *румен като ябълк* ‘румяный как яблоко’ – лат. *sārts kā ābols* ‘румяный как яблоко’.

При характеристике текстуры кожи славяне используют *яблоко* как образную основу в описании как пожилых, так и молодых людей. Выбор зависит от того, какой плод имеется в виду – подвергшийся термической обработке или свежий: русск. *морщинистый как печеное яблоко* – бел. *маршчыністы як печана яблыка* – чешск. *scvrklý jako křízala* ‘сморщенный как сушеное яблоко’ – болг. *набръчкан като печена киселица* ‘морщинистый как печеное яблоко’ и бел. *гладкі як яблычка*.

Уподобление предметов красного цвета и зардевшихся людей прослеживается на общих и национально-

маркированных примерах анализируемых лингвокультур. Изменение тона кожных покровов обусловлено приливом крови к капиллярам в верхних слоях дермы, но, очевидно, человек не может быть столь интенсивно красного цвета как помидор, свекла или различные ягоды. Так, к общим мы отнесли следующие цепочки АУС: русск. *красный как свекла* – бел. *чырвоны як бурак* – лат. *sarkans kā biete* ‘красный как свекла’ – англ. *as red as a beet* ‘красный как свекла’, русск. *красный как помидор* – бел. *чырвоны як памідор* – швед. *röd som en tomat* ‘красный как помидор’, русск. *красный как вишня* – англ. *as red as a cherry* ‘красный как вишня’, русск. *красный как клюква* – бел. *чырвоны як брусніка* – чешск. *červený jako malina* ‘красный как малина’. В последней цепочке все образные основы называют ягоды красного цвета, произрастающие на территории всех трех государств, но, видимо, значимость каждой из них для населения привела к фиксации в устойчивых сравнениях в качестве эталонов. К слову, брусника изображена на гербе Шарковщины, что подтверждает наше предположение, а чехи, хотя и празднуют урожай каждого фрукта и овоща отдельно, не обошли вниманием и малину. Отмечают его в конце лета и устраивают различного рода торжества.

К национально-специфическим мы отнесли: русск. *красный как говядина*, болг. *червен като ябълк* ‘красный как яблоко’, хорв. *crven kao paprika* ‘красный как стручковый перец’.

Еще одним эталоном красноты является продукт питания животного происхождения, распространенный в Европе, – *рак*. Небезызвестно, что эти членистоногие предпочитают чистую воду рек, а до бурного роста промышленного производства экологическая обстановка не вызывала опасений, что способствовало широкому ареалу их обитания. Этот факт объясняет возникновение АУС с этой образной основой во всех восьми языках исследования: русск. *красный как вареный рак* – бел. *чырвоны як рак вароны* – чешск. *červený jako rak* – хорв. *crven kao rak* – лат. *sarkans kā varīts vēzis* – англ. *as red as a boiled lobster* – швед. *röd som en kött kräfta*. Отметим, что только вареный рак приобретает красный цвет, хотя в чешском и хорватском языках существительное *рак* не пояснено прилагательным *вареный*, но, очевидно, оно подразумевается. В АУС чешского и болгарского языков закрепились названия продуктов животного происхождения для характеристики полноты/худобы и внешнего облика человека: чешск. *tlustý jako buřt* ‘толстый как сарделька’, болг. *слаб, мършав като пастърма* ‘худой, тощий как бастурма’, болг. *суха като пастърма* ‘худая как бастурма’ (о женщине) и чешск. *špinavý jako špek* ‘грязный как шпик (сало для смазывания сковороды)’ соответственно.

Незначительное количество сравнений с образной основой, называющей мясо и мясные продукты, обусловлено тем фактом, что они не входили в ежедневный рацион простых людей, хотя богатые сословия вполне могли себе это позволить. Неслучайно мясо считалось мерилом достатка, что связано с большими затратами времени и труда для его получения.

Мясо, как известно, ценный продукт, так как с ним в организм поступают незаменимые аминокислоты,

а также различные микроэлементы и витамины. Неслучайно вегетарианцы вынуждены принимать дополнительно ряд витаминных комплексов для восполнения недополучаемых веществ. Помимо прочего, современная биотехнология позволяет пусть и не в масштабах промышленного производства выращивать этот продукт «в пробирке». Однако, как и все новое, эта научная идея пока не вызывает доверия у населения.

Изделия из теста также нашли отражение в образных основах АУС, но общих фразеологических единиц не выявлено. Так, *колобок* в русской культуре ассоциируется с невысоким толстым человеком: *маленький, круглый как колобок*. Преимущественно к ребенку, девушке, молодой женщине применимо АУС *толстый(ая), круглый(ая) как пышка*. *Пряник* в белорусской культуре выступает эталоном розовощеких людей: *румяны як пернік*. Для чехов *лапша* стала мерилем худобы: *tenký, hubený jako nudle* ‘тонкий, худой как лапша’.

Заключение. Таким образом, рассмотренный материал – АУС русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков – показывает продуктивность пищевой метафоры во фразеологических единицах исследуемых языков, что свидетельствует о высокой степени значимости гастрономической сферы в жизнедеятельности человека. Приведенные примеры указывают не только на национально-специфические, но и общие образы, выстроенные на миропонимании пищи и ее компонентов. Эти образы тесно связаны с физическим и психологическим состоянием человека посредством устойчивых ассоциаций, зафиксированных в сравнениях как модели познания окружающего мира и, в первую очередь, себя в нем. Безусловно, специфические АУС с кулинарной метафорой могут существенно обогатить иные лингвокультуры благодаря своей культурно-символической и культурно-ценностной значимости.

Литература

1. Маркова, Е.М. Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках / Е.М. Маркова, Эйсави Б.М. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2018. – № 3. – С. 193–204.
2. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русск. словари, 2000. – 416 с.
3. Юрина, Е.А. «Пищевая метафора»: объем и границы понятия / Е.А. Юрина // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2015. – Т. 1, № 3(63). – С. 207–212.
4. Юрина, Е.А. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе / Е.А. Юрина, А.В. Балдова // Язык и культура. – 2020. – № 50. – С. 152–169.
5. Словарь русской пищевой метафоры: Блюда и продукты питания / сост.: А.В. Боровкова [и др.]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – Т. 1. – 428 с.
6. Мужейко, И.А. Общее и национально-специфическое в адекватных устойчивых сравнениях славянских, балтийских, германских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И.А. Мужейко. – Витебск, 2019. – 212 л.

Поступила в редакцию 04.11.2022

Портреты А.А. Ахматовой в живописи и поэзии

Муратова Е.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Любой вид искусства не существует в культурном вакууме, он функционирует в определенной и единой лингвокультурологической атмосфере. Границы отдельных видов искусств отнюдь не замкнуты, один вид искусства может находить свое продолжение, трансформацию, дополнение или завершение в другом. Особенно глубоко это взаимодействие проявляется в поэзии и живописи.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать художественные образы А.А. Ахматовой в живописи и поэзии.

Материалы и методы. *Материал исследования – портреты А. Ахматовой в художественном творчестве А. Модильяни и Н. Альтмана, поэтические портреты А. Ахматовой в стихах Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Цветаевой. Использовался описательный метод и метод филологического анализа поэтического текста.*

Результаты и их обсуждение. *В статье исследуются образы А.А. Ахматовой в живописи и поэзии. Живописных, графических, скульптурных портретов А.А. Ахматовой насчитывается более двухсот. В данной работе делается акцент на анализе портрета А. Ахматовой французского художника Амедео Модильяни 1911 года и русского художника-авангардиста Натана Альтмана, написанного в 1914 году. Кратко описываются взаимоотношения А. Ахматовой с А. Модильяни и Н. Альтманом и причины появления этих портретов поэта. Проводится анализ творческой специфики данных портретов обоих художников. Исследуются поэтические портреты А. Ахматовой в стихах Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Цветаевой.*

Заключение. *Взаимопроникновение разных видов искусства друг в друга по-своему «переводит» художественное произведение в двухмерное пространство: зрительное и слуховое, что, безусловно, углубляет восприятие художественных образов, отраженных в живописи и поэзии. В итоге анализа поэтических и художественных портретов А.А. Ахматовой перед нами возникает образ неповторимой молодой женщины с уникальным умением нести бремя своей внезапной славы, величайшей, спокойной, внутренне уверенной в себе, с неизменной шалью – символом ее духовной царственности, которую она пронесла через всю свою жизнь.*

Ключевые слова: *поэзия, живопись, А.А. Ахматова, А. Модильяни, Н. Альтман, виды искусства, портрет.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 144–147)

Portraits of A.A. Akhmatova in painting and poetry

Muratova E.Yu.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Any type of art does not exist in cultural vacuum, it functions in a certain uniform linguistic and cultural atmosphere. Boundaries of certain types of art are not closed, one type of art can find its continuation, transformation, complementation or final in another one. This interaction is particularly deeply manifested in poetry and painting.

The purpose of the article is to consider and analyze art images of A.A. Akhmatova in painting and poetry.

Material and methods. *The material was portraits of A. Akhmatova in A. Modigliani's and N. Altman's works, poetic portraits of A. Akhmatova in N. Gumilev's, O. Mandelshtam's, M. Tsvetayeva's poems. The descriptive method and the method of philological analysis of poetic texts were used.*

Findings and their discussion. *Images of A. Akhmatova in painting and poetry were studied in the article. There are more than two hundred painting, graphic and sculptural portraits of A.A. Akhmatova. The article analyzes the 1911 portrait of A. Akhmatova by the French painter Amedeo Modigliani and the 1914 portrait by the Russian van guard artist Natant Altman. A. Akhmatova's relations with A. Modigliani and N. Altman are briefly described and the reasons why the portraits of the poet appeared. An analysis of the creative specificity of the portraits by both the artists is given. Poetic portraits of A. Akhmatova in N. Gumilev's, O. Manselshtam's and M. Tsvetayeva's verses are studied.*

Conclusion. *Mutual interpenetration of various types of art transforms a work of art into a two-dimensional space: the visual and the auditory, which, certainly, deepens the perception of artistic images reflected in painting and poetry. As a result of an analysis of poetic and painted portraits of A. Akhmatova an image of a unique young woman with a unprecedented skill of carrying the burden of her immediate fame emerges, a woman who is dignified, calm, self-assured, with a usual shawl, the symbol of her spiritual reign which she carried throughout her life.*

Key words: *poetry, painting, A.A. Akhmatova, A. Modigliani, N. Altman, types of art, portrait.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 144–147)

Любой вид искусства не существует в культурном вакууме, он функционирует в определенной и единой лингвокультурологической атмосфере. Границы отдельных видов искусств отнюдь не замкнуты, один вид искусства может находить свое продолжение, трансформацию, дополнение или завершение в другом.

Еще в XVIII веке Г.Э. Лессинг писал: «Но так как поэт и художник, имея общие предметы для подражания, нередко должны рассматриваться с одинаковой точки зрения, то легко может случиться, что в их произведениях найдется много сходных черт, хотя бы они несколько не подражали один другому. Это сходство черт, наблюдаемое у поэтов и художников одной эпохи, может быть даже очень полезно, взаимно облегчая толкование их произведений» [1, с. 419].

В русской культуре связь живописи и литературы всегда была традиционной: это библия и иконы, художественные миниатюры в древнерусских книгах и под. Особенно ярко она проявилась в XIX в. Крупнейший художественный критик XIX века В. В. Стасов называл русскую литературу и искусство неразлучными близнецами [2].

В этом ключе нам представляется интересным описать и проанализировать портреты А.А. Ахматовой в живописи и поэзии. Образ А. Ахматовой в этих видах искусства сложен и многогранен, поскольку сложна, глубока, неоднозначна сама модель изображения, и художники и поэты видят ее по-разному. Какой образ А.А. Ахматовой складывается в целом? В чем его тайна, что в ней притягивает творцов? Поскольку портретов А. Ахматовой очень много (ее живописные и поэтические портреты писали 60 лет при жизни, и пишут до сих пор), постольку наша статья – всего лишь попытка посмотреть на этот образ в симбиозе живописи и поэзии.

Таким образом, цель статьи – рассмотреть и проанализировать художественные образы А.А. Ахматовой в живописи и поэзии.

Материалы и методы. Материал – портреты А. Ахматовой в художественном творчестве А. Модильяни и Н. Альтмана, поэтические портреты А. Ахматовой в стихах Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Цветаевой.

Результаты и их обсуждение. Начало XX века в России было на редкость богато во всех областях искусства – в литературе, живописи, балете; впоследствии оно вошло в нашу историю как Серебряный век. А. Ахматова творила среди глубоких и ярких поэтических миров – Блок, Брюсов, Гумилев, Бальмонт, Сологуб, Белый, Вяч. Иванов, Волошин, а несколько позже – Маяковский, Мандельштам, Цветаева, Есенин.

«Ахматова, можно сказать, возникла как бы сразу – во всей выверенности своего удивительного словесного искусства... Едва ли не сразу после появления первой книги стали говорить о “загадке Ахматовой”. Сам талант был очевидным, но непривычна, а значит, и неясна была его суть... Как объяснить, например,

пленительное сочетание женственности и хрупкости с той твердостью и отчетливостью рисунка, что свидетельствует о властности и незаурядной, почти жесткой воле?.. Вызывало недоумение и восхищение странное немногословие ее любовной лирики, в которой страсть походила на тишину предгрозы и выражалась обычно лишь двумя-тремя словами, похожими на зарницы, вспыхивающие на грозно потемневшем горизонте» [3, с. 7].

Первым ее поэтическим портретом А. Ахматова называет строфы из поэмы Н. Гумилева «Осенняя песня» (1905):

*...Кто объяснит нам, почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?
Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленьё?
И улыбаются уста
Зачем загадочно и зыбко?
И страстно требует мечта,
Чтоб этой не было улыбки?
Зачем в ней столько тихих чар?
Зачем в глазах огонь пожара?
Она для нас большой кошмар
Иль правда, горестней кошмара.
Зачем, в отчаянье мечты,
Она склонилась на ступени?
Что надо ей от высоты
И от воздушно-белой тени?..*

На сегодняшний день известно более двухсот живописных, графических, скульптурных портретов А.А. Ахматовой. Ее образы на полотне создавали Амедео Модильяни, Л.А. Бруни, З. Серебрякова, К.С. Петров-Водкин, Ю. Анненков и другие. Открывает ахматовскую иконографию рисунок Модильяни 1911 года – единственный из шестнадцати, который сохранился у Ахматовой. На нем Ахматова изображена в виде аллегорической фигуры «Ночи» на крышке саркофага. Рисунок Модильяни до конца жизни висел у нее на стене. Она гордилась им, говорила, что это единственный Модильяни в СССР.

Впервые художник и поэт встретились в Париже в 1910 году во время свадебного путешествия Анны Андреевны и Николая Гумилева. Отношения А. Ахматовой и А. Модильяни, с одной стороны, были достаточно мимолетны (три месяца в 1911 году), а с другой – это история всей их жизни, которые Ахматова называла предисторией жизни: короткой – Амедео, и длинной – ее самой и которые Иосиф Бродский охарактеризовал так: «Ромео и Джульетта в исполнении особ царствующего дома».

В ту пору Модильяни, впоследствии признанный одним из великих художников XX века, был очень беден и никому не известен, однако многих он привлекал своей харизмой и обаянием. А. Ахматова вспо-

минала, что всё божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак. Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания. Вот что она сама написала в строфе, не вошедшей в «Поэму без героя»:

*...В синеватом Париж тумане,
И наверное, опять Модильяни
Незаметно бродит за мной.
У него печальное свойство,
Даже в сон мой вносить расстройство
И быть многих бедствий виной...*

Существует предположение, что Модильяни писал ее портрет, оставшийся незаконченным (остались эскизы к нему). Сама Анна Андреевна дает повод предполагать, что портрет был, назвав одно из своих стихотворений 1912 года «Надпись на неоконченном портрете»:

*О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.
Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.*

Одним из самых ярких и известных портретов А.А. Ахматовой является работа художника-авангардиста Натана Альтмана 1914 года. В обширной галерее портретов А. Ахматовой эта картина – одна из лучших.

Натан Исаевич Альтман родился в очень бедной еврейской семье. Отец его неизвестен, мать уехала в США, бросив маленького Натана, которого потом воспитывали бабушка и дедушка. С детства Альтман очень любил рисовать. Существует версия, будто он где-то увидел репродукции импрессионистов и понял, что хочет работать совсем не в академическом стиле. В 1910 году он уехал в Париж, знакомясь с художниками авангардных направлений – кубистами, сюрреалистами, экспрессионистами, чья художественная среда значительным образом повлияла на него, подружился с Шагалом, с которым они поддерживали отношения и после революции на протяжении всей жизни.

Вернувшись в Петербург в 1912 году, Альтман своим талантом молниеносно завоевывает внимание богемы Серебряного века. Его ближайшими друзьями становятся В. Маяковский и Н. Гумилев, его почитателями – Велимир Хлебников и критик Н. Пунин, Осип Мандельштам посвящает ему стихи, его принимают в обществе кабаре «Бродячая собака», а в 1914 году он пишет знаменитый портрет Анны Ахматовой.

Стиль полотна весьма оригинален. «Ритму кристаллов пейзажа, на фоне которого изображена героиня, вторят изломы фигуры. Кубистическая “колючесть”, игра режущих плоскостей, введенная в портрет, усиливает волну утонченности, идущую от модели» [4, с. 376].

Цвета, линии, изломы, сам образ поэта уже не красками, а языковыми средствами так передает Анна Арканина:

*Тонкая фигура в платье синем –
Желтый шарф змеится – щекоча,
Анна, замерев, картинно стынет
Не вставая зрителей встречать.
Взгляд уставший, смотрит жестче, резче
Линий ломких, хаоса мазков.
И ложится инеем на плечи
Тень от ненаписанных стихов.
Профиль угловат и узнаваем –
Быстрые, колючие штрихи.
Так с портрета молча смотрит Анна –
Как в молчанье пишутся стихи.*

Стихотворение передает не только внешний зримый облик картины, но и несколько приоткрывает нам внутренний мир героини. Мы понимаем, что на картине изображен поэт: *тень от ненаписанных стихов, как в молчанье пишутся стихи*; стихи пишутся не просто, они *ложатся инеем на плечи*, и не сами по себе, а только их *тень*. Поэзия не только вдохновение и полет творчества, но это и вечный, неизбывный труд души и духа: *взгляд уставший, смотрит жестче, резче*. Характер у героини независимый, она одета ярко и нестандартно: на синее платье накинут желтый шарф. При этом при помощи лексического ряда автор стихотворения сумела очень точно передать манеру письма художника, стиль его картины: *ломкие линии, хаос мазков, угловатый профиль, быстрые, колючие штрихи*.

Натан Альтман и Анна Ахматова познакомились в Париже, куда она приехала ненадолго с мужем Николаем Гумилевым. Через несколько лет они вновь встретились в Петербурге, и художник был поражен ее обликом: ее царственной осанкой, знаменитой челкой, неизменной шалью.

О внешнем облике А. Ахматовой этого периода вспоминает К. Чуковский:

«Анну Андреевну Ахматову я знал с 1912 года. Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н. С. Гумилева, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей. То было время ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов.

Прошло два-три года, и в ее глазах, и в осанке, и в ее обращении с людьми наметилась одна главнейшая черта ее личности: величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: “царственная”, монументально важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе, к своей высокой писательской миссии. С каждым годом она становилась величественнее. Нисколько не заботилась об этом, это выходило у нее само собой. За все полвека, что мы были знакомы, я не помню у нее на лице ни одной просительной, заискивающей, мелкой или жалкой улыбки...

Даже в позднейшие годы, в очереди за керосином, селедками, хлебом, даже в переполненном жестком вагоне, даже в ташкентском трамвае, даже в больничной палате, набитой десятком больных, всякий, не знавший ее, чувствовал ее “спокойную важность” и относился к ней с особым уважением, хотя держалась она со всеми очень просто и дружелюбно, на равной ноге» [5, с. 195].

Именно А. Ахматова этого времени – времени ее первых необыкновенных триумфов – изображена на картине Н. Альтмана в 1914 году. Этот портрет А. Ахматовой стал важной вехой в биографии художника и его творческим триумфом. Об этом же портрете и о самом Натане Альтмане писала Ахматова в стихотворении «Покинув рощи родины священной»:

*Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака, –
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.*

Иногда в создании художественного образа и в живописи, и в поэзии важную роль узнаваемости играет какая-либо деталь, характерная именно для этого персонажа. В словесных и художественных портретах А. Ахматовой яркой деталью является шаль. Например, в известных строках О. Мандельштама: *Волоборота, о печаль, / На равнодушных поглядела, / Спадая с плеч, окаменела / Ложноклассическая шаль*. У Марины Цветаевой есть цикл стихов, посвященных А. Ахматовой. Среди них – портретные зарисовки Ахматовой:

*Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.*

*Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.*

...
*В утренний сонный час,
Кажется, четверть пятого,
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.*

Заключение. Взаимопроникновение разных видов искусства друг в друга по-своему «переводит» художественное произведение в двухмерное пространство: зрительное и слуховое, что, безусловно, углубляет восприятие художественных образов, отраженных в живописи и поэзии. Нами рассмотрены портреты А.А. Ахматовой, созданные в начале XX века, когда еще был жив А. Блок, не расстрелян Н. Гумилев, не погиб О. Мандельштам, не посажен сын Лев, нет постановлений Жданова, когда выходят новые сборники стихов, т.е. это счастливое время успешного становления поэта. В итоге перед нами возникает образ неповторимой молодой женщины с уникальным умением нести бремя своей внезапной славы, величавой, спокойной, внутренне уверенной в себе, с неизменной шалью – символом ее духовной царственности, которую она пронесла через всю свою жизнь.

Литература

1. Лессинг, Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г.Э. Лессинг // Избранные произведения. – М., 1953. – С. 385–516.
2. Стасов, В.В. Избранные статьи о русской живописи / В.В. Стасов. – М., 1984. – 154 с.
3. Ахматова, А. Стихотворения и поэмы / А. Ахматова. – Лениздат, 1989. – 608 с.
4. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М. – Турин, 1996. – 876 с.
5. Чуковский, К.И. Собрание сочинений: в 15 т. / К.И. Чуковский – 2-е изд., электр., испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. – Т. 5: Современники; Приложение / сост., коммент. Е. Чуковской. – 480 с.

Поступила в редакцию 21.07.2022

A comparative study on advertising definitions in English and Arabic

Mounir A.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Advertising phenomenon becomes the dominant part in human's life. It has power to convince, persuade, and encourage consumer's desire to the product or the commodity. One may ask what is the accurate, precise definition of the term "advertising"? Alternatively, are there any similarities between the definitions of advertising in English and Arabic? I suppose in this study that there are some similarities in defining advertising in English and Arabic. Using two languages in defining advertising is highly useful for knowing practically the linguistics in foreign languages like English and Arabic, and learning from them to use captivating, risky, tricky, and smart slogans. The study, however, is not meant to give you a one definition. This study contains the presentation of some literature studies, theoretical part via the historical background of advertising and theories of linguistic analysis and some prior studies from two different destinations related to different languages. The analysis of definitions of ads in both languages confirms the similarity, and enhancing the social, cultural, and linguistic values of society.

Material and methods. The study is based on publications by English and Arabic authors, which highlight on the definitions of advertising. General scientific, and special research methods were used in the course of the study.

Findings and discussions. After studying the scientific works presented in the article, the author identified the issues that are raised in these scientific studies, such as the variety and deviation of defining advertising in two languages and their various definitions and approaches.

Conclusion. To conclude, by reviewing the previous definitions, we can derive two basic elements whose availability in the advertisement is a criterion for differentiating it from other communication tools: 1. Advertising is a non-personal activity in the sense that there is no direct contact between the advertiser and the advertiser. 2. The message and the information it contains are transmitted indirectly through a specific means, and this differentiates between advertising and personal selling, which is based on direct contact between the seller and the buyer.

Key words: advertising, Persuasion, non-personal presentation, communication, addressee, consumers.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 148–152)

Сравнительное исследование определений рекламы на английском и арабском языках

Мунир А.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Явление рекламы становится главенствующей частью жизни человека. У него есть сила убедить, убедить и поощрить стремление потребителя к продукту или товару. Можно спросить, каково точное определение термина «реклама»? А также есть ли сходство между определениями рекламы на английском и арабском языках? В этом исследовании мы предполагаем, что есть некоторое сходство в представлении рекламы в английском и арабском языках. Использование двух языков в определении рекламы очень полезно для практического знания лингвистики иностранных языков, таких как английский и арабский, и обучения на них использующую рекламных слоганов. Исследование, однако, не ставит целью дать вам одно определение. Статья содержит презентацию нескольких литературных исследований, теоретическую часть через исторический фон рекламы и теории лингвистического анализа, а также некоторые предыдущие исследования из двух разных направлений, связанных с разными языками. Анализ определений рекламы на обоих языках подтверждает сходство и усиление социальных, культурных и языковых ценностей общества.

Материал и методы. Исследование основано на публикациях англоязычных и арабских авторов, в которых освещаются определения рекламы. В ходе исследования использовались общенаучные и специальные методы исследования.

Результаты и их обсуждение. После изучения научных работ, представленных в статье, автор выявил вопросы, которые поднимаются в этих научных исследованиях, такие как разнообразие и отклонение определения рекламы на двух языках и различные их определения и подходы.

Заключение. Проанализировав предыдущие определения, мы можем вывести два основных элемента, наличие которых в рекламе является критерием ее отличия от других средств коммуникации: 1. Реклама является неличной деятельностью в том смысле, что между рекламодателем и рекламодателем нет прямого контакта. 2. Сообщение и содержащаяся в нем информация передаются опосредованно с помощью определенных средств, что отличает рекламу от личной продажи, основанной на прямом контакте между продавцом и покупателем.

Ключевые слова: реклама, убеждение, неличное представление, коммуникация, адресат, потребители.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 148–152)

Reaching an accepted and recognized definition of advertising as an activity is necessary for two main reasons: Firstly, a specific definition enables the identification of the nature of the activity and its elements so that any student and practitioner can set goals, plans and programs that follow this activity. Secondly, the advertisement can be defined specifically to reduce confusion with other concepts and communication activities, which leads to the effective and appropriate use of each activity. By reviewing the different writings in the field of marketing and advertising, we find that there are different definitions of advertising, although most of them agree on content and content.

A comprehensive definition of advertising is elusive. Calling it "business imagination" is a cute way to describe it; it refers to the ability to envision opportunities in a product that can only be attained by reaching out to the public in novel ways to inspire desire where none previously existed. It is an omnibus word that means different things to different people and has a very broad meaning. With the exception of accepting the definition of this entire article, an advertisement definition is not possible in this context. Even the most recent dictionaries and encyclopedias, which attempted to define advertising, have become obsolete in light of the various changes that have occurred so quickly in the field of advertising. The commercials from yesterday are not the ones from today. Men who aren't that old have witnessed the entire transformation of business from an unreliable tool of charlatanism to its current position as the driving force behind operations and growth. Advertising using dictionary terms has existed since the dawn of time. Once there were sufficient individuals on the planet, a formal announcement had to be made. Only the archaeologist is interested in learning about the early development of these advertisements, from proclamations to the beginnings of pictorial and literary inscriptions, from these early posters to the invention of the printing press, and from the printing press to the emergence of royal advertising. For the business owner, it is useless. Understanding the principles of a modern bank would be no more helpful than understanding ancient Phoenician coins. Advertising is any action taken to promote the purchase of a good or service. Advertising is the display of the wares of the primitive merchant in front of his booth. Advertising is posting a wanted ad to find a job or an employee. An inscription on a wall, the town crier of a side show, the assurances of an internet marketer, the declaration of a cutting-edge online tool, participation in an affiliate program, wearing. All of this is advertising because it seeks to promote a product or a service that is available for purchase. Rich and poor, tall and short, men, women, and even children must be consulted for a good or service that is intended for everyone. It doesn't care about the weather outside, their personal health, or their environmental conditions, and you have to keep doing it, you have to feed it, you can't help it, you keep asking for every last bit of your bet if you expect any

visible return. This is at least one principle that we know endures, that it does not deteriorate with time or the use and/or abuse of men.

Material and methods. The study is based on publications by English and Arabic authors, which highlight on the definitions of advertising. General scientific, and special research methods were used in the course of the study.

Findings and discussions. The Oxford Advanced American Dictionary defined advertising as (/ˈædvər.taɪzɪŋ/ [uncountable]) the activity and industry of advertising things to people on television, in newspapers, on the Internet, etc. [1]. However, it is defined more generally in Collins English Dictionary, as "The promotion of goods or services for sale through impersonal media, such as radio or television." Similar to this definition we can find it in the Arabic language, according to the Contemporary Arabic Dictionary, advertising [singular]: What is published in the roads or the media, which the advertiser is interested in seeing and responding to (TV ad – page / billboard) or informing individuals of decisions through the administration "administrative announcement." Meanwhile in Al-Ghani Lexicon Dictionary it is defined more widely and broadly "Advertisement [in public]. (Suck. Announce) Announcing news: broadcasting it, publishing it, declaring war: waging it, igniting it, announcing the truth: speaking out loud... More". Advertising is defined in the Arabic language in the sense of: displaying and publishing, while there is no inclusive definition of advertising in the idiomatic sense and it was not mentioned in Arabic language dictionaries. Advertising in language: showing and publishing [2].

In the past, to "advertise" was simply to inform or make an announcement. Some advertisements, like those in classifieds, still do this today making announcement about births, deaths, and engagements with little to no attempt to persuade. Advertising gradually developed into a method of persuading the public.

In English the word advertising is derived from Latin root 'Adverto' meaning thereby 'to turn to advertising' i.e., anything employed to draw the attention of people towards any object or purpose. Definitions – It includes the whole process of promoting the sales. Personal selling and sales promotion get additional support only with pre-selling impact made by advertising.

It is the most common, deliberate and purposeful form of communication employed by an organization to inform, persuade and remind the target customers. A company's message is carried by advertising media to reach the unknown group. It is a mass but paid form of communication through certain media to motivate people to make up their mind to buy the product or service to a number of potential buyers at a time. It is aimed at a group of persons and not an individual [3].

According to Kotler's definition, advertising is "any paid form of non-personal presentation and promotion of ideas, goods and services through mass media such

as newspapers, magazines, television or radio by an identified sponsor" [2, p. 58; 4]. Dr. M.J. Nasser, in his book (Advertising and Public Relations) defined advertising more broadly than Kotler. Advertising represents one of the main activities in the field of marketing goods and dispensing services, and that it is one of the most important types of economic activity in terms of being a major source of income for many projects: such as the role of the press, magazines, various publishing and media outlets, specialized advertising agencies, and so on. Considering that it is both ancient and modern is a means of identifying, promoting and disposing of goods and services, so we must get acquainted with its ancient history and the stages of its development until it reached what it is now. Meanwhile a similar definition of Kotler is found in Motaber, "Advertising is an attempt to influence the buying behavior of customers or customers with a persuasive selling message about products and/or services. In business, the goal of advertising is to attract new customers by identifying the target market, and reaching them with an effective advertising campaign" [5].

The idea that advertising should actively sell a product by influencing consumers' attitudes through the use of images, slogans, endorsements, and other sales techniques was one that Albert Lasker, known as "The Father of Modern Advertising," captured upon as it began to emerge [6]. Prof. Dr. M.A. Al- Sarafy, in his book (Advertising – its types, principles and methods of preparation), had a deeper definition than Lasker, asserting that advertising is a two-way form of communication. In the sense that the advertiser must ensure that information has been delivered to the various groups in a targeted and efficient manner in addition to their intended audiences. This is accomplished by gathering "feedback information," also known as consumer or party responses to the advertising message [7].

According to American Marketing Association, advertising is the placement of announcements and messages in time or space by business firms, nonprofit organizations, government agencies, and individuals who seek to inform and/or persuade members of a particular target market or audience regarding their products, services, organizations or ideas [6]. Thus, rather than defining advertising as a promotional activity, the AMA definition clarifies the typical attributes of an advertisement. An advertisement is a type of announcement that is paid for by a specific sponsor, sent through one or more mass media, and is targeted at a particular audience of people or organizations with the explicit goal of supporting the sale or purchase of a product, brand, or service. We typically come across advertisements while watching television, reading newspapers, or driving down the road. Simply put advertisement differs from other types of announcements, and the message is the outcome of a series of decisions made in relation to advertising. Because it makes no mention whatsoever of the persuasive and creative aspects of advertising or its roles and responsibil-

ities, the AMA definition of the term advertising is thus restricted in its application. That is exactly what written in (Aldmour and Sheradah, 2007), in building positive impressions and positive trends. In the field of services, advertisements are of great importance in building positive impressions and positive trends that in turn lead to the formation of a good image and impression of the company. In one way or another, they are essential to the success of the company.

W.J. Stanton definition take the definition into another level, which is linking advertising with the idea of activities: "Advertising consists of all the activities involved in presenting to a group a non-personal, oral or visual, openly sponsored message regarding a product, service or idea, this message, called an advertisement is disseminated through one or more media and is paid for by the identified sponsor" [3].

We can see the similarity between Stanton's definition in the writing of Zaki, K. Al Mosaed, As for advertising as an activity, it means: "All efforts directed at studying the market and designing campaigns advertisement, selection of publication means, and allocating the necessary funds to cover the expenses of this activity his results" [8]. Meanwhile the most accurate modern definition I suppose the definition of Cohen, you can notice that his definition is contemporary and comprehension, imposing the idea of using digitalization is so clear here. "Advertising is a business activity, employing creative techniques to design persuasive communications in mass media that promote ideas, goods and services in a manner consistent with the achievement of the advertiser's objectives, the delivery of consumer satisfactions, and the development of social and economic welfare" [3]. However, in all the Arabic definitions, I couldn't see such this notion of linking advertising with digitalization. Most of all the Arabic definitions concentrate on the notion that advertising is a promotional and communication activity, a good example of that is the definition written in (Starshams), Commercial advertising is the most important promotional and communication means because it is not only characterized by a communicative nature, but also by a persuasive nature [9].

Persuasion is a component of advertising that goes beyond mere presentation and promotion. Any advertisement that doesn't attempt to persuade the audience is not considered to be advertising and is instead just a means of getting a message across to the general public. Advertising is a form of persuasion that centers on understanding the needs and desires of the customer in relation to the product and cultivating favorable predispositions in his mind. It is anticipated that consumer satisfaction will result from product use. In addition to recommendations and positive word-of-mouth, the immediate or upcoming increase in sales volume is likely to be the best indicator of consumer satisfaction. Advertising generally results in profitability for a company if the growth in sales volume is proportionate to the growth in advertising

spending. Therefore, the motivations for both consumers and manufacturers to use advertising information are mutually beneficial. In order to maximize profits and aid in maximizing consumer satisfaction, advertisers use advertising. Advertising communication process: Advertising plays a part in the pre- and post-purchase stages of the consumer decision-making process by assuring consumers after they have purchased or used the product. Advertising uses persuasion to communicate with consumers in order to inform, familiarize, evoke feelings of brand affinity, establish an image, or remind them to make a test purchase. According to the modern definition of advertising, it is a marketing strategy that involves buying space to advertise a good, service, or cause. Ads, as they are commonly known, are the actual promotional messages. Reaching the demographics most likely to be interested in purchasing a company's goods or services is the aim of advertising.

J. Thomas Russel and W. Roland Lane dug deep, they defined advertising as follows: "Advertising is a message paid for by an identified sponsor and delivered through some medium of mass communication. Advertising is persuasive communication. It is not neutral; it is not unbiased; it says – 'I am going to sell you a product or an idea' [3]. You can see that combine advertising as a persuasive interaction.

Muhammad, Jawdat Nasser, in their book (Publicity, Advertising and Public Relations), assured the role of a persuasive interaction between advertising and the addressee, (The set of means used to inform the public of a commercial or industrial establishment and convince them to its products and somehow instructing him about his need) [10]. Thus, we can see a kind of similarity between Russel & Roland and Muhammed & Nasser.

Russel H. Colley defined advertising from a commercial angle, the second-largest line item in our corporate budget is now advertising. Top management can no longer afford to be ignorant of, or naive about, advertising because the chips are turning so dark. So did Taher, Morsi Attia, in their book (The Art of Advertising and Sales Promotion Advertising) is the most persuasive sales message directed to the customer – the most likely – whether for a product or service, and at the lowest cost [11]. In addition, we can see this direction vivid in Wheeler opines perspectives about advertising, "Advertising is any form of paid non-personal presentation of ideas, goods or services for the purpose of inducing people to buy" [3].

Burt Manning and Prasoon Joshi, they did not only paid attention to products but to ideas as well, advertising is defined as the paid, impersonal form of communication about goods or concepts made available through the media by a specific sponsor in an effort to inform, persuade, or influence the behavior of the intended audience.

The late 19th century saw the emergence of modern advertising in Britain, which supported mass consumption in highly industrialized societies. In the latter half of the nineteenth century, advertising agents started offering their services, including buying and brokering real estate

in periodicals, newspapers, and other media, writing copy and eventually creating illustrations, and creating persuasive strategies for customers. These agents discovered steady demand for their services, and as a result, advertising agencies were born. These full-service businesses were able to draw talented writers and artists by charging exorbitant fees for their services. Soon, posters in train stations, billboards on the streets, and the pages of widely read magazines and newspapers were all covered in advertisements. In fact, there was a new patron of the arts.

The crux of advertising, according to Prasoon Joshi, McCann Erickson is effective communication. They indicated that People who have communication problems should not work in this industry. They saw that advertising is a kind of force, which serves the public interest. It is a technique for direct communication between buyers and sellers. Advertising has been referred to as "salesmanship in print" by John E. Kennedy of the Lord and Thomas Ad Agency. Prior to the invention of the term "salesmanship in print," advertising was thought of as the dissemination of knowledge. The persuasive abilities of a salesperson were a new dimension that salesmanship brought to the advertising process.

According to Bovée and Arens (1992: 7), advertising is "the nonpersonal communication of information, usually paid for and usually persuasive in nature, about products (goods and services) or ideas by identified sponsors through various media" [12]. Let me explain how advertising is impersonal because it targets demographics rather than specific individuals. Regarding the purpose of advertising, Cook can be referenced even though the primary goal of commercial product advertising is to convince consumers to purchase the products being promoted. I am aware that advertising serves a variety of purposes, including "...also amuse, inform, misinform, worry, or warn" [13]. It is crucial to emphasize that these additional functions all serve the primary function.

Conclusion. Advertising as a means of communication is bidirectional. In the sense that the advertiser does not only aim to communicate information to the different groups, but must make sure that this information has been received in the targeted manner and manner. As we will see in the coming chapters, the feedback information enables the modification of advertising plans to achieve the desired benefit from the communication process. 3. The objective of advertising is multi-purpose. The goal may be to provide information and influence it indirectly, or the goal may be to persuade and entice the consumer to acquire the commodity and prefer it over other commodities. The advertisement may include the idea of promoting the organization itself and its products. 4. The information is communicated to the various parties through a known and specialized means. There are many means that can be used, whether visual (television – cinema), audio (radio), or read (such as newspapers, magazines, etc.). The use of these means is distinguished

by ensuring that the advertisement reaches the largest possible number of targeted consumers due to the spread of these means. The advertiser must choose the method (or means) that suits the different categories of consumers in order to achieve the required coverage and reach the message to its recipients. 5. Perhaps the most important thing that distinguishes the advertisement is the clarity of the advertiser's description in the advertisement, which enables us to know the nature of the advertising message and distinguish it from the rest of the other advertising messages. 6. Advertising is a paid effort. In other words, the advertiser pays advertising costs to the party that will deliver the information to the target sector, which distinguishes advertising from other activities such as publishing.

References

1. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/advertising. – Date of access: 12.11.2022.
2. Press advertisement (يفحص صلا نالعال) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fsite.iugaza.edu.ps%2Fjelenein%2Ffiles%2F2014%2F04%2F%25D8%25A7%25D9%2584%25D8%25A5%25D8%25B9%25D9%2584%25D8%25A7%25D9%2586-%25D8%25A7%25D9%2584%25D8%25B5%25D8%25AD%25D9%2581%25D9%258A.doc&wdOrigin=BROWSELINK>. – Date of access: 14.11.2022.
3. Definitions of Advertising [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.economicdiscussion.net/advertising/definitions-of-advertising/31793#Definitions_of_Advertising_as_Provided_by_Different_Authors_and_Institutions. – Date of access: 14.11.2022.
4. Kotler, P. Marketing Essentials / P. Kotler. – Northwestern University: Prentice-Hall, Inc, 1984. – 556 p.
5. What is advertising? Everything about advertising, its types and strategies (عاون او نالعال ن ع عيش لك نالعال وه ام) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://motaber.com/what-is-advertising>. – Date of access: 14.11.2022.
6. Lasker, A. American businessman and philanthropist [Electronic resource] / A. Lasker. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Albert-Davis-Lasker>. – Date of access: 12.11.2022.
7. Advertising, its types, principles and methods of preparation (مدادعا قراطو هودابم هعونا نالعال) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eco.nahrainuniv.edu.iq/wp-content/uploads/2021/06/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B9%D9%84%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%86%D9%88%D8%A7%D8%B9%D9%87-%D9%85%D8%A8%D8%A7%D8%AF%D8%A4%D9%87-%D9%88%D8%B7-%D8%B1%D9%82-%D8%A7%D8%B9%D8%AF%D8%A7%D8%AF%D9%87.pdf>. – Date of access: 14.11.2022.
8. Al Mosaed, Z.K. Marketing in the Comprehensive Concept / Z.K. Al Mosaed. – Amman: Zahran Publishing House. – 2001. – P. 335. – [موفصلما يف قيوستلا ، دعاسلما ليلخ يلفز] ، ص. 335].
9. Advertising, definition, objectives, types, characteristics (صئاصخ ، عونأ ، فادهأ ، فيرعت ، نالعال) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.starshams.com/2021/06/blog-post.html>. – Date of access: 12.11.2022.
10. Nasser, M.J. Publicity, Advertising and Public Relations / M.J. Nasser. – Amman: Majdalawi Publishing House, 1999. – P. 103. [، راد يوالدجم رشنلل 1999 ص. 103] ، دمحم رصان تدوج فيا عودو نالعال اتا قاعو قماع ، نامع .
11. Attia, T.M. The Art of Advertising and Sales Promotion / M.T. Attia. – Cairo: Dar Al-Nahda Al-Arabiya, P. 87. [رهلط راد ، فراهقلا ، تاع يبلما جيورتو نالعال ناف ، فيطع يسرم راد ، ص. 87].
12. Bovée, C.L. Contemporary Advertising. 4th edition / C.L. Bovée, W.F. Arens. – Homewood: Richard D. Irwin, 1992. – 718 p.
13. Cook, G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London: Routledge, 2001. – 272 p.

Поступила в редакцию 07.12.2022

Образование в зеркале родного края: астионим Санкт-Петербург

Пименова М.В.

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
Санкт-Петербург

Термин «астионим» образован от древнегреческого ἄστυ ὄνομα – название города. У этого астионима 27 синонимов, часть из которых сами являются астионимами: центр России; город, город-герой, окно в Европу; Петербург; Петроград, град Петра, Петрополь, Ленинград; музей под открытым небом; музей мостов; порт; город на Неве/город на берегах Невы; Питер; Северная Пальмира; Северная столица; Северная Венеция; город белых ночей; колыбель трёх революций; вторая столица России; город с областной судьбой; финская Пальмира; культурная столица; Красный Лейпциг; Путинбург; Пиетари.

Цель статьи – описание астионима Санкт-Петербург в системе его синонимов и связанных с ними стереотипов.

Материал и методы. *Изучаемый материал – астионим Санкт-Петербург и его синонимы, словари разных языков. Были использованы следующие методы: описательный, историко-этимологический, лингвогеографический, лингвокультурологический и интерпретативный.*

Результаты и их обсуждение. *Астионим Санкт-Петербург составляют шесть семантических блоков: 1. Государственная идентичность. 2. Идеологическая составляющая. 3. Локализация. 4. Культурное значение. 5. Ландшафтная специфика. 6. Региональная принадлежность. Наиболее весомыми по количеству синонимов являются два ведущих блока: идеологический и локативный. Возведённая на века столица Российской империи содержит в своём имени смысл священного каменного города – Санкт-Петербург.*

Заключение. *Полученные результаты исследования могут быть использованы в этимологических и лингвострановедческих словарях.*

Ключевые слова: *астионим, иноязычный оним, этимология, топонимика, ономастика, лингвокультурология.*

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 153–158)

Education in the mirror of the native land: the astyonym of St. Petersburg

Pimenova M.V.

Autonomous Non-Profit Higher Education Organization
"P.P. Semenov – Tien-Shansky International University for Humanities", St. Petersburg

The term astyonym is derived from the ancient Greek ἄστυ ὄνομα - the name of the city. This astyonym has 27 synonyms, some of which are themselves astyonyms: the center of Russia; city, hero city, window to Europe; Petersburg; Petrograd, city of Peter, Petropol, Leningrad; open-air museum; bridge museum; port; city on the Neva / city on the banks of the Neva; Peter; North Palmyra; Northern capital; Northern Venice; city of white nights; the cradle of three revolutions; the second capital of Russia; a city with a regional destiny; Finnish Palmyra; cultural capital; Red Leipzig; Putinburg; Pietari.

The purpose of the article is to describe the astyonym St. Petersburg in the system of its synonyms and related stereotypes.

Material and methods. *The research material was the astyonym of St. Petersburg and its synonyms, dictionaries of different languages. The following methods were used: the descriptive, historical-etymological, linguo-geographical, linguo-cultural and interpretive.*

Findings and their discussion. *The astyonym of St. Petersburg is made up by six semantic blocks: 1. State identity; 2. Ideological component; 3. Localization; 4. Cultural significance; 5. Landscape specificity; 6. Regional affiliation. The most significant in terms of the number of synonyms are the two leading blocks: the ideological and locative. Built for centuries, the capital of the Russian Empire contains in its name the meaning of the sacred stone city - St. Petersburg.*

Conclusion. *The study findings can be used in etymological and linguistic and cultural dictionaries.*

Key words: *astyonym, foreign onym, etymology, toponymy, onomastics, linguistic and cultural studies.*

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 153–158)

Развитие отечественной ономастики идёт путём поступательного построения систем типологических и структурных особенностей имён собственных. При этом отдельные направления ономастики за счёт пересмотра существующих мнений возвращаются к темам, по поводу которых у общества уже сложилось определённая система взглядов. Знания об именах собственных, связанных с названиями городов, определяют астиониимику.

Одной из главных задач астиониимики является описание закономерностей номинативных процессов имён городов мира. В ономастике работ, посвящённых этой тематике, очень мало. Астиониимики, появившаяся в 80-е годы XX века, только накапливает знания в данной области, пересматривая уже сложившиеся в обществе стереотипы. Так, вопросу региональной идентичности в современных астиониимических системах трёх российских городов: Екатеринбург, Рыбинска и Ярославля посвящена статья Р.В. Разумова и С.О. Горяева [1]. Т.Г. Никитина описала городской топонимикон на примере города Пскова [2]. Г.А. Шушарина обратилась к региональной идентичности Комсомольска-на-Амуре в региональном ономастическом пространстве [3].

Санкт-Петербург – культурная столица нашей Родины, бывшая столица Российской империи. В лингвистической литературе немного работ, посвящённых теме имени *Санкт-Петербург* [4; 5]. В основном научные изыскания касаются вопросов «петербургского мифа» [6], связанного с совокупностью преданий и легенд о возникновении Петербурга [7], образом города в сознании людей, искусстве и литературе [8]. Помимо этого отмечены: фундаментальная работа по семиотике Петербурга [9], работа по метафизике города [10] и мн. др.

В сознании народа укоренилось мнение, что Санкт-Петербург – это город Петра I. Лингвистический анализ имени города не подтверждает это мнение. Кроме того, как показывают данные словарей, не всякий астионим (в данном случае – имя города) имеет синонимы.

Онимы – одни из самых интереснейших предметов исследования. Под *онимом* понимается имя собственное, содержащее информацию об именуемом объекте, его происхождении, этносе, языке.

Как отмечает В.А. Никонов, «слово “оним” входит в состав названий классов имён и тем объединяет их, например, антропонимы, топонимы и т.д. Как имя может выступать не только слово, но и словосочетание, предложение, которые служат для выделения именуемого ими объекта среди других в том же классе» [11, с. 125]. Объектом исследования выступает не просто оним, а астионим – имя города. Под *астиионимом*, обладающим региональной идентичностью, понимаются «названия, несущие в себе лингвокультурную информацию о регионе и отражающие типизированные представления жителей о нём, его особенностях, значимых событиях

истории и людях, а также о местной социокультурной и экономической сфере» [1, с. 205].

Астионим *Санкт-Петербург* практически не рассматривается этимологами и ономастами вследствие закрепившихся за названием города стереотипов. Рассмотрим подробнее имя этого города. Обратимся к ведущему термину, используемому далее в статье, – *стереотип*.

Под *стереотипом* понимается «готовая схема восприятия – относительно устойчивый и упрощённый образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т.п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе» [12, с. 114].

В каждой «языковой картине мира отображен некий круг стереотипов, которые формируют предвзятое мнение конкретного носителя языка. Предвзятое мнение – это точка зрения на что-либо или кого-либо, которая существует как бы сама по себе, такое мнение обычно формируется по принципу “так принято”. Такой угол зрения не имеет под собой объективной мотивировки, более того, он обычно не осознаётся носителем языка и не может быть им объяснен или объясняется с большими трудностями (со ссылками на существующее общепринятое мнение)» [13, с. 4]. Общепринятое мнение относительно интерпретации существующего имени культурной столицы России обусловлено сформированными веками стереотипами.

Цель статьи – описание астионима *Санкт-Петербург* в системе его синонимов и связанных с ними стереотипов.

Материал и методы. Материалом исследования послужил астионим *Санкт-Петербург* и его синонимы, словари разных языков. Методы, используемые в исследовании: описательный, историко-этимологический, лингвогеографический, лингвокультурологический и интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. У астионима *Санкт-Петербург* отмечено 26 синонимов (в том числе контекстуальных). Все они указаны в словарях синонимов¹. Перечислим основные из них.

1.1. *Санкт-Петербург* – город, названный в честь Петра I. Это имя было у города с момента своего строительства (по официальным данным с 1703 г.) до 1914 года. Это самый известный стереотип. Первая часть составного имени *Санкт-Петербург* носителями языка игнорируется. Вторая его часть представляет сложение *Петер+бург*, что обычно читается как «город Петра» (*Петер* – германизированная версия

¹ Полный словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sinonimus.ru/synonyms/all/sinonim_slova_sankt-peterburg. – Дата доступа: 20.08.2020. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-76628.htm>. – Дата доступа: 20.08.2020. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinonim.org/s/sankt-peterburg>. – Дата доступа: 20.08.2020.

имени *Пётр*). *Бург* – по-немецки «город». Эту версию преподносят все гиды второй столицы страны. Она тиражируется во всех учебниках как школьных, так и вузовских.

1.2. *Город (Санкт-Петербург)* – назван в честь Святого Петра² – одного из двенадцати апостолов Иисуса Христа. Этот стереотип возник из-за первой части онима: *Санкт*. Святой Пётр – это один из двенадцати сопровождавших Иисуса Христа учеников и позже его соратников. В дореволюционной России бытовало мнение, что Святой Пётр – небесный покровитель царя Петра, потому что Петр I был крещён в день св. Петра и Павла. Пётр I родился 9 июня (по старому стилю 30 мая) 1672 года. Однако 30 мая – это день другого святого – Исаакия Далматского. «В день памяти преп. Исаакия Далматского 30 мая 1672 родился Император Петр I Великий. В честь этого providенциального для России события в Санкт-Петербурге во имя св. Исаакия Далматского воздвигнут величественный собор» [Преподобный Исаакий Далматский]. В Святцах имя Петра встречается за 12 дней до и за 13 дней после рождения Петра I. Указанный стереотип сформировался в дореволюционную эпоху. В Санкт-Петербурге нет значимых зданий, улиц, сооружений, ассоциируемых отдельно со святым апостолом – нет ни отдельных скульптур, памятников в его честь, ни соборов и т.д. Имя святого апостола неразрывно связано с именем святого апостола Павла: например, собор Святых Петра и Павла в Петропавловской крепости или лютеранская церковь Святых Петра и Павла, называемая Петрикирхе (нем. Petrikirche), находящаяся по адресу: Невский проспект, 22-24. Но тогда бы и город должен был называться Петропавловском.

В годы II Мировой войны после перенесенной блокады город получил почётное звание героя. Отсюда ещё один синоним – *город-герой*.

Санкт-Петербург является областным центром. Отсюда ещё один синоним: *город с областной судьбой*. Однако область использует прежнее название города – ее называют Ленинградская область.

1.3. *Окно в Европу*. Пётр I перенёс столицу империи из Москвы, образно прорубив тем самым «окно в Европу». Доместическая метафора из «Медного всадника» А.С. Пушкина растиражирована. Она широко известна: это одно из многих описательных имён Санкт-Петербурга.

² Это мнение озвучивает Википедия: «Назван в честь Святого Петра, небесного покровителя царя-основателя, но со временем стал всё больше ассоциироваться с именем самого Петра I» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Санкт-Петербург]. Его поддерживают авторы статей: «Основан город был в 1703 г., когда Петром I была заложена крепость в честь святого Петра, небесного покровителя русского императора. Первоначальное название крепости – Санкт-питербурх, т.е. город святого Петра. Крепость впоследствии стала называться Петропавловской (название крепости было дано после сооружения в ней собора святых Петра и Павла)» [Еременко 2016, с. 32]. Соблюдая логику автора, город должен был бы называться Петропавловском (по имени крепости и собора).

*Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твёрдой стать при море.*

Историки объясняют перенос столицы необходимостью обретения Россией выхода в море. Санкт-Петербург располагается на удобном месте, являясь одновременно и морским портом. Отсюда еще один синоним города – *порт*.

1.4. *Петроград* – во время I Мировой войны город получает такое имя. Противником России в этой войне была Германия. Решение о переименовании столицы было принято Николаем II, посчитавшим существовавшее название города неуместным в связи с антинемецкими протестами среди народа. В этой связи у поэта Сергея Копыткина, ныне практически забытого, в стихотворении «Петроград!» есть такие строки:

Долой германскую отраву!
Долой германские слова!
Отныне Русскую Державу
Венчает Русская глава!

Оним *Петроград* упоминается почти за сто лет до этого события. У Г.Р. Державина в его оде «Шествие по Волхову российской Амфитриты», написанной в середине 1810 года, читаем:

Нет, – не древних див картина
Удивляет смертных взгляд;
Шествует Екатерина
Со Георгом в Петроград!

Петроград – русская калька немецкого астионима Петербург. Это имя города есть в «Медном всаднике» А.С. Пушкина:

Над омрачённым Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.

Город назывался так с августа 1914 по январь 1924 года. Позже город сменил своё название, однако в его современной топонимике это имя «звучит» часто: *Петроградский остров, Петроградская сторона, Петроградский район*. В художественной литературе используется выражение *град Петра* как один из синонимов Санкт-Петербурга. Кроме этого, там встречается астионим *Петрополь* как эллинизированный вариант астионима (греч. Петроπόλις), особенно часто он используется в поэзии.

Так, в «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» (1748) М.В. Ломоносов пишет:

Петрополь, небу подражая,
Подобны испустил лучи.

Г.Р. Державин в оде «К первому соседу», написанной в 1780 году, упоминает этот астионим:

Петрополь сосны осеняли –
Но, вихрем поражены, пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Увлечение античностью было свойственно и А.С. Пушкину, который в «Медном всаднике» использует астионим Петрополь:

И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружён.

1.5. *Ленинград* – после смерти В.И. Ленина в 1924 году было решено назвать город его именем. Городской фольклор сохранил еще два онима этого периода: *Ленинбург* и *Петролен* [Синдаловский, 2009]. Ленинградом город был до 1991 года, когда ему возвратили историческое название – *Санкт-Петербург*.

1.6. *Культурная столица*. Публицистические тексты часто используют контекстуальный синоним *культурная столица* для именованья Санкт-Петербурга. Красивейший город с великолепной архитектурой славится своими театрами, библиотеками и музеями. Все приезжающие отмечают особый дух, царящий в этом городе. Отсюда еще один синоним – (*духовный*) *центр России*. Хотя географическое положение Санкт-Петербурга – северо-запад, тем не менее, этот город считается средоточием – сердцем, центром – культуры и духовного наследия, так важных для носителей языка. Ещё одним синонимом имени города является *музей под открытым небом*. Практически каждый дом, каждый мост, любая набережная ассоциируется здесь с известным поэтом, писателем, политическим деятелем и т.д.

1.7. *Северная Венеция* – такое имя создает образ города, возведённого на 42 островах. Город буквально со всех сторон окружен водой. В нём множество каналов, рек и мостов, почти как в Венеции. Этим обусловлено появление у астионима Санкт-Петербург трех синонимов: *музей мостов*, *город на Неве*, *город на берегах Невы*.

1.8. *Северная Пальмира* – еще одно из имён города. Так город стали именовать в эпоху классицизма: считается, первым это название использовал Фаддей Булгарин, давший городу в своих произведениях на страницах «Северной пчелы» это имя в честь известного древнего торгового, очень красивого по своей архитектуре, города Пальмира в Сирийской пустыне. По второй версии, такое имя впервые было использовано в надписи на книге Роберта Вуда «Руины Пальмиры», подаренной императрице: *Екатерине II, Зиновии Северной Пальмиры*.

Из-за близости к границам Финляндии (от Санкт-Петербурга до границы 2 часа пути на машине) появился синоним: *финская Пальмира*.

1.9. *Город белых ночей*. Близкое расположение к северу сказывается на климатических особенностях Санкт-Петербурга: с мая по июнь здесь царят белые ночи. Многие гости культурной столицы съезжают, чтобы посмотреть на разводные мосты, праздник Алые паруса и белые ночи, которые считаются визитной карточкой этого города.

1.10. *Колыбель трёх революций* (вариант: *город трёх революций*). В советское время, когда было принято прославлять революционное прошлое, город часто называется именно так. Речь идёт о революции 1905–1907 гг., Февральской революции и Октябрьской революции 1917 года.

1.11. *Северная столица*. Этот синоним тесно связан со онимами 1.6. и 1.7. Эпитет *Северный* обусловлен географическим местоположением города. Дополнительные синонимы: *вторая столица России* и *культурная столица*.

1.11. *Питер* – самое «народное» название города. Николай Михайлович Карамзин в «Истории государства Российского» упомянул, что в народе город именуется Питером. Александр Николаевич Радищев, Аполлон Николаевич Майков так называли этот город. В.И. Даль приводит пословицу: *Питер – голова, Москва – душа*. Имя Питер – голландский вариант произношения имени Пётр. После 1917 года большевики называли город Красным Питером. В современной России астионим *Питер* широко распространён. Финским вариантом выступает астионим *Пиетари* (Pietari).

1.12. Астионим *Путинбург* связан с фамилией действующего президента России – В.В. Путина. Известно, что онучился в Ленинграде, работал в СПбГУ, руководить страной он приехал в Москву из Санкт-Петербурга.

1.13. *Красный Лейпциг*. Это название не упоминается в словаре синонимов. Такое название появилось у города в начале XX века, когда в нём возникло много издательств: Ленгиз, Аквилон, Радуга, Сириус, Алконост и др. [14]. Это имя стало аналогией европейской книжной столицы Европы – города Лейпциг.

Двадцать семь синонимов Санкт-Петербурга показывают, настолько устойчивы некоторые его образы и соответствующие имена. Это далеко не полный перечень синонимов, их список ограничен только самыми распространёнными из них. Современные словари, представляющие синонимические ряды к астиониму *Санкт-Петербург*, не дают историческую справку по поводу контекстов, в которых эти синонимы употребляются, не упоминают имена тех, кто инициировал введение этих синонимов в употребление.

Версии происхождения астионима Санкт-Петербург. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению версий происхождения онима *Санкт-Петербург*. Эти версии укажем от наиболее известных (и даже не оспариваемых ввиду сложившихся стереотипов) до вероятного варианта.

2.1. *Петербург* – город Петра. Это один из широко распространённых вариантов происхождения астионима. Пётр I считается основателем города. Этот вариант был бы принят, если бы первая часть онима этому объяснению не противоречила. Первая часть составного астионима *Санкт* означает «святой». Петра I называли Великим, но он не был святым. Известно, что Пётр I никогда не был канонизирован и поэтому святым его называть нельзя. Следовательно, такое объяснение этимологии астионима неверно.

Кроме того, версия о заложенном 16(27) мая 1703 года в день праздника Троицы в основание будущего города первого камня Петром спорная. Существует Преображенский походный журнал

(его еще называют «Журнал, или Поденная записка Петра Великого»), согласно которому 11 мая Пётр отправился в Шлиссельбург, 14 мая он был на Сяском устье, 16 мая отправился дальше, 17 мая прибыл на Лодейную пристань. Другими словами, судя по этому дневнику, 16 мая Петра не было в Петербурге. Многие историки днем основания новой столицы считают 29 июня 1703 года, когда была совершена закладка храма святых апостолов Петра и Павла в крепости на Заячьем острове.

2.2. *Санкт-Петербург*. Объединив первый и второй компоненты астионима, замечаем иной образ – апостола Петра [Petrus]. Неотъемлемая составляющая второго компонента имени – *burg* означает «город». Простое сложение смыслов приводит к варианту *Святого Петра город*.

По Библии, святой Пётр – это один из апостолов, сопровождавших Иисуса Христа. На многих изображениях он держит два ключа – от врат чистилища и рая. В христианстве апостола Петра называют привратником, т.к. считается, что он стоит у входа в рай. Однако ни в истории, ни в литературе Санкт-Петербург не ассоциируется ни с раем, ни с чистилищем. Сам святой апостол Пётр не встречается отдельно, только в связке Пётр и Павел – в Петропавловской крепости и соборе, и лютеранской церкви на Невском, носящих их имена.

2.3. Поверхностный анализ онима *Санкт-Петербург* не принёс искомого результата. Обратимся к словарям.

Первая часть астионима образована от латинского *sanctus*, a, um [sancio]. Это слово многозначно: 1. part. pf. к *sancio*; 2. adj. 1) освящённый, священный; 2) святой, нерушимый, незыблемый; 3) неприкосновенный; 4) секретный, особый; 5) высокий, глубоко почитаемый, торжественный, праздничный; 6) безупречный, чистый, добродетельный, целомудренный, непорочный; благочестивый [Lingua Latina Aeterna³].

Вторая часть онима восходит к *Petreus*, a, um [petra], что означает «каменный» [Латинско-русский словарь⁴]. Это слово восходит к греческому *πέτρος* в том же значении.

Оставшаяся часть *burgus*, ī m (ср. греч. *pyrgos*) – бург имеет значение «укрепленное поселение городского типа Veg, Is, Sid» [Латинско-русский словарь⁵]. Согласно распространённым историческим данным, 16 (27) мая 1703 года город был заложен на Заячьем острове в виде будущей Петропавловской крепости.

³ Lingua Latina Aeterna: словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/search.php?swords=loca&page=3>. – Дата доступа: 20.08.2020.

⁴ Латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://latin.slovaronline.com/search?s=Petreus>. – Дата доступа: 20.08.2020.

⁵ Латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_rus/5472/burgus. – Дата доступа: 20.08.2020.

Таким образом, первоначальный смысл астионима *Санкт-Петербург* – «священная (незыблемая; почитаемая; особая) каменная крепость». После расширения границ города и выхода его за пределы крепости за ним закрепилось значение «священный (незыблемый; почитаемый; особый) каменный город».

Санкт-Петербург – настоящий каменный город. Дома, возведённые из камня, гранитом одетые набережные – это стереотипный образ города. Именно он первичен. В 1712 году, когда Санкт-Петербург стал официальной столицей, на стене Петропавловской крепости укрепили таблицу: «Бог, укрепи камень сей».

Как показывает мировая топонимика, названия многих городов буквально переводятся как «каменный город»: *Петра* (город в пустыне на юго-западе Иордана), *Ташкент* (на это значение города указывает М. Фасмер в своем словаре, ссылаясь на В.В. Радлова: «Ташкент. Из тюрк., первонач. "каменный город", ср. чагат., тур., тат., кыпч., др.-тюрк. taš "камень" (Радлов 3, 931 и сл., 939) и азерб., уйг., кыпч. kânt "город, селение", полонецк. kent "civitas" (Радлов 2, 1079)» [Фасмер⁶]), *Каменец-Подольский*, американский *Stone City* в штате Айова и мн. др. Существующие стереотипы не дают возможность увидеть истинное исходное значение в именах этих городов.

Заключение. Анализ имён астионима *Санкт-Петербург* показывает наличие шести семантических блоков у его синонимов:

1. Государственной идентичности (*центр России; вторая столица России; город-герой*).

2. Идеологической составляющей (*колыбель трёх революций; Петербург; Питер; Петроград, град Петра, Петрополь, Ленинград; Путинбург*).

3. Локализации (*Северная столица; Северная Пальмира; Северная Венеция; город белых ночей; окно в Европу; финская Пальмира; Пиетари*).

4. Культурной значимости (*культурная столица; Красный Лейпциг; музей под открытым небом; музей мостов*).

5. Ландшафтной специфики (*порт; город на Неве; город на берегах Невы*).

6. Региональной принадлежности (*город; город с областной судьбой*).

Наиболее весомыми по количеству синонимов являются два ведущих блока: идеологический и локальный.

Мотив появления имени астионима *Санкт-Петербург* – это идея священного (незыблемого; почитаемого; особого) каменного города как столицы огромной империи, возведённого на века. Игра слов: латинского *Petreus* и греческому *πέτρος* в значении «каменный» и имени царя сблизило царский антропоним с астионимом *Санкт-Петербург*.

⁶ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-Ташкент-в-словаре-Фасмера-Макса>. – Дата доступа: 20.08.2020.

Литература

1. Разумов, Р.В. Трансляция региональной идентичности в астионимии российских городов: современное состояние / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 201–219.
2. Никитина, Т.Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) / Т.Г. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. – № 6, ч. 2. – С. 128–130.
3. Шушарина, Г.А. Экпликация региональной идентичности Комсомольска-на-Амуре в региональном ономастическом пространстве / Г.А. Шушарина // Вестн. Том. гос. пед. ун-та, 2016. – № 2(167). – С. 76–80.
4. Анисимов, Е.В. Петербург времен Петра Великого / Е.В. Анисимов. – М.: Центрполиграф, 2008. – 424 с.
5. Пименова, М.В. Санкт-Петербург: происхождение имён города сквозь вуаль стереотипов / М.В. Пименова // Языки и культура народов России и стран СНГ: к 80-летию юбилею Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан: сб. науч. ст.; под общ. ред. М. В. Пименовой. – Санкт-Петербург–Казань, 2019. – С. 15–23. (Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 17).
6. Долгополов, Л.К. Миф о Петербурге и его преобразование в начале века / Л.К. Долгополов. На рубеже веков: О русской литературе конца XIX – начала XX века. – Л.: Совет писатель. Ленингр. отд., 1977. – 368 с.
7. Повх, Ю.А. Петербургский миф в русской прозе 1990-2000-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю.А. Повх. – Астрахань, 2011. – 211 с.
8. Топоров, В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259–367.
9. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Учен. записки Тартуск. гос. ун-та., 1984. – Вып. 664. – С. 30–45.
10. Буrowsкий, А.М. Величие и проклятие Петербурга. Три Петербурга: метафизика второй столицы / А.М. Буrowsкий. – М.: Эксмо, 2009. – 352 с.
11. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1994. – 192 с.
12. Пименова, М.В. Стереотипы и их место в языковой картине мира // Стереотипы лингвокультуры: коллективная монография; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Изд. дом Д. Бураго, 2013. – С. 3–29. (Сер. «Концептуальные исследования». Вып. 18).
13. Пименова, М.В. Смена стереотипов в русской лингвокультуре / В.В. Колесов, М.В. Пименова // Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие. – Изд. 3-е, доп. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 109–114. (Сер. «Концептуальные исследования». Вып. 14).
14. Народные названия Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://petersburglike.ru/2015-12-08/narodnye-nazvaniya-peterburga>. – Дата доступа: 20.09.2020.

Поступила в редакцию 20.09.2022

Дантэ Аліг'еры і Тарквата Таса ў творчасці Т. Лады-Заблоцкага

Чарота У.І.

ДНУ “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
НАН Беларусі”, Мінск

Артыкул прысвечаны рэцэпцыі італьянскай літаратуры ў творчасці ўрадженца Віцебшчыны, паэта Тадэвуша Лады-Заблоцкага (1811–1847).

Мэта артыкула – высветліць, наколькі Т. Лада-Заблоцкі цікавіўся італьянскай літаратурай і, канкрэтна, як у яго творах прадстаўлены Дантэ Аліг'еры і Тарквата Таса.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу паслужыў выдадзены ў 1845 годзе ў Пецяярбургу зборнік “Паэзія” (“Poezje”).

Вынікі і іх абмеркаванне. Праведзенае даследаванне дазволіла аўтару сцвярджаць, што ўсе творы Т. Лады-Заблоцкага, дзе згадваюцца два вялікія італьянскія паэты альбо прыводзяцца цытаты з іх складчыны, належаць да аднаго перыяду і напісаны ў 1834–1836 гг., калі пасля выключэння з Маскоўскага ўніверсітэта паэт знаходзіўся на радзіме. У паэме “Ваколіцы Віцебска” аўтар праводзіць паралель паміж сумнымі лёсамі Ф.Д. Князьніна і Т. Таса, якіх загубіла нешчаслівае каханне да высякародных дам. У фантазіі “Духі” Дантэ Аліг'еры прадстаўлены як творца, што сваімі думкамі і поглядамі значна апырэдзіў свой час і спазнаў горкую долю выгнанніка, а Т. Таса паўстае як ахвяра трагічнага канфлікту паміж ім і рэчаіснасцю.

Заклучэнне. Заўважана, што паэт у названых творах згадвае італьянскіх пісьменнікаў не ў сувязі з іх выключнымі творчымі дасягненнямі, яго больш цікавяць іх трагічныя лёсы.

Ключавыя словы: польскамоўная літаратура Беларусі, паэзія, Т. Лада-Заблоцкі, італьянская літаратура, пераклад, Дантэ Аліг'еры, Т. Таса.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 159–164)

Dante Alighieri and Torquato Tasso in the works of T. Lada-Zablotsky

Charota U.I.

SSI “Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research
of the NAS of Belarus”, Minsk

The article is devoted to the reception of Italian literature in the works of the native of Vitebsk Region, poet Tadeusz Lada-Zablotsky (1811–1847).

The aim of the article is to find out how much T. Lada-Zablotsky was interested in Italian literature and, in particular, how Dante Alighieri and Torquato Tasso are represented in his works.

Material and methods. The collection “Poetry” (“Poezje”) published in 1845 in Petersburg was used as a material for literary analysis.

Findings and their discussion. The study allowed the author to say that all works of T. Lada-Zablotsky, in which two great Italian poets are mentioned or the quotations from their works are made, belong to the same period and were written in 1834–1836, when the poet was in his homeland after expulsion from Moscow University. In the poem “Vakolitsy Vitsebska” (“The outskirts of Vitebsk”) the author draws a parallel between the sad fates of F.D. Kniaznin and T. Tasso which were ruined by an unhappy love for noble ladies. In the fantasia “Duhi” (“Spirits”) Dante Alighieri is presented as a creator who with his thoughts and views was far ahead of his time and experienced the bitter fate of the exile and T. Tasso appears as a victim of the tragic conflict between him and reality.

Conclusion. It is noted that the poet mentions Italian writers in these works not in connection with their exceptional creative achievements, he is more interested in their tragic fates.

Key words: Polish-language literature of Belarus, poetry, T. Lada-Zablotsky, Italian literature, translation, Dante Alighieri, T. Tasso.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 159–164)

У гісторыі літаратуры Беларусі першай паловы XIX стагоддзя і па сённяшні дзень застаецца шмат “белых плям”, якія ўсё яшчэ чакаюць свайго даследчыка. Дагэтуль вельмі цяжка скласці цэласнае ўяўленне пра літаратурны працэс на беларускіх землях гэтага перыяду, паколькі ён у большасці прац айчынных літаратуразнаўцаў прадстаўлены не як сістэма, а як сукупнасць з’яў і творчых асоб. Крыху лепш выглядае сітуацыя, калі гэта датычыцца творчасці пісьменнікаў паасобна. У той час, пры звароце канкрэтна да польскамоўных пісьменнікаў Беларусі даследчыкі па-ранейшаму канцэнтруюць сваю ўвагу на тых творах, у якіх “адлюстроўвалася... мясцовасць, ... дух краю” [1, с. 333]. Адпаведна, у навуковым ужытку апынаецца толькі частка іх спадчыны, а сукупныя творчыя набыткі прэзентуюцца аднабакова. Прапануем разгледзець, як сказанае датычыцца паэта і перакладчыка Тадэвуша Лады-Заблоцкага (1811–1847).

Выдавец і публіцыст Рамуальд Падбярэскі ў сваім аглядным артыкуле “Беларусь і Ян Баршчэўскі” атэставаў яго як “паэта сэрца”, адзначыўшы “вялікі талент, загартаваны ў агні пакут” і “выхаваны на Байране, Шылеру і Муру”, вылучыўшы наступныя асаблівасці: ён “у кожным вершы выліў журбу па блізкіх і моцную прывязанасць да роднай зямлі”, “выказвае пачуццёвы бок Беларусі”, “стыль яго сведчыць пра добры густ і мастацкае адчуванне далікатных адценняў нашай [“польскай”. – У.Ч.] мовы” [1, с. 344–345]. Аднак пры гэтым выказана агаворка, што, будучы “выхаваным на ўзорах еўрапейскай паэзіі”, “можа, у выніку гэтага ён страціў шмат з той самабытнасці, якая пры іншых акалічнасцях зрабіла б яго сапраўдным народным паэтам” [1, с. 344]. Верагодна, такую агаворку Р. Падбярэскі рабіў пад уплывам ідэй, якія панавалі ў бліжнім яму літаратурным асяроддзі адносна запатрабавасці на тым этапе развіцця айчыннага мастацтва слова такой менавіта арыентацыі. Між тым, атрымліваецца, што “выхаванне на ўзорах еўрапейскай” класікі тады ўспрымалася калі не як загана, то, прынамсі, як перашкода дзеля вырашэння актуальных творчых задач.

Сёння ж, думаецца, мы наадварот павінны як мага ўважлівей разгледзець бачныя і верагодныя “дакрананні” да ўзораў іншанацыянальных – у прыватнасці, італьянскіх. Адпаведна, мы ставім сабе за мэту разабрацца, наколькі Т. Лада-Заблоцкі цікавіўся італьянскай літаратурай і, канкрэтна, як у яго творах прадстаўлены Дантэ Аліг’еры (1265–1321) і Тарквата Таса (1544–1595).

Паводле звестак з аўтабіяграфіі 1830 года, Т. Лада-Заблоцкі, народжаны ў вёсцы Лугінава (Лугінавічы) Сенненскага павета Магілёўскай губерні (цяпер Сенненскі раён Віцебскай вобласці), з сямігадовага ўзросту – дзякуючы бацьку, былому настаўніку нямецкай мовы, – засвойваў пачаткі польскай і

лацінскай моў [2, с. 484–485]. Пра адукацыю вядома яшчэ, што ён скончыў Віцебскую гімназію і з 1831 па 1833 год быў “казённакоштным студэнтам” славеснага аддзялення Маскоўскага ўніверсітэта, з якога яго выключылі за ананімны антыцарскі вершаваны твор на польскай мове і выслалі на радзіму [3, с. 134–135]. Пра далейшы жыццёвы лёс Т. Лады-Заблоцкага звестак дайшло небагата: у 1834–1837 гадах жыве на Беларусі, пакуль не быў сасланы на Каўказ у дзеючую армію, дзе даслужыўся да чыну падпаручніка; апынуўшыся ў адстаўцы, займаў пасаду кіраўніка Кульпінскімі саяльнымі капальнямі, а ў жніўні 1847 г. памёр падчас эпідэміі халеры [4, с. 245–256].

Мэта артыкула – высветліць, наколькі Т. Лада-Заблоцкі цікавіўся італьянскай літаратурай і, канкрэтна, як у яго творах прадстаўлены Дантэ Аліг’еры і Тарквата Таса.

Матэрыял і метады. Літаратурная спадчына ад яго засталася даволі сціплая – зборнік “Паэзія” (“Poezje”, 1845), выдадзеная ўжо згаданым Р. Падбярэскім у Пецярбургу [5]. Гэтая адзіная кніга паэта структуравана была наступным чынам: “Poezje pierwszego okresu. 1831–1832–1833. Szypulin, Wilno, Moskwa, Witebsk, Mosarz”, “Poezje drugiego okresu. 1834, 1835, 1836. Witebsk”, “Naśladowania i tłumaczenia z różnych okresów”, “Poezje trzeciego okresu. Pisane za Kaukazem. 1838–1845”, “Tłumaczenia”.

Вынікі і іх абмеркаванне. Другі раздзел кнігі, які складала напісанае ў Віцебску з 1834 па 1836 год, пачынаецца з апісальнай [гэта аўтарскае азначэнне. – У.Ч.] паэмы “Ваколіцы Віцебска”. Сам аўтар пісаў, што яна, разам з фантазіямі “Духі” і “Два анёлы”, а таксама баладай “Зачараваная дзяўчына”, адносілася да тых твораў, якія ён найбольш цаніў [6, с. 200]. Вельмі трапна, на наш погляд, сутнасць “Ваколіц Віцебска” ахарактарызаваў У.І. Мархель, назваўшы гэты твор “лірычнай паэмай-маналагам” [7, с. 81]. У ім аўтар паэтызуе характэрнае роднага краю, з якім адчувае амаль што фізічную сувязь, і аднаўляе ў памяці светлую пару дзяцінства і юнацтва. Прадчуваючы, што злы лёс прымусяць яго пакінуць радзіму і ён спазнае горкую долю выгнанніка, паэт развітваецца з усім тым, што было дорага яго сэрцу. Яго засмучае, што забыта слаўнае гераічнае мінулае Беларусі і даводзіцца толькі ўспамінаць пра былую веліч. Перажывае ён і за лёс прыгожага пісьменства свайго краю. У сувязі з гэтым паэма змяшчае зварот да “чулівага барда”, які сваёй звонкай лютняй “уваскрашаў цені продкаў”:

O bardzie, Białoruskiej krainy ozdobo!

W jak świetnych barwach przyszłość błyszczała przed tobą;

Tyś sądził, zapaleńcze! że tobie na świecie

Ręka piękności kwiatek niebieski uplecie

W zielony wieniec życia, – że za świetne czyny

Osiwiałe twe skronie otoczą wawrzyny.

Lecz jak wcześniejś we szczęście ziemskie wiarę stracił

I obłąkaniem czuły'ś błąd serca przyplacił.
O czyż mogłeś pomyśleć że księżniczka młoda
Jakiegokolwiek króla dostojna nagroda,
Dla łez czułych poety wyrzecz się świata!...
Czyliż cię nie nauczył smutny los Torkwata?
Czyś' zapomniął że bóstwa z żrenicą błękitna,
Nie dla nas biednych wieszczów na tym świecie
kwitną?

My tylko możemy one zdaleka podziwiać,
I kryjome westchnienie do ich tronu przywiał
[5, s. 52–53].

Пераклад П. Бітэля:

О бардзе! Ты ж аздоба нашай Беларусі!
Якую ж будучыню ўбачыць ты імкнуўся!
Ты думаў, у запале, неспакойны гэткі,
Што некалі табе падасць красуня кветкі
За песні звонкія і за прыгоства мовы,
Што колісь скронь тваю спаўе вянок лаўровы,
Ды вельмі рана стаў ты ў шчасці сумнявацца,
І сэрца чулае звяло цябе ў вар'яцтва.
Ці ж мог ты думаць, што князеўна маладая,
Якая караля за мужа выглядае,
Ад свету адрачэцца дзеля слёз паэта!
А ці не сведчыць лёс Тарквата нам пра гэта?
Ці ты не знаў, што сінявокія багіні
Цвітуць не для паэтаў у любой краіне?
На іх мы можам толькі зводдаль падзівіцца
І, ціхенька ўздыхнуўшы, трону пакланіцца [8, с. 276].

У заўвагах да гэтай паэмы сам аўтар тлумачыць, што гаворка тут ідзе пра Францішка Дыяніза Князьніна (1749 або 1750–1807) [8, с. 285], прыдворнага паэта Чартарыйскіх у Пулавах. А змест працытаванага ўрыўка змяшчае развагі пра нездаровы псіхічны стан “барда, аздобы нашай Беларусі” як вынік няшчаснага кахання да князеўны Марыі. У якасці доказу таго, што гэтае сардэчнае пачуццё беднага паэта не магло прывесці да іншага, аўтар паэмы прыводзіць аналагічны лёс Тарквата. Т. Лада-Заблоцкі не палічыў патрэбным у гэтым і ў некаторых іншых выпадках у заўвагах даць дакладныя звесткі пра згаданага пісьменніка і яго творчасць. Ён, відаць, і гэты, і іншыя свае творы адрасаваў высокаадукаваным аматарам славеснасці, маючы ўпэўненасць, што яны разумеюць, пра каго і пра што ідзе гаворка. Улічваючы папулярнасць італьянскага паэта Тарквата Таса ў першай палове XIX стагоддзя з-за шырокага распаўсюджвання яго паэмы “Вызвалены Іерусалім”, а таксама тое, што, паводле адной з версій, яе аўтар страціў розум і трапіў у вар’яцкі дом з-за кахання да Элеаноры, сястры герцага Ферары Альфонса II д’Эстэ [9, р. 260–261; 10, р. 1849; 11, с. 579], мы асмельваемся зрабіць выснову, што Т. Лада-Заблоцкі меў на ўвазе менавіта яго – Тарквата Таса. Дадатковым – праўда, ускосным – аргументам можа служыць тое, што прыблізна ў гэты ж час пра “Ios ... biednego Torkwata” у незакончанай паэме “Бянеўскі” (“Beniowski”, выд. 1841) пісаў Юльёш

Славацкі (1809–1849). Прычым даследчык яго творчасці Ю. Кляйнер без агаворак сцвярджаў, што ў паэме Славацкага ідзе гаворка дакладна пра аўтара паэмы “Вызвалены Іерусалім” [12, с. 297]. Зноў жа, падабенства лёсаў, улічваючы канкрэтныя абставіны жыцця, славу тага італьянца і Ф.Д. Князьніна відавочнае; да таго ж яно не абмяжоўваецца толькі каханнем да высакародных дам і стратай розуму [11, с. 577–582; 13, с. I–X]. Аднак узнікае пытанне: на падставе чаго Т. Лада-Заблоцкі мог быць упэўнены, што чытачам яго паэмы добра вядомы драматычны перыпетыі жыцця італьянскага паэта? Наўрад ці зыходна памылковай будзе версія пра сувязь такой упэўненасці з тым, што ў тагачасным літаратурным свеце вобраз Тарквата Таса “вырас да памераў сімвала” [11, с. 580] паэта-пакутніка, “ахвяры кахання і зайздрасці” [14, с. 83]. Якраз гэтаму пасадзейнічалі сваімі творамі такія пісьменнікі, як І.В. Гётэ (драма “Тарквата Таса”, 1790), Дж.Г. Байран (паэма “Скарга Таса”, 1817), К.М. Бацюшкаў (пасланне “Да Таса”, 1808; элегія “Паміраючы Тас”, 1817), Н.В. Кукальнік (драматычная фантазія ў вершах “Тарквата Таса”, 1833).

Ва ўсіх названых творах закранаецца тэма нешчаслівага кахання італьянскага паэта да Элеаноры д’Эстэ, хоць іх узаемаадносінны пісьменнікі інтэрпрэтавалі па-рознаму. Цалкам верагодна, што Т. Лада-Заблоцкі чытаў нейкі з названых твораў. І найверагодней, што гэта была вельмі папулярная тады паэма Дж.Г. Байрана, у якой палкае пачуццё аўтара “Вызваленага Іерусаліма” да сястры герцага Ферары з’яўляецца асноўным матывам. Такое меркаванне наша абумоўлена той акалічнасцю, што англійскі паэт-рамантык у сваім творы акцэнтую ўвагу на наступным: лірычны герой паэмы ўсведамляе сваё грамадскае становішча; ён разумее, што бард не можа быць каханым князеўны (“I knew thy state, my station, and I knew / A Princess was no love-mate for a bard...” [15, Vol. XI, p. 87]), і называе пачуццё да Элеаноры д’Эстэ адной з галоўных прычын сваіх бед (“I knew my fault, and feel my punishment / Not less because I suffer it unbent. / That thou wert beautiful, and I not blind, / Hath been the sin which shuts me from mankind ...” [15, Vol. XI, p. 84]). Аднак, паводле Дж.Г. Байрана, перашкодай для шчасця Т. Таса былі не проста ўмоўнасці італьянскага грамадства той эпохі. Аўтар паэмы “Скарга Таса” адзначае канкрэтна: сама “дама сэрца” італьянскага паэта саромелася яго палкага пачуцця і не дапускала нават думкі, што яе абранікам можа стаць нехта па сацыяльным статусе ніжэйшы за манарха (“And thou, Leonora! – thou – who wert ashamed / That such as I could love – who blush’d to hear / To less than monarchs that thou couldst be dear...” [15, Vol. XI, p. 92]). Такім чынам, у інтэрпрэтацыі англійскага паэта віною любоўных пакут аўтара “Вызваленага Іерусаліма” было не толькі грамадства, але і адсутнасць узаемнасці з боку Элеаноры. А якраз

у гэтым супадаюць трактоўкі прычын нешчаслівага кахання італьянскага паэта, прапанаваныя як Дж.Г. Байранам, так і Т. Ладам-Заблоцкім. Няўжо гэта выпадкова?

Зрэшты, у гісторыі літаратуры зусім не рэдкасцю з'яўляецца прыхільнасць пісьменнікаў да іншанацыянальных літаратур альбо да асобных прадстаўнікоў іх дзякуючы пасрэдніцтву калег. Так, напрыклад, І.М. Галяншчаў-Кутузаў адзначае: паводле сведчання самога А.С. Пушкіна, яго цікаваць да Італіі “зарадзілася ... не без ўплыву піянера рускай італаманіі Бацюшкава і пад уздзеяннем байранаўскай паэзіі” [16, с. 457]. Рускі даследчык сцвярджае таксама, што ў сваю чаргу “Дантаўскія вершы Пушкіна і шматлікія ўпамінанні пра вялікага італьянца ў пушкінскіх артыкулах, гэтаксама як і ўплывы паэтаў-рамантыкаў Захаду, асабліва Байрана і Шэлі, палкіх паклоннікаў фларэнтыйца, выклікалі з пачатку 30-х гадоў XIX ст. хвалю сур’ёзнага інтарэсу да Дантэ ў рускім грамадстве” [16, с. 460] (Тут, бадай, варта нагадаць, што пярэ Дж.Г. Байрана належыла яшчэ і невялікая паэма “Прароцтва Дантэ” (1819)). А ў дачыненні да Т. Лады-Заблоцкага нельга выпускаць з-пад увагі наступную акалічнасць: якраз у пачатку 30-х гадоў ён вывучаў славеснасць у Маскве.

Таму цалкам заканамерна, што хваля цікавасці да творчасці вялікага фларэнтыйца “захліснула” і яго. А як вынік – у фантазіі “Духі” (“Duchy”), змешчанай таксама ў другім раздзеле зборніка “Паэзія”, з’явіліся наступныя радкі:

Dante, co jak meteor błysnął w wiekach ciemnych,

Nie miał gdzie złożyć sławą obciążonych skroni [5, s. 86].

Падрадкаўны пераклад:

Дантэ, які як метэор праззяў у вяках цёмных,

Не меў, куды прытуліць славай абцяжараныя скроні.

(Падрадкаўны пераклад тут і далей наш. – У.Ч.).

Каб патлумачыць, пра што ідзе гаворка, аўтар фантазіі ў зноскы падае на мове арыгінала тэрцыну з “Боскай камеды”, у якой Качагвіда, прапрадзед Дантэ, прарочыць нашчадку-паэту выгнанне:

Tu proverai sì come sa di sale

Il pane altrui, e com’è duro calle

Lo scendere e ’l salir per l’altrui scale...

Il Paradiso. Canto XVII.

Літаральна гэта значыць:

Ты зведаеш, які горкі

Хлеб чужы і які цяжкі шлях

Спуску і пад’ёму па чужых лесвіцах...

Рай. Песня XVII.

Яшчэ адну цытату з бессмяротнай паэмы вялікага фларэнтыйца Т. Лада-Заблоцкі выкарыстаў у якасці эпіграфа да напісанага ім на радзіме верша “Do mojego oriekuńczego Genjusza” (“Да Генія, які мяне апякуе”). Уласна, гэта радкі, якімі пачынаецца “Боская камедыя”:

Nel mezzo del cammin di nostra vita

Mi ritrovai per una selva oscura

Che la diritta via era smarrita.

Dante Alighieri. L’inferno. Cant. 1. [5, s. 105].

Падрадкаўны пераклад трохрадкаўна наступны:

Пасярэдзіне хады нашага зямнога жыцця

Я апынуўся ў лесе змрочным,

Бо правільны шлях быў згублены.

Дантэ Аліг’еры. Пекла. Песня 1.

Абодва гэтыя ўрыўкі з твора італьянскага паэта былі шырока вядомы і да іх звярталіся многія пісьменнікі [15, Vol. XVI, p. 159, 312; 17, с. 25, 45–46; 18, с. 55; 19, с. 285]. Так што яны не даюць магчымасці ўпэўніцца ў грунтоўным знаёмстве Лады-Заблоцкага з шэдэўрам Дантэ.

А вяртаючыся да фантазіі “Духі”, ужо з большай упэўненасцю можна сцвяржаць, што яе аўтар лічыў аўтара “Боскай камеды” геніем, які сваімі думкамі і поглядамі значна апырэдзіў свой час, хоць увага тут акцэнтуюцца на нешчаслівым лёсе гэтай выключнай асобы – яго выгнанні. Але істотна іншае – што адразу ж пасля радкоў, прысвечаных Дантэ, ідуць наступныя:

Tass okuty w kajdany, w pieczarach podziemnych

Nad znikomością świata smutne skargi roni [5, s. 86].

Падрадкаўны пераклад:

Таса, закаваны ў кайданы, у пячорах падземных

Над нікэмнасцю свету скрушныя скаргі роніць.

Як бачым, Т. Лада-Заблоцкі згадвае пра нядолю аўтара “Вызваленага Іерусаліма” паўторна. Праўда, на гэты раз Тарквата Таса паўстае перад чытачом ужо як ахвяра не кахання, а трагічнага канфлікту з рэчаіснасцю. Гэты ж канфлікт адлюстраваны ў элегіі “Паміраючы Тас” К.М. Бацюшкава, дзе пералічаны ўсе нягоды, якія давялося зведаць у жыцці італьянскаму паэту [14, с. 215–216]. Вобраз “закаванага ў кайданы” паэта навеяны, хутчэй за ўсё, рэальным фактам біяграфіі італьянца: у 1579 годзе, калі Т. Таса служыў пры двары герцага Альфонса II д’Эстэ ў Ферары, з ім здарыўся чарговы прыпадак душэўнай хваробы і яго адвялі ў шпіталь Св. Ганны, дзе ў зняволенні, як вар’ята, пратрымалі больш за сем гадоў. З’яўленне “пячор падземных” у фантазіі “Духі” – напэўна, усё ж такі плён фантазіі Т. Лады-Заблоцкага, а не вынік знаёмства з каментарыямі Томаса Мура да паэмы “Скарга Таса”. У гэтых каментарыях пра месца зняволення чытаем наступнае: “Турма знаходзіцца пад першым паверхам шпіталю, і святло пранікае туды праз закратаванае акно з невялікага двара... Камера дзевяць крокаў у даўжыню, пяць-шэсць у шырыню і каля сямі футаў у вышыню” [15, Vol. XI, p. 82].

Як і ў выпадку з Дантэ, Т. Лада-Заблоцкі тут таксама робіць зноску, цытуючы наступны ўрываек:

E come alpestro e rapido torrente,

Come acceso baleno

In notturno sereno,

Come aura o fumo, o come stral repente,
 Volan le nostre fame; ed ogni onore
 Sembra languido fiore....
 Che più si spera, o che s'attende omai?
 Dopo trionfo e palma
 Sol qui restano all'alma
 Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.....
 Che più giova amicizia o giova amore,
 Ahi lagrime! ahi dolore.
Torrismondo. Trag. [5, s. 86–87].

Падрадкоўны пераклад:

І як горны, хуткапынны ручай, / Як бліскавіца, /
 што мільганула ў яснай начы, / Як ветру павеў, а ці
 дыму, або як імклівая страла, / пралятае наша слава; і
 любая пашана / здаецца далікатнаю кветкай... / На што
 яшчэ спадзявацца, альбо чаго чакаць? / Пасля трыумфу
 і пальмавых галін / засталіся душы толькі / жалоба і
 скаргі, і слёзныя стогны... / Што мне ад сяброўства,
 што мне ад каханья?! / О слёзы! О гора!

Прыведзенымі радкамі заканчваецца трагедыя
 “Кароль Тарысмонда” (“Il Re Torrismondo”,
 апубл. 1587), твор, які ніколі не лічыўся шэдэўрам
 Т. Таса, быў менш распаўсюджаны і вядомы чытачам.
 Цікава, што менавіта гэты ж урывак К.М. Бацюшкаў
 выкарыстаў у якасці эпіграфа да элегіі “Паміраючы
 Тас” [14, с. 214]. Аднак нельга катэгарычна
 сцвярджаць, што аўтар фантазіі “Духі” прачытаў гэты
 фрагмент у рускага паэта і адтуль “запазычыў” яго.
 Хоць і малаверагодна, але не выключана знаёмства
 Т. Лады-Заблоцкага з трагедыяй “Кароль Тарысмон-
 да” ў арыгінале праз якое-небудзь італьянскае
 выданне. Звесткі, якія б пацвярджалі, што аўтар паэмы
 “Ваколіцы Віцебска” валодаў італьянскай мовай,
 намі пакуль не знойдзены. Яшчэ адной крыніцай,
 адкуль ён мог узяць цытату з трагедыі Т. Таса, была
 папулярная чатырохтомная праца “Пра літаратуру
 Паўднёвай Еўропы” (1813) Ж.Ш.Л. Сімонда
 дэ Сісмандзі. У другім томе, дзе разглядаецца
 творчасць італьянскага паэта, пададзены ў арыгінале
 якраз гэтыя дванаццаць радкоў [20, р. 181]. Дарэчы,
 і К.М. Бацюшкаў карыстаўся гэтай працай Сімонда дэ
 Сісмандзі, калі пісаў артыкул “Арыёт і Тас” (1815)
 і заўвагу да элегіі “Паміраючы Тас” [14, с. 310; 21,
 с. 524].

Прозвішча аўтара “Вызваленага Іерусаліма”
 сустракаецца ў зборніку “Паэзія” яшчэ раз, але ўжо
 не ў арыгінальным творы Т. Лады-Заблоцкага, а ў яго
 перакладзе на польскую мову элегіі “Слава” (1816–
 1817) французскага паэта-рамантыка Альфонса Мары
 Луі дэ Ламарціна (1790–1869):

Ówdzie Tasso nieszcześnie zgubnym ogniem płonie,
 I kajdanami miłość oplaca do zbytku;
 I gdy już miał uwieńczyć dostojne swe skronie,
 Schodzi do śmierci przybytku [5, s. 127].

Падрадкоўны пераклад:

Там Таса няшчасны згубным агнём палае,
 І кайданамі за каханне расплачваецца дарэшты;

І калі ўжо павінен быў увянчаць годныя свае скроні,
 Сыходзіць у смерці ўладанні.

Працытаваная страфа яшчэ раз пацвярджае
 папулярнасць у заходнееўрапейскіх рамантыкаў тэмы
 згубнага для Тарквата Таса пачуцця да Элеаноры
 д’Эстэ. Французскі паэт таксама згадвае пра тое, што
 аўтар “Вызваленага Іерусаліма” памёр, не дачакаўшыся
 цырымоніі ў Рыме, на якой бы яго ўвянчалі лаўровым
 вянком. На жаль, дакладна невядома, калі Т. Лада-
 Заблоцкі выканаў гэты пераклад. Уключэнне яго
 ў раздзел “Naśladowania i tłumaczenia z różnych
 okresów” падказвае, што, хутчэй за ўсё, у 1834–
 1836 гадах. Таму, на наш погляд, можна дапусціць,
 што “кайданы”, якія з’явіліся ў фантазіі “Духі”, былі
 падказаны вершам А.М.Л. дэ Ламарціна.

Заклучэнне. Падсумоўваючы сказанае,
 адзначым: усе творы Т. Лады-Заблоцкага, дзе
 згадваюцца два вялікія італьянскія паэты альбо
 прыводзяцца цытаты з іх спадчыны, належаць да
 аднаго перыяду. Яны напісаны ў 1834–1836 гг.,
 калі пасля выключэння з Маскоўскага ўніверсітэта
 паэт знаходзіўся на радзіме, чакаючы прысуду
 і яго выканання. У паэме “Ваколіцы Віцебска”
 ім праведзена паралель паміж сумнымі лёсамі
 Ф.Д. Князьніна і Т. Таса, якіх зламала нешчаслівае
 каханне да высакародных дам. У фантазіі “Духі”
 Дантэ Аліг’еры прадстаўлены як творца, што
 сваімі думкамі і поглядамі значна аперэдзіў свой
 час і спазнаў горкую долю выгнанніка, а Т. Таса
 паўстае як ахвяра трагічнага канфлікту паміж
 ім і рэчаіснасцю. Варта заўважыць, што Т. Лада-
 Заблоцкі ў названых творах згадвае аўтараў
 “Боскай камеды” і “Вызваленага Іерусаліма”
 не ў сувязі з іх выключнымі творчымі дасягненнямі,
 яго больш цікавяць трагічныя лёсы італьянскіх
 паэтаў. Варта ўлічваць, што сам Т. Лада-Заблоцкі
 з 1834 па 1836 год знаходзіўся ў стане няпэўнасці,
 невядомасці, трывогі. Напэўна, у лёсах слынных
 італьянскіх паэтаў ён шукаў аналогіі са сваім
 уласным, спрабуючы прагназаваць, якія магчымыя
 беды чакаюць яго ў будучыні. Пры гэтым думка,
 што нават гэтыя геніі сусветнай літаратуры спазналі
 нядолю і шмат гора, магла прыносіць яму нейкае
 суцяшэнне.

Літаратура

- Падбярэскі, Р. Беларусь і Ян Баршчэўскі / Р. Падбярэ-
 скі // Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных
 апавяданнях / Я. Баршчэўскі; уклад., пер. з пол. мовы і
 камент. М. Хаўстовіча. – Мінск, 1990. – С. 331–358.
- Аўтабіяграфія Т. Лады-Заблоцкага // Пачынальнікі:
 3 гіст.-літар. матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г.В. Кісялёў;
 рэд. В.В. Барысенка, А.І. Мальдзіс. – 2-е выд. – Мінск,
 2003. – С. 484–487.
- Гадыцкі, К. Творчасць Тадэвуша Лады-Заблоцкага /
 К. Гадыцкі // Польшча. – 1992. – № 10. – С. 133–136.
- Хаўстовіч, М. Шляхамі да беларускасці: нарысы, арты-
 кулы, эсэ / М. Хаўстовіч. – Варшава, 2010. – 646 с.

6. Łada-Zabłocki, T. Poezje / T. Łada-Zabłocki; wydał R. Podbereski. – Petersburg: w Drukarni Karola Kraja, 1845. – 236 s.
7. Лада-Заблоцкі, Т. Лісты да Юзафа Ігната Крашэўскага / Т. Лада-Заблоцкі; пер. з пол. // XIX стагоддзе: навук.-літ. альманах. Кн. 1 / [Кафедра гісторыі беларускай літаратуры БДУ]; уклад., уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, пер. з пол. мовы і камент. М. Хаўстовіча. – Мінск: БДУ, 1999. – С. 191–207.
8. Мархель, У. Прысутнасць былога: нарысы, артыкулы, эсэ / У. Мархель; пад рэд. В.А. Каваленкі. – Мінск: Выд. М.М. Трафімчук, 1997. – 192 с.
9. Лада-Заблоцкі, Т. Ваколцы Віцебска: апісальная паэма / Т. Лада-Заблоцкі; пер. з пол. П. Бітэля; рэд. пер. і пер. заўваг Т. Лады-Заблоцкага У. Мархеля // Шляхам гадоў: гіст.-літ. зб. / уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск, 1994. – С. 270–286.
10. Serassi, P. La vita di Torquato Tasso / P. Serassi. – In Roma: Nella Stamperia Pagliarini, 1785. – 614 p.
11. Tiraboschi, G. Storia della letteratura italiana: in 8 t. / G. Tiraboschi. – Milano: Dalla società tipografica de' classici italiani, 1822–1826. – Т. VII: Dall'anno MD fino all'anno MDC. Parte terza. – 1824. – P. 1161–1970.
12. История литературы Италии / редкол.: М.Л. Андреев (гл. ред.) [и др.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – Т. 2: Возрождение, кн. 2. Чинквеченто / отв. ред. М.Л. Андреев. – 720 с.
13. Słowacki, J. Beniowski: wydanie całkowite w nowym układzie / J. Słowacki; opracował J. Kleiner. – 2-ga ed., przejrzana. – Kraków: Nakładem Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1923. – 508 s.
14. Dmochowski, F.S. Wiadomość o Życiu i Pismach Franciszka Dyonizego Kniaznina / F.S. Dmochowski // Dzieła Franciszka Dyonizego Kniaznina / wydane przez F.S. Dmochowskiego. – Warszawa, 1828. – Т. I. – S. I–XXXVI.
15. Батюшков, К.Н. Полное собрание стихотворений / К.Н. Батюшков. – М.; Л.: Совет писатель, 1964. – 354 с.
16. Byron, G.G. The works of Lord Byron: with his letters and journals, and his life, by Thomas Moore, Esq.: in 17 volumes / G.G. Byron. – London: John Murray, 1832–1833. – Vol. XI. – 1833. – 326 p.; Vol. XVI. – 1833. – 335 p.
17. Голенищев-Кутузов, И.Н. Творчество Данте и мировая культура / И.Н. Голенищев-Кутузов; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1971. – 551 с.
18. Асоян, А.А. Данте и русская литература / А.А. Асоян. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 172 с.
19. Тепляков, В. Стихотворения / В. Тепляков. – М.: В типографии Семена Селивановского, 1832. – 196 с.
20. Полевой, Н.А. Мечты и жизнь: были и повести: [в 4 ч.]. / Н.А. Полевой. – М.: В типографии Августа Семена, 1834. – Ч. 3: [Эмма: повесть]. – 305 с.
21. Simonde de Sismondi, J.C.L. De la littérature du midi de l'Europe: in 4 t. / J.C.L. Simonde de Sismondi. – A Paris: Chez Treuttel et Würtz, 1813. – Т. II. – 491 p.
22. Батюшков, К.Н. Опыты в стихах и прозе / К.Н. Батюшков; изд. подгот. И.М. Семенко. – М.: Наука, 1977. – 607 с.

Паступіў у рэдакцыю 10.06.2022

Номенклатурные термины внутрипоселенческой топонимии (на материале ономастических единиц Беларуси и Франции)

Дорофеенко М.Л.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье обосновывается актуальность сопоставительного изучения номенклатурных терминов внутрипоселенческой топонимии разных стран. Определены основные терминологические обозначения слов, называющих виды внутрипоселенческих географических объектов, употребляемые в русскоязычной ономастической литературе (номенклатурный термин, географический термин). Показано, что есть и другие терминологические обозначения, которые, однако, не получили широкого распространения и ограниченно используются в работах некоторых ученых.

Цель работы – установление общего и частного в составе системы белорусских и французских внутрипоселенческих номенклатурных терминов.

Материал и методы. *Материалом нашего исследования послужили номенклатурные термины, входящие в состав белорусских и французских внутрипоселенческих топонимов (урбанонимов городов Витебска и Полоцка Беларуси; Реймса и Шалон-ан-Шампань Франции; виконимов Полоцкого района Витебской области Беларуси и Реймского округа департамента Марна Большого Восточного региона Франции). Основные методы исследования – сопоставительный, описательный, полевой, элементы статистического анализа в сочетании с такими приемами, как систематизация, наблюдение, обобщение и интерпретация.*

Результаты и их обсуждение. *Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа внутрипоселенческих номенклатурных терминов в русском и французском языках. На материале русско- и франкоязычных номенклатурных терминов установлено общее и частное в их составе.*

Заключение. *В двух терминологических системах обнаружены эквивалентные обозначения, а также сложные случаи, в которых подбор аналога номенклатурному термину затруднен ввиду нетождественности значения переводного эквивалента. В каждой национальной ономастической подсистеме выявлены безэквивалентные по отношению к другой номенклатурные термины. Проиллюстрировано национально-культурное своеобразие сопоставляемых подсистем номенклатурных терминов.*

Ключевые слова: *виконим, внутрипоселенческий топоним, географический термин, номенклатурный термин, урбаноним. (Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 165–170)*

Generic terms of intrasettlement toponymy (based on the material of onomastic units of Belarus and France)

Dorofeyenko M.L.

Belarusian State University, Minsk

The article substantiates the relevance of a comparative study of the generic terms of intrasettlement toponymy in different countries. The main terminological designations of words naming the types of intrasettlement geographical objects used in the Russian language onomastic literature are determined (nomenclature term, geographical term). It is shown that there are other terminological designations, which, however, are not widely used and are used to a limited extent in the works of some scientists.

The purpose of the work is to establish the general and the particular in the system of Belarusian and French intra-settlement nomenclature terms.

Material and methods. *The material of our study was the nomenclature terms that are part of the Belarusian and French intrasettlement toponyms (urbanonyms of the cities of Vitebsk and Polotsk of Belarus; Reims and Châlons-en-Champagne of France; viconyms of Polotsk District of Vitebsk Region of Belarus and Reims District of Marne Department of Grand Est of France). The main research methods are comparative, descriptive, field, elements of statistical analysis, combined with such techniques as systematization, observation, generalization and interpretation.*

Findings and their discussion. The results of comparative analysis of intrasettlement nomenclature terms in Russian and French are presented. Based on the material of Russian and French nomenclature terms, the general and the particular in their composition are established.

Conclusion. In the two terminological systems, equivalent designations have been found out. Difficult cases are found in which the selection of an analogue for a generic term is difficult due to the non-identity of the meaning of the translation equivalent. In each national onomastic subsystem, non-equivalent nomenclature terms have been identified. The national and cultural originality of the compared subsystems of nomenclature terms is illustrated.

Key words: viconym, intrasettlement toponym, geographical term, generic term, urbanonym.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 165–170)

Внутрипоселенческая топонимия представлена прежде всего урбанонимами (внутригородскими названиями) и виконимами (внутрисельскими названиями), которые состоят из обозначения типа объекта, расположенного в населенном пункте, и собственно проприальной части. Компонент топонима, соответствующий типу объекта, имеет в основном два терминологических обозначения, первое из которых количественно преобладает в русскоязычной ономастической литературе:

1) **номенклатурный термин** – далее НТ (А.М. Мезенко [1; 2], Е.А. Сизова [3], М.М. Масальская [4], Юе Цюй [5]);

2) **географический термин**¹ (Ю.А. Карпенко [6], Н.В. Подольская [7-1978; 7-1988], Э.М. Мурзаев [8], Н.Ю. Забелин [9] и др.)².

Во франкоязычной ономастической литературе данное явление получает название *terme m générique* [10] общ.: ‘вышестоящий дескриптор; ИТ: родовой терм’ [ФР-РФ СМ]³ или *générique, m* [10; 11, с. 3]⁴.

¹ В первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольская под **географическим термином ГТ** (детерминативом) понимает «слово, обозначающее определенную географическую реалию. Может быть родовым и видовым. Пр.: река, озеро, залив, болото, долина, мыс, пик, гряда, пустыня, плато, город, деревня, село» [7-1978, с. 44]. В примечании указывается, что «иногда вместо ГТ употребляется словосочетание “топонимический термин”, что неправомерно и имеет иной смысл» [7-1978, с. 45]. Автор дает следующее определение **топонимическому термину** – «вид ономастического термина. Слово или словосочетание, точно обозначающее определенное понятие, существующее в топонимике. Пр.: топонимия, антропотопоним, топонимизация, гибридный топоним, топонимический ряд» (7-1978, с. 149–150). Во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» содержится похожее определение **географического термина ГТ** (детерминатива) – «слово, обозначающее определенную географическую реалию. За ним стоит географическое понятие. Может быть родовым и видовым. Пр.: река, озеро, залив, болото, долина, мыс, ник, гряда, пустыня, плато, город, деревня, село». В примечании не сообщается об ошибочном употреблении вместо ГТ словосочетания «топонимический термин», которое не содержится во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» [7-1988, с. 47].

² Наряду с данными понятиями используются и некоторые другие обозначения, которые, однако, не получили большого распространения в ономастической литературе. Так, А.М. Мезенко употребляет следующие сочетания: **родовой термин**, **термин-индикатор**, **географический апеллятив**, **стержневое слово** [2]; Ю.А. Качалкова – **топонимический апеллятив (термин)** [12].

³ Здесь и далее – при переводе использовался онлайн-словарь «Мультитран» (Французско-русский и русско-французский словарь Мультитран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=4&l2=2>. – Дата доступа: 01.11.2022). Далее – ФР-РФ СМ.

⁴ На наш взгляд, данные сочетания могут быть переведены как ‘родовой термин’ или ‘общий термин’.

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу номенклатурных терминов, используемых в белорусской и французской ономастике. Подобные компаративные исследования до сих пор не предпринимались, хотя имеется небольшое количество работ, в которых сопоставлены номенклатурные термины других языков (ср. работы Е.А. Сизовой [3], М.М. Масальской [4], Юе Цюй [5] и др.). В большей степени данные единицы анализировались в рамках национальных ономастических традиций. Так, профессор А.М. Мезенко исследовала номенклатурные термины в белорусской урбанонимии [1] и виконимии [2]. Об особенностях номенклатурных терминов российской урбанонимии писали Н.Ю. Забелин [10], Юе Цюй [5], Ю.А. Качалкова [12] и другие ученые. НТ в составе французских номинаций анализировались в работах Е.А. Сизовой [3].

Новизна настоящего исследования подтверждается отсутствием работ, посвященных сравнительно-сопоставительному изучению НТ внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции при относительно небольшом количестве публикаций, в которых сравниваются НТ других стран. Организация системы НТ каждой лингвокультуры индивидуальна и обусловлена совокупностью видов внутрипоселенческих объектов⁵. Изучение этой системы позволит определить как национально-специфические, так и типологически сходные черты ее упорядочивания. Данный факт определяет и актуальность проведенного нами исследования.

Цель работы – установление общего и частного в составе системы белорусских и французских внутрипоселенческих номенклатурных терминов.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили номенклатурные термины, входящие в состав белорусских и французских внутрипоселенческих топонимов (урбанонимов городов Витебска и Полоцка Беларуси; Реймса и Шалон-ан-Шампань⁶ Франции; виконимов Полоцкого района Витебской области Беларуси и Реймского округа департамента Марна Большого Восточного региона Франции). Исследование выполнено в русле компаративистики, поэтому основной метод исследования – сопоставительный, позволивший соотнести такие явления плана

⁵ Как отмечал Ю.А. Карпенко, «организация географических терминов теснее связана с объектами, с географическими реалиями – она диктуется, строго регламентируется этими реалиями» [6, с. 44].

⁶ В паспортизации улиц будут обозначены как В.; П.; Р. и Ш. соответственно.

содержания, как номенклатурные термины. Использование элементов статистического анализа предоставило возможность отобразить в качестве результатов как качественные, так и количественные характеристики данных явлений. Кроме того, в рамках синхронного анализа системы номенклатурных терминов с целью определения как национально-специфических, так и типологически сходных черт ее упорядочивания использовались описательный и полевой методы в сочетании с такими приемами, как систематизация, наблюдение, обобщение и интерпретация.

Результаты и их обсуждение. В ядро белорусской внутригородской топонимии входят следующие терминологические единицы: а) **улица**: ул. 8 Марта – П. (72,6%) и б) **переулок**: Заречный пер. – П. (24,1%). Далее располагается в) **проезд**: пр-д Янки Купалы – П. (1,4%). Периферическое положение занимают малочастотные НТ (от 1 до 9 употреблений, 1,0% от общего количества НТ): **площадь**: пл. Франциска Скорины – П.; **шоссе**: Бешенковичское ш. – В.; **парк**: парк культуры и отдыха – П.; **тракт**: Великолукский тр. – В.; **поселок**: п. Пригородный – В.; г) **проспект**: Ленинградский пр-т – П.; **набережная**: наб. реки Западная Двина – В.

В ядро французской внутригородской топонимии входят такие терминологические единицы, как а) **rue** (фр.) общ.: **улица**; проход; улица с большим движением; маш.: ‘проезд’ [ФР-РФ СМ] (68,8%): *rue des 3 Gares* – Р.; б) **allée** (фр.) общ.: ‘узкий проход (напр., между стульями); **аллея**; дорожка; проход’ [ФР-РФ СМ] (8,0%): *allée d'Amsterdam* – Р.; в) **place** (фр.) общ.: ‘место; билет на место; должность; служба; **площадь**; плац; рыночная площадь; рынок; город (как торговый, деловой центр); биржа (например, *place de Paris* – Парижская биржа)’ [ФР-РФ СМ] (4,4%); *place de Marseille* – Р.; г) **impasse** (фр.) геогр.: **тупик** [ФР-РФ СМ] (3,4%): *impasse Lucien Daillancourt* – Р.; д) **avenue** (фр.) общ.: ‘широкая, обсаженная деревьями улица; **проспект**; авеню; аллея; улица, обсаженная деревьями’ [ФР-РФ СМ] (3,3%): *avenue d'Epernay* – Р.; е) **chemin** (фр.) общ.: ‘расстояние; **проезд** (как тип улицы *estherik*)’ [ФР-РФ СМ] (3,3%): *chemin de Beaumont* – Ш.; ж) **boulevard** (фр.) общ.: ‘бульвар’ [ФР-РФ СМ] (2,6%): *boulevard des Bouches du Rhône* – Р.

Околоядерное пространство (11–20 употреблений, 4,3% от общего числа НТ) формируют следующие НТ: **ruelle** (фр.) общ.: ‘проулок; улочка; пространство между кроватью и стеной; закоулок (переулок)’ [ФР-РФ СМ]; стр.: **‘переулок’** [ФР-РФ СМ]: *ruelle du Canal* – Ш.; **route** (фр.) общ.: ‘дорога; путь; направление; маршрут; путь следования (планет, рек); трехполосная дорога’ [ФР-РФ СМ]; стр.: **‘шоссе’** [ФР-РФ СМ]: *route de Suippes* – Ш.; **rond-point** (фр.) общ.: ‘круглая площадь; круглая поляна (к которой сходится ряд дорожек)’ [ФР-РФ СМ];

авто. ‘перекресток с круговым движением’ [ФР-РФ СМ]: *rond-point de la Défense* – Р.; **square** (фр.) общ.: **‘сквер’** [ФР-РФ СМ]: *square René Dumont* – Р.

Периферию (1–10 употреблений, 1, 9%) составляют НТ **passage** (фр.) общ.: **‘переход; переезд; перелет; переправа; перетекание; проход; проезд; проход (место, время); переход (от чего-л. к чему-л.; из одного состояния в другое); плата за переправу; пассаж; крытый проход; узкий коридор; место; отрывок (в книге)’** [ФР-РФ СМ]: *passage d'Italie* – Р.; **esplanade** (фр.) общ.: ‘эспланада, **площадь**’ [ФР-РФ СМ]: *esplanade des Capucins* – Р.; **cour** (фр.) общ.: ‘двор (дома); двор (придворные); свита; палата; суд; трибунал; котировка’ [ФР-РФ СМ]: *cour Bailla* – Р.; **galérie** (фр.) общ.: ‘общ.: ‘крытый проход; галерея; магазин, торгующий произведениями искусства; большой парадный зал; ход; подземный ход; штрек; штольня; невысокая балюстрада; ряд; вереница; галерея (литературных типов и т.п.); багажник (на крыше автомобиля); ограда’ [ФР-РФ СМ]: *galérie des Baléares* – Р.; **quai** (фр.) общ.: **‘пирс; набережная; пристань; перрон; платформа (на вокзале и пр.); место погрузки; место разгрузки’** [ФР-РФ СМ]: *quai du Pré aux Moines*; **cours** (фр.) тех.: **‘проспект; широкая улица; бульвар’**: *cours Anatole France* – Р.; **cité** (фр.) архит.: ‘жилой комплекс; микрорайон; городок, напр., университетский’ [ФР-РФ СМ]; общ.: ‘Сите (остров в центре Парижа), старая часть города’ [ФР-РФ СМ]: *cité de la Verrerie* – Р.; **promenade** (фр.) общ.: ‘прогулка; гулянье; место гулянья; бульвар; **проспект**; променад; “проходка” (в картинной галерее’ [ФР-РФ СМ]: *promenade du Peignage* – Р.; **chaussée** (фр.) общ.: ‘проезжая часть улицы; мостовая; дорога (насыпная, на сваях); дамба’ [ФР-РФ СМ]: *chaussée Vocquaine* – Р.; **voie** (фр.) общ.: ‘дорога; путь; **трасса**; способ; средство; поведение; действия; колея; след зверя; пропи́л; пропи́ленное место; ширина пропи́ла; ширина хода’; воен., брон.: ‘путь сообщения’ [ФР-РФ СМ]: *voie de la Goulette* – Ш.; **parvis** (фр.) общ.: ‘часть улицы, площади и т.п. перед фасадом строения; площадка, примыкающая непосредственно к фасаду строения, чаще всего церкви или собора; порог (храма)’ [ФР-РФ СМ]; картогр.: ‘площадь перед (le parvis de Notre Dame; le parvis de Beaubourg)’ [ФР-РФ СМ]; церк.: ‘паперть’ [ФР-РФ СМ]: *parvis Chanoine Warnier* – Р.; **parc** (фр.) общ.: **‘парк; лесопарк’** [ФР-РФ СМ]: *parc Léo Lagrange* – Р.

Во французской урбанонимии разнообразны НТ – наименования видов путей сообщения (дромонимов): **chaussée**: *chaussée Saint-Martin*; **chemin**: *chemin de Champfleury* – Р.; **route**: *route de Cernay*; **voie**: *voie de la Goulette* – Ш.

В белорусской внутрисельской топонимии Полоцкого района зарегистрированы формирующие ядро НТ: **улица** (83,5%): *Замковая ул.* – дер. Вороницы; **переулок** (16,0%): *Лесной пер.* – д. Семенец. В составе названий с НТ *улица* функционируют виконимы,

⁷ При перечислении НТ полужирным курсивом выделены возможные эквиваленты французским НТ в русском языке.

проприальная часть которых включает географический термин *урочище* (0,5%): *ул. урочище Дубок* – д. Гвоздово.

Виконимные номинации Реймского округа включают как общие с урбанонимными НТ (в том числе и входящие в состав дромонимов): **allée**: *allée des Arts* – Cernay-lès-Reims⁸; **avenue**: *avenue de la Gare* – Puisieulx; **boulevard**: *boulevard du Nord* – Bourgogne; **chemin**: *chemin de la Pompelle* – Sillery; **cit  **: *cit   de la Sucrierie* – Sillery; **impasse**: *impasse Lamartine* – Cernay-l  s-Reims; **passage**: *passage des Charmilles* – Champfleury; **place**: *place du G  n  ral de Gaulle* – Prunay; **route**: *route de Suippes* – Prunay; **rue**: *rue du G  n  ral Leclerc* – Cernay-l  s-Reims; **ruelle**: *ruelle du Moulin* – Beine-Nauroy, так и уникальные, зарегистрированные лишь в сельской местности: **hameau** (фр.) общ.: ‘деревушка; пос  лок; хутор; выселок’ [ФР-РФ СМ]: *hameau de la Pompelle* – Puisieulx. Отметим, что уникальные НТ, не задействованные в виконимии, свойственны и французской урбанонимии: *chauss  e, cour, galerie, esplanade*. Приведенные количественные данные подтверждают тот факт, что при достаточно большом разнообразии НТ во французской внутрипоселенческой топонимии не все из них являются частотными – некоторые отмечены единичными употреблениями.

Сопоставительный анализ белорусской и французской внутрипоселенческой топонимии позволил выявить разные типы соответствий номенклатурных терминов. Так, эквивалентными (с полным или частичным соответствием) являются следующие НТ: 1) *улица / la rue*; 2) *проспект / l’avenue*; 3) *площадь / la place*; 4) *переулок / la ruelle*; 5) *парк / le parc*; 6) *набережная / le quai*; 7) *поселок / le hameau*⁹. Сравним их терминологическое значение, имеющее отношение к виду внутрипоселенческого объекта в разных языках, опираясь на «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [ТСРЯ]¹⁰ и «Толковый словарь французского языка Ларусс» [ТСФЯ]¹¹:

1) *улица, -ы, ж.* В «Толковом словаре русского

языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово *улица* имеет несколько значений, из которых к внутрипоселенческому объекту имеет отношение следующее: «в населённых пунктах: два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство. *Узкая, широкая у. Главные улицы города*» [ТСРЯ]. Во французском языке данному номенклатурному термину соответствует слово *rue*, f, которое также имеет несколько значений, среди которых есть и относящееся к обозначению внутрипоселенческого объекта: «полоса дорожного движения, расположенная внутри населенного пункта, обычно граничащая с домами, зданиями, закрытыми владениями: *жить на улице Монпарнас*» [ТСФЯ];

2) *проспект, проспект, -а, м.* В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим следующее определение: «большая широкая и прямая улица. *Невский п. в Санкт-Петербурге*» [ТСРЯ]. Во французской внутрипоселенческой топонимии функционирует номенклатурный термин *avenue*, f, имеющий следующие значения: «1) широкая аллея, обычно прямая и обсаженная деревьями, ведущая к жилому дому, служебному зданию, общественному месту; 2) широкая городская дорога, часто обсаженная деревьями» [14]. В русском языке функционирует калькированное слово *авеню*, не задействованное для обозначения типов внутрипоселенческих объектов. В «Толковом словаре иностранных слов» оно имеет следующее определение: «авеню [фр. *avenue*] – «широкая, обычно обсаженная деревьями улица (название, принятое во Франции, Англии, США и некоторых других странах)»¹²;

3) *площадь, -и, мн. ч. -и, -ей, ж.* В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим несколько определений, из которых к обозначению вида внутрипоселенческого объекта относится следующее: «незастроенное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы. *Красная п. в Москве*» [ТСРЯ]. Во французском языке НТ *площадь* соответствует *place* f. Данное слово также многозначно (имеет в три раза больше значений, чем его эквивалент в русском языке), но лишь одно из толкований относится к обозначению вида внутрипоселенческого объекта: «открытое общественное пространство, окруженное зданиями, в застроенном районе: *небольшая деревенская площадь*» [ТСФЯ];

4) *переулок, переулок, -лка, м.* В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой данное слово определяется как «небольшая, обычно узкая улица, соединяющая собою две другие. *В глухом переулке*» [ТСРЯ]. Эквивалентом данному НТ во французском языке является слово *ruelle*, f, имеющее следующее значение: «маленькая узкая улица» [ТСФЯ];

5) *парк.* В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой данная лексическая

⁸ Здесь и далее – примеры, приведенные для французской внутрисельской топонимии, зарегистрированы в населенных пунктах Реймского округа департамента Марна Большого Восточного региона Франции.

⁹ Можно обнаружить еще несколько НТ, имеющих эквиваленты не во внутрипоселенческой топонимии проанализированных территорий, а в целом в номинативной системе Беларуси (*аллея*: *аллея Дружбы* – г. Минск / *all  e – all  e des Lacs Italiens* – Реймс; *бульвар*: *бульвар Космонавтов* – г. Брест / *boulevard – boulevard Val de Vesle* – Реймс; *сквер*: *Михайловский сквер* – г. Минск / *square: square des Fr  res Druart*; *тупик*: *Вишнёвый туп.* – г. Минск / *impasse: impasse Alsace Lorraine* – Реймс).

¹⁰ Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Режим доступа: <https://ozhegov.slovaronline.com/>. – Дата доступа: 01.11.2022. Далее – ТСРЯ.

¹¹ Dictionnaire Fran  ais en ligne – Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue>. – Дата доступа: 01.11.2022. Далее – ТСФЯ.

¹² Толковый словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foreign.slovaronline.com/>. – Дата доступа: 01.11.2022.

единица определяется как «большой сад или насаженная роща с аллеями, цветниками, водоёмами. Разбить п. Городской п.» [ТСРЯ]. Эквивалентным НТ во французской терминологии является слово *parc*, m, первое значение которого относится к виду внутрипоселенческого объекта: «огороженная территория, частично лесистая, предназначена для прогулок и развлечений» [ТСФЯ];

б) *набережная*. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой НТ *набережная* определяется как «берег, укрепленный стенкой из бетона, камня, дерева, а также улица, идущая вдоль такого берега или вообще вдоль берега. Гранитная н. Дом на набережной» [ТСРЯ]. Эквивалентным французским НТ во является слово *quai*, m, имеющее следующее значение: «путь сообщения вдоль гидрообъекта» [ТСФЯ];

7) *поселок*. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой данный НТ определяется как «населенный пункт, первоначально небольшой. Рыбацкий п. Дачный п. П. городского типа. Рабочий п.» [ТСРЯ]. Эквивалентным НТ во французской терминологии может являться слово *hameau*, m с таким значением: «группа сельских домов, расположенных за пределами основной городской территории муниципалитета» [ТСФЯ].

Данные НТ (1–7) являются полными (понятийные признаки в двух системах совпадают целиком) или неполными эквивалентами в терминологическом плане ономастики (понятийные признаки в двух системах совпадают частично, при этом общим является признак обозначения типа внутрипоселенческого объекта, а частным – признаки и характеристики этого объекта).

Отмечаются также НТ – частичные эквиваленты с несовпадающим или частично совпадающим значением, которым характерно такое явление, как включение (белорусскому НТ соответствуют несколько французских эквивалентов):

1) *шоссе, шоссе*, нескл., ср. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой данное слово определяется как «дорога, замощенная щебнем, а также всякая дорога с твердым покрытием. Асфальтированное ш.» [ТСРЯ]. Во французской ономастической терминологии в качестве эквивалентов данному слову могут употребляться *route*, f, имеющее следующее толкование: «автомобильный наземный путь сообщения вне населенных пунктов: асфальтированная дорога» [ТСФЯ] и *chaussée*, f, имеющее несколько значений, из которых к виду внутрипоселенческого объекта относится следующее: «часть дороги, предназначенная для движения транспорта» [ТСФЯ];

2) *проезд, проезд, -а (-у)*, м. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим следующие определения: «...2) место, где можно проехать. Загородить п.»; 3. Улица (обычно недлинная), соединяющая параллельные улицы» [ТСРЯ]. Само слово *проезд* переводится на французский как 'общ.: *circulation*, f; *écharpée*, f; *passage*, m; *trajet*, m; *transit*,

m; *chemin*, m (как тип улицы)'; автом., груз.: 'traversée, f'; лес. 'flégard, m'; маш. 'rue, f', перен. 'chevauchée, f' [ФР-РФ СМ]. Из перечисленных лексических единиц в составе французских внутрипоселенческих топонимов находим три – *chemin*, *passage* и *rue*. Как мы уже выяснили, французскому НТ *rue* соответствует русский НТ *улица*. Значит, можем предположить, что для обозначения проезда во французском языке используется либо слово *chemin*, m, имеющее два таких значения: «1. Дорога, ведущая из одного места в другое: проселочная (грунтовая) дорога. 2. Проход, который прокладывают и который служит дорогой: Пробирайтесь через кусты» [ТСФЯ], либо НТ *passage*, m, значения которого: «б. Место, через которое проходят, участок, через который проходят: Освободите проход. Пешеходный переход» [ТСФЯ]; строительство и городское планирование: «15. Небольшая улочка, проходящая под первыми этажами домов, хотя бы на части своего расположения. 16. Пешеходная галерея, на которой обычно располагаются магазины» [ТСФЯ].

Заключение. Таким образом, сопоставительный анализ терминологического значения номенклатурных единиц, функционирующих как элементы белорусской и французской внутрипоселенческой топонимии, позволил обнаружить следующие типологические сходства.

Во-первых, в данных национальных топонимических системах функционируют эквивалентные НТ (понятийные признаки НТ совпадают полностью или неполностью) – *улица / la rue; проспект / l'avenue; площадь / la place; переулок / la ruelle; парк / le parc; набережная / le quai; поселок / le hameau* или НТ – частичные соответствия, терминологические значения которых совпадают не полностью и имеют национально-культурные особенности. Это объясняется тем, что на состав внутрипоселенческих номенклатурных терминов оказывают влияние прежде всего национальные традиции их употребления.

Во-вторых, сходство обнаруживает полевая организация НТ линейных объектов. Так, в ядро белорусской подсистемы внутрипоселенческих номинаций входит НТ *улица* (75,01%) французской – НТ *rue* (68,8%). Околоядерное пространство представлено значительно уступающими по количественным показателям НТ *переулок* (22,2%) и *allée* (7,4%) во внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции соответственно.

Национально-культурная специфика НТ внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции определяется как лексико-семантическими различиями языков, так и особенностями планировочной структуры населенных пунктов и обнаруживается в следующем:

а) наличие в каждой системе безэквивалентных НТ. Так, во французской топонимии это НТ *galérie*, *impasse*, *rond-point*, *square*, *parvis*, *promenade*, *citè*, в белорусской – тракт;

б) неполные межъязыковые соответствия НТ (*проезд / chemin / passage; шоссе / route / chaussée*);

в) синонимия НТ во французской системе внутрипоселенческих номинаций (*place / cour / esplanade*);

г) более детальная фиксация элементов планировочной структуры населенных пунктов во французской топонимии по сравнению с белорусской в целом (ср. количество НТ в двух системах) и в частности (ср. НТ – обозначения видов путей сообщения: *chaussée, chemin, route, voie*).

Литература

1. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
2. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с. – Ч. 2. – 254 с.
3. Сизова, Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.А. Сизова; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск., 2004. – 19 с.
4. Масальская, М.М. Номенклатурные термины объектов городского пространства на примере Москвы, Софии и Варшавы / М.М. Масальская // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы конф. молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры; отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. – М., 2020. – С. 194–197.
5. Юе Цюй. Теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом (на материале московских топонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юе Цюй; ФГБУН Ин-т языкозн. Рос. академии наук – М., 2021. – 21 с.
6. Карпенко, Ю.А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) / Ю.А. Карпенко // Вопросы географии. Местные географические термины. – М., 1970. – Т. 81. – С. 36–45.
7. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 199 с. / Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
8. Мурзаев, Э.М. Географические термины в топонимии Москвы / Э.М. Мурзаев // Вопросы географии: сб. 126. – Географические названия в Москве. – М.: Мысль, 1985. – С. 47–59.
9. Забелин, Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Ю. Забелин; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2007. – 24 с.
10. Centre national de ressources textuelles et lexicales – [Electronic resource] – Mode of access: / odyonyme <https://www.cnrtl.fr/definition/odyonyme>. – Data of access: 01.11.2022.
11. Beaudi, F. Le processus et les implications de la normalisation terminologique en toponymie québécoise / F. Beaudi: working paper // Group of Experts on Geographical Names. – Eleventh Session. – Geneva, 15–23 October 1984. – № 11. – 12 p.
12. Качалкова, Ю.А. Лексикографические проблемы урбанонимии: на материале названий топообъектов Екатеринбурга и Челябинска / Ю.А. Качалкова // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 212–222.

Поступила в редакцию 02.12.2022

Трансформация образа «маленького человека» в рассказах М. Веллера из цикла «Легенды Невского проспекта»

Алексеевич Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Образ маленького человека, являющийся знаковой и неотъемлемой частью социально-психологического реализма русской литературы XIX века, проходя через авторское переосмысление, актуализировался, приобретая новое развитие в соответствии с духом времени конкретной социально-исторической эпохи. В связи с этим актуальным является определение концепции данного образа в литературе последней трети XX века и в современной литературе.

Цель статьи – выделить основные варианты литературного типа «маленького человека» в рассказах М. Веллера из цикла «Легенды Невского проспекта», проследить генезис данного литературного типа в истории русской литературы, выявить специфику рецепции и трансформации литературных традиций.

Материал и методы. Для литературоведческого анализа трансформации образа «маленького человека» мы рассмотрели рассказы М. Веллера из сборника «Легенды Невского проспекта». В работе будем руководствоваться описательно-аналитическим и сравнительно-типологическим методами.

Результаты и их обсуждение. Рассматривая образ «маленького человека» в цикле рассказов «Легенды Невского проспекта», проанализировали культурно-исторические условия, послужившие основой для его формирования. Отметим собственную типологию «маленького человека» в малой прозе М. Веллера, а также определили критерии определения данного образа в его рассказах.

Заключение. Установлено, что образ «маленького человека» в эпоху постмодернизма, в частности, в рассказах М. Веллера претерпел значительную трансформацию в сравнении с классической русской реалистической парадигмой XIX века, и в то же время он свидетельствует о преемственности традиций. Важной отличительной особенностью является расширение типологии образа «маленького человека»: он становится более разносторонним.

Ключевые слова: маленький человек, постмодернизм, реализм, парадигма, маргинализация.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 171–175)

Transformation of the "small person" character type in the short story cycle "Legends of Nevsky Prospect" by M. Veller

Alekseevich E. V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The image of a small person, which is a significant and integral part of the socio-psychological realism of Russian literature of the 19th century, passing through the author's rethinking, was updated, acquiring a new development in accordance with the spirit of the time of a particular socio-historical era. In this regard, it is relevant to define the concept of this character type in the literature of the last third of the twentieth century and in modern literature.

The purpose of the article is to determine the main variants of the "small person" literary type in the short stories of M. Veller from the cycle "Legends of Nevsky Prospect", to trace the genesis of this literary type in the history of Russian literature, to identify the specifics of the reception and transformation of literary traditions.

Material and methods. For a literary analysis of the transformation of the "small person" type, we examined the stories by M. Veller from the cycle "Legends of Nevsky Prospect". In this work, we use descriptive-analytical and comparative-typological methods.

Findings and their discussion. When reviewing the "small person" type in the short stories cycle "Legends of Nevsky Prospect", we analyzed the cultural and historical conditions that served as the basis for its formation. We noted our own typology of the "small person" in the short prose of M. Veller, and determined the criteria for determining this image in his stories.

Conclusion. It has been established that the "small person" character type in the era of postmodernism, in particular, in the stories of M. Veller, has undergone a significant transformation in comparison with the classical Russian realistic paradigm of the 19th century, and at the same time it testifies to the continuity of traditions. An important distinguishing feature is the expansion of the typology of the "small person" type: it becomes more versatile.

Key words: small person, postmodernism, realism, paradigm, marginalization.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 171–175)

Образ «маленького человека» прочно укрепился в сознании русскоязычного читателя, и тесно ассоциируется с героями произведений Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Этот тип героя, появившийся на рубеже зарождения русского социально-психологического реализма XIX века, далее использовался на протяжении всех этапов развития русской литературы, эволюционируя, оставляя отпечаток в сознании последующих поколений писателей и выполняя функцию своеобразного обличительно-критического изображения любой эпохи и любого времени.

Впервые в истории русской литературной критики понятие «маленький человек» использовал В.Г. Белинский в 1840 г. В своей статье «Горе от ума», анализируя образ Городничего в «Ревизоре» Н.В. Гоголя, он пишет: «Сделайся наш городничий генералом – и, когда он живет в уездном городе, горе маленькому человеку, если он, считающий себя “не имеющим чести быть знакомым с г. генералом”, не поклонится ему или на балу не уступит место, хотя бы этот маленький человек готовился быть великим человеком!.., тогда из комедии могла бы выйти трагедия для “маленького человека”» [1, с. 468].

Тема «маленького человека» поднималась множеством авторов, ведь отражение жизни обычного, абсолютно среднего человека, со всеми несчастьями и трудностями всегда будет актуальна. Этот тип героя не мог обойти и литературу конца XX века, когда обличение проблем, изъянов социума и государственной системы СССР, находящегося на грани краха, были особенно актуальны.

Необходимость данного исследования обусловлена тем, что концепция образа маленького человека в литературе последней трети XX века и в современной литературе является практически неразработанной и малоизученной.

Цель – выделить основные варианты литературного типа «маленького человека» в рассказах М. Веллера из цикла «Легенды Невского проспекта», проследить генезис данного литературного типа в истории русской литературы, выявить специфику рецепции и трансформации литературных традиций.

Материал и методы. Для литературоведческого анализа трансформации образа «маленького человека» мы рассмотрели рассказы М. Веллера из сборника «Легенды Невского проспекта». В каждом из рассказов «Саги о героях» имеется центральный персонаж, тесно связанный с Ленинградом, в «Легендах “Сайгона”» раскрываются сюжеты, якобы услышанные автором в культовом заведении Невского проспекта «Сайгон» и связанные с топомосом Невского проспекта лишь косвенно, через нулевую фокализацию нарратора. Цикл объединен образами «маленьких людей», оказавшихся в чреде судьбоносных событий своей эпохи. В работе мы будем руководствоваться описательно-аналитическим и сравнительно-типологическим методами.

Результаты и их обсуждение. Образ «маленького человека» в русской литературе по сей день продолжает осмысливаться учеными, о чем свидетельствуют

труды О.С. Шуруповой, О.Р. Хомяковой, Н.Г. Коптеловой, Г.И. Лобановой, Н.П. Непорады.

Нередко исследователи исходят из принципа восприятия «маленького человека» как культурного концепта. Н.В. Володина в своей монографии отмечает следующее: «Среди литературных концептов значительное место занимают “персонажные” концепты, осмысление которых привело современную науку к идее существования “персоносферы”. <...> Наконец, концептом становится тип личности, имя которому дала литература: маленький человек, лишний человек, нигилист» [2, с. 21]. Общепринятой, архитипичной константой «маленького человека» в русском литературоведении является образ Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели». Трехчастная модель изображения социума (маленький человек – значительное лицо – государство), введенная Гоголем, заимствовалась множеством последователей и стала своего рода «классической моделью».

Литературный энциклопедический словарь дает следующую трактовку данного понятия: “Маленький человек” в литературе – обозначение довольно разнородных героев, объединяемых тем, что они занимают одно из низших мест в социальной иерархии и что это обстоятельство определяет их психологию и общественное поведение (приниженность, соединенная с ощущением несправедливости, уязвленной гордостью)» [3, с. 207].

При категоризации персонажей в качестве «маленьких людей», мы исходили из принципа, что «маленький человек», как и любой литературный тип, во многом абстракция, таким образом, он включает в себя множество вариаций и подтипов, которые могут быть как противопоставлены, так и схожи друг с другом в различных аспектах. Любой персонаж уникален, незаменим и не тождественен другому, иначе не было бы нужды в существовании отдельных персонажей в целом. В результате, при выделении критериев для определения «маленького человека» мы отрицаем необходимость доказывать абсолютное «родство» персонажей по ряду признаков.

На наш взгляд, при рассмотрении «маленького человека» как литературного типа стоит принять по внимание некоторые культурно-исторические условия его существования. В XIX веке в русской литературе «маленький человек», как правило, представлял собой слабого, незащитного в глазах «значительных лиц» человека. Классический сюжет о маленьком человеке – это повествование об унижениях и обидах. Данный сюжет и образ часто использовался в творчестве русскоязычных писателей, однако приход к власти коммунистической партии привел к появлению нового течения в русской литературе – социалистического реализма. Такая нормативная парадигма фактически вытесняет остальные стилевые течения и доминирует в русской литературе до середины XX века. Даже после ослабления цензуры и развития других литературных направлений, идея «инженеров человеческих душ» и «героизации» главных персонажей все еще оставалась актуальной. В советской литературе слабому, незаметному «маленькому человеку» было сложно

потеснить «комсомольца – героя труда» или «доблестного освободителя Родины». Лишь конец XX века ознаменовал расширение свободы слова и дальнейшую необходимость литературного осмысления негативных проявлений эпохи, что проявляется в возрождении интереса к «дегероизации» персонажей в контексте «другой» прозы (Д.И. Рубина, В.О. Пелевин, В.С. Маканин, М.И. Веллер, Т.Н. Толстая и др.). Образ такого персонажа, как Митя Родионцев из повести «Человек свиты» В. Маканина становится знакомым примером того, как «система» превращает людей в раболепствующих, трусливых приспособленцев.

Затрагивая тему трансформации образа «маленького человека» в русской прозе последней трети XX века, в своей монографии Е.В. Крикливец дает ему следующую характеристику: «Теперь он – “песчинка истории” и его судьба редко зависит от него самого» [4, с. 149].

М.И. Веллер, подаривший множество произведений, ярко выделяющихся своей тонкой сатирой и философским подтекстом, русской литературе, не мог проигнорировать образ «маленького человека», который часто становился центральным и сюжетообразующим в его произведениях, в частности, в сборнике рассказов «Легенды Невского проспекта».

В связи с дискретностью стилового развития русской литературы, рассказы М.И. Веллера эклектичны и обладают элементами как постмодернистской, так и реалистической эстетики, а границы его художественной системы диффузны.

М.И. Веллер в своем сборнике затрагивает достаточно длительный период советского времени, воссоздавая образ города Ленинграда и живших в нем людей, приблизительно с конца 1950-х и до начала 1990-х годов, при этом, затрагивая эпоху Хрущевской оттепели, последующую эпоху застоя и период начала перестройки. За «десталинизацией», ослаблением цензуры, улучшением социального и экономического благосостояния населения пришла эпоха глубокого политического и экономического кризиса, что привело к кардинальному изменению сознания большей части населения и смены его духовных ориентиров на строго прагматичные интересы, а также нашло отражение в таких негативных социальных проявлениях, как алкоголизация населения, массовая эмиграция евреев (это, в свою очередь, привело к так называемой «утечке мозгов») и росту смертности.

Манифестация «болезней» общества, демонстрация и анекдотизация абсурда событий и кризисных проявлений в СССР является основополагающей в творчестве М. Веллера.

«Постмодернизм, ориентированный не на первичную, а на вторичную реальность, не отменяет классические образы, но вводит их в новую целостность, целостность пустых форм, или симулякров» [5]. В рассказе «Легенда о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице», а также в рассказе «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”» отчетливо прослеживается пародийная деконструкция гоголевской «Шинели» и «Преступления и наказания» Ф. Достоевского

соответственно, таким образом, «маленькие люди» из рассказов М. Веллера получают свое рождение, развоплощая классические образы XIX века. Природа «маленького человека» в творчестве писателя, на наш взгляд, не гомологична. Проанализировав вышперечисленные рассказы, мы отметили собственную типологию «маленького человека» в малой прозе М. Веллера. Наиболее ярко выражены два типа:

1. «Изгой системы». К данной категории можно отнести тех персонажей, которые по тем или иным признакам не соответствуют стандартам «сверхличности», культивируемой в литературе соцреализма, иными словами, те люди, которые не могут вписаться в систему и служить примером для общества. Так, в «Легенде о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице» это сам главный герой рассказа, относящийся к так называемой «пятой графе», постоянно сталкивающийся с антисемитскими настроениями и пренебрежительным отношением к себе: «*Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неудобно, особенно если ты маленький, черненький, очкастый и картавый: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде*» [6, с. 8]. Это и главная героиня рассказа «Марина», раскрывающего историю «La traviata» советской эпохи и имеющего общий хронотоп с рассказом о Фиме Бляйшице, выросшая в маргинальной семье, сама с юных лет начинает вести аморальный образ жизни: «*С восьмого класса Марина стала гулять. Или трахаться, – какой оборот вам больше нравится*». «*А отец как пил, так и продолжал, и, жуток матеря шлюху-дочь, про себя, естественно, мечтал отодрать ее подруг*» [6, с. 37]. Это и бывший муж Марины, англичанин Уолтер, которого советская система по его же собственной неосторожности «перемалывает» и бросает вниз по социальной лестнице: «*И англичанин, находя отрадное забвение единственно в этом состоянии, спился с ужасающей скоростью. Он попал в вытрезвитель раз, другой, его уволили с комбината, пристроили из жалости вахтером, пил он и на вахте, и быстро научился у магазина шишать двугривенные, упирая на свое английское происхождение*» [6, с. 52].

2. «Приспособленец системы». Этой категории соответствуют те персонажи, которые не обладают высоким положением в обществе, видят недостатки и несправедливость системы, однако, руководствуясь своими морально-психологическими качествами и убеждениями, не стремятся противостоять ей, а действуют, исходя из ее правил, сосуществуют с ней. В качестве примера можно привести образ милиционера, сыгравшего в буквальном смысле роковую роль в судьбе Фимы Бляйшица, являющегося типичным представителем системы, состоящей из людей, пытающихся обозначить свою весомость в стремлении унижить любого человека сколь-нибудь ниже их по положению или обязанного подчиняться по тем или иным причинам: «*Окуроченный кто на тротуар швырнул?! – слегка разбудоражил он в себе сладкое зверство справедливой власти над нарушителем, тупой лимитчик, белесый скобской Вася, вчера из деревни,*

осуществляя власть в явном своем превосходстве над этим... жидовским интеллигентом в шляпе» [6, с. 34]. К этому же типу относятся и матросы из рассказа «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”», которые, будучи ослеплены алчностью, в порыве гнева убивают местного менялу валюты где-то в африканском порту; и вышестоящие должностные лица, стремящиеся к сохранению собственного статуса и должностей. М. Веллер в сатирической манере высмеивает коррумпированность бюрократической системы, ее готовность закрыть глаза даже на убийство невинного человека во избежание каких бы то ни было сложностей.

Стоит отметить, что природа маленького человека в рассказах М. Веллера не статична: ряд персонажей осуществляет переход из одного типа в другой, формируя таким образом тип «героя-симулякра». Так, Фима Бляйшиц, являвшийся типичным «изгоем» системы в начале рассказа, находит пути приспособления к ней, выстраивает свою криминальную империю и становится своего рода «приспособленцем»; аналогичный путь проделывает Марина из одноименного рассказа: в поисках лучшей жизни и нового статуса она становится частью тоиады «товар-деньги-товар», идет на сотрудничество с КГБ, выуживая информацию из иностранцев. Ее окружение значительно меняется, она заводит новых влиятельных знакомых, получает дорогие подарки.

Попытаемся определить основные критерии образа «маленького человека» в рассказах М. Веллера:

1. «Маленький человек» незначителен в глазах общества. На малопривлекательную либо совершенно среднюю внешность, отсутствие талантов часто делается акцент в самом произведении. Главному герою «Легенды о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице» автор дает следующее описание: *«Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неуютно, особенно если ты маленький, черненький, очкастый и картавый: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде»* [2., с. 8]. Марина же характеризуется следующим образом: *«Марина была девочка не так чтобы очень красивая, но при всех делах, без изъянов и с известным шармом»* [6, с. 36]. На отсутствие особенных умственных способностей автор также обращает внимание: *«Как именно Марина поступила на филфак – история умалчивает. Экзамены, говорят, это лотерея; почему ж обязательно лотерея, есть и другие игры, менее известные и более азартные и прибыльные»* [6, с. 53]. Вахтенный, главный герой рассказа «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”», настолько невзрачен и типичен как представитель своего окружения и эпохи, что повествователь не только не параметризирует его внешность, но даже не считает нужным упоминать его имени, хотя порой называет имена второстепенных героев, таким образом полностью его обезличивая.

2. «Маленький человек» не принадлежит к «элитарному» сословию: Фима Бляйшиц, живший в бедности с мамой («Легенда о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице»); Марина, родившаяся в маргинальной семье («Марина»); вахтенный, являющийся обычным мо-

ряком («Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”») и т.д. Хотя границы социального неравенства в литературе постмодернизма становятся менее явными, чем в прозе предшествующих эпох, на наш взгляд, «низкое» положение «маленьких людей» заключается, главным образом, в самом факте подчиненности, поскольку они постоянно испытывают на себе прямое или психологическое давление (государственной структуры, начальства, норм социальной морали, общественных предубеждений), которые ограничивают свободу их самореализации в обществе.

3. «Маленький человек» полностью лишен романтических черт. Так, в рассказе «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”», представляющем собой аллюзию на «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, высмеивается несостоявшийся «акт покаяния» главного героя – безымянного вахтенного. После совершенного убийства из-за давления жены и угрызений совести герой приходит с повинной, а «государство» спасает себя от каких-либо проблем в лице международных скандалов, объявив вахтенного душевно больным. В отличие от духовного пути Раскольникова, попытка покаяния в рассказе М. Веллера не связана с духовным развитием или экзистенциальным скачком в развитии персонажа, а банально – со слабой волей и страхом. В конечном итоге вахтенный жалеет о своей явки с повинной, не проявив и толики раскаяния в содеянном. Центральные персонажи «Саги о героях» также руководствуются низменными ориентирами. Их мало занимают размышления о высоких материях, их мотивы и действия более чем прагматичны. «Маленький человек» М. Веллера крайне эгоцентричен, другие люди часто выступают для героя такого типа своего рода «трамплином», средством для удовлетворения потребностей и осуществления собственных амбиций: англичанин Уолтер для Марины («Марина»); мальчики и иностранцы для Фимы («Легенде о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице»).

4. «Маленький человек» чрезмерно акцентирован на материальной составляющей своей жизни. Данное качество отчетливо проявляется, как у персонажей «Саги о героях», так и у персонажей «Легенды о теплоходе “Вера Артюхова”». Все герои так или иначе жертвуют принципами морали для материального обогащения: главный герой «Легенды о теплоходе “Вера Артюхова”» совершает убийство ради наживы в несколько долларов, Фима Бляйшиц, выстраивает целую криминальную империю – разница лишь в масштабе происходящего. Порой можно наблюдать конфликт духовной и материальной составляющей, показывающий, что не все продается и не все покупается. Так, Фима Бляйшиц безответно влюбляется в девушку, однако она все равно выходит замуж за другого. Автор указывает на тот факт, что Фима *«купил бы ее за трехкомнатную квартиру, “Жигули” и песцовую шубу»*, но он хотел добиться искренних чувств красивыми ухаживаниями, чего сделать было невозможно [6, с. 31]. Эфемерность накопленных богатств в конце своего пути осознает и Марина. Свойство маленького человека обожествлять материальное проявляется в анализируемых рассказах

посредством деконструкции гоголевской «Шинели». Во всех произведениях герой погибает из-за своей привязанности к материальным ценностям. Однако, если для Башмачкина шинель во многом является жизненной необходимостью и результатом большого количества лишений и страданий, а потеря шинели становится невозможной утратой, то для Фимы шляпа всего лишь трофей, символ собственной значимости, но никак не жизненная необходимость. Лишение жизни милиционера и последующая собственная казнь из-за «оскверненной» шляпы является манифестацией (пусть и в нарочито сатирической манере) абсолютной доминанции материалистической концепции над идеалистической.

5. Трагический исход судьбы или предопределенность неуспеха – сюжетное ядро произведений, повествующих о судьбе «маленького человека». Данный сюжетный элемент сохранился в полной мере, пройдя через деконструкцию постмодернизма. Ситуационное бунтарство в любом виде (попытка «протиснуться» в большой мир («Саги о героях»), попытка очищения через покаяние («Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”»)) в первую очередь отсылает нас к героям романтического направления. И такая отсылка вполне логична: слабый духом маленький человек, пытаясь приспособиться к несовершенному миру, терпящий поражение от него же, противопоставляется романтическому персонажу, восстающему против несовершенства мира. Конфронтация с «большим миром» для «маленького человека», как правило, имеет два исхода: герой под давлением системы вынужден отказаться от попыток что-либо изменить и вернуться в свой микромир, чтобы владеть свое жалкое существование (англичанин Уолтер («Марина»), вахтенный («Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”»)); система наносит герою сокрушительное поражение (Фима Бляйшиц («Легенде о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице»)).

6. Демонстративная маргинализация «маленького человека». В противовес произведениям русской литературы XIX века, «маленький человек» М. Веллера вполне способен пойти на аморальные поступки (убийство (Ефим Бляйшиц, вахтенный), проституция (Марина)) для улучшения своего материального благополучия. «Маленький человек» более не является беспомощной жертвой-обличителем социальной несправедливости. Как было замечено ранее, социальное неравенство становится все более размытым. Герои могут быть весьма образованными (Ефим Бляйшиц имел высшее техническое образование), разбогатеть, однако уровень собственного личностного роста ограничен сугубо желанием обладать теми или иными материальными благами, либо самоутверждением за счет унижения другого человека. Переход веллеровского «маленького человека» к более значимому положению в обществе не ведет к изменению его сознания. Можно сказать, что «маленький человек» – это само свойство сознания героев, вне зависимости от того, как они себя самоидентифицируют.

Заключение. Отметим, что образ «маленького человека» в эпоху постмодернизма, в частности, в рассказах М. Веллера претерпел значительную

трансформацию в сравнении с классической русской реалистической парадигмой XIX века, и в то же время он свидетельствует о преемственности традиций. Важной отличительной особенностью является расширение типологии образа «маленького человека»: он становится более разносторонним. В цикле рассказов «Легенды Невского проспекта» мы смогли выделить «маленького человека – изгоя системы» и «маленького человека – приспособленца системы». Образ героя не всегда статичен: маленький человек может трансформироваться из одного типа в другой.

Несмотря на то, что «маленький человек» литературы последней трети XX века разделяет со своим прообразом множество черт (невзрачность, принадлежность к «низам» общества, трагизм жизненного пути), выделяются и новые черты: гораздо большая акцентуация на материальном и прагматичном в сравнении с «маленьким человеком» русской литературы XIX века; одержимость собственными потребностями и крайний эгоцентризм, полностью лишаящие «маленького человека» романтического начала. Если авторы-классики главным образом актуализировали тему незащитности своих героев перед властью имущими или социальной несправедливостью, то трагизм веллеровских «маленьких людей» заключается в их моральной деградации, маргинализации и потере общечеловеческих ценностей. «Маленькие люди» М. Веллера пытаются приспособиться к окружающей действительности, к новому институту ценностей в виде товарно-денежных отношений. Образ «маленького человека» в рассказах М. Веллера – это способ демонстрации утраты ценностных ориентиров человеком в изменившихся культурно-исторических условиях.

Литература

1. Белинский, В.Г. Горе от ума / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 1953. – Т. 3: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка, 1839–1840. – С. 420–486.
2. Володина, Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н.В. Володина. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 256 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров [и др.] – М.: Совет. энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Крикливец, Е.В. Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект: монография / Е.В. Крикливец. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 216 с. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/21257> (дата обращения: 05.09.2022).
5. Хомякова, О.Р. Возвращение маленького человека в литературе постмодернизма (от Александра Пушкина к Виктору Пелевину) / О.Р. Хомякова // Белая вежа. – 2017. – № 5. – С. 105–111. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/42759> (дата обращения: 01.10.2022).
6. Веллер, М.Ю. Легенды Невского проспекта / М.Ю. Веллер. – СПб.: Пароль, 2003. – 416 с.

Поступила в редакцию 07.12.2022

Современная ассоциативная лингвистика и ее приложение к решению практических задач

Вардомацкий Л.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируются основные достижения и возможности взаимодействия современных лингвистических направлений, осуществляющих свои исследования в рамках антропоцентрической парадигмы.

Цель исследования – изучение возможностей приложения их методов и, в частности, метода лингвистического ассоциативного эксперимента, для решения практических когнитивных задач, в том числе, для определения ценностного компонента в языковой картине мира современной молодежи, поскольку изучение и учет ценностных ориентиров учащейся молодежи представляется крайне важным при планировании и реализации образовательных стратегий.

Материал и методы. Теоретической базой и методологической основой работы послужили интерпретированные материалы исследований языковедов, работающих в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, ассоциативной лингвистики, рассматриваемые с точки зрения возможностей использования исследовательских методов этих наук для решения практических задач.

Результаты и их обсуждение. Понимание необходимости учета ассоциативных связей при антропоцентрическом взгляде на язык имеет уже определенную историю. Но лишь на современном этапе развития языкознания лингвисты в полной мере осознали связь между представлениями о внутренней и внешней структурах языка, стали связывать социальную функцию языка с особенностями его строения. В лингвистику пришло понимание того, что ассоциативное значение слова содержит информацию, которую не удастся в полной мере отразить в словарном значении слова. Решение этой задачи взяло на себя сравнительно новое направление в языкознании, получившее название «ассоциативная лингвистика» с ее основным исследовательским методом – методом ассоциативного лингвистического эксперимента. Изучение лингвистических ассоциаций, выявляемых с помощью ассоциативного эксперимента и вербализуемых средствами языка, помогает не только показать объективно существующие в сознании языковой личности семантические связи слов, но и определить специфические черты менталитета говорящего человека, выявить его языковую картину мира, раскрывает его систему жизненных ценностей и установок, которые, в свою очередь, задают нормы его поведения.

Установление взаимосвязи между понятиями «концептуальное поле» и «ассоциативное поле» позволяет говорить о возможности изучения концептуального поля с помощью ассоциативного лингвистического эксперимента, результаты которого используются как способ моделирования индивидуального и коллективного мировоззрения, материализованного в языковых формах.

Заключение. Ассоциативная лингвистика с ее ассоциативным лингвистическим экспериментом дает лингвистам надежную возможность изучать личность человека через его языковое сознание. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что ассоциативный лингвистический эксперимент может с успехом применяться в педагогической деятельности, поскольку является эффективным инструментом для получения необходимых данных о степени готовности обучаемого к восприятию учебно-воспитательного материала такого уровня, такого качества и такой направленности, которые могут обеспечить достижение поставленных образовательных задач.

Ключевые слова: психолингвистика, лингвокультурология, ассоциативная лингвистика, концепт, концептосфера, ценностный компонент концепта, лингвистический ассоциативный эксперимент.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 176–181)

Modern associative linguistics and its application to solving practical problems

Vardomatsky L.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article analyses the main achievements and interaction possibilities of modern linguistic trends which work within the framework of the anthropocentric paradigm.

The research purpose is the study of the possibilities of the application of their methods and, in particular, the method of linguistic associative experiment, to solve practical cognitive tasks, including those aimed at determining the value component in the language picture of the world of modern youth, which seems to be extremely important in planning and implementing educational strategies.

Адрес для корреспонденции: e-mail: vard_l@tut.byu – Л.М. Вардомацкий

Material and methods. The theoretical basis and methodological basis of the work was the interpreted research materials of linguists working in the field of psycholinguistics, cognitive linguistics, associative linguistics, considered from the point of view of the possibilities of using the research methods of these sciences to solve practical tasks.

Findings and their discussion. Understanding the need to take into account associative links in an anthropocentric view of language has already a certain history. However, only at the present stage of the development of linguistics, linguists fully realized the connection between ideas about the internal and external structures of the language, began to associate the social function of the language with the features of its structure. Linguistics has come to understand that the associative meaning of a word contains information that cannot be fully reflected in the dictionary meaning of the word. The solution to this problem has been taken by a relatively new direction in linguistics, called "associative linguistics" with its main research method - the method of associative linguistic experiment. The study of linguistic associations, revealed with the help of an associative experiment and verbalized by means of language, helps not only to identify the semantic connections of words objectively existing in the mind of a linguistic personality, but also to determine the specific features of the mentality of the speaking person, to identify his linguistic picture of the world, reveals his system of life values and attitudes, which, in turn, set the norms of his behaviour.

Establishing the link between the concepts of the conceptual field and the associative field makes it possible to state the possibility of the study of the conceptual field with the help of the associative linguistic experiment the results of which are used as a way of modeling the individual and collective worldview which is materialized in linguistic forms.

Conclusion. Associative linguistics, with its associative linguistic experiment, gives linguists a reliable opportunity to study a human personality through his linguistic consciousness. Given this circumstance, it can be assumed that the associative linguistic experiment can be successfully used in pedagogical activity, since it is an effective tool for obtaining the necessary data on the degree of readiness of the student to perceive educational material of the level, the quality and the orientation that can ensure the achievement of set educational objectives.

Key words: psycholinguistics, linguistic culture studies, associative linguistics, concept, concept sphere, value component of the concept, linguistic associative experiment.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 176–181)

Научное языкознание, имеющее уже более чем двухсотлетнюю историю, все эти годы постоянно развивалось, прежде всего, за счет постоянного уточнения и углубления предмета научного интереса и методов его исследования. Каждое новое поколение языковедов искало для языка новые определения в зависимости от того лингвистического направления, в русле которого находились их исследовательские цели и задачи. Но неизменным предметом интереса языковедов всегда оставался собственно язык как известная объективная сущность.

Однако на рубеже XX–XXI веков понимание предмета языкознания, а равно его целей, задач и методов исследования, претерпели коренное изменение. Так, если на первых этапах формирования языкознания как самостоятельной науки говорили о языке как о предмете этой науки, и о человеке-исследователе, изучающем язык как некий внешний по отношению к человеку феномен, то сегодня можно в определенном смысле говорить о языке, «изучающем человека». Действительно, современное языкознание, с одной стороны, изучает язык как важнейший инструмент успешного решения коммуникативных задач, но с другой стороны, – сам язык, активно аккумулирующий знания о человеке и о месте человека в современном мире, помогает ему познать его собственную сущность. И в этой связи начали активно говорить о антропоцентрической парадигме языкознания, где в центре изучения оказывается уже не язык сам по себе, а говорящий человек, материализующий свой внутренний мир в системе языковых знаков. А значит, расшифровывая эти знаки, мы расшифровываем самого человека, его внутренний мир, особенности мировоззрения, ценностные ориентиры.

На протяжении последних трех десятилетий когнитивная лингвистика, социолингвистика, психолинг-

вистика отходят от привычных лингвистических научных методов и ставят во главу угла самого человека как меру всех вещей. Из традиционных наук о человеке – психологии, философии, социологии, даже психиатрии – в языкознание приходят и новые понятия, и новые методы научного исследования.

В современной лингвистической науке, реализующей свой потенциал в рамках антропоцентрической научной парадигмы, одно из ведущих мест занимает ассоциативная лингвистика и ассоциативный лингвистический эксперимент. Понятие «ассоциация» (лат. *associatio* – ‘соединение’, ‘взаимосвязь’), пришедшее из психологии, прочно вошло в научный обиход современного лингвиста. Интерес лингвистики к ассоциации как категории лингвистической определяется «самой природой языкового знака», значение которого часто ситуативно и зависит от целого ряда как объективных, так и субъективных определяющих. Связь обозначаемого понятия и обозначающего знака реализуется через слово. А слово, в свою очередь, связано с обозначаемым через ряд ассоциаций. Изучение этих связей – предмет особого направления в языкознании, которое получило название «ассоциативная лингвистика».

В настоящей работе анализируются основные достижения и возможные точки соприкосновения и взаимодействия современных лингвистических направлений, осуществляющих свои исследования в рамках антропоцентрической научной парадигмы – психолингвистики, когнитивной лингвистики и ассоциативной лингвистики.

Цель исследования – изучение возможностей приложения их методов и, в частности, метода лингвистического ассоциативного эксперимента, для решения практических когнитивных задач, в том числе, для

определения ценностного компонента в языковой картине мира современной молодежи, поскольку изучение и учет ценностных ориентиров учащейся молодежи представляется крайне важным при планировании и реализации образовательных стратегий.

Материал и методы. Теоретической базой и методологической основой настоящей работы послужили интерпретированные материалы исследований лингвистов в области психолингвистики (А.Е. Левонюк, А.А. Леонтьев, В.А. Маслова, Б.Ю. Норман), когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин.), ассоциативной лингвистики (Н.Н. Трошина, А.Е. Левицкий, В.Е. Гольдин, Н.И. Миронова, Е.Ю. Тюрин и др.), рассматриваемые с точки зрения возможностей использования методов этих научных направлений для решения практических когнитивных задач.

Результаты и их обсуждение. По определению выдающегося швейцарского лингвиста Ш. Балли, сделанному еще в 1932 году, «языковая система представляется нам в виде обширной сети постоянных мнемонических ассоциаций, весьма сходных между собой у всех говорящих субъектов, – ассоциаций, которые распространяются на все части языка – от синтаксиса, стилистики, затем лексики и словообразования до звуков и основных форм произношения» [1, с. 30–31]. Известный французский лингвист Эмиль Бенвенист (1902–1976), который одну из частей своего труда «Проблемы общей лингвистики» (в русском переводе вышел в 1974 году под названием «Общая лингвистика»), так и назвал – «Человек в языке», высказывает мысль о том, что в мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком. И язык, таким образом, принадлежит самому определению человека. А российский лингвист Ю.С. Степанов (1930–2012), благодаря усилиям которого указанный труд Э. Бенвениста и стал известен русскоязычному читателю, указал, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [2, с. 15].

Таким образом, понимание необходимости учета ассоциативных связей при антропоцентрическом взгляде на язык имеет уже определенную историю. Но лишь на современном этапе развития языкознания лингвисты в полной мере осознали связь между представлениями о внутренней и внешней структурах языка, стали связывать социальную функцию языка с особенностями его строения.

Современная ассоциативная психология рассматривает ассоциацию как значимый принцип всей структуры психической деятельности человека, причем на передний план исследований выдвигается проблема не только образования, но и актуализации ассоциаций. Работы психологов по изучению как самого понятия «ассоциации», так и механизмов их порождающих, закономерно привели к необходимости возникновения следующего этапа исследований в этом направлении, а именно: определению осо-

бенностей и способов вербальной материализации ассоциаций. Зарождается новое научное направление, получившее название «ассоциативная лингвистика», основная задача которой – изучение лингвистической картины мира человека методами этого лингвистического направления.

Термин «ассоциативная лингвистика» активно начал использоваться лингвистами лишь в последние десятилетия. И несмотря на это, само научное направление – ассоциативная лингвистика – уже имеет серьезные результаты. Так, один из первых разработчиков теоретических принципов ассоциативного анализа текста Ю.Н. Караулов указывает, что ассоциативные поля лишь недавно стали объектом специальных исследований. Однако буквально за два последних десятилетия связанная с этим проблематика уже довольно хорошо разработана в ассоциативной лингвистике, объектом которой является изучение языковой способности человека. «В настоящее время, – пишет Ю.Н. Караулов, – мы имеем довольно значительный корпус лексикологических исследований на ассоциативной основе, комплекс ассоциативных словарей, ассоциативно ориентированную грамматику и образцы ассоциативного подхода к анализу текстов. Все это вместе, вкупе с теоретическими предпосылками ассоциативного подхода в языкознании... позволяет говорить о существовании самостоятельной отрасли нашей науки – ассоциативной лингвистики, оснащенной собственной концепцией языка, словарем и грамматикой» [3, с. 17].

Для решения проблем ассоциативной лингвистики разрабатываются и новые методы исследований, в основе которых, прежде всего, лежит ассоциативный лингвистический эксперимент.

Экспериментальные методы в языкознании – это методы исследования различных проблем языка, которые дают возможность описывать особенности интересующих исследователя явлений языка в заранее смоделированных, управляемых и контролируемых исследователем условиях.

В современном языкознании можно наблюдать различные отношения к понятию «экспериментальный метод». Дискуссионным является само определение понятия «экспериментальный метод в языкознании». Можно ли, например, считать экспериментальным «метод наблюдения», в том числе наблюдения над устными и письменными текстами. Некоторые лингвисты считают, что объективно существующий текст сам по себе не может быть предметом экспериментального исследования, поскольку он существует «как данность». Поэтому, кстати, лингвистический эксперимент не применим, например, для изучения истории языка или в диалектологии.

Объектом экспериментальных исследований в языкознании являются не собственно язык или отдельные факты и элементы языка, а человек – носитель языка, генерирующий и воспринимающий тексты и являющийся для исследователя информантом. Под поняти-

ем «текст» имеется ввиду любая как развернутая, так и минимальная единица языка. Причем объектом исследования может быть не только любой внешний носитель языка, но и сам исследователь. Если объектом исследования является внешний носитель языка – говорят об объективном эксперименте. Если в качестве объекта лингвистического исследования выступает сам экспериментатор, говорят об интроспекции.

Языковеды, работающие в области когнитивной лингвистики (Ю.Н. Караулов, И.В. Роднева, А.А. Залевская, А.П. Клименко и др.), пришли к выводу, что большинство семантических процессов можно объяснить с помощью ассоциативных экспериментов, суть которых – в изучении слов-реакций на соответствующие слова-стимулы. Картина, возникающая в результате изучения семантики слов собственно лингвистическими методами, значительно дополняется и поясняется в результате применения психологических и психолингвистических методов. Поэтому, помимо лексического значения слова, лингвисты все чаще предлагают к рассмотрению и его ассоциативное значение, которое часто существенно расширяет его семантическое поле.

Ассоциативное значение слова – это ассоциативный ряд, возникающий в сознании реципиента в ответ на слово-стимул. Ассоциативное значение того или иного слова включает в себя как совокупность его коннотаций в сознании отдельного представителя какой-либо культуры, так и совокупность ассоциативных полей всех ее представителей. Таким образом, можно утверждать, что ассоциативное значение слова содержит информацию, которую не удастся в полной мере отразить в словарном значении слова.

Изучение ассоциативных реакций и возникающих при этом новых значений имеет, на наш взгляд, интересные перспективы в различных областях современного языкознания, и в первую очередь в лингвокультурологии. Ассоциативные реакции позволяют эффективно исследовать сознание языковой личности, принадлежащей той или иной социальной группе, тому или иному народу, и позволят вскрыть присущие ей культурные и национальные особенности, поскольку дают представление о ментальном образе мира личности, помогают его структурировать, определить и описать его специфику.

Лингвистические ассоциации помогают также не только выявить объективно существующие в сознании языковой личности семантические связи слов, но и определить специфические черты его менталитета.

Языковая картина мира, по утверждению Е.С. Кубряковой, существует в сознании языковой личности в форме концептуальной системы, отображающей объективную действительность сквозь субъективный фильтр: национальный менталитет, систему взглядов и ценностей [4, с. 33]. Картина мира, основанная на ощущениях, представлениях, восприятии и мышлении человека, задает нормы поведения, систему ценностей и мировоззрения. В составе лингвокультур-

ного концепта, как правило, выделяют понятийный, образный и ценностный компоненты (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин). В понятийный компонент концепта включают его определение, описание присущих ему признаков, репрезентанты концепта. Так, С.Г. Воркачев утверждает, что понятийный компонент концепта отображает ту часть в его содержании, которую нельзя назвать метафорической. Образная составляющая концепта отпечатывается в памяти языковой личности и, по мнению исследователя, представляет собой набор когнитивных метафор, закрепляющих концепт в сознании индивида [5].

В понятие «ценностный компонент» концепта мы, вслед за Ю.С. Степановым, включаем поведенческие нормы и оценки, а также ценности той или иной языковой личности, группы людей, сообщества, нации [6]. «Ценности, – как утверждает В.И. Карасик, – высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира» [7, с. 98]. Для лингвокультурологии приоритетом при концептуальном анализе является именно ценностный компонент ввиду того, что в основе концептуальной картины мира лежат именно культурные ценности, а культура, в свою очередь, и есть система ценностей.

Изучение ассоциативного поля как раз и позволяет объективно определить концептосферу как отдельной личности, так и определенных социальных групп людей, что можно использовать как способ моделирования индивидуального и коллективного мировоззрения, материализованного в языковых формах. К.А. Бурнаева пишет: «Ассоциативное поле – это функциональная психолингвистическая модель, фиксирующая ассоциативные связи слов, выявленные экспериментально; это модель, представляющая реальное сознание в процессе коммуникации» [8, с. 4 (54)].

Ассоциативное поле определяется с помощью ассоциативного лингвистического эксперимента. В ходе ассоциативного эксперимента определяются отношения между языковой личностью и языком, а также между языковой личностью и миром. Эти отношения могут быть как сознательными, так и бессознательными. Такие отношения – проекция образа мира языковой личности. Они дают вербализованное, а значит доступное для объективной оценки представление о ее концептуальной картине мира.

Ассоциативное поле при таком понимании – это совокупность ассоциаций, то есть лексически материализованных реакций на слова-стимулы. Ассоциативное поле – это инструмент для выявления и изучения концепта и концептосферы. Как и в концептосфере, в ассоциативном поле также выделяются ядро (которое включает наиболее активные в частотном плане реакции на слова-стимулы) и периферия. Ассоциативное поле отражает многообразие коннотаций слова-стимула, передающих глубину и объем жизненного опыта и мировоззренческих особенностей реципиента. Ассоциации демонстрируют взаимосвязь между понятиями и элементами понятий не только

в сознании языковой личности, но и дают возможность отобразить связи в глубинах ее подсознания. Материализованные в словах, ассоциации как раз и демонстрируют особенности концептосферы конкретного человека либо группы людей, объединенных по какому-либо признаку. А, следовательно, выявление и классификация ассоциаций, порождаемых ключевыми словами-понятиями, построение и исследование на этой основе ассоциативных полей может быть эффективным инструментом для выявления концептов с ценностным компонентом при определении как индивидуальной концептосферы отдельных людей, так и концептосферы определенной социальной группы. Понятно, что для получения объективного результата исследования во втором случае необходимо релевантное количество информантов, принадлежащих к определенной социальной группе лиц.

Методом исследования языка в данном случае является моделирование сематического поля, а методом исследования мышления языковой личности – моделирование ассоциативного поля, раскрываемого с помощью ассоциативного лингвистического эксперимента.

Экспериментальная лингвистика получила активное развитие после выхода еще в 1938 г. статьи Л.В. Щерба «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», в которой он, в частности, писал: «Исследователь тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некоторую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента» [9, с. 31–32].

Дискутируя с оппонентами, высказывавшими опасения относительно возможностей использования экспериментов в языкознании, Л.В. Щерба писал: «Каждый новый закон, каждое новое распоряжение, каждое новое правило, каждое новое установление с известной точки зрения и в известной мере являются своего рода экспериментом. Принцип эксперимента – важный момент, который позволяет глубже проникнуть в понимание речевой деятельности человека» [9, с. 35].

Существуют несколько типов лингвистических экспериментов.

1. Моделирующие эксперименты. Проводятся для проверки гипотез, сформулированных в результате теоретических исследований, заключаются в подборе различных переменных с целью установления различных языковых закономерностей.

2. Имитационные эксперименты. В искусственных (лабораторных) условиях создаются необходимые для исследования объекты языковой деятельности, имитирующие языковую действительность.

3. Натурные эксперименты. Проводятся в естественных условиях коммуникативной среды.

Задача любого лингвистического эксперимента – проверка теоретически вырабатываемых предположений и гипотез.

В современном языкознании наиболее разработанный и чаще используемый ассоциативный эксперимент, в основе которого лежит психолингвистический анализ семантики. Особенностью лингвистического ассоциативного эксперимента является то, что испытуемые не должны знать целевую установку экспериментатора.

Основная задача ассоциативного эксперимента – выявление всего разнообразия и закономерностей порождения ассоциаций, материализуемых в языковых формах, которые сформированы в подсознании участников эксперимента в соответствии с их жизненным опытом или определяются их принадлежностью к какой-либо социальной группе. Ассоциативная лингвистика – это, в известном смысле, разновидность психолингвистики, поскольку ее положения и выводы основываются на понимании того, что в основе речемыслительной деятельности лежат ассоциативные механизмы, в результате срабатывания которых устанавливаются соответствующие ассоциативные связи между различными понятиями. Основное свойство ассоциативных связей – их произвольность. А это позволяет утверждать, что ассоциативный механизм, с одной стороны, обеспечивает «произвольность и спонтанность речевой деятельности», но с другой стороны, это только кажущаяся «произвольность и спонтанность», поскольку она базируется на когнитивном и речевом опыте индивида или коллектива и вытекает из них. В результате исследование ассоциативных связей в речевой деятельности позволяет выявить отношения между единицами «содержания сознания» и языковыми единицами в речемыслительном процессе. И.Г. Овчинникова в диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности» в качестве первого положения, выносимого на защиту, утверждает: «Ассоциативный механизм – один из базовых механизмов речемыслительной деятельности, действующий как на довербальных, так и на вербальных этапах речевого программирования. Основные характеристики ассоциаций, качественная (тип) и количественная (частотность), взаимосвязаны: частотные ассоциации (парадигматические, синтагматические, тематические) закрепляют речевые и мыслительные автоматизмы, тем самым упрощая смысловое программирование высказывания» [10].

Р. Фрумкина под ассоциацией понимает «связь между некими субъектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека» [11, с. 189]. Отсюда следует, что через ассоциации на самом деле проявляются особенности и широта знаний человека, его представлений о внешнем мире, их эмоциональная насыщенность, которые реализуются, а точнее сказать, материализуются в языковых формах, обладающих широким эмоцио-

нально-содержательным полем, то есть в концептах. В результате ассоциативного эксперимента и выявляются закономерности ассоциирования на слова-стимулы, в которых обнаруживается их значимость для исследуемого отдельного субъекта или лингвокультурной общности, а также определяется потенциал семантической сочетаемости таких слов.

Цель ассоциативного лингвистического эксперимента – исследование заложенных в подсознании человека связей с различными объектами и понятиями внешнего мира, порождения и восприятия речи, изучение индивидуальной и национально-культурной специфики языкового сознания носителей языка. Получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов.

Ассоциативная лингвистика предлагает, таким образом, плодотворный, и, возможно, самый надежный на сегодняшний день способ изучения языкового сознания как субъективной репрезентативной системы, поскольку фиксирует субъективно актуальное для человека значение слова, отображая «живую» реальность. Ассоциативный эксперимент с успехом может быть распространен и на межкультурные исследования, позволяя выявить как общечеловеческие характеристики вербализованных ассоциаций, так и помогают определить специфику связей между словами-понятиями в условиях различных культур.

Заключение. В условиях развивающихся межкультурных контактов исследование специфики языковой картины мира как представителей разных культур, так и представителей разных социальных групп становится необходимым. Ассоциативной лингвистики с ее исследовательским инструментом – ассоциативным лингвистическим экспериментом – дает лингвистам надежную возможность изучать личность человека через его языковое сознание, определяя содержание концептов, сформированных в сознании и подсознании языковой личности. И в первую очередь – концептов с ценностным компонентом, поскольку именно они дают реальное представление о личностных качествах реципиентов. В получаемых в процессе лингвистического ассоциативного эксперимента и лексически материализованных ассоциациях реализуются все признаки концепта, выстраиваются его ассоциативные отношения. Это что позволяет сформировать ассоциативное поле испытуемого, на основе анализа которого и делаются выводы о ценностной составляющей его концептосферы. Ассоциативный эксперимент, таким образом, дает лингвистам надежную возможность

изучать личность через его языковое сознание. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что ассоциативный лингвистический эксперимент может с успехом применяться и в педагогической деятельности, поскольку является эффективным инструментом для получения необходимых данных о степени готовности обучаемого к восприятию учебно-воспитательного материала такого уровня, такого качества и такой направленности, которые могут обеспечить достижение поставленных образовательных задач.

Литература

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист [под ред., с вступ. ст. и ком. Ю.С. Степанова]. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
3. Караулов, Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю.Н. Караулов // Вопросы психолингвистики. – 2015 г., – № 3(25). – С. 14–35.
4. Кубрякова, Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: материалы IV Междунар. науч. конф., Тамбов, 2003 г. – Тамбов, 2003. – С. 32–34.
5. Воркачев, С.Г. Культурный концепт и значение [Электронный ресурс] / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуман. науки. – Краснодар, 2003. Т. 17, вып. 2. – С. 268–276 – Режим доступа: <http://lincon.narod.ru/meaning.htm>. – Дата доступа: 13.12.2022.
6. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.phantastike.com/other/kontsepty/pdf/>. – Дата доступа: 13.12.2022.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – Волгоград: «Перемена», 2002. – Режим доступа: https://www.phantastike.com/linguistics/yaz_krug_lichnost_kontsepty_diskurs/djvu/view/. – Дата доступа: 19.12.2022.
8. Бурнаева, К.А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания [Электронный ресурс] / К.А. Бурнаева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnoe-pole-kak-sposob-modelirovaniya-fragmenta-yazykovogo-soznaniya>. – Дата доступа: 20.05.2021.
9. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
10. Очинникова, И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности [Электронный ресурс] / И.Г. Очинникова. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/assotsiativnyi-mekhanizm-v-rechemyslitelnoi-deyatelnosti>. – Дата доступа: 14.12.2022.
11. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 320 с.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Речевое поведение персонажей-«оппонентов» в драматургическом дискурсе (на материале пьесы М. Bartlett “Snowflake”)

Толкачёва К.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена анализу речевого поведения (РП) коммуникантов в современной англоязычной пьесе “Snowflake” известного драматурга М. Bartlett.

Цель статьи – анализ коммуникативно-речевого взаимодействия участвующих в диалоге персонажей путём преимущественного применения метода дискурс-анализа.

Материал и методы. Материалом исследования послужил текст современной пьесы М. Bartlett “Snowflake”, опубликованной в 2018 году. В работе применялись следующие методы исследования: наблюдения, обобщения, сопоставления, дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Обосновано применение метода дискурс-анализа при рассмотрении РП коммуникантов. Установлено, что анализ РП участвующих в диалоге персонажей способствует выявлению их индивидуальных речеповеденческих особенностей – в частности их интенций. Рассмотрены прагматические установки и стратегии развития общения, выявлены отличительные особенности в РП говорящих.

Заключение. Дискурс-анализ позволил выявить ряд особенностей РП персонажей, установки которых не совпадают. В пьесе мы наблюдаем коммуникативно-речевое взаимодействие персонажей-«оппонентов», поскольку каждый из них участвует в диалоге с целями, отличными от намерений собеседника. Natalie настойчиво пытается получить необходимую ей информацию; Andy – хочет побыстрее закончить разговор и расстаться с собеседницей.

Ключевые слова: драматургический дискурс, диалог, речевое поведение, коммуникативное намерение.

(Ученые записки. – 2022. – Том 36. – С. 182–186)

Speech behavior of “opponent”-characters in dramatic discourse (based on the material of M. Bartlett’s play “Snowflake”)

Tolkacheva K. Yu.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to the analysis of the speech behavior (SB) of the communicants in the modern English play “Snowflake” by the famous playwright M. Bartlett.

The purpose of the article is to analyze the communicative-speech interaction of the characters participating in the dialogue by using mainly the method of discourse analysis.

Material and methods. The research material is the text of M. Bartlett’s modern play “Snowflake”, published in 2018. The following research methods have been used in the work: observation, generalization, comparison, discourse analysis.

Findings and their discussion. The application of the method of discourse analysis when considering the communicants’ SB has been justified. It has been stated that the analysis of the SB of the characters participating in the dialogue helps to identify their individual speech and behavioral characteristics – in particular their communicative intentions. Pragmatic attitudes and strategies for the communication development have been considered, distinctive features in the speakers’ SB have been revealed.

Conclusion. The discourse analysis has revealed a number of features of the characters’ SB whose attitudes do not coincide. In the play we observe the communicative-speech interaction of the “opponent”-characters, since each of them participates in the dialogue with goals different from the intentions of the interlocutor. Natalie is persistently trying to get the information she needs; Andy wants to end the conversation as soon as possible and part with the interlocutor.

Key words: dramatic discourse, dialogue, speech behavior, communicative intention.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 36. – P. 182–186)

Современная лингвистическая наука характеризуется значительным интересом к разноаспектному изучению художественных текстов, однако драматургические произведения анализируются исследователями довольно редко. Между тем именно драматургические словесно-художественные структуры обладают, с нашей точки зрения, и существенным исследовательским потенциалом, детальное изучение которого будет способствовать более глубокому осмыслению проблем как речевой коммуникации, так и стилистики художественного текста. Сказанным определяется актуальность настоящей публикации.

Несмотря на то, что понятие *дискурс* применимо ко многим разновидностям как художественных, так и нехудожественных текстов, исследовательски значимым он видится именно для драматургических произведений. Это подтверждается композиционной спецификой произведений этого жанра, его диалоговой формой и другими особенностями, а также выводами, содержащимися в работах И.П. Зайцевой, Е.С. Кубряковой, О.В. Александровой, А.В. Зиньковской [1–3], где реализован подход к осмыслению драматургических текстов как к объектам прежде всего дискурсивного анализа.

Из большого количества определений дискурса при интерпретировании художественной драматургической речи, на наш взгляд, наиболее целесообразно принять понимание дискурса как «текста в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющего всё то, что существенно для порождения данного высказывания/текста в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [4].

В связи с тем, что «в драме с наибольшей непосредственностью и яркостью воплощаются коммуникативные начала речевой деятельности людей» [5], одним из компонентов дискурса является феномен речевого поведения (далее РП) персонажей, на рассмотрении которого целесообразно остановиться подробно. Под РП в современном драматургическом тексте мы понимаем осуществление действующим лицом в ходе ведения диалога «процесса выборки языка или языкового варианта для построения социально корректного высказывания» [6]. «Своими словами герои драматических произведений откликаются на развёртывание событий, а также воздействуют на их дальнейшее течение» [5].

В качестве рабочей гипотезы принимается положение, что анализ РП участвующих в диалоге персонажей будет способствовать выявлению их индивидуальных речеповеденческих особенностей – в частности их интенций, или коммуникативных намерений. Под коммуникативным намерением нами понимается «мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата коммуникации, направленность сознания на этот результат» [7, с. 254].

Цель публикации – анализ коммуникативно-речевого взаимодействия участвующих в диалоге персо-

нажей путём преимущественного применения метода дискурс-анализа. Данный метод анализа, представляющий собой «способ исследования, ориентированный на описание реальности речевой деятельности» [6, с. 95], выбран нами в связи с очевидной дискурсивностью драматургических произведений, о чём было сказано выше.

В процессе дискурсивного анализа, который подразумевает: 1) определение коммуникативной интенции конкретного высказывания/совокупности высказываний говорящих; 2) определение доминирующей и сопутствующей темы сообщения коммуникантов; 3) учёт связи слов, высказываний с психологическими, социальными, межличностными и др. факторами [8, с. 168–169] – предполагается проследить за речевым поведением двух персонажей пьесы, устанавливая при этом тип (характер) их диалогического взаимодействия, проявляющийся в отличительных особенностях их речи.

Материал и методы. Материалом исследования послужил текст современной пьесы М. Bartlett “Snowflake”, опубликованной в 2018 году [9]. В работе применялись следующие методы: наблюдения, обобщения, сопоставления, дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Коммуникативное взаимодействие персонажей в анализируемой пьесе мы рассмотрим на примере общения Natalie и Andy – коммуникантов, принадлежащих к разным поколениям, предполагая, что разница в возрасте определённым образом отразится как в речи персонажей, так и в их поведении в целом. Как и во многих современных пьесах, круг действующих лиц в анализируемой пьесе немногочислен: в списке три персонажа: Мауа, Natalie и Andy.

Действие пьесы происходит на Рождество – время, весьма подходящее для разного рода перемен и решения проблем. Молодые люди в пьесе показаны довольно эмоциональными, а также часто уклоняющимися от решения многих проблем. Так, Мауа переезжает в другой город и перестаёт поддерживать связь со своим отцом Andy из-за разговора, в котором он проявил неуважение к её взгляду на выход Великобритании из Европейского союза, который не совпал с его собственным мнением.

Так как в списке действующих лиц персонажи никак не характеризуются автором (сообщены только имена), сведения об их примерном возрасте, характере отношений и т.п. мы впервые узнаём из фрагмента авторской речи (ремарки), предваряющего собственно диалог между персонажами (пример 1); некоторые сведения подобного рода выясняются и из диалога пьесы (пример 2):

1) *There's movement behind the exterior door. Through the window, we can see a figure. It looks like a young woman.*

The door opens and she comes in.

A young woman, mid-twenties.

She's carrying a big box. Switches on the lights, and

we can see the hall more clearly now. Particularly a large banner which says 'Welcome Home';

The woman looks round, surprised.

As she comes into the room, the door shuts behind her.

Having heard this, ANDY runs in.

He stops when he sees her.

2) ANDY Oh.

NATALIE Hi.

ANDY Oh.

NATALIE Were you –

ANDY Sorry –

NATALIE I'm Natalie.

ANDY Natalie?

NATALIE Natalie yeah.

Were you expecting someone else? [9, с. 27–28]

Из процитированного фрагмента становится известно, что Natalie приходит в дом Andy, украшенный плакатом «Добро пожаловать домой» по случаю ожидания возвращения какого-то (вероятно, близкого и/или желанного) человека. О том, что персонажи ранее не встречались свидетельствует удивление Andy при виде девушки, переданное в его репликах междометием *oh* (употреблено дважды), а также переспросом имени гостя (*Natalie?*). Natalie является молодой девушкой примерно двадцатипятилетнего возраста: *...a figure. It looks like a young woman. A young woman, mid-twenties.* Что касается Andy, то по содержанию пьесы позже становится понятно, что он является старше, т.к. у него есть дочь возраста Natalie.

В данной сцене знакомства персонажей уже можно отметить несколько особенностей. Встречая Andy в первый раз, Natalie, в отличие от собеседника, обращается к нему весьма непринуждённо: *hi* (подобное приветствие уместно в общении с уже знакомым человеком или свидетельствует о фамильярном отношении Natalie к адресату). При этом использование стилистически маркированной лексики типа *hi*, *yeah* в высказываниях Natalie можно объяснить и её возрастом: “Hi ... (*informal*) used as an *informal* greeting, usually to people who you know”; “Yeah ... (*informal*) yes” [10]. Andy же при первом знакомстве, видя незнакомого собеседника, ведёт себя куда сдержаннее, что объясняется, в числе других факторов (психологических и т.п.), и значительно более старшим его возрастом.

Анализ нескольких последующих диалогических фрагментов, на наш взгляд, позволяет более конкретно установить характер диалогического взаимодействия в разговоре, придя в результате к выводам об особенностях РП (прежде всего – коммуникативных намерений) каждого говорящего. Остановимся на рассмотрении начального фрагмента беседы, который логично разделить на две части, разделяемые отмеченной в тексте паузой (*Beat*):

NATALIE Someone's been away then? Holiday? Prison?

ANDY No.

NATALIE When's everyone getting here? Bit late to start. Eight-fifteen already.

ANDY It's... not a party. I'm only surprising one person. It's just me and this other person.

NATALIE That's sweet.

ANDY And I'd rather when they get here we were alone so –

NATALIE Man? Woman?

ANDY So if that's okay?

NATALIE You...

Oh right you want me to go?

ANDY Just because this is a private thing, you understand?

NATALIE Oh. Yeah okay. I do. I get it.

Beat [9, с. 30].

Применяя метод дискурсивного анализа в ходе рассмотрения совокупности высказываний говорящих, мы можем отметить настойчивое желание Natalie узнать, для кого празднично украшен дом (кто ожидается в гости). Нацеленность на получение необходимой информации составляет доминирующую тему её высказываний, что находит отражение в высказываниях: эта тема последовательно развивается Natalie, начиная с первых двух реплик, где собеседнику задаются вопросы об ожидаемом госте и проявляясь во всё более сужающемся круге догадок, выражаемых в последующих вопросительных репликах (этой установкой можно объяснить как употребление неопределённых местоимений *someone, everyone*, так и существительных *man, woman*).

Анализ высказываний Andy в их совокупности отражает его уклончивое реагирование на вопросы собеседницы, продиктованные, вероятно, попыткой закрыть нежелательную для него тему разговора (что подтверждается и приводимым им аргументом о вмешательстве в его личную жизнь), ср., например: *Just because this is a private thing, you understand? / It's just me and this other person.* Коммуникативное намерение Andy – желание оставить личность гостя в секрете, находит отражение в использовании им следующих номинаций для его описания: *one person, this other person, they*. Как видно из ответов Andy, даже пол ожидаемого человека остаётся в неизвестности – ср.: “They... (3) used to refer to a single person whose gender is intentionally not revealed” [11]. Таким образом, можно прийти к заключению о несовпадении интенций коммуникантов в осуществляемом общении.

Установленная разница в возрасте отражается в особенностях речи коммуникантов и в последующем, причём в большей степени у Natalie. Для её РП характерно употребление преимущественно разговорных конструкций (эллиптических предложений, определённого рода вопросительных конструкций: *Oh right you want me to go? / Bit late to start*).

Речь Andy ориентирована преимущественно на норму, что выражается в использовании полных по составу предложений с прямым порядком слов: *It's... not a party. I'm only surprising one person. It's just me and this other person.*

Приводимый далее фрагмент диалога подтверждает и дополняет уже сделанные выводы:

NATALIE It's just Mum's got twenty people coming for lunch I don't know where she gets them from, half are family, a quarter are old people who'd be on their own and the other quarter, well, not a clue, she's mad but I said I would and now I'm here I might as well just pick it all up, if that's okay?

ANDY Will it take long?

NATALIE To collect it? Nah, I'll go in there, make a cup of tea, pack it up –

ANDY Wait –

NATALIE – get it out to the car. Twenty, twenty-five minutes can't see it / lasting longer than that.

ANDY A cup of tea?

NATALIE Half an hour? Yeah cup of tea it's really cold out there you been out there? Come on you don't have to do anything and when your mum gets here I'm sure she'll understand.

ANDY It's not my mum.

NATALIE Not your mum okay, ruling that one out –

ANDY Look, I –

NATALIE I might also have a wee at some point but once that's done and I have the stuff, this is all yours, to welcome that special person back into your life – man, woman or other, I'll be gone and you'll have the whole evening to do whatever you two want to do together.

ANDY It's not a relationship, it's not –

NATALIE Seriously dude I don't mind what you're doing it's your private business I respect the fact that it's a secret –

ANDY It's not a secret.

NATALIE Well you're not telling me so –

ANDY I don't know you.

NATALIE Let's not argue you're not telling me ergo secret on some level but that's fine whatever you get up to is okay with me so recap: In. Tea. Pack stuff. Possible wee. Gone. Deal?

A moment.

ANDY Just please be as quick as you can [9, с. 31–32].

Данный фрагмент диалога по ряду параметров обнаруживает сходство с рассмотренным ранее: инициатором общения остаётся Natalie, продолжая добиваться поставленной цели: узнать, кто собирается прийти в гости к Andy. Однако в данном случае можно отметить смену её речевой стратегии, на что, скорее всего и указывает ранее отмеченная между репликами в тексте пауза (*Beat*). Причина приостановки разговора, вероятно, связана с попыткой Natalie подобрать иную коммуникативно-речевую стратегию для достижения нужного ей результата общения. Понимая, что несколько «переборщила» со своей настойчивостью (её обращение к Andy уже начинает принимать форму допроса), Natalie отчасти переключается на другую тему. Это выражается в таких своего рода «уловках», как оригинальная самопрезентация (в виде подробного объяснения своего присутствия у Andy дома), сообщение о своих последующих действиях: *Nah, I'll*

go in there, make a cup of tea, pack it up и др. При этом доминирующей темой разговора остаётся выбранная изначально – ряд предположений в этом ключе озвучивается уже в форме утверждения: *...when your mum gets there ..., welcome that special person back into your life – man, woman or other...* Выбранная Natalie тактика оказывается достаточно успешной, о чём свидетельствуют реакции Andy на произносимое девушкой в форме несогласия: *It's not my mum / It's not a relationship*. Но при этом он продолжает придерживаться выбранной линии ведения разговора – нежелание посвящать в свою личную жизнь незнакомого человека: *I don't know you*.

Подводя итог рассмотрению РП коммуникантов, следует отметить, что и в обоих случаях индивидуальными особенностями в большей степени отличается речь Natalie. При этом в её высказываниях нередко проявляется бестактность, неуважение и т.п. (вплоть до самоуверенности и элементов хамства) по отношению к собеседнику – все средства оказываются приемлемыми для достижения поставленной цели: *Not your mum okay, ruling that one out*. Именно этим обусловлено наличие в речи Natalie стилистически сниженной лексики: *dude, mad, come on* и др.: “Dude ... (*mainly US slang*) man”; “Mad ... (*informal*) crazy” [10]; “Come on ... (*spoken*) to encourage someone to do something they do not much want to do” [12].

Ориентация же на норму в речи Andy проявляется в использовании преимущественно полных по составу предложений: *It's not a relationship / Will it take long?* Исключение составляют лишь некоторые его высказывания – как, например, проявление удивления, связанное с фамильярным поведением незнакомой ему девушки: *Wait / A cup of tea?* (в данном случае использованы разговорные конструкции – глагол в повелительной форме и неполное предложение с опущенными главными членами предложения).

Заключение. Таким образом, дискурс-анализ позволил выявить ряд особенностей РП персонажей, а именно: несовпадение их поведенческих, и как следствие – коммуникативно-речевых установок. Natalie настойчиво пытается получить необходимую ей информацию; Andy, в свою очередь, хочет побыстрее закончить разговор и расстаться с собеседницей (*Just please be as quick as you can*). Иначе говоря, в пьесе М. Bartlett “Snowflake” мы наблюдаем коммуникативно-речевое взаимодействие персонажей-«оппонентов»: на протяжении всего развития драматургического диалога каждый из них участвует в нём с целеустановками, отличными от намерений собеседника.

Принятый во внимание экстралингвистический контекст (ситуационные, социальные, психологические факторы), что предполагается при проведении дискурс-анализа, позволил более глубоко установить и описать речевую манеру коммуникантов. Учёт дискурсивных характеристик (особенности психологии, принадлежность к разным поколениям и т.п.) позволил выявить характерные различия в речевой манере

персонажей. Так, свойственная Natalie фамильярность и бестактность даже в общении с незнакомым человеком, малознакомому и значительно старше её по возрасту, назойливость и т.п. проявляются в отсутствие стеснения как в действиях, так и в выражениях: *you're not telling me ergo secret; I might also have a wee at some point* и др.; активное использование сниженных слов и выражений; характерных для разговорной речи синтаксических конструкций. Показательным признаком речевой манеры Natalie являются и перебивы, выраженные в тексте графическим знаком (–) – указания автора-драматурга к прочтению (для режиссёра – к постановке) на перебив реплики говорящего коммуниканта, т.е. на вмешательство в его речь собеседника. Всё это придаёт речи Natalie большую – по сравнению с речью её собеседника – индивидуальность.

Речь Andy – персонажа-«оппонента» Natalie, – как и его поведение, преимущественно ориентированы на нормы: это проявляется в его достаточно вежливом реагировании на чрезмерное любопытство Natalie; в характере объяснения причины нежелания выдать незнакомке запрашиваемую информацию, ср., например: *...because this is a private thing / I don't know you / So if that's okay?* – и иных элементах его речи, в большинстве своём соответствующих нормативному употреблению.

Литература

1. Зайцева, И.П. Поэтика современного драматургического дискурса: монография / И.П. Зайцева. – Изд. 2-е. перераб. и доп. – Луганск: Альма-матер, 2002. – 332 с. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/33838> (дата обращения: 05.11.2022).
2. Кубрякова, Е.С. Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. – 2008. – Т. 67, № 4. – С. 3–10.
3. Зиньковская, А.В. Драматургический дискурс: теоретические и прикладные аспекты интерпретации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.В. Зиньковская; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2015. – 40 с.
4. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова; редкол.: Г.А. Копнина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – 852 с.
5. Хализев, В.Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование) / В.Е. Хализев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 260 с.
6. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
7. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Скородникова, Е.Н. Ширяева. – М., 2003. – 840 с.
8. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
9. Bartlett, M. Snowflake / M. Bartlett. – London: Nick Hern Books Limited, 2018. – 80 p.
10. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/>. – Date of access: 10.11.2022.
11. They [Electronic resource]: Merriam-Webster Dictionary. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/they>. – Date of access: 10.11.2022.
12. Come on [Electronic resource]: Collins. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/come-on>. – Date of access: 10.11.2022.

Поступила в редакцию 26.12.2022

КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО (аналитический обзор материалов международной научно-практической конференции «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества»)

Человечество стало носителем и свидетелем невероятного научного прогресса, с внедрением информационных технологий во все сферы жизни общества. Все это сближает народы, делает мир взаимозависимым. Вместе с тем нивелировка культурных различий, стандартизация общественной и духовной жизни, нарастание манипуляционного воздействия СМИ и массовой культуры приводят к переоценке традиционных ценностей. Этой теме была посвящена международная научно-практическая конференция «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества», проведенная 2 декабря 2022 года на базе кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, при поддержке Министерства образования Республики Беларусь, участия Института философии НАН Беларуси и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет».

География территориального представительства прошедшего научно-практического мероприятия достаточно широка. Среди участников ученые университетов и институтов Минска, Витебска, Гомеля, Могилева, Жодино, Москвы, Саратова, Самары, Смоленска, Королева, Краснодар, Пензы, Челябинска, Глазова, Сарапула, Горно-Алтайска, Душанбе. В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели высших и средних учебных заведений, студенты, магистранты Беларуси, Российской Федерации и Республики Таджикистан (всего 106 участников, из них 33 зарубежных).

В рамках проблемного поля конференции рассмотрен широкий спектр философско-методологических, экономических, социально-политических и культурологических проблем культурно-цивилизационного кризиса в условиях информационного общества.

Концептуальные параметры конференции были обозначены по следующим направлениям: 1. Информатизация как фактор трансформации политических, социокультурных и ценностных оснований социума. 2. Философское осмысление культурно значимых символов в условиях нарастающих глобализационных процессов. 3. Проблемы цивилизационной и национальной идентичности в глобализирующемся мире.

Традиционные ценности как основа сохранения национальной идентичности и культурной безопасности. 4. Сохранение исторической памяти в фокусе информационной войны. 5. Духовный мир современной молодежи и особенности ее социализации в условиях информационного общества. 6. Пути и механизмы противодействия новым вызовам и угрозам современного мира. 7. Формирование патриотизма молодежи, готовности к созидательной деятельности и защите Отечества. 8. Место и роль образования и культуры в обеспечении духовной безопасности. 9. Социально-гуманитарные знания и человек в пространстве современного информационного общества.

Пленарное заседание открыл проректор по научной работе ВГУ имени П.М. Машерова доктор педагогических наук, профессор Аршанский Евгений Яковлевич, отметивший, что обсуждение вопросов, включенных в программу конференции, свидетельствует об их актуальности. Защита культурного достояния и цивилизационно-культурной самобытности – это первейшая задача общества. Культурная безопасность – важное условие сохранения культурного кода этноса, поэтому очень важно строить культурную политику на основе четких, ясных представлений и идеалов.

С содержательными докладами по различным аспектам обсуждаемой проблематики выступили: Баньковская Юлия Леонидовна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, кандидат философских наук доцент (г. Минск, Республика Беларусь); Лизунова Галина Юрьевна, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», кандидат философских наук (г. Горно-Алтайск, Российская Федерация); Сухина Игорь Григорьевич, профессор кафедры философии ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», доктор философских наук; Купченко Константин Владимирович, доцент кафедры гуманитарных и математических наук Смоленской государственной сельскохозяйственной академии, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте

России, кандидат исторических наук; Никитина Наталья Владимировна, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Смоленск, Российская Федерация); Балаклеец Наталья Александровна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, кандидат философских наук (г. Самара, Российская Федерация); Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук (г. Витебск, Республика Беларусь).

Доцент кафедры международного права и прав человека института права и управления МНПУ, кандидат юридических наук Бурьянов Сергей Анатольевич и эксперт молодежной группы стран СНГ МСЭООН (ITU UN), эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации Бурьянов Максим Сергеевич представили свое видение в поиске эффективных подходов к преодолению глобальных вызовов. Было подчеркнуто, что цифровая трансформация глобального общества и появление новых угроз международной безопасности требуют существенного развития международного права, основанного на приоритете прав человека. Одним из ключевых условий преодоления глобального кризиса информационной цивилизации они видят в правовом закреплении и реализации нового поколения глобальных цифровых прав человека.

В докладе доцента кафедры психологии Белорусского национального технического университета, члена-корреспондента Международной академии технического образования, кандидата педагогических наук, Дронь Михаила Ивановича было отмечено, что в Республике Беларусь создано и действует информационное право как важнейшая система правового регулирования информационного взаимодействия в социуме. Цифровизация права и правовой деятельности пойдет по пути создания систем искусственного интеллекта, обеспечивающих регулирование правовой деятельности и решение правовых вопросов на основе созданных компьютерных алгоритмов и программ.

О роли информационных технологий в функционировании политических институтов говорилось в докладе Э.И. Рудковского, доцента кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидата философских наук, который отметил, что информационное общество создает условия для формирования зрелого гражданского общества, появляются особые формы общения между людьми, минуют посредничество государственных органов и различных социальных институтов. В то же время нельзя не видеть, что в странах так называемого коллективного Запада информационные технологии становятся мощным средством манипулирования сознанием людей и подавления инакомыслия. Крупные интернет-корпорации

имеют возможности устанавливать соответствующие фильтры, чтобы перекрыть доступ к нежелательной политической информации, и это становится серьезной проблемой современного социума.

Теме героизма было посвящено выступление доцента Н.А. Балаклеец, и отмечено, что героизм относится к социально значимым феноменам, которые сохранили свою актуальность в условиях трансформации ценностно-смысловых ориентиров развития современного общества. Несмотря на широкое распространение установок индивидуализма, гедонизма, нарциссизма в массовом сознании, современная культура продолжает порождать образцы и модели для подражания, чему следует активно способствовать, тема героизма должна стать востребованной в условиях постгероического общества.

Специфике положению молодежи в современном обществе было посвящено выступление Захаровой Натальи Евгеньевны, заведующего отделом социальной экологии и биоэтики Института философии Национальной академии наук Беларуси. Подчеркивалась необходимость в критическом осмыслении теоретических разработок и рекомендаций в области совершенствования молодежной политики, созданных в предыдущем социокультурном контексте, а также в определении специфики, условий и механизмов оптимизации социально-культурной интеграции молодежи в обществе перед лицом культурных, технологических, экологических и информационных вызовов и разработать технологию формирования и реализации молодежной политики.

Живой интерес и открытую дискуссию вызвал доклад К.В. Купченко и Н.В. Никитиной, в котором на основе архивных документов была представлена политика уничтожения мирного населения на территории Смоленской области в период нацистской оккупации в 1941–1943 годы.

Теме Великой Отечественной войны как событию общего прошлого в исторической памяти белорусов и россиян было посвящено выступление Ракачева Вадима Николаевича, профессора социологии Кубанского государственного университета, доктора исторических наук и Ракачева Дмитрия Николаевича, доцента кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета, кандидата исторических наук. Выступающие представили результаты социологического исследования среди представителей молодого поколения студенческой молодежи двух стран на предмет знаний о Великой Отечественной войне. Было отмечено, что Великая Отечественная война имеет значительный отклик и эмоциональную окраску у молодых людей двух стран, вызывая такие чувства, как волнение, сопереживание, сожаление о жертвах и неприятие войны в целом как явления.

Особое внимание в многочисленных выступлениях участников конференции было уделено проблеме национально-культурной идентичности в глобализирующемся обществе. Было подчеркнуто, что вслед-

ствие усиления региональной дифференциации, большинство локальных социумов предстало перед острой необходимостью формирования и утверждения своей культурно-цивилизационной идентичности, чтобы не оказаться на геополитической периферии, в социально-экономической и культурно-информационной изоляции (доцент, кандидат философских наук Колядко Илья Николаевич), в основе национальной идентичности должна лежать система исторически сложившихся традиционных ценностей (доцент, кандидат исторических наук Давлятова Елена Валентиновна), а формировать, развивать и укреплять гражданскую идентичность необходимо еще со школьного возраста (доцент Писаный Денис Михайлович). Эту же позицию представила в своем докладе Г.Ю. Лизунова, указав, что на развитие самосознания личности с детских лет оказывают влияние социальное окружение, культура, традиции, язык родителей, и формировать этническую идентичность следует еще раньше, с дошкольного возраста.

В докладе заведующего кафедрой социального управления Белорусского национального технического университета, доктора исторических наук, профессора Семеновой Людмилы Николаевны дан сравнительный анализ духовных ценностей западного мира и восточнославянской цивилизации, был сделан вывод, что залогом настоящего и будущего развития Республики Беларусь должны стать культурные и духовные ценности многовековой истории.

Несомненная научная новизна и практическая значимость характерна для докладов, в которых обсуждаются актуальные проблемы формирования патриотизма молодежи, готовности к созидательной деятельности и защите Отечества, мотивационные установки современной молодежи в условиях информатизации (заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Технологического университета имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова, доктор социологических наук, профессор Кирилина Татьяна Юрьевна (г. Королев, РФ); доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат

философских наук, доцент Комаровская Анастасия Сергеевна (г. Минск); доцент кафедры «Общая биология и биохимия» Пензенского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент Васина Ольга Николаевна (г. Пенза, РФ); доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко, кандидат исторических наук, доцент Кабирова Ирина Алексеевна; студенты 3-го курса Цыганов Олег Игоревич, Шакиров Руслан Булатович, студент 3-го курса Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (г. Глазов, РФ); учитель ГУО «Средняя школа № 32 г. Могилева» Григорук Элла Владимировна).

При подведении итогов конференции участниками была отмечена большая научно-практическая значимость докладов, заслушанных на форуме, хорошая организация мероприятия и оперативная публикация материалов конференции.

Участниками конференции был принят ряд решений, касающихся дальнейшего сотрудничества и изучения данной темы:

1. Продолжить работу по исследованию темы «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества».

2. Укрепить научные связи с учеными стран ближнего и дальнего зарубежья, осуществлять поиск форм межвузовской кооперации.

3. Продолжить регулярный обмен мнениями по следующим проблемам:

– традиционные ценности как основа сохранения национальной идентичности и культурной безопасности;

– духовный мир современной молодежи и особенности ее социализации в условиях информационного общества;

– пути и механизмы противодействия новым вызовам и угрозам современного мира.

4. Стимулировать рост научных исследований студентов, магистрантов и молодых преподавателей в области изучения проблемы интерпретации исторического наследия Беларуси.

*Е.В. Давлятова,
кандидат исторических наук, доцент*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВИЧ Евгений Викторович – аспирант кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова.

БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «БГАТУ», кандидат философских наук, доцент.

БАРТОШ Юлия Васильевна – доцент кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова.

БЕЗДЕЛЬ Вероника Евгеньевна – заместитель директора Международного университета «МИТСО», кандидат исторических наук, доцент.

БОГДАНЕНКОВ Александр Сергеевич – магистрант кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова.

БУБЕНЬКО Татьяна Станиславовна – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ВАРДОМАЦКИЙ Леонид Михайлович – заместитель декана факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

ВЕЛИЧКО Нина Веньяминовна – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ДИНЬКЕВИЧ Алевтина Владимировна – доцент кафедры романо-германской филологии УО «МГУ имени А.А. Кулешова», кандидат филологических наук.

ДОРОФЕЕНКО Марина Леонидовна – докторант кафедры русского языка БГУ.

ДУБИНКИНА Александра Олеговна – преподаватель кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова.

ЕЛИЗАРОВ Сергей Александрович – профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин УО «ГГТУ имени П.О. Сухого», доктор исторических наук, профессор.

ЗИМАНСКИЙ Вадим Эдгарович – доцент кафедры языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

КОВРЫГА Виктория Михайловна – преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова.

ЛУЗГИНА Ирина Олеговна – магистрант кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова.

МА Лун – преподаватель кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова.

МЕЗЕНКО Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор.

МУЖЕЙКО Ирина Анатольевна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Международного университета «МИТСО», кандидат филологических наук.

МУНИР Антониус Самир – аспирант кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова.

МУРАТОВА Елена Юрьевна – профессор кафедры общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук, профессор.

НЕКРАШЕВИЧ Филипп Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь.

ОКСЕНЧУК Анна Евгеньевна – заведующий кафедрой литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

ПИВОВАР Николай Васильевич – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ПИМЕНОВА Марина Владимировна – ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского», член-корреспондент САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, почетный доктор ВА МТО, почетный профессор Чжэнчжоуского и Лоянского университетов.

РУДКОВСКАЯ Елена Эдвардовна – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

РУДКОВСКИЙ Эдвард Иосифович – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

САВАТЕЕВА Дарья Владимировна – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени БГУ.

САДЖАДИ Дана – аспирант кафедры международных отношений БГУ.

СЛЕСАРЕВА Татьяна Петровна – заведующий кафедрой языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

СЛИЖ Наталья Владимировна – корреспондент Гродненской региональной газеты «Перспектива», кандидат исторических наук, доцент.

ТИМОФЕЕВ Ростислав Владимирович – доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ТОЛКАЧЁВА Кристина Юрьевна – аспирант кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова.

ЧАРОТА Владимир Иванович – докторант отдела взаимосвязей литератур Института литературоведения имени Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, кандидат филологических наук.

ЧЕРКАСОВ Дмитрий Николаевич – старший научный сотрудник кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ALKSEYEVICH Yevgeni Viktorovich – VSU Department of Literature postgraduate student.

BANKOVSKAYA Yuliya Leonidovna – Assistant Professor of BSATU Department of Social and Humanitarian Disciplines, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

BARTOSH Yuliya Vasilyevna – Assistant Professor of VSU Department of World Languages.

BEZDEL Veronika Yevgenyevna – Deputy Head of International University MITSO, PhD (History), Assistant Professor.

BOGDANENKOV Aleksandr Sergeyeovich – VSU Department of Literature master student.

BUBENKO Tatyana Stanislavovna – Assistant Professor of VSU Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

VARDOMATSKY Leonid Mikhailovich – Deputy Dean of VSU Faculty of Humanities and Language Communications, PhD (Philology), Assistant Professor.

VELICHKO Nina Venyaminovna – Assistant Professor of VSU Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

DINKEVICH Alevtina Vladimirovna – Assistant Professor of Mogilev State University Department of Romanic and Germanic Philology, PhD (Philology).

DOROFYENKO Марина Leonidovna – doctoral student of BSU Department of the Russian Language.

DUBINKINA Aleksandra Olegovna – teacher of VSU Department of World Languages.

ELIZAROV Sergei Aleksandrovich – Professor of GSTU Department of Social-Humanitarian and Legal Disciplines, Dr.Sc. (History), Professor.

ZIMANSKI Vadim Eldarovich – Assistant Professor of VSU Department of Linguistics, PhD (Philology), Assistant Professor.

KOVRYGA Viktoriya Mikhailovna – teacher of VSU Department of Germanic Philology.

LUZGINA Irina Olegovna – VSU Department of History and Cultural Heritage master student.

MA Long – VSU Department of World Languages teacher.

MEZENKO Anna Mikhailovna – Dr.Sc. (Philology), Professor.

MUZHAIKO Irina Anatolyevna – Assistant Professor of International University MITSO Department of Foreign Languages and Cross-Cultural Communications, PhD (Philology).

MOUNIR Antonius Samir – VSU Department of Germanic Philology postgraduate student.

MURATOVA Elena Yuryevna – Professor of VSU Department of General and Russian Linguistics, Dr.Sc. (Philology), Professor.

NEKRASHEVICH Filip Anatolyevich – PhD (History), Assistant Professor of Academy of MIA of the Republic of Belarus Department of Philosophy and Ideological Work.

OKSENCHUK Anna Evgenyevna – Head of VSU Department of Literature, PhD (Philology), Assistant Professor.

PIVOVAR Nikolai Vasilyevich – Assistant Professor VSU Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

PIMENOVA Marina Vladimirovna – Rector of P.P. Semenov-Tian-Shanski International Humanitarian University, Correspondent Member of SASc, Dr.Sc. (Philology), Professor, VA MTO Honorable Doctor, Honorable Professor of Chenjou and Loyang Universities.

RUDKOVSKAYA Elena Edvardovna – Assistant Professor of VSU Department of Philosophy and Social Sciences, PhD (Education), Assistant Professor.

RUDKOVSKY Edvard Iosifovich – Assistant Professor of VSU Department of Philosophy and Social Sciences, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

SAVATEYEVA Darya Vladimirovna – BSU Department of History of New and Newest Times postgraduate student.

SAJADI Dana – BSU Department of International Relations postgraduate student.

SLESAREVA Tatyana Petrovna – Head of VSU Department of Linguistics, PhD (Philology), Assistant Professor.

SLIZH Natalya Vladimirovna – Grodno Region Newspaper “Perspective” reporter, PhD (History), Assistant Professor.

TIMOFEYEV Rostislav Vladimirovich – Assistant Professor of VSU Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

TOLKACHEVA Kristina Yuryevna – VSU Department of World Languages postgraduate student

CHAROTA Vladimir Ivanovich – doctoral student of Department of Literature Interconnections of Yanka Kupala Institute of Literature Studies Center for Belarusian Culture, Language and Literature Studies of the NASc of Belarus, PhD (Philology).

CHERKASOV Dmitry Nikolayevich – Senior Researcher of BSU Department of History of Ancient World and Middle Ages, PhD (History), Assistant Professor, doctoral student of BSU Department of History of Ancient World and Middle Ages.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 36

Компьютерный дизайн Л.В. Рудницкая
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 30.12.2022. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,55. Уч.-изд. л. 23,53. Тираж 50 экз. Заказ 265.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.